

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ И КРЫМ

СИМФЕРОПОЛЬ
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ КФУ
2020

ББК 63.3(2Рос.Кры)449
УДК 94(470+571)
Р76

Издание подготовлено в рамках Государственного задания Минобрнауки Российской Федерации № FZEG-2017-0013 по теме «Российская империя и Крым: основные проблемы, концепции, понятия»

РЕДАКТОРЫ:

канд. ист. наук Д. В. Конкин
канд. ист. наук Н. И. Храпунов

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Загидуллин Ильдус Котдусович, доктор исторических наук, заведующий отделом новой истории Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
Кондратюк Григорий Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»
Могаричев Юрий Миронович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой социального и гуманитарного образования ГБОУ ДПО РК «Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования»

Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № 1 от 5 марта 2020 г.

Р76 **Российская империя** и Крым / [Д. В. Конкин, Н. И. Храпунов, Д. А. Прохоров и др.] ; под ред. Д. В. Конкина, Н. И. Храпунова. – Симферополь : Издательский дом КФУ, 2020. – 416 с.
ISBN 978-5-9908084-8-5

В книге представлены результаты изучения различных аспектов взаимоотношений Российской империи и Крыма в конце XVIII – начале XX в. Полтора столетия пребывания Крыма в составе империи стали уникальным опытом интеграции национальной окраины и ее жителей в состав огромного поликультурного государства. Анализ широкого круга источников и критическое использование результатов отечественных и зарубежных исследований позволил авторам представить разные грани жизни Крыма в общероссийском и международном контексте. Предложены оригинальные интерпретации дискуссионных моментов истории полуострова, вызывавших концептуальные разногласия в отечественной и зарубежной историографии и наложивших существенный отпечаток на современное развитие Причерноморского региона.

Для профессиональных исследователей, преподавателей и студентов-историков, а также всех интересующихся историей России и Крыма.

ББК 63.3(2Рос.Кры)449
УДК 94(470+571)

ISBN 978-5-9908084-8-5

© Конкин Д. В., Храпунов Н. И.,
Прохоров Д. А., Катюшин А. Е.,
Гринь И. А., Третьякова А. О., текст, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
--------------------------	---

Д. В. Конкин, Н. И. Храпунов

В НАЧАЛЕ ИМПЕРСКОГО ПУТИ	17
---------------------------------------	----

Формирование органов государственной власти в Крыму:
административно-территориальные и институциональные
изменения .....

.....	19
-------	----

Д. В. Конкин

«Азиатский мираж» и будущее Крыма:

проекты западных интеллектуалов	57
---------------------------------------	----

Н. И. Храпунов

КРЫМ В КОНТЕКСТЕ ФРАНКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

РУБЕЖА XVIII—XIX ВВ.	75
-----------------------------------	----

Французский след в региональной политике	77
--	----

Д. В. Конкин

«Крымские проекты» приближенных Наполеона	97
---	----

Н. И. Храпунов

ЛОГИКА ИМПЕРСКОЙ СИТУАЦИИ

В ЛОКАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ	119
------------------------------------	-----

Землеустроительные комиссии	121
-----------------------------------	-----

Д. В. Конкин

Этноконфессиональные общины.....	165
----------------------------------	-----

Д. А. Прохоров

ОБРАЗЫ ПОЛУОСТРОВА	217
---------------------------------	-----

Эдвард Кларк, Реджинальд Хебер и формирование
представлений о Крыме в культуре Запада.....

.....	219
-------	-----

Н. И. Храпунов

Крымские древности глазами западноевропейских
путешественников конца XVIII – начала XIX в. 241
Н. И. Храпунов

ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ КОНФЛИКТЫ XIX В. 259

Крымская война 1853–1856 гг.: аспекты тыловой жизни
на периферии театра военных действий 261
А. Е. Катюшин

Еврейские погромы и общественное мнение
Таврической губернии 309
Д. А. Прохоров

КРИЗИСЫ НАЧАЛА XX В. 321

Политическая борьба и революционные события 1905–1907 гг. 323
Д. А. Прохоров

Крым в годы Первой мировой войны 345
Д. А. Прохоров

ПРИЛОЖЕНИЕ

НОВЫЕ СТАРЫЕ ИСТОЧНИКИ 371

Отрывок из биографии Шарля Нассау-Зигена (1786–1787 гг.) 373
Перевод И. А. Гринь, А. О. Третьяковой

«Общий обзор переселения крымских татар» (1860–1861 гг.).
Записка для императора Александра II о положении дел в Крыму 405
Публикация Д. В. Конкина

СОКРАЩЕНИЯ 413

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 415

ПРЕДИСЛОВИЕ

Д. В. Конкин, Н. И. Храпунов

Крым – регион, важнейший для России не только в геополитическом смысле, но и с точки зрения национального самосознания. В общественном мнении закреплено представление о том, что именно в Крыму князь Владимир принял крещение, тем самым приобщив Русь к цивилизации. Две обороны Севастополя стали примером жертвенности и героизма многонационального народа России. Культурные связи, воплотившиеся в крымских работах П. И. Сумарокова и С. С. Боброва, А. С. Пушкина и А. П. Чехова, И. К. Айвазовского и Н. С. Самокиша, А. И. Куприна и Б. А. Лавренева, М. А. Волошина и А. А. Ахматовой, И. А. Бродского и В. С. Высоцкого, В. П. Аксенова и других классиков литературы и искусства, сделали Тавриду неотъемлемой частью представлений россиян о себе, о месте своей страны в мире и ее исторической миссии. Формирование этих идей началось после присоединения полуострова в 1783 г. Прежде воспринимавшийся как чужая, враждебная земля, находившаяся под властью непримиримого врага – крымского хана, полуостров быстро превратился в часть Родины, дополнив ее образ новыми чертами – живописным средиземноморскими пейзажами и восточной (исламской) романтикой, памятниками археологического наследия древней Греции и православными святынями, напоминающими о византийском прошлом [Зорин 1998; Sasse 2007: 67–74].

Почти полтора столетия жизни в составе Российской империи дали уникальный опыт интеграции национальной окраины и ее жителей в структуру империи, который впоследствии не без успеха применялся в других национальных регионах России. Крымский опыт показал, что управление регионом, жизнь которого основывалась на иных правовых, социальных и экономических принципах, вынуждало государство одновременно решать текущие административные задачи, изучать прежде мало знакомую страну и вносить коррективы в свои действия, исходя из полученного опыта и собранных научных данных. Приходилось применять временные («транзитные» или «гибридные») структуры управления, использующие представителей местной элиты, обладавших знанием локальной ситуации, и традиционные юридические институты и принци-

пы в новых имперских реалиях. Одновременно имперская администрация стремилась довести до местных жителей, что ситуация радикально изменилась, и существовать в парадигмах прошлого больше не получится. В свою очередь, представители различных этноконфессиональных и сословных групп искали свое место в новой жизни, используя официальные возможности для легализации личного статуса (например, доказывая свое дворянство или записываясь в купеческие гильдии), продвижения в социальной структуре империи (поступление на военную или гражданскую службу), улучшения экономического положения (открытие новых предприятий или злоупотребление недостатками государственного регулирования прав собственности на землю), а также добиваясь от империи беспрецедентных групповых льгот для отдельных общин. Те же, кто не смог или не захотел приспособиться к новым реалиям, выбирали путь эмиграции, переселяясь в религиозно и культурно близкие провинции Османской империи [Проблемы интеграции 2017].

Несмотря на бесспорные успехи, достигнутые историографией за последние сто с лишним лет, в изучении Крыма в контексте Российской империи до сих пор остается большой и по-прежнему нереализованный потенциал. В столичных и провинциальных архивах хранятся богатейшие коллекции источников, которые постепенно вводятся в научный оборот. В последние годы, в особенности благодаря проектам российских научных фондов, появилось больше возможностей для работы в западноевропейских архивах, библиотеках, музейных собраниях. Развитие электронных технологий значительно облегчило не только копирование печатных материалов, но и позволило пользоваться разнообразными базами данных, включающими современные и старые публикации. Совершенствуется методический инструментарий. Так, например, развитие культурной антропологии и изучения истории национальных движений фактически «похоронило» понятие этноса, которое в годы нашего обучения в университете являлось ключевым в этнологии [Тишков 2003]. В последние десятилетия российская гуманитарная наука открыла для себя историческую имагологию с ее богатейшим набором методов, позволяющих изучать различные варианты образа Другого и, в частности, превратить записки многочисленных путешественников по Востоку Европы в источник для изучения исключительно разнообразных аспектов интеллектуальной истории [The Cambridge Companion 2002; Белов 2018: 519–538]. Нет сомнений, применение всего комплекса выработанных гуманитарными дисциплинами

новых подходов и методов к крымскому материалу не только позволяет взглянуть по-новому на ряд старых вопросов истории региона (административной политики, экономики или межнациональных отношений), но и способно открывать прежде неисследованные грани общей темы. В результате, несмотря на все сложности идеологического характера, в последние годы появились исследования, показавшие новые, прежде неисследованные направления для изучения Крыма в контексте глобальных проблем Российской империи и международной политики [например: Зорин 2004; Орехов 2017; Ададунов 2018]. Опубликованы важнейшие документы по истории региона [например: Загидуллин 2016; Крым 2018; Присоединение Крыма 2019]. Но, к величайшему сожалению, история Крыма до сих пор остается полем для так называемых «войн памяти», целью которых является не выяснение истины, но навязывание своей политизированной и идеологизированной точки зрения, зачастую имеющей мало общего с результатами научного исследования.

События 2014 г. актуализировали изучение исторического опыта взаимодействия центральных властей России с одной стороны и отдельных лиц, институтов, социальных слоев и общин Крыма с другой, сделав исследование различных сюжетов из истории полуострова популярным предметом публикаций отечественных и зарубежных коллег. Оценки нахождения Крыма в составе Российской империи сильно отличаются. Разные ветви историографии – российская дореволюционная, советская, национальная крымско-татарская, украинская, современная западная и нынешняя российская – порой формируют совершенно разные представления исторического прошлого Крыма. Большинство работ современных украинских, западноевропейских и североамериканских коллег исходят из презумпции негативного влияния России на жизнь национальных окраин. Фактически, именно они создают общественное мнение о крымской проблеме в глазах зарубежного читателя научной и популярной литературы. Для этого они, несколько парадоксальным образом, используют богатейший опыт обвинений в адрес царского режима, сформированный советской историографией. Наоборот, современная российская историография (та ее часть, что принадлежит к так называемому «патриотическому» направлению) зачастую становится апологией деятельности царской власти по административному, хозяйственному, культурному освоению края, не замечая очевидных проблем и ошибок.

К сожалению, в последние годы пространство диалога между отечественными с одной стороны и украинскими и западными исследо-

вателями истории Крыма с другой значительно сузилось. В результате событий 2014 г. вместо диалога историков возникла борьба дискурсов, обвиняющего Россию и идеализирующего ее, в которой в принципе не планируется постепенное приближение к истине через дискуссию. Формируются два полярных нарратива – в одном из них овладение Крыма становится важнейшей исторической миссией России, к которой она последовательно шла на протяжении столетий, а присоединение к империи принесло жителям полуострова счастье и процветание. В альтернативном варианте Крымское ханство предстает как идеальное государство, отвечающее всем представлениям даже не XVIII, а начала XXI в., Россия – как архетипичный агрессор и угнетатель, а захват Крыма становится крупнейшей катастрофой для жителей полуострова, принесшей неисчислимые жертвы. Разумеется, в прошлое проецируются современные представления о русской, украинской или крымско-татарской нации, которые в XVIII в. еще не существовали. Характерно, что обе стороны используют одинаковый набор приемов построения текста. В качестве основы берутся классические повествовательные схемы с более-менее традиционным набором событий и фактов, где особое внимание уделяется правителям, войнам и другим «масштабным» вещам. При наличии изначально заданной цели критика источников и комплексный анализ ситуации не нужны: достаточно придать давно известному нарративу нужное идеологическое обрамление, опустив неудобные и не соответствующие трактовке факты и обстоятельства [см. например: Конкин, Храпунов 2015].

Вот два конкретных примера, когда научная добросовестность вольно или невольно стала жертвой политизированного мышления. В недавней монографии американской исследовательницы М. Козелски о воздействии Крымской войны на жизнь гражданского населения полуострова главными и едва ли не единственными жертвами объявлены крымские татары [Kozelsky 2018]. Несомненно, война оказалась катастрофой для региона и его жителей, а одним из негативных последствий стала массовая эмиграция крымских татар. Но разве не были жертвами войны русские, армяне, болгары, немцы, караимы, евреи и другие жители многонародного Крыма? Потому отказ в углубленном исследовании их травматичного опыта, как индивидуального, так и коллективного, по сути дела, лишает эти общины «права на трагедию». Другой пример взят из альтернативного историографического направления. Известный российский историк В. С. Лопатин внес большой вклад в изучение

деятельности Григория Потемкина. В последней монографии, суммирующей результаты долгих исследований, автор рисует образ Светлейшего князя как рыцаря без страха и упрека, не совершавшего ни ошибок, ни действий, сомнительных в моральном отношении [Лопатин 2018]. Тем самым противоречивая историческая личность превращается в гротескного положительного персонажа, полную противоположность исключительно отрицательному образу, созданному во множестве отечественных и зарубежных исследований. По иронии, сам исследователь убедительно деконструировал этот «негативный дискурс», раскрыв его зависимость от стереотипов, заблуждений и даже умышленного искажения фактов в работах авторов XVIII в. [Лопатин 2012].

Многие стереотипы и связанная с ними риторика, характеризующие действия России в Крыму, сформировались еще в конце XVIII–XIX вв. Таково, например, представление об эпохе Крымского ханства как «золотом веке» в истории полуострова, безжалостно уничтоженном русскими завоевателями [Храпунов, Храпунова 2020]. Следствием этого является интерпретация трудностей, неизбежных при интеграции региона с иной культурой, как целенаправленной политики репрессий и дискриминаций в отношении местного населения. Подобные рассуждения характерны не только для западной риторики, но и для антироссийски настроенных представителей крымско-татарского движения, выстраивающих нарратив национальной истории как противоборство с империей – в буквальном смысле воплощением зла. Одним из проявлений подобного дискурса являются обвинения России в сознательном и нерациональном уничтожении культурного наследия, в основе которых нередко лежат попытки прикрасить собственные действия по вывозу на Запад археологических коллекций [Орехов 2017; Храпунов 2016]. Эта проблематика актуализировалась после того, как украинские власти предъявили претензии на вещи из археологических собраний крымских музеев, законным образом переданные на временную выставку в Амстердаме. Судебный процесс продолжается: остается лишь надеяться на мудрость нидерландского суда, во власти которого восстановить справедливость и вернуть бесценные реликвии в Крым [последнее на сегодняшний момент решение: *Gerechtshof Amsterdam* 2019]. Но в данном случае показательна риторика украинской стороны, а также ее западных покровителей, в том числе исследователей и музейных работников, порой забывающих не только о корпоративной солидарности, но и о девятой заповеди. На многочисленных проукраинских интернет-ресурсах

(*nomen illes legio*, так что не будем приводить ссылки) регулярно льются «крокодиловы слезы» о памятниках, музеях и коллекциях Крыма, зачастую с использованием обвинений в адрес России в уничтожении культурного наследия, выстроенных по лекалам двухсотлетней давности. Цинизм подхода еще и в том, что до 18 марта 2014 г. судьба этого наследия украинскую сторону волновала, по большей части, в другом смысле – достаточно вспомнить коллекции некоторых президентов или олигархов, а также беспрецедентный масштаб нелегальных раскопок.

Возвращаясь к истории Крыма в эпоху Российской империи, отметим, что проблема включает ряд плохо изученных аспектов, влияющих на общее представление о ситуации. В большинстве случаев зарубежные исследовательские проекты основаны на анализе, прежде всего, хорошо известных материалов из российских и крымских архивов. Конкурентным преимуществом российских исследователей Крыма является не только возможность доступа к малоизвестным документам из архивных и музейных собраний, но и богатые традиции изучения полуострова, сформировавшиеся в отечественной науке за полтора века. Конечно, в рамках одного исследовательского проекта невозможно отыскать пути решения всех проблем в истории Крыма периода империи. Потому авторы некоторых разделов суммировали наработки историографии по отдельным аспектам общей темы и наметили пути для дальнейшей работы. В других разделах предложены оригинальные разработки малоизученных, но важных вопросов.

Специфика крымской ситуации в том, что регион практически всегда был окраиной, входившей в сферу интересов нескольких внешних акторов. В Новое время Причерноморье было зоной конкуренции Российской, Османской, Австрийской, Французской, Британской империй. За Крым вели борьбу альтернативные национальные проекты – русский, украинский, крымско-татарский, караимский, крымскогреческий, каждый из которых рассматривал полуостров как «идеальное отечество». Потому изучение сложных вопросов истории Крыма в имперское время не подразумевает простых ответов. В связи с очевидной политизированностью тематики, важной исследовательской задачей является сохранение баланса, а не участие в «войне историй». Очевидно, некоторые ситуации не могут быть оценены однозначно – здесь нужно уловить мнения разных участников процесса.

***

Эта книга написана в результате проекта, реализованного в рамках госзадания Министерства науки и высшего образования России № FZEG-2017-0013 («Российская империя и Крым: основные проблемы, концепции, понятия»), выполнявшегося сотрудниками Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета в 2017–2019 гг. Часть вошедших в настоящее издание очерков уже публиковалась в виде статей в специализированных изданиях и обсуждалась в докладах на научных конференциях. Учитывая высказанные коллегами замечания и предложения, а также собранные в дальнейшем материалы, были подготовлены исправленные и расширенные тексты, ставшие частью общей книги. Тематически она состоит из семи разделов: первые шесть обсуждают знаковые и актуальные вопросы крымской истории, а последний включает публикации двух любопытных источников. В эпоху Российской империи Крымский полуостров был частью сначала Таврической области, затем Новороссийской, а после Таврической губернии, причем все эти административные единицы включали уезды на материке. В этом, очевидно, заключалось наследие прежней эпохи, когда владения хана никогда не сводились только к Крыму. Но в книге речь пойдет преимущественно о Крымском полуострове и его жителях: несмотря на проницаемость административных границ, нам кажется, что социальная, этническая, экономическая ситуация за его пределами имели важные отличия. Исследование «материковых» частей Новороссийской и Таврической губерний может быть темой отдельного научного проекта.

В первом разделе книги проанализированы аспекты начального этапа нахождения Крыма в составе Российской империи. Д. В. Конкин изучил законодательные инициативы и действия властей, направленные на создание новой структуры управления регионом. Показано, что система государственных институтов в Крыму постоянно менялась в зависимости от внешне- и внутривосточных обстоятельств, и только к середине XIX в. приобрела устойчивость, окончательно утратив специфические элементы. Н. И. Храпунов раскрыл планы экономической экспансии в Причерноморье, разработанные представителями Западной Европы, решившими воспользоваться новой геополитической ситуацией для открытия альтернативного пути в Центральную Азию, Индию и Китай. И хотя авторы подобных проектов ориентировались не столько на современную им реальность, сколько на античную и средневековую

историю, подобные идеи оказались удивительно стойкими и вновь возродились век спустя, в годы Первой мировой войны.

Одним из ярких примеров значения Крыма в сложившейся после 1783 г. системе международных отношений стали геополитические интриги в период Наполеоновских войн. Авторы второго раздела (Д. В. Конкин, Н. И. Храпунов) реконструировали крымский аспект взаимоотношений Российской империи с Францией, имевшей традиционные интересы в Большом Средиземноморье. Показано, как французы пытались дестабилизировать обстановку в регионе накануне войны с Россией, раскрыты разработанные ими планы, предусматривавшие передачу Крыма османам в обмен на их поддержку, или, в альтернативном варианте, создание в Тавриде буферного государства как части «пояса сдерживания» России. Продемонстрированы ответные действия российских властей, направленные на укрепление своих позиций в Причерноморье.

Крым стал одной из первых «национальных окраин», где центральная власть стала вырабатывать особые, порой противоречивые, подходы в управлении. Подробности этих действий и их влияние на крымское общество рассмотрены в третьем разделе. Д. А. Прохоров исследовал этноконфессиональную политику в Крыму, раскрыв ее особенности и показав, что на протяжении изучаемого периода она не отличалась постоянством. Если отношение к караимам было доброжелательно-нейтральным, то к ортодоксальным иудеям – сдержанно-дискриминационным, а в дела мусульманской общины предпочитали не вмешиваться, что не способствовало ее включению в общеимперские процессы. Д. В. Конкин на материалах деятельности землеустроительных комиссий проанализировал, как накопление административного опыта в течение десятилетий позволяло находить решение сложных проблем, возникших в регионе в связи со сменой традиционного экономического и юридического уклада.

В четвертом разделе Н. И. Храпунов исследовал образы полуострова, сформировавшиеся в культуре Запада. Выясняется, что критически важное влияние на дискурс оказало осмысление первых десятилетий Крыма в составе России. В это время сформировался ряд долгоживущих стереотипов, выявленных автором раздела. Одним из важных последствий присоединения Крыма к России стало открытие его уникального историко-археологического наследия, характеризующего разнообразные эпохи и культуры. Продемонстрировано, что значительный вклад в

изучение, осмысление и популяризацию прошлого Крыма внесли европейские путешественники.

В пятом разделе раскрыто влияние конфликтов на жизнь региона. А. Е. Катюшин обратился к теме Крымской войны, сделав акцент не на общеизвестных обстоятельствах военных действий, а на состоянии инфраструктуры полуострова, проблемах снабжения, коммуникациях русской армии. Такой подход позволяет увидеть некоторые критически важные проблемы, предопределившие поражение России. Д. А. Прохоров исследовал еврейские погромы на территории Таврической губернии, уделив особое внимание реакции периодической печати на это явление. Выясняется, что влияние антисемитизма в Крыму было менее выражено, чем на материке. Возможно, причина в длительном опыте мирного сосуществования различных этноконфессиональных общин Крыма.

В шестом разделе Д. А. Прохоров обратился к кризисным явлениям начала XX в. и их влиянию на жизнь полуострова. Оказалось, что, несмотря на то, что Севастополь стал одним из центров революционных событий – местом вооруженного восстания под руководством П. П. Шмидта, крестьянское движение мало затронуло сельское население – крымских татар, немцев, болгар, греков. Рассматривая жизнь Крыма в годы Первой мировой войны, исследователь проанализировал не только боевые действия на море у берегов полуострова, но и разнообразные влияния войны, мобилизации, перевода экономики на военные рельсы на внутреннюю жизнь региона. «Человеческое измерение» исследованию придают эпизоды из биографий крымчан, отличившихся на полях сражений.

В заключительном разделе опубликованы два источника, представляющие значительный интерес для исследуемой темы в целом. Д. В. Конкин издал обнаруженную в ГАРФ записку, поданную Александру II, в которой представитель высших российских властей изложил видение причин и последствий эмиграции крымских татар в Османскую империю в 1860 г. На завершающем этапе реализации проекта, по инициативе администрации Университета к нашей группе присоединились студенты-филологи, которым предстояло пройти курс проектной деятельности, заключающийся в работе над переводами исторических источников конца XVIII – начала XIX в. Работая над полученными заданиями, И. А. Гринь и О. А. Третьякова выполнили перевод отрывка из биографии Шарля-Анри Нассау-Зигена, франко-германского полковод-

ца и придворного, включающий фрагменты его оригинальных писем, в которых князь описал своей супруге подготовку путешествия Екатерины II, затем – саму эту поездку, и, наконец, рассказывал о задуманных им экономических предприятиях в своих южных поместьях.

Нужно сказать, что в разных разделах книги могут повторяться отсылки к одним и тем же фактам, обстоятельствам или интерпретациям. Это не удивительно, поскольку при взгляде на один и тот же момент с разных сторон, или же поместив его в разные контексты, мы получаем возможность увидеть новые грани общей темы и придать реконструкции многогранных взаимоотношений России и Крыма дополнительный объем.

Надеемся, изложенные в этой книге материалы заинтересуют не только историков Крыма, но и более широкий круг специалистов, занимающихся проблемами эволюции Российской империи в целом, ее взаимоотношениями с окраинами, а также историей Большого Средиземноморья как пространства взаимодействия и взаимовлияния культур и политических организмов.

***

Нам очень приятно сказать слова благодарности всем тем, чьи советы, содействие и поддержка позволили завершить наше исследование. Эта книга не была бы издана без помощи проректора Крымского федерального университета по учебной и методической деятельности Ирины Анатольевны Цвириной, всегда поддерживающей наши научные начинания. Мы глубоко признательны начальнику управления дополнительного образования и профессиональной ориентации департамента образовательной деятельности Светлане Николаевне Храпуновой, взявшей на себя неблагодарный труд по координации взаимодействия нашей научной группы с административными структурами КФУ. Во время работы над проектом мы получили ряд важных советов от Вадима Валентиновича Адагурова (Львов), Татьяны Викторовны Куш (Екатеринбург) и Александра Викторовича Чудинова (Москва). Копии нескольких редкодоступных книг и статей удалось получить благодаря любезности Александра Дмитриевича Васильева, Татьяны Викторовны Котюковой и Александра Анатольевича Орлова (Москва). Мы благодарны рецензентам книги Ильдусу Котдусовичу Загидуллину (Казань), Григорию Николаеви-

чу Кондратюку и Юрию Мироновичу Могаричеву (Симферополь) за доброжелательную поддержку проекта. Многие идеи, высказанные авторами книги, были впервые представлены в докладах на международных конференциях, а последующая дискуссия позволила их скорректировать и дополнить важными материалами. Потому хотим поблагодарить организаторов научных форумов «Pontica et Caucasica II. Междисциплинарные исследования древностей Черного моря» (Варшава, 2019) и лично Марчина Матеру, «Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX в.» (Алма-Ата, 2019) и лично Дмитрия Валентиновича Васильева, «Новое прошлое: практики историописания в потоке времени» (Ростов-на-Дону, 2019) и лично Амираана Тариеловича Урушадзе, «Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока» (Севастополь, 2017–2019) и лично Наталию Виталиевну Гинькут, а также «Ялта 45: уроки истории» (Ливадия, 2018–2019) и лично Ксению Николаевну Гернет.

Все допущенные в книге ошибки и неточности остаются на совести авторов.

ЛИТЕРАТУРА

- Ададуrow В. В. «Наполеоніда» на Сході Європи: Уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних країн Російської імперії на початку XIX століття. 2-ге вид. Львів, 2018.
- Белов М. В. Открытие «братьев-славян»: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века. СПб., 2018.
- Загидуллин И. К. Мусульманское духовенство Таврической губернии в конце XIX века: рапорт В. В. Вашкевича. Казань, 2016.
- Зорин А. Л. Крым в истории русского самосознания // НЛО. 1998. № 3.
- Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2004.
- Конкин Д. В., Храпунов Н. И. Рец. на кн.: Крым: шлях крізь віки. Історія у запитаннях і відповідях / Відп. ред. В. А. Смолій. Київ, 2014; История Крыма. Москва, 2015 // Ab Imperio. 2015. № 2.
- Крым в развитии России: история, политика, дипломатия. Документы Архивов МИД России. Ижевск, 2018.
- Лопатин В. С. Потемкин и его легенда. М., 2012.
- Лопатин В. С. Повесть о Потемкине, князе Таврическом. М., 2018.
- Орехов В. В. В лабиринте крымского мифа. Великий Новгород; Симферополь; Нижний Новгород, 2017.

- Присоединение Крыма к России, 1783–1796 гг.: сборник документов / сост. Н. Ю. Болотина. М., 2019.*
- Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825. Севастополь, 2017.*
- Сакович А. Крымские татары на военной службе Российской империи. М., 2016.*
- Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.*
- Храпунов Н. И. Крымские древности глазами Эдварда-Даньела Кларка: от археологии к идеологии // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 3.*
- Храпунов Н. И., Храпунова С. Н. «Золотой век» Крымского ханства: к истории формирования стереотипа // Материалы IV международной научной конференции «Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока». Севастополь, 2020.*
- Gerechtshof Amsterdam. Interim judgment in the matter of the Crimean treasures. 16 juli 2019. [Электронный ресурс; режим доступа <https://www.rechtspraak.nl/Organisatie-en-contact/Organisatie/Gerechtshoven/Gerechtshof-Amsterdam/Nieuws/Paginas/Interim-judgment-in-thematter-of-the-Crimean-treasures.aspx>].*
- Kozelsky M. Crimea in War and Transformation. Oxford, 2018.*
- Sasse G. The Crimea Question: Identity, Transition, and Conflict. Cambridge (Mass.), 2007.*
- The Cambridge Companion to Travel Writing / ed. P. Hulme, T. Youngs. Cambridge, 2002.*

В НАЧАЛЕ ИМПЕРСКОГО ПУТИ

ФОРМИРОВАНИЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В КРЫМУ: АДМИНИСТРАТИВНО- ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Д. В. Конкин

Первым и основополагающим указом российского монарха об административном закреплении Крымского полуострова в составе Российской империи стал манифест Екатерины II «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую Державу» от 8 апреля 1783 г. [ПСЗРИ 1. Т. 21. № 15708. С. 898]. В этом публичном акте, среди прочего, утверждалось, что жителям присоединенных территорий будут предоставлены в новом для них государстве *«каждому из них состоянию все те правости и преимущества, каковыми таковое в России пользуется»*. Манифест имел декларативный характер; конкретные институциональные действия в нем еще не были прописаны, к тому же обнародовать его не стали до момента принятия присяги местным населением на верность российскому скипетру, чтобы не обострять и без того непростые международные отношения [Лопатин 2018: 294].

Сама торжественная присяга жителей Крыма состоялась в июле 1783 г. Непростой организацией ключевого мероприятия – правового подтверждения добровольного перехода крымских жителей в российское подданство – занимался лично прибывший для этого в Крым Г. А. Потемкин. В письме от 10 июля 1783 г. из-под Карасубазара он сообщал Екатерине II: *«...Все знатные уже присягнули, теперь за ними последуют и все. Вам еще то приятнее и славнее, что все прибегли под державу Вашу с радостью. Правда, было много затруднения по причине робости татар, которые боялись нарушения закона, но по уверениям моим, сделанным их присланным, теперь так покойны и веселы, как бы век жили у нас»* [Екатерина II и Г. А. Потемкин 1997: 175]. В тот же день в специальном ордере Потемкин поздравлял командующего войсками в Крыму генерала А. Б. де Бальмена с успешным событием, важной частью которого являлось публичное обнародование текста Манифеста от 8 апреля 1783 г.: *«По произведении теперь в действие высочай-*

шего о Крыме предположения (т. е. Манифеста – Д. К.) и по увенчании оного благополучным успехом, долгом поставлю в. с-ву яко главному в сем служении участнику воздать чрез сие справедливую похвалу...» [Мурзакевич 1881: 273]. О скорейшем оглашении апрельского Манифеста Потемкин просил де Бальмена еще в ордере от 1 июля 1783 г. [см. Мурзакевич 1881: 271], поскольку это был один из ключевых актов в процессе институализации и международной легализации Крыма в составе Российской империи. В рапорте генерал-фельдмаршалу графу П. А. Румянцеву-Задунайскому от 12 июля 1783 г. Потемкин сообщал, что по воле императрицы «обнародовал я в Крыму манифест о присоединении сей области к Империи Всероссийской, вследствие того съехавшиеся здесь знатнейшего правительства Крымского члены, беи, мурзы, духовенство и избранные от народа подвергли себя под державу Е. И. В-ва и в верности подданства Е. И. В-ву торжественно учинили присягу, которая и теперь производится повсеместно в сем полуострове с полною везде тишиною и спокойствием» [Там же]. Уже 16 июля Потемкин пишет Екатерине II донесение о завершении присоединения Крыма к России: «*Вся область Крымская с охотою прибегла под державу Вашего Императорского Величества: города и с многими деревнями учинили уже в верности присягу*» [РГВИА. Ф. 52. Оп. 2. Д. 24. Л. 36; см. также: Крым в истории России]. Татарские общества на Кубани были приведены к присяге еще ранее (28 июня) под кураторством А. В. Суворова [Суворова 1951: 266–268].

Опубликованный вскоре после этих знаменательных событий официальный указ от 28 июля 1783 г. «О принятии Крымских жителей и прочих Татарских народов в Российское подданство» также не вносил конкретики в отношении принципов формирования органов управления на новоприобретенной территории, кроме предписанного Потемкину обязательства докладывать обо всем, «*что на пользу того края и жителей устроить потребно...*» [ПСЗРИ 1. Т. 21. № 15798. С. 985]. После перехода старожильческого населения Крыма в российское подданство формально управление регионом стал осуществлять новый орган власти – Крымское Правительство, полностью состоявшее из крымских татар¹, во главе которого находился Мегметша бей Ширинский [Лашков 1886: 91–93; Лашков 1897: 20]. В то же время структура власти на местах оставалась неизменной и в общих чертах повторяла институции хан-

¹ Полный состав сформированного из крымско-татарской знати правительства можно найти в «Камеральном описании Крыма» [Лашков 1897: 26].

ского периода: в административно-территориальном отношении Крым по-прежнему был разделен на шесть каймаканств и 42 кадалыка (более мелкие административные единицы в составе каймаканств) с соответствующим набором местных чиновников – каймаканов, кадиев и т.д. [Лашков 1888: 36–39; Шевчук А. Г. и др.: 7, 50]

Таким образом, на время «трансфера власти» до выработки российским правительством новых принципов управления регионом, в Крыму продолжали функционировать административные органы, оставшиеся в «наследство» от упраздненного Крымского ханства [см. Кошман 2018: 48–49]. То, что эти органы не были расформированы и действовали после отстранения Шагин-Гирея, можно судить по тому обстоятельству, что присягу на подданство российскому монарху принимали *«знатнейшие правительства Крымского члены»* [Мурзакевич 1881: 273]. Имелись в виду, по-видимому, не только беи, мурзы, духовенство и депутаты от народа, но и высокопоставленные чиновники. Медленное прибытие именно ханских чиновников в Карасубазар стало, по утверждению Потемкина, причиной задержки публичного объявления манифеста о присоединении Крыма к Российской империи [см. Екатерина II и Потемкин 1997: 179].

Конечно, на практике все структуры местной гражданской власти действовали под строгим надзором российских военных [см. Загоровский 1913: 63–64]. Верховное управление краем осуществлял лично Потемкин, который назначал или утверждал чиновников и контролировал мероприятия в экономической и социальной сфере. Например, в ордере Потемкина от 21 июля 1783 г., направленном *«учрежденному в Крымской области Правительству»* [Мурзакевич 1881: 276] именно князь согласовывал кандидатуру некоего Али-аги на должность Козловского (Евпаторийского) каймакана. В другом ордере от 14 августа 1783 г. Потемкин предписывал *«Крымскому Правительству»* организовать добровольную закупку провианта, фуража для армии у местных жителей, а также подготовить места хранения продовольствия [Там же: 280]. При этом одновременно направил ордер графу де Бальмену об изъятии ханских припасов в Кафе [Там же]. То есть с очевидностью можно говорить о формировании параллельных структур власти уже сразу после принятия присяги жителями полуострова – фактической военной и формальной гражданской.

Номинальный характер власти сформированного из крымско-татарской знати Крымского Правительства и его руководителя бея Ши-

ринского подтверждали также и распоряжения Потемкина назначенному вместо де Бальмена командующим войсками в Крыму барону О. А. Игельstromу. В ордере от 16 августа 1783 г. князь инструктировал нового армейского командира и напоминал ему, что правление в Крыму *«состоит теперь в Ширин-бее и двух его товарищах»* [Мурзакевич 1881: 281], но при этом именно Игельstromу поручал выдавать жалованье *«учрежденным в Крымских городах каймаканам и уездным земским начальникам»* из расчета по 300 рублей в год каждому [Там же: 281–282]. В письме от 15 сентября 1783 г. князь требовал от Игельstromа безупречного отношения со стороны армии к местным жителям, в том числе к действиям *«Правительства Крымского»*, которое *«при всей беспечности членов своих, требует уважения по доказанной благонамеренности своей»* [Там же: 283]. Тем же числом датируется распоряжение Потемкина командующему войсками в Крыму уволить от должности Перекопского и Ени-базарского каймакана, формально подчиненного гражданской администрации, назначив на эту должность Сеид ага Тащи-оглу. Именно Игельstrom должен был привести нового чиновника к присяге и только потом известить о назначении Крымское Правительство [Там же: 284]. В ордере от 9 октября 1783 г. Потемкин напрямую указывал, что *«отрешение и определение чинов участвующих в Правлении Области Крымской не должно и не может отнюдь зависеть от тамошнего Правительства»*, увольнение чиновников относится к исключительной компетенции князя, который *«посредством Вашего Превосходительства»* (то есть Игельstromа) назначает на места *«людей достойных»* [Там же: 291].

Уже в начале следующего года – 2 февраля 1784 г. в сенатском указе *«Об учреждении Таврической Области»* [ПСЗРИ 1. Т. 22. № 15920. С. 17] было объявлено о новых принципах устройства государственной власти в регионе: *«Мы признаем долгом Царствования Нашего <...>, дабы сии подвластные скипетру Нашему земли были в образе правления вообще для всего Государства Нашего преднаписанном»* (в этом высказывании можно усмотреть отсылку к декларациям манифеста от 8 апреля 1783 г.). С указанной целью учреждалась Таврическая область, причем акцентировалось, что и это был временный статус, *«покуда умножение населения и разных нужных заведений подадут удобность устроить <...> Губернию»*. Область поручалась управлению Потемкина, который должен был разделить территорию на уезды, назначить города и в течение года *«приготовить к открытию»* (по-видимому, имелось в виду организация новой структуры управления). Указ об учреждении Тав-

рической области не означал, что управление в регионе автоматически переходит в обновленный режим функционирования. Предварительно необходимо было провести еще масштабную работу по формированию новых органов власти, комплектации присутственных мест чиновниками, организации условий для их деятельности и т.д.

Любопытно, что в преамбуле указа, на первый взгляд касавшегося сугубо внутренних проблем империи, оговаривались внешнеполитические аспекты русско-турецких отношений. В частности, упоминалось о внесенных ранее изменениях в двусторонние договора и торговые трактаты, связанные с включением Крыма в состав России [ПСЗРИ 1. Т. 22. № 15920. С. 17]. Такая широкая апелляция к международным отношениям в рамках внутригосударственного указа, конечно, не случайна. Дело в том, что официального признания со стороны османской Турции провозглашенного в манифесте от 8 апреля 1783 г. факта присоединения Крыма к Российской империи не последовало ни после июльской присяги крымских жителей, ни в ратифицированном в сентябре 1783 г. торговом договоре между двумя империями, где о Крыме даже не упоминалось [ПСЗРИ 1. Т. 21. № 15757. С. 939–956]. Только 28 декабря 1783 г. был подписан акт «О мире, торговле и границах обеих Государств» [ПСЗРИ 1. Т. 21. № 15901. С. 1082–1083], согласно которому из предыдущих действовавших международных договоров (Кючук-Кайнарджийский договор, Айналы-Кавакская конвенция) были изъяты артикулы о подчинении османам или независимом статусе Крымского ханства, а значит, Турция впервые признавала вхождение полуострова в состав России. Нетрудно заметить, что именно на территориальном аспекте акцентировалось внимание в русском пояснении к акту от 28 декабря 1783 г.: «...уважая, что новое состояние вещей в Крыму, в Тамане и на Кубани, могло бы произвести распри, а может быть и разрыв между двумя Империями; то вышеименованные два Двора приняли намерение дружески изъясниться о сем деле, <...> чтобы отныне не оставалось между ими никакого повода к разбирательствам...» [Там же: 1082].

С учетом продолжавшейся весь 1783 г. внешнеполитической неурегулированности нового статуса Крыма, становится понятной необходимость учреждения здесь временного и чисто формального Крымского Правительства, состоявшего, напомним, исключительно из крымских татар. Ведь, известно, что Потемкин изначально планировал привести управление полуостровом к общим правилам внутрirosсийских губерний. В 1783 г., сразу после присоединения, в черновиках послания

к Екатерине II он оставил следующую запись: «*Ныне же благоволил Бог вручить <...> сии земли кроткой державе Вашего Императорского Величества, то следует и правление установить в них по образцу во всей России <...> установленному*» [см. Письма 1872: 193]. Таким образом, формирование в 1783 г. особой системы управления с Крымским краевым Правительством можно рассматривать как краткосрочную и вынужденную меру, предназначенную, в первую очередь, для того, чтобы не раздражать османское правительство быстрыми радикальными административно-управленческими решениями в регионе, российское подчинение которого еще не было признано основными внешнеполитическими игроками. Как только был устранен негативный международный фактор в результате декабрьского русско-турецкого договора («*По таковом благополучном окончании внешних дел...*» [ПСЗРИ 1. Т. 22. № 15920. С. 17]), сразу же появились указы, направленные на глубокие институциональные изменения в Крыму и прилегающих районах в соответствии с общероссийской практикой, среди которых первым как раз и стал указ от 2 февраля 1784 г. «Об учреждении Таврической области». В контексте вышесказанных рассуждений о внешнеполитических факторах кажется не случайным, что в этот же день, 2 февраля, то есть спустя почти год после манифеста о присоединении Крыма, была обнародована обновленная титулатура российской императрицы, в которой впервые Екатерина II была официально названа «*Царицей Херсониса Таврического*» [ПСЗРИ 1. Т. 22. № 15919. С. 17]. Причем под определением «*Херсонис Таврический*» подразумевался весь Крымский полуостров. Такая топонимическая традиция существовала со времен античности и, по-видимому, была на данном этапе перенята просвещенной российской публикой, хорошо знакомой с древнегреческими и византийскими авторами [см. Храпунов 2006].

Уже 7 февраля 1784 г. Потемкин предоставил на рассмотрение императрицы свои предложения об административном разделении Таврической области, с перечислением планируемых к открытию губернских и уездных присутственных мест [Иванов 1893: 71–72]. На следующий день, 8 февраля 1784 г. были утверждены два дублирующих указа Сенату и Потемкину: «О составлении Таврической Области из 7 уездов, и об открытии присутственных мест в оных городах» [ПСЗРИ 1. Т. 22. № 15924. С. 20] и «Об устройстве Таврической Области» [ПСЗРИ 1. Т. 22. № 15925. С. 21], в которых Таврическая область делилась на 7 уездов (Симферопольский, Левкопольский, Евпаторийский, Перекопский, Днепровский, Мелитопольский и Фанагорийский), а Потемкину поручено

чалось назначить в новой административной единице империи областной и уездные города, с тем, чтобы в них можно было открыть местные органы управления. Причем чиновников не только в нижние присутственные места, которые формировались в большинстве своем местными жителями, но и в областные, где кандидатуры определялись «сверху», предписывалось назначать из числа крымских татар («*тамошних старшин достойнейших*»). В городах, не получивших статус областного или уездного, учреждались «*в пользу обитателей тамошних*» особые ратуши, по примеру действовавших в России посадских учреждений.

С первых дней указа об учреждении новой административной единицы ее новый руководитель – В. В. Каховский (официально вступил в должность 11 июня 1784 г. [см. Прохоров 1996: 216; Дмитриев 2016: 99]) стал получать распоряжения от Потемкина о формировании внутренней структуры и принципов действия власти областного правления на основе общероссийских правил и законов [см. Лашков 1889: 598], начала действовать стандартная рассылка сенатских и других предписаний для присутственных мест [Там же: 600, 601, 604].

В марте 1784 г. Сенат спохватился, что Таврическая область в составе семи уездов учреждена, но герба так и не имела. В связи с этим был представлен герб Таврической области со следующим описанием: «*В золотом поле двуглавый орел, в груди оного в голубом поле золотой восьмиконечный крест, означающий, что крещение во всей России чрез Херсонес произошло; крест же поставлен в Государственном гербе для того, что и оный прислан от Греческих Императоров в Россию тогда, когда воспринято Великими Князьями крещение*» [ПСЗРИ 1. Т. 22. № 15953. С. 69]. Герб поместили на правом крыле имперского орла рядом с гербами Казани и Астрахани. На феодосийском монетном дворе (оставшемся от хана: тот построил его на русские деньги) стали чеканить монеты с вензелем «Е II» и легендой «Царица Херсонеса Таврического» [Узденников 2004: 331, №№ 4348–4351], ставшей, как говорилось выше, частью официальной титулатуры императрицы. Таким образом, Крымский полуостров был вписан в символическую историю христианской России.

Вскоре предварительные распоряжения об устройстве Таврической области начали наполняться конкретным содержанием. В именном указе Потемкину от 24 апреля 1784 г. «О распоряжениях для открытия Таврической области, об определении в сию область к должностям жителей оной и об употреблении из статных сумм на Присутственные места и др. заведения по усмотрению надобностей в оных» подтверждался под-

ход, согласно которому кадрами из числа наиболее верных и способных крымских татар пополнялись не только выборные должности от местного общества, но и в Областное Правление и Палаты «в число советников и ассессоров определены были несколько человек из них же». В целом декларировалось пожелание центральной власти, «...чтоб сим новым Нашим подданным путь к гражданской службе и к получению в оной чинов открыт был» [ПСЗРИ 1. Т. 22. № 15988. С. 137–138].

Примечательно, что сообщить Крымскому Правительству о принятом еще в феврале решении создать новую систему местного управления под непосредственным руководством новороссийского генерал-губернатора, сам Потемкин велел только в апреле 1784 г. с уверением, что, несмотря на изменения, по-прежнему «*благосостояние народа крымского будет польза, и конечно во всякое время, главным предметом моего [то есть Потемкина – Д. К.] попечения*» [Мурзакевич 1881: 296; Иванов 1893: 75–76]. Упразднение краевого правительства требовало определенной моральной и материальной компенсации его членам, проявлявшим максимум покорности российской короне. В письме императрице от 12 апреля 1784 г. Потемкин специально сформулировал принцип формирования кадров в новые присутственные места, согласно которому бывшие члены Крымского Правительства вновь поступали на службу «*по соображению их настоящих знаний и по уважению преданности и их усердия к высочайшему Вашего Императорского Величества престолу*» [Иванов 1893: 75–76]. По-видимому, именно в качестве благодарности за былые заслуги можно рассматривать и экстраординарное утверждение специальным указом (24 апреля 1784 г.) на должность губернского предводителя бывшего главы правительства бея Ширинского с жалованьем 2 000 рублей в год [ПСЗРИ 1. Т. 22. № 15988. С. 138; см. также Мурзакевич 1881: 301], в обычных условиях избираемую исключительно местными дворянами. Несколько позднее (25 января 1785 г.) Мегметша бей Ширинский все-таки вошел в состав Таврического областного правления в качестве советника [Прохоров 2016: 283]. Впрочем, имперская власть не собиралась чрезмерно усиливать местное самоуправление, поэтому в указе специально оговаривалось, что полномочия Ширинского не должны были простирались более положенного губернскому предводителю [ПСЗРИ 1. Т. 22. № 15988. С. 138]. Далее назначалось жалованье крымским муфтию и кадиаскеру в размере, соответственно, 2 000 и 1 500 рублей в год, причем, независимо от того, будут ли они поддержаны в этих должностях местным обществом [Там же]. По-видимому, это так-

же была компенсация духовным лидерам за лояльность к новой власти. Следует отметить, что сама структура управления духовной жизнью мусульман в Крыму еще не была формализована государством.

Штатная роспись чиновников новообразованной Таврической области была подготовлена при непосредственном участии Потемкина. В письме Екатерине II от 12 апреля 1784 г. он представил предварительный вариант таких штатов, при этом снова отдельно оговаривал идею максимальной стандартизации внутреннего устройства провинции в соответствии с общероссийскими образцами: «*Оный располагал я таким образом, чтобы сия область в управлении своем ни малой пред другими губерниями не имела отмены...*» [Иванов 1893: 75]. Таким образом, подтверждался изначальный замысел внедрения единообразной системы управления в Крыму.

И действительно, согласно официально утвержденным 24 апреля 1784 г. сроком на два года штатам [ПСЗРИ 1. Т. 22. № 15989. С. 138; Т. 44. Ч. 2. Книга штатов. Отд. IV. Штаты по гражд. части. С. 181, 262–263], которые полностью повторяли предложенный ранее Потемкиным вариант, в Таврической области формировалось стандартное правление в составе областных уголовной, гражданской и казенной палат, губернского (областного) прокурора с необходимым комплектом чиновников. Кроме того учреждались совестный и верхний земские суды, губернские (областные) магистрат, верхняя расправа и приказ общественного призрения. В каждом из уездов был предусмотрен уездный суд (нижний земский, выполнявший главным образом, административные функции), казначейство, органы дворянской опеки, комплект военных команд. Также учреждались 10 городских магистратов (помимо 7 уездных городов, еще Феодосия, Севастополь и Керчь) и 3 нижние расправы. Непосредственным руководителем провинции назначался «областной правитель» с жалованьем 1 800 рублей и выплатой 1 200 рублей столовых денег, у которого было два советника с окладом по 600 рублей в год каждому [ПСЗРИ 1. Т. 44. Ч. 2. Книга штатов. Отд. IV. Штаты по гражд. части. С. 265]. Общая же сумма на содержание всех указанных органов управления составила 102 073 рубля 31 копейку [Там же: 262–263]².

Таким образом, структура гражданской и судебной власти Таврической области была вписана и в целом соответствовала общероссийским

² В работе Т. В. Хутько со ссылкой на архивный документ указана иная сумма: 99 181 рублей [Хутько 2012: 358].

правилам для губерний, «с тем только различием, что именуются областными» [Там же: 265; Кошман 2017: 116–117]. Образцом для организации работы органов власти служило Учреждение о губерниях 1775 г. [Хутько 2012: 359]. Главное же отличие от губернских штатов заключалось в учреждении в Таврической казенной палате особых экспедиций по таможенным и соляным делам [см. Кошман 2016] (в частности, во введении новых должностей советников для таможенных и соляных дел с секретарями), а также в усиленном составе переводчиков при каждом присутственном месте. Так, переводчики дополнительно назначались в казенную палату – семь штатных единиц, по двое – в верхний земский суд, в магистрат и в верхнюю расправу, и один – в совестный суд (все с жалованьем по 200 рублей), а также еще по одному в уездный и нижний земский суд с жалованьем 150 рублей в год [Там же]. Но даже такой комплектации оказалось недостаточно, и правитель Таврической области В. В. Каховский просил дополнительно увеличить количество штатных единиц переводчиков, чем вызвал сетование Потемкина на излишнюю «тягость казне». Тем не менее, князь согласился выполнить запрос и велел «иметь оных столько, сколько для употребления необходимо будет, избегая излишества» [Киреенко 1897: 7]. При этом переводчики требовались не только с крымско-татарского, но и с новогреческого на русский, например, для делопроизводства в греческом полку [Киреенко 1891: 4].

Штат Таврической области утверждался из расчета для семи уездов в комплектации, соответствующей общероссийским присутственным местам, что было очевидным перебором, поскольку жителей в регионе было немного и в полном объеме сформировать органы власти во всех уездах оказалось невозможно. Поэтому Потемкин получил разрешение по своему усмотрению форматировать состав и число уездных судов, дворянских опеков, нижних расправ и городских магистратов в зависимости от потребностей, открывая новые учреждения по мере увеличения населения [ПСЗРИ 1. Т. 22. № 15988. С. 138].

В результате присутственные места во «внешних» Днепровском, Мелитопольском и Фанагорийском уездах так и не были сформированы в срок, поскольку жителей в этих округах для полноценного функционирования администраций было недостаточно («Присутственные места в тех округах учредятся со временем сообразно числу и роду жителей») [Иванов 1893: 71–72; Прохоров 1998: 136; Кошман 2018: 51, 56–57]. Но финансирование на их открытие и функционирование с самого начала

поступало согласно утвержденным штатам в полном объеме³. Экономии средств от недокомплекта присутственных мест в области генерал-губернатор мог направлять на хозяйственные нужды, на которые и без того было предусмотрено 20 000 рублей в год. Кроме того, на первоочередные меры для организации работы местных администраций (подготовка помещений, закупка мебели и др. чрезвычайные расходы) выделялось в общей сложности 28 000 рублей [ПСЗРИ 1. Т. 22. № 15988. С. 138].

Необходимо заметить, что формирование «с чистого листа» местных органов власти в регионе, где подавляющая масса населения привыкла к совершенно иным институциональным традициям, являлось чрезвычайно сложной задачей. К тому же административно-правовое строительство в Таврической области проходило одновременно с внедрением коренных реформ Екатерины II в общероссийских масштабах. Например, в 1785 г. были утверждены «Грамота на права, вольности и преимущества благородного Российского Дворянства» и «Грамота на права и выгоды городам Российской империи», и имплементация этих «свежих» указов в Крыму шла параллельно с аналогичными процессами в Российской империи. Кроме того, следует учитывать, что Крым, конечно, был важным, но далеко не единственным объектом забот новороссийского правителя. Например, одновременно с формированием Таврической области Потемкин занимался устройством Екатеринославской губернии [ПСЗРИ 1. Т. 22. № 15908. С. 10–11]. И здесь задача стояла не менее сложная: требовалось в течение года привести территорию в соответствие с общероссийским Учреждением об управлении губерний 1775 г. То есть, из некоей временной и эксклюзивной системы привести в общероссийское соответствие. Согласно рескрипту Екатерины на эти цели с 1783 г. в течение пяти лет подлежало выделять по 20 000 рублей ежегодно [Екатерина II 1875: 217]. В Таврической области пока что стояла задача сформировать только временные административные и судебные учреждения.

Все перечисленные обстоятельства затягивали процесс формирования органов государственной власти в Крыму. Ничего удивительного

³ В 1794 г. полноценные штаты в трех названных уездах все еще не были сформированы, о чем сменивший Потемкина в должности начальника Новороссии П. А. Зубов сообщал императрице и предлагал перенаправить продолжавшие поступать для несуществующих органов власти средства на постройку и содержание в Симферополе медикохирургического училища [Киреевко 1893: 55–56; Прохоров 2018: 98].

поэтому, что полноценное открытие присутственных мест Таврической области произошло не в 1784 г., когда была утверждена структура и штат, а в 1787 году [Хутько 2012: 359–362]. Все это время шло постепенное обустройство административных органов, происходили кадровые назначения. Причем теперь упор не делался на обязательном занятии должностей представителями крымских татар, местная власть стала формироваться чиновниками и из других российских губерний, часто бывшими военными [Лашков 1889: 629, 638–641, 645–646, 660; Киреенко 1888b: 4–5; Прохоров 1998: 136]. В указе от 20 апреля 1787 г. «Об открытии присутственных мест в Таврической области» сообщалось, что в Сенате был заслушан рапорт «*Таврического генерал-губернатора Потемкина*», в котором он объявлял, что «*в Таврической области прошедшего Января 29 Присутственные места на основании Высочайших Учреждений открыты и предписанный в оных образ Правления введен*» [ПСЗРИ 1. Т. 22. № 16531. С. 838; см. также Киреенко 1888a: 8].

Спустя два месяца понадобилось внести уточнение в порядок финансирования служащих городских магистратов Таврической области, которым стали выплачивать оклады по образцу уездных судов (указ от 30 июля 1787 г. «О произвождении жалованья секретарям и канцелярским служащим в магистратах Таврической области по окладам уездных судов»). Причиной данной корректировки послужила «*новость городов*» (то есть прецедент обретения населенными пунктами данного статуса) Таврической области (Симферополя, Севастополя, Евпатории, Перекопа, Феодосии и Боспора (Керчь и Еникале)), «*населенных доньне большею частью греками, армянами, татарами и евреями...*» [ПСЗРИ 1. Т. 22. № 16557. С. 876].

В целом, в таких границах и утвержденном в течение 1784–1787 гг. формате административная и судебная система Таврической области просуществовала до конца правления Екатерины II.

Следующий император Павел I с самого начала своего царствования (с 6 ноября 1796 г.) занялся административными преобразованиями в Российской империи, которые непосредственно коснулись и Таврической области. Уже спустя неделю после восшествия на престол он реформативировал устоявшуюся систему распределения доходов в южных провинциях империи. Ранее все финансы новороссийского региона находились в распоряжении местного генерал-губернатора. При Екатерине II это были сначала Потемкин, затем Зубов, которым она всецело доверяла. Новый император не желал мириться со старыми порядками и в

указе от 14 ноября 1796 г. [ПСЗРИ 1. Т. 24. № 17551. С. 5] повелел доходы Екатеринославской, Вознесенской губерний и Таврической области, подчинявшиеся *«единственному распоряжению тамошнего генерал-губернатора»*, направлять теперь в общеимперскую казну, на основании правил о казенном управлении.

12 декабря 1796 г. был издан указ «О новом разделении Государства на губернии» [ПСЗРИ 1. Т. 24. № 17634. С. 229], согласно которому упразднялись Вознесенская и Екатеринославская губернии (наместничества) и Таврическая область, и на их месте формировалась огромная Новороссийская губерния с центром в Екатеринославе. Таким образом, Таврическая область лишалась губернских (областных) органов управления и оставалась просто разделенной на уезды, *«сообразно количеству жителей и обширности местной»*, с соответствующими уездными присутственными местами [Там же: 229–230]. В Симферополе (вскоре переименованном в Ак-Мечеть) помещения, занятые ранее областной администрацией, вместе с губернаторским домом передавались для размещения военнослужащих [ПСЗРИ 1. Т. 24. № 17905. С. 524].

О решительном настрое императора не затягивать с административной реформой свидетельствовал вышедший в декабре того же года указ «О сроке разбора и сдачи дел присутственных мест, упраздняемых по случаю нового образования губерний» [ПСЗРИ 1. Т. 24. № 17677. С. 249–250]. В документе, адресованном государственному казначею А. И. Васильеву сообщалось, что в связи с переформатированием части губерний, необходимо до 1 мая 1797 г. профинансировать эти провинции по прежней схеме, с тем, чтобы чиновники могли закончить все свои старые обязанности, сдать дела и подготовиться к новым (*«...сделают они уже между собой расчет в людях и во всех Государственных доходах, расходах, доимках и имуществ, что к которой Губернии принадлежать долженствует»*) [Там же. С. 249]. После этого срока снабжение губерний должно было осуществляться уже с учетом утвержденных административных изменений, и ассигнования на упраздненные присутственные места исключались.

В утвержденных 31 декабря 1796 г. штатах губерний никакой Таврической области уже не было [ПСЗРИ 1. Т. 24. № 17702. С. 259; Т. 44. Ч. 2. Книга штатов. Отд. IV. Штаты по гражд. части. С. 287]. В сенатском указе от 15 января 1797 г. «Об упразднении к определенному сроку присутственных мест, кои по вновь изданным штатам уничтожаются и о донесении губернаторам сенату о городах, которые по назначенному в

каждой губернии числу уездов оставить и за тем какие уничтожить и приписать к другим уездам следует» было предписано уже утвержденные штаты вводить «*немедленно в надлежащее исполнение*» [ПСЗРИ 1. Т. 24. № 17735. С. 280]. Губернаторам приказывалось как можно скорее прекращать работу намеченных к упразднению судебных органов, так как финансирование их, согласно вышеупомянутому предписанию гоказначею Васильеву (№ 17677), прекращалось с 1 мая 1797 г. В связи с чем, губернаторы должны были распорядиться об отсылке всех решенных и нерешенных дел в надлежащие учреждения, а также позаботиться о сохранности остававшегося после закрытия присутственных мест, имущества. Также начальники губерний должны были составить собственные предложения по оптимальному количеству уездов и уездных городов в подчиненных им губерниях, с тем, чтобы эти мнения были рассмотрены в Сенате. Согласно этим требованиям Новороссийская губерния уже в августе 1797 г. была разделена на 12 уездов, среди которых только два располагались на территории бывшей Таврической области – Перекопский и Симферопольский (Акмечетский) [Макидонов 2011: 7, 249–255]. Наконец, указом от 18 декабря 1797 г. все губернии Российской империи были разделены на четыре класса «*по свойству земли, изобилия в ней и способам для обитателей к работам и промыслам их*» [ПСЗРИ 1. Т. 24. № 18278. С. 848]. Новороссийская губерния, включая и Крым, была отнесена к 3-му классу губерний.

При всех негативных оценках административной реформы Павла I, высказанных современной историографией [История Крыма 2015: 181; Макидонов 2011: 7; История Крыма 2019: 59–60], следует отметить, что определенная логика в решениях императора присутствовала. Во-первых, административное устройство империи было приведено к единообразию: вместо губерний, наместничеств, областей остались только губернии. Во-вторых, укрупнение административных единиц в Новороссии привело к существенной государственной экономии. Напомним, что при Екатерине II на содержание органов власти в одной только Таврической области выделялось 102 073 рублей 31 копейек ежегодно. При Павле I расходы на содержание всего управленческого аппарата обширной Новороссийской губернии (включая бывшую Таврическую область) были предусмотрены в размере 82 348 рублей [ПСЗРИ 1. Т. 44. Ч. 2. Книга штатов. Отд. IV. Штаты по гражд. части. С. 393–397].

Резкое сокращение финансирования, причем по всей Империи, стало причиной многочисленных обращений губернаторов с жалобами о не-

достатке средств даже на первоочередные канцелярские расходы. Обращения имели под собой основания и государственный казначей вместе с генерал-прокурором были вынуждены подготовить записку к императору о необходимости добавить средства за счет возникшей экономии бюджета для организации работы присутственных мест в провинциях. Записка была утверждена Павлом I 18 февраля 1800 г. [ПСЗРИ 1. Т. 26. № 19281. С. 38]. В итоге в Новороссийскую губернию стали ежегодно дочислять по 15 000 рублей «для Губернских мест» [ПСЗРИ 1. Т. 44. Ч. 2. Книга штатов. Отд. IV. Штаты по гражд. части. С. 357].

Стремление к единообразию в управлении империей неизбежно сталкивалось с имперским многообразием, в результате чего властям приходилось порой корректировать нововведения с тем, чтобы учесть особенности традиционного уклада жизни населявших государство многочисленных народов. Назначенный начальником Новороссийской губернии военный губернатор Н. М. Бердяев, осматривая порученный ему руководству регион, был вынужден признать, что, например, населявшие причерноморские степи ногайские полукочевники («ногайские татары» Джембулукской, Едисанской и Едичкульской орд) до сих пор управлялись «*по азиатскому обычаю*». Бердяев предложил внедрить среди этих народов элементы общероссийского правил управления: перепоручить орды в ведение нижних земских судов, и учредить, «*по образу земской полиции*», в каждом ауле по одному сотнику и по два десятских для наблюдения за порядком [ПСЗРИ 1. Т. 24. № 18127. С. 723–724]. Император поддержал инициативу губернатора.

Здесь нужно отметить присутствовавшие порой неточности в указах, когда наименования должностей чиновников не соответствовали стремительно изменявшимся названиям управляемых ими провинций. Так, Бердяев именовался Екатеринославским военным губернатором, хотя сама губерния уже была преобразована в Новороссийскую. Такие расхождения были обыденным явлением в официальных документах и ранее, что, конечно, не могло не вносить определенную сумятицу в делопроизводство [см. Кошман 2018: 35–36].

Очередные глобальные изменения, связанные с преобразованием исполнительной власти в Крыму, должны были наступить после опубликования павловского манифеста «О установлении на полуострове Таврическом порто-франко на 30 лет и о даровании разных выгод жителям сего острова и приезжающим туда иностранцам» от 13 февраля 1798 г. [ПСЗРИ 1. Т. 25. № 18373. С. 64–68]. Введение системы порто-фран-

ко – права свободной беспошлинной торговли иностранными товарами на определенной территории государства – была популярной идеей для стимулирования внешнеторгового обмена в этот период. С предложениями о поощрении международной торговли, внедрении режима порто-франко в Причерноморских портах к российскому правительству неоднократно обращались многочисленные иностранные коммерсанты, а также отечественные чиновники [Головко 2014: 83–107; Храпунов 2019: 125–139; Конкин 2016: 46–47]. В утвержденном указе экономические преференции предусматривали и административные изменения. Так, были определены главнейшие портовые города полуострова – Феодосия и Евпатория, предназначенные для приема иностранных купцов и ремесленников, в том числе на постоянное место жительства. В этих городах учреждались особые «*Коменданты или Градоначальники*», которые следили за порядком и осуществляли общий надзор. Для разбирательства купеческих дел учреждался Магистрат в составе 12 человек, избираемый из местных жителей [Там же: 66]. Этот орган изолировался от влияния губернских властей, а для опеки назначался «главный надзиратель», кандидатура которого выдвигалась столичной Экспедицией Государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства и утверждалась императором. В то же время по уголовным делам всем крымским жителям следовало обращаться в губернские присутственные места. В целом же опека и защита всех переселившихся на полуостров иностранцев поручалась вышеназванной Экспедиции Государственного хозяйства [Там же: 67–68]. Как следствие введения режима порто-франко в Крыму все действовавшие на полуострове портовые таможни и пограничные заставы, которые «опоясывали» полуостров от Евпатории до Еникале, подлежали упразднению, вместо чего соответствующие структуры должны были возводиться на Перекопской линии и по берегам Сиваша [см. ПСЗРИ 1. Т. 25. № 18374. С. 68].

Но уже спустя год внешнеполитическая ситуация изменилась, началось обострение франко-русских отношений («*смутные происшествия*» в Европе), что вынудило императора в конце 1799 г. отменить режим торговых преференций в Крыму. В указе от 21 декабря 1799 г. «Об оставлении до времени учреждения порто-франко на Таврическом полуострове, и о бытии там по-прежнему Земскому Правлению наравне с прочими губерниями» говорилось о необходимости вернуть правила внутреннего управления и жизни в Крыму «*по-прежнему наравне с прочими Нашими Губерниями*» [ПСЗРИ 1. Т. 25. № 19226. С. 919]. Здесь сле-

дует отметить определенную инерцию, которая присутствовала во многих указах данного периода. Опубликование тех или иных законов вовсе не означало моментальное внедрение их в государственный организм, особенно если это касалось серьезных административных изменений в отдаленных провинциях. В таких случаях проявлялись сложности, связанные как с общей неповоротливостью механизма государственного управления, низким качеством исполнителей проектов, так и медленной коммуникацией внутри государства, обусловленного огромными размерами империи, отсутствием удобных и быстрых транспортных сообщений между регионами. Поэтому, например, выполнить распоряжение о ликвидации в Крыму режима свободной торговли оказалось совсем не сложно, так как предыдущий указ о введении порто-франко, по сути, полноценно так и не заработал. Едва ли не единственным действием по его имплементации стало учреждение Перекопской таможни, что, кстати, вызвало критику со стороны местного дворянства в связи с возникшими экономическими затруднениями [История Крыма 2019: 60–61]. В итоге единственным практическим решением, необходимым для утверждения прежнего образа правления в Крыму, стал указ «О восстановлении таможен и застав на Таврическом полуострове» (22 декабря 1799 г.) [ПСЗРИ 1. Т. 25. № 19228. С. 919; ПСЗРИ 1. Т. 44. Ч. 2. Книга штатов. Отд. IV. Штаты по гражд. части. С. 353], который возвращал таможенную структуру в портах (в Севастополе, Евпатории, Феодосии и отдельно Керчи и Еникале) и упразднял организованные ранее Перекопскую таможню и Арабатскую заставу.

В целом же, подводя итог недолгому правлению Павла I в контексте административно-территориальных преобразований в государстве, следует отметить, что проведенные реформы в полной мере коснулись и Крыма. Таврическая область была ликвидирована и вошла в состав новообразованной Новороссийской губернии с центром в Екатеринославе. Соответственно, в Крыму были упразднены все органы губернского (областного) управления и остались только общепринятые институты для двух уездов. Данные изменения не были особенными, а являлись частью общероссийских трансформаций, направленных на унификацию системы управления государством. Тем не менее, император Павел I отлично понимал уникальность географического, экономического, социального положения Крыма и попытался внедрить в регионе либеральный, максимально открытый для иностранцев режим порто-франко со своей спецификой организации органов власти внутри полуострова.

Данная система так и не смогла заработать и была быстро отменена, так как изменились внешнеполитические обстоятельства, гарантировавшие успех данной инициативы.

Новый император Александр I позиционировал свое правление, прежде всего, как продолжение начинаний и политики Екатерины II («*Теперь все будет как при бабушке*»), продемонстрировав полное отторжение новшеств своего отца. В первые дни и месяцы правления молодого императора появился ряд указов восстанавливавших реформы и порядки Екатерининского времени и отменявших начинания Павла I. Например, в один только день 2 апреля 1801 г. была утверждена целая серия таких указов: манифесты «О восстановлении жалованной дворянству Грамоты» (№ 19810), «О восстановлении Городового Положения и грамоты данной городам» (№ 19811), «О свободном отпуске Российских произведений за границу; об оставлении сбора пошлин с оных на прежнем основании, и о предоставлении поселянам пользоваться лесами как для собственного употребления, так и на продажу» (№ 19812), «Об уничтожении Тайной Экспедиции и о ведении дел производящихся в оной в Сенате» (19813) [ПСЗРИ 1. Т. 26. С. 601–604], и т. д.

Коснулась данная политика и территориально-административных решений предыдущих лет. Так, в сентябре 1801 г. было восстановлено пять упраздненных ранее губерний: Пензенская, Олонецкая и по одной в Малороссии, Литве и Белоруссии, в которых система управления была приведена в соответствие с екатерининским Учреждением для губерний 1775 г. [ПСЗРИ 1. Т. 26. № 20004. С. 775]. В начале следующего 1802 г. были утверждены временные штаты 37 губерний, с тем, чтобы губернаторы уже на месте могли определить целесообразное число уездов в них и уточненные данные отправить в столицу для коррекции общего штата [ПСЗРИ 1. Т. 27. № 20099. С. 3–4]. При этом утверждение штатов по наиболее сложным для административной оптимизации губерний – Санкт-Петербургской, Московской, Лифляндской, Эстляндской, Курляндской, Финляндской, Новороссийской и трех Сибирских – было отложено.

Планирование оптимальной системы управления и развития Новороссийского края являлось одним из приоритетов российского правительства в данный период. Для этих целей императором Александром I в декабре 1801 г. был специально учрежден «Комитет о устройении Новороссийской губернии» (Новороссийский Комитет), куда вошли профильные министры и ведущие эксперты, хорошо знакомые с регионом.

В марте 1802 г. на заседании Комитета был рассмотрен «Проект о разделе Новороссийской губернии и организации управления и хозяйства в Крыму», автором которого являлся К. И. Габлиц, один из членов Комитета и, пожалуй, наиболее компетентный специалист в региональной политике в это время [см. Конкин 2016: 46–52]. Окончательный его вариант был оформлен в виде «Всепопданнейшего доклада» и лег в основу императорского указа от 8 октября 1802 г. «О разделении Новор[оссийской] губ[ернии] на три губернии: на Николаевскую, Екатеринославскую и Таврическую, и обустройстве там судебных мест» [ПСЗРИ 1. Т. 27. № 20449. С. 288–291].

В преамбуле указа было сказано, что устройство Новороссийской губернии «*по особенным видам населения и торговли*» стали предметом отдельного рассмотрения, для чего потребовался сбор местных сведений и изучение полученной информации [Там же: 288]. В результате губерния, как понятно из названия закона, была разделена на три новых: Николаевскую, Екатеринославскую и Таврическую. Первые две остались с теми же уездам, что были и ранее и получили стандартный штат и систему управления, как и для всех Великорусских губерний, за исключением портовых городов – Одессы, Херсона, Таганрога и Феодосии, для которых планировалось создать особые положения по управлению.

Таврическая губерния была снова разделена на семь уездов: Симферопольский или Акмечетский, Перекопский (с прибавлением части Мариупольского уезда), Тьмутараканский (бывший Фанагорийский, с прибавлением земель войска Черноморского), Феодосийский (Кефийский), Евпаторийский (Козловский), Днепровский и Мелитопольский (оба за Перекопом). Губернским городом назначался Симферополь (Акмечеть) [Там же: 288]. Для новообразованной губернии была утверждена особая система исполнительной и судебной власти, отличавшаяся от общепринятой. На южную провинцию правительство имело «*особые виды*», связанные прежде всего с развитием торговли и спецификой населения. В перспективе здесь планировалось внедрять различные поощрительные коммерческие льготы, поэтому общее управление было утверждено на следующих основах:

1. Органы местной государственной власти были разделены на две части: 1-е, Таврическое губернское правительство (ТГП), в котором сосредотачивались все дела, относившиеся к казенному и губернскому управлению; 2-е, Объединенный гражданский и уголовный суд, где рассматривались все тяжёбые и уголовные дела.

2. Обязанности в ТГП распределялись между двумя Экспедициями: а) Исполнительная занималась всеми делами, которые согласно Учреждению о губерниях, относились к губернскому правлению. Председательствовал в ней губернатор и присутствовали два советника; и б) Казенная, где рассматривались все экономические и касавшиеся казны вопросы на том же основании, что и в казенных палатах в других губерниях. Здесь руководителем был вице-губернатор, которому помогали два советника и казначей.

3. В соответствии с принятым разделением рутинные дела поступали в соответствующие Экспедиции, которые самостоятельно выносили по ним решения. В случае дел особой важности или сложности, решение должно было принимать Общее Собрание Правительства, где губернатор выступал в роли Президента, вице-губернатор – вице-президента, советники и губернский казначей в качестве членов. В случае разделения мнений происходило голосование, и итоговый вердикт утверждался большинством голосов. Жалобы на решения Общего Собрания направлялись в Сенат.

4. В ТГП, кроме вышеназванных членов, полагалось по штату два асессора, которые подчинялись губернатору и по важным вопросам командировались в уезды с различными поручениями, а также для проверок и ревизий уездных властей.

5. Таврический гражданский и уголовный суд решал дела на основе и в порядке предусмотренном для палат гражданских и уголовных. Присутствие суда состояло нераздельно из одного председателя, двух советников и двух асессоров.

6. В ТГП состоял прокурор 6-го класса с теми же полномочиями, что были прописаны в Учреждении о губерниях.

7. В Таврической губернии учреждался Приказ общественного призрения под руководством губернатора. Помощником в управлении данным учреждением являлся губернский предводитель дворянства [Там же: 289].

8. С целью централизации и повышения эффективности управления, все городские и сельские полиции были подчинены таврическому губернатору. Находившийся в губернии военный инспектор должен был связываться с губернатором только в случае взаимной необходимости.

9. Для исполнения дел, касавшихся уездного самоуправления, в каждом уезде Таврической губернии учреждался нижний земской суд, в составе земского исправника и четырех заседателей. Все они избира-

лись по общим правилам местными дворянами. Но так как среди крымско-татарских беев и мурз еще мало кто знал русский язык и был знаком с российской бюрократической системой для выполнения обязанностей в административном органе, то было разрешено формировать состав нижнего земского суда из двух заседателей от дворян. Если и при таком условии кандидатов для комплектации суда не находилось, то губернское правительство могло самостоятельно назначить достойных представителей на вакантные должности.

10. Чтобы не затруднять переселявшихся в Таврическую губернию иностранцев обращением в разные судебные инстанции и присутственные места, решено было соединить их все в одном губернском правительстве и общем гражданском и уголовном суде. Таким образом учреждение уездных судов было признано излишним, за исключением Днепровского и Мелитопольского уездов.

11. В вышеназванных двух «некрымских» уездах, поскольку они находились в значительном удалении от губернского города, было принято решение создать уездные суды на общих основаниях. Жалобы на их решения поступали в Таврический гражданский и уголовный суд.

12. Проблемой этих уездов являлось малочисленность дворян, поэтому состав судов формировался губернским правительством.

13. В Тьмутараканском уезде отсутствовали уездный и нижний земской суд, поскольку там находилось Черноморское войско, состоявшее на особых правах (см. указ от 25 февраля 1802 г. [ПСЗРИ 1. Т. 27. № 20156. С. 53–55]). Равно и Греческий пехотный батальон, расположенный в Балаклаве и ее окрестностях, в отношении земских дел напрямую подчинялся управлению ТГП, поэтому общепринятых уездных учреждений там не было.

14. Во всех крымских городах: губернском – Симферополе, уездных – Перекопе, Евпатории, Феодосии, а также Севастополе, Бахчисарае, Карасубазаре, Керчи и Еникале полагалось быть по одному городничему. В Перекопской крепости уже числился выполнявший похожие обязанности комендант, но городничий был необходим для находящегося рядом городского поселения Армянский Базар.

15. Также в Таврическую губернию было определено два уездных казначея: один трудился в Симферополе, другой в Перекопе.

16. Во всех губернских и уездных присутственных местах обязаны были состоять в штате переводчики на татарский язык.

17. Действовавшие в городах магистраты и ратуши, а также переведенный из Екатеринославской губернии в Карасубазар Католический

суд, равно как и учрежденный по особому штату в 1794 г. Духовный Магометанский суд в Симферополе, оставались на прежнем своем положении [ПСЗРИ 1. Т. 27. № 20449. С. 290].

18. Учрежденный в 1797 г. в Крыму Консулат для покровительства торговли и выдачи паспортов иностранцам было решено распустить, так как эти обязанности находились теперь у губернатора.

19. Медицинская управа действовала на равных основаниях с другими губерниями.

В конце императорского указа Сенату поручалось принять необходимые меры для имплементации закона и составить подробные штаты всем трем губерниям [Там же: 291].

Сенат, «*по выслушании указа*», выдал ряд распоряжений губернским начальникам. Так, губернаторам было приказано заняться формированием присутственных мест и разграничением территории незамедлительно. Назначения в Таврическое губернское правительство и выборы в суды и присутственные места было поручено провести до 1 января 1803 г., подготовившись таким образом, чтобы новоизбранные чиновники сразу вступили в должности. Также предписано законы (то есть сборники, выписки из указов, тематические подборки, оставшиеся от прежних органов исполнительной власти, которые губернские прокуроры должны были вести в соответствии с Учреждением о губерниях 1775 г. [см. ПСЗРИ 1. Т. 20. № 14392. Отд. 1. Ст. 405. С. 280]) оставить от прежнего состава, а недостающие заимствовать из Екатеринославской губернии. Наконец, проект комплектации штатными единицами для новых губерний необходимо было подготовить примерно по образцу уже ранее «Высочайше утвержденных» штатов для 37 губерний и передать на рассмотрение в Сенат [ПСЗРИ 1. Т. 27. № 20449. С. 291, прим.].

Организовывать и контролировать процесс формирования и благоустройства трех причерноморских губерний было поручено николаевскому военному губернатору генерал-лейтенанту С. А. Беклешову. В феврале 1803 г. появился именной указ на его имя, в котором император Александр I подробно расписывал первостепенные задачи руководителю края [ПСЗРИ 1. Т. 27. № 20643. С. 482–485]. По прибытии на место службы Беклешов должен был лично осмотреть все территории и определить главнейшие проблемы. В первую очередь оценить возможности для развития внутренней и международной торговли, обратить внимание на портовые города, учитывая рекомендации Новороссийского Комитета. Одним из приоритетов являлось создание режима пор-

то-франко в Феодосии, для чего необходимо было как можно скорее организовать работу карантинных и таможенных. Проблемой было отсутствие в Таврической и Николаевской губерниях необходимого числа казенных помещений для размещения присутственных мест. Поэтому Беклешову предстояло определить, какие здания нужно построить и выслать подготовленную смету лично императору для утверждения. Пока же разрешалось размещать административные службы в частных домах, арендуя их у хозяев. Для организации рабочих мест губернских чиновников, покупку мебели и тому подобные расходы император отдельно ассигновал 10 000 рублей [Там же]. Тогда же были утверждены эскизы мундиров для чиновников Николаевской и Таврической губерний [ПСЗРИ 1. Т. 27. № 20636. С. 478].

Спустя несколько месяцев, 13 мая 1803 г., по предложению Беклешова резиденция военного губернатора была перенесена из Николаева в Херсон, так как в Николаеве уже давно действовало военно-морское управление и организовывать там дополнительно еще и губернские органы власти показалось ему неудобным. К тому же возникали сложности с отоплением помещений. Таким образом, Николаевская губерния была переименована в Херсонскую с сохранением тех же границ и внутреннего разделения на уезды [см. ПСЗРИ 1. Т. 27. № 20760. С. 603]. Штат херсонского военного генерал-губернатора в целом соответствовал общероссийским стандартам. Единственное небольшое традиционное региональное отличие заключалось в усиленном составе переводчиков и пограничной службы [см. ПСЗРИ 1. Т. 27. № 20934. С. 890; Т. 44. Ч. 2. Гл. Царствование Александра I (1801–1812). С. 25, 219].

Параллельно с губернским начальством имперской властью утверждались градоначальники в приоритетные портовые города региона. Так, 27 января 1803 г. Одессой был назначен руководить герцог Э. О. де Ришелье [ПСЗРИ 1. Т. 27. № 20600. С. 442–443], который также получил подробные должностные инструкции от императора [ПСЗРИ 1. Т. 27. № 20601. С. 443–445]. 9 мая 1803 г. градоначальником Таганрога был назначен граф А. А. Дашков [ПСЗРИ 1. Т. 27. № 20755. С. 596–598]. Наконец, в феврале 1804 г. градоначальником Феодосии стал генерал А. С. Феньш [ПСЗРИ 1. Т. 28. № 21172. С. 148–151].

Утвержденная структура губернских правлений постоянно дополнялась новыми учреждениями, необходимость которых выявлялась уже в процессе функционирования административной системы. Так, оказалось, что в Крыму за лесными угодьями наблюдает только один фор-

стмейстер (лесник), чего было явно недостаточно. К тому же ближайшее отраслевое начальство лесного ведомства находилось в Екатеринославе, что было очень неудобно и затрудняло решение постоянно возникавших практических задач. Нужно заметить, что в этот период к крымским лесам, их сохранению и увеличению посадок власть относилась с особым вниманием, чему в немалой степени содействовал К. И. Габлиц. Поэтому в мае 1803 г. было принято решение увеличить штатные единицы лесного ведомства в Таврической губернии [ПСЗРИ 1. Т. 27. № 20767. С. 622–623]. Были введены должности обер-форстмейстера, двух форстмейстеров и секретаря при них [ПСЗРИ 1. Т. 44. Ч. 2. Гл. Царствование государя императора Александра I. 1801–1812. С. 20, 84–85].

Одновременно с административными новациями происходила организация учебных округов, в соответствии с новым территориальным разделением южных провинций. Таврическая губерния, наряду с Слободско-Украинской, Орловской, Воронежской, Курской, Черниговской, Полтавской, Николаевской и Екатеринославской вошла в учебный округ учреждаемого в Харькове университета. Попечителем университета и округа был назначен тайный советник граф С. О. Потоцкий [ПСЗРИ 1. Т. 27. № 20598. С. 442]. Спустя почти 30 лет, 9 декабря 1832, учебные заведения Херсонской и Таврической губерний, по инициативе министра народного просвещения были переданы в ведение попечителя одесских училищ [ПСЗРИ 2. Т. 7. № 5811. С. 893–894].

В результате активных мероприятий центральной власти и лично военного губернатора Беклешова присутственные места в Херсонской и Таврической губерниях были открыты 20 мая и 30 июня 1803 г., соответственно [ПСЗРИ 1. Т. 27. № 20923. С. 875–876]. Таким образом, со времени указа об учреждении губернских правлений (8 октября 1802 г.) до момента начала их работы прошло меньше года и такие темпы организации сложного механизма губернского управления, комплектации штата, решения бытовых проблем можно назвать оперативными. Так, предварительный штат Таврической губернии был подготовлен уже в январе 1803 г. (как заранее и планировалось), включая расходы на функционирование выборного совестного суда, об учреждении которого в указе от 8 октября 1802 г. ничего не говорилось [Хутько 2013: 79]. Следует напомнить, что в свое время Потемкин на организацию работы органов исполнительной власти в Таврической области потратил более 3-х лет.

Одной из главных проблем в этот период оставалось отсутствие квалифицированных кадров, способных качественно выполнять чиновни-

чью работу. Причем это была не только крымская специфика. Аналогичные сложности встречались в России в большинстве «окраинных» губерний. Поэтому в апреле 1804 г. был издан указ, разрешавший губернаторам Сибирских, Новороссийских, Астраханской и Кавказской губерний определять на работу чиновников не по утвержденным правилам, когда разница между классом должности и чином претендента не должна была составлять более чем один класс [см. ПСЗРИ 1. Т. 26. № 19961. С. 736], а по собственному усмотрению с учетом способностей кандидата на должность [ПСЗРИ 1. Т. 28. № 21273. С. 287].

Окончательно, проходившие до этого апробацию, штаты Херсонской и Таврической губерний были утверждены 16 марта 1806 г. [ПСЗРИ 1. Т. 29. № 22063. С. 143]. В Таврической губернии, как ранее и было предписано (см. № 20449, 8 октября 1802 г.), вместо бывших когда-то на этой территории областного (при Екатерине II) и уездного (при Павле I) правлений утверждался новый третий вариант внутреннего управления, заключавшийся в создании двух губернских правительственных экспедиций – Исполнительной и Казенной [ПСЗРИ 1. Т. 44. Ч. 2. Гл. Царствование государя императора Александра I (1801–1812). С. 230–231]. При этом штат экспедиций формировался на таких же принципах, как и для чинов, состоявших на службе в правлениях ординарных губерний (см. п. 17 Штатов [Там же: 231]). Вместо отдельных судебных палат уголовных и гражданских дел утверждался единый Таврический гражданский и уголовный суд. При этом обыкновенная для других губерний казенная палата отсутствовала, дела ее должны были рассматриваться в казенной экспедиции. Утверждались стандартные должности и структуры губернского прокурора (6 класс, 600 рублей в год [Там же: 226]), совестного суда, приказа общественного призрения. При этом в совестный суд была добавлена должность переводчика, а должность секретаря приказа общественного призрения была совмещена с аналогичной должностью при губернаторе [Там же]. На всю губернию формировалось четыре полицмейстерских команды и пять городничих со штатом – то есть, как и планировалось (см. пункт 14 указа от 8 октября 1802 г., № 20449), правоохранительные должности были введены во всех, даже не имевших уездов городах Крыма (Севастополь, Бахчисарай, Карасубазар, Керчь-Еникале) [Там же. С. 227]. Указом также подтверждалось запланированное ранее количество штатных единиц уездных судов (в Днепровском и Мелитопольском уездах), уездных казначейств (2), нижних земских судов (6), городских магистратов (7). Кроме того в губернии

было предусмотрено функционирование только трех уездных дворянских опеков, которые учреждались во «внешних» уездах. Внутри Крыма, в связи с отсутствием уездных судов, дела дворянских опеков поручались гражданскому и уголовному суду под наблюдением предводителя дворянства [Там же: 226]. Также в уездах формировались уездные и особые воинские команды (отсутствовали в Тьмутараканском и Феодосийском уездах [Там же: 227] и в Черноморском войске).

Годовая сумма на содержание всех вышеперечисленных органов государственной власти в Таврической губернии составила 64 065 рублей. На содержание воинских штатных команд отдельно было предусмотрено 6 809 рублей 40 копеек [Там же]. В целом, это меньше, чем затраты на содержание соседних Херсонской и Екатеринославской губерний (84 629 рублей и 86 230 рублей соответственно), или бюджет Таврической области при Екатерине II (более 100 000 рублей). Но в сравнении с расходами на все три губернии, объединенные в Новороссийскую при императоре Павле I (82 348 рублей), можно констатировать, что суммы на функционирование государственных органов власти были значительно увеличены.

Таким образом в Таврической губернии была зафиксирована особая система управления, которая существенно отличалась от общепринятой в Российской империи и была даже в большей степени оригинальна, чем в период функционирования Таврической области. Главные особенности состояли в разделении внутренних дел между двумя специальными экспедициями – исполнительной и казенной, действии неразделенного гражданского и уголовного суда, отсутствию уездных судов внутри Крыма, наличию независимых от губернской власти градоначальств и военных баз (Феодосия, Керчь-Еникале, Севастополь, Балаклава).

Нестандартная организация органов управления была призвана упростить и ускорить прежде всего экономическое развитие края, но в действительности лишь отчасти выполняла свое предназначение, а порой затрудняла обыденные процессы. Такая структура далеко не являлась «динамичной и эффективной», как утверждают современные исследователи [Шандра 2005: 165]. Например, отсутствие уездных судов негативно сказывалось на работе общего Таврического гражданского и уголовного суда, куда направлялись дела из уездов. Критический объем дел, попадавший на рассмотрение единого судебного органа, сказывался на его продуктивности, приводя к крайней медленности решений и волоките. Поэтому, по мере накопления информации о внутренней си-

туации, власть была вынуждена исправлять неэффективные решения административного устройства. Так, в 1811 г. по предложению херсонского военного губернатора де Ришелье, после обсуждения в Сенате в департаменте гражданских и духовных дел и утверждении в Госсовете [Архив 1892: 37–40], было принято решение об учреждении внутри Крыма в Симферополе и Евпатории столь необходимых двух уездных судов с опеками [ПСЗРИ 1. Т. 31. № 24610. С. 626]. Еще через несколько лет, после того, как губернский прокурор при участии министра юстиции и таврического губернатора подробно изучили причины медленного течения дел в гражданском и уголовном судах Таврической губернии [Хутько 2013: 79], были упразднены очередные принципиальные расхождения в системе судебной власти в Крыму с общеимперской. Так, указом от 28 декабря 1818 г. с целью *«приведения Таврической губернии в лучшее устройство»* действовавший в Симферополе объединенный гражданский и уголовный суд был, наконец, разделен на две палаты: уголовную и гражданскую, а уездные суды, как и принято в других провинциях, учреждены во всех уездах Таврической губернии [см. ПСЗРИ 1. Т. 35. № 27601. С. 653–654].

В дальнейшем процесс унификации системных элементов управления продолжился. Столь же необходимая для региона спецификация для учета местных особенностей стала проявляться в менее масштабных институциональных решениях. Например, путем организации в Крыму временных экстраординарных органов, внедрения дополнительных учреждений в рамках существующей структуры, корректировки штатных единиц, изменения принципов финансирования, и пр.

В период правления Александра I земельный вопрос в Крыму являлся главной причиной учреждения временных специализированных экстраординарных органов на полуострове и в Санкт-Петербурге. Тема земельных владений неоднократно поднималась на заседаниях вышеупомянутого Новороссийского Комитета. В 1802 г., с целью решения земельных проблем, накопившихся в Крыму с момента присоединения, в Симферополе была учреждена особая «Комиссия для разрешения споров по землям на Крымском полуострове» с отдельным финансированием и широкими полномочиями в области судебных решений [ПСЗРИ 1. Т. 27. № 20270. С. 143]. В нее стали стекаться многочисленные жалобы и земельные иски, которые Комиссия получила право решать самостоятельно. В 1804 г. с целью оптимизации работы были дополнены правила Комиссии, утвержденные ранее в качестве руководства к ее

действию. В результате специализация дел, поступавших в Комиссию была сужена, а полномочия в отношении вынесения вердиктов расширены [ПСЗРИ 1. Т. 28. № 21275. С. 288–292]. Комиссия получила право, игнорируя действовавшие на полуострове общие судебные инстанции, выносить окончательные решения по земельным спорам, которые нельзя было обжаловать не только в других присутственных местах, но даже и в Сенате [Там же. С. 290]. В сентябре 1810 г. землеустроительная Комиссия была закрыта. Результаты ее деятельности признаны удовлетворительными. Члены Комиссии были распределены по новым должностям, с сохранением жалованья по старому месту работы до конца года [ПСЗРИ 1. Т. 31. № 24349. С. 350].

Земельный вопрос в этот период оставался одним из самых принципиальных и сложных на полуострове, что потребовало еще до закрытия симферопольской «Комиссии для разбора споров по землям в Крыму» учредить в Санкт-Петербурге особый Комитет для проверки выносимых в Крыму судебных решений (30 октября 1808 г.) [ПСЗРИ 1. Т. 30. № 23325. С. 659–660].

Массовые манипуляции с землей, в которых участвовали чиновники новороссийских губерний, стала одной из причин появления в 1816 г. в Крыму очередного экстраординарного государственного учреждения – «Комиссии для исследования и искоренения злоупотреблений в Таврической губернии» [ПСЗРИ 1. Т. 33. № 26254. С. 631]. На основании решений этого, по сути, следственного органа, действовавшего вне традиционных государственных институтов, злоупотребления должны были искореняться, а виновные предаваться суду [Там же: 631–632]. То, что проблемы в Крыму стали носить системный характер и решались сложно и медленно свидетельствовало создание в 1819 г. в Санкт-Петербурге «Комитета для рассмотрения дел, возникших по жалобам от татар, в Таврической губернии обитающих» [ПСЗРИ 1. Т. 36. № 28014. С. 406]. Император после посещения Крыма в 1818 г., обратил внимание на поднесенные ему жалобы от крымских татар *«о притеснениях им чинимых по владению земель и на разные другие дела»*. Для изучения всех этих казусов были привлечены опытные чиновники, хорошо знакомые с крымской тематикой (Габлиц, Лавинский, Штер). В Комитет для анализа должны были стекаться все документы о Таврической губернии из профильных министерств и ведомств (МВД, Минфин, Императорская Канцелярия). Курировать и помогать работе Комитета было поручено лично министру внутренних дел В. П. Кочубею [Там же].

Учреждение особого Комитета свидетельствовало, что к началу 20-х гг. XIX в. император, высшие чиновники осознали необходимость изменения внутренней политики в региональном аспекте. Одной из главных обязанностей Комитета 1819 г. стала разработка актуальных правил землепользования в Крыму, поиск новых подходов в сфере экономики, этноконфессиональной политики, внесение предложений по институциональным и административным преобразованиям во всей Новороссии. Важнейшим шагом в этом направлении стали административные изменения в региональной структуре власти и последовавшие за ними кадровые решения.

В 1819 г. по личной протекции императора таврическим губернатором был назначен А. Н. Баранов, на которого возлагались большие надежды [см. Кравчук 2015: 61]. В 1821 г. в результате обращения таврического губернского начальства был утвержден указ об изменении принципов формирования нижних земских судов в губернии [ПСЗРИ 1. Т. 37. № 28684. С. 769–770]. А. Н. Баранов обратил внимание, что работа нижних земских судов затруднена из-за того, что выборные должности в этих органах власти занимали главным образом крымские татары-дворяне, не владевшие русским языком и не имевшие достаточного навыка и знаний в делопроизводстве. В связи с этим указ обязывал отойти от обычных правил формирования административного органа, согласно которым кандидатов на должности в нижний земской суд выбирали местные дворяне (в Таврической губернии, как упоминалось выше, число заседателей нижнего земского суда было ограничено (см. пункт 9. указа от 8 октября 1802 г. [ПСЗРИ 1. Т. 27. № 20449. С. 288]), и разрешал исправников и заседателей в суды назначать коронной власти напрямую. При этом исправников решено было набирать из числа ветеранов и инвалидов наполеоновских войн (на основании правил учрежденного 18 августа 1814 г. «Комитета для вспомоществования неимущим изувеченным генералам, штаб- и обер-офицерам» [см. ПСЗРИ 1. Т. 32. № 25642. С. 876]), а заседателей – по решению Таврического губернского правительства [см. ПСЗРИ 1. Т. 37. № 28684 С. 769–770].

Еще одним изменением в структуре казенных учреждений Таврической губернии стало открытие в Мелитополе уездного казначейства [ПСЗРИ 1. Т. 38. № 29101. С. 321]. Очевидно, что действовавшие в Симферополе и Перекопе уже не справлялись с возросшим объемом работы, к тому же находились в удалении от «материковых» уездов. Сумма, предназначенная на содержание штата нового казначей-

ства, как и для других уездов губернии, составила 2 450 рублей в год [Там же].

В 1822 г. проходит глобальная реструктуризация управленческой системы уже всего Новороссийского края, направленная на концентрацию власти в регионе в руках одного администратора – военного губернатора. 10 октября 1821 г. появляются сразу два указа: «О подчинении Одесского, Таганрогского и Феодосийского градоначальников Херсонскому военному губернатору» [ПСЗРИ 1. Т. 37. № 28774. С. 873–874] и «Об учреждении постановления об открытии Керченского порта и штатов Карантинного и таможенного Округов» [ПСЗРИ 1. Т. 37. № 28776. С. 874–878], согласно которым градоначальники Одессы, Таганрога, Феодосии и Керчь-Еникале попадали под прямое управление херсонского военного губернатора, на том же основании и на тех же принципах, на которых осуществлялось подчинение гражданских губернаторов [ПСЗРИ 1. Т. 37. № 28776. С. 875]. Сделано это было с целью укрепления торгово-экономических связей, введения единообразия в карантинном надзоре в черноморских и азовских портах [ПСЗРИ 1. Т. 37. № 28774. С. 873].

Усиление полномочий херсонского военного губернатора, власть которого по факту распространялась теперь на Херсонскую, Екатеринославскую и Таврическую губернии и градоначальников портов, заставили правительство задуматься о формальном переименовании должности. В указе 11 мая 1822 г. «*главного начальника*» трех южных губерний приказано в дальнейшем именовать «*Новороссийским Генерал-Губернатором*» [ПСЗРИ 1. Т. 38. № 29031. С. 191–192]. Согласно «Расписанию губерний по управлениям генерал-губернаторов» местопребывание новороссийского генерал-губернатора было определено в Одессе [ПСЗРИ 1. Т. 44. Ч. 2. Гл. Царствование государя императора Александра I. 1813–1825. С. 194].

Масштабная концентрация полномочий в регионе у одного должностного лица, обусловили поиск кандидата на эту должность, обладавшего необходимыми навыками и способностями. Такой чиновник, помимо административных талантов должен был иметь доверительные личные отношения с императором, поскольку формат должности предусматривал частые непосредственные обращения к монарху. Действовавший губернатор А. Ф. Ланжерон в качестве удобной кандидатуры не рассматривался [Фадеев 1897: 64; см. также: Вигель 1928: 228–229; Шильдер 1898: 98–99, 107]. В итоге выбор пал на М. С. Воронцова, кото-

рый по масштабу личности, административных и дипломатических талантов наиболее подходил для осуществления крупных структурных и экономических проектов, и надолго стал руководителем края. Назначение Воронцова на должность новороссийского губернатора состоялось 7 мая 1823 г. [Макидонов 2008: 12].

Таким образом, можно констатировать произошедший в начале 20-х гг. XIX в. «откат» системы управления к Екатерининским временам экономического и политического освоения Новороссии, когда руководство огромным регионом концентрировалось в руках одного человека, доверенного лица императора (Потемкин, Зубов), который наделялся экстраординарными полномочиями и был ответственен в своих действиях прежде всего перед монархом.

Такой чиновник обладал высокой степенью автономности в принятии управленческих решений, с ним в обязательном порядке согласовывались столичные проекты, касавшиеся региональных аспектов. В свою очередь, исходящие от новороссийского начальства «местные» инициативы, требовавшие изменения общероссийских законов, уставов и т. п., внедрялись значительно быстрее, поскольку коммуникация с императором осуществлялась напрямую, минуя обязательные для других провинций институциональные структуры (департаменты, министерства, Государственный совет, Сенат и т. д.). В последовавшие три десятилетия именно с личностью генерал-губернатора Воронцова связана большая часть законодательных инициатив для Новороссии, утвержденных российскими царями.

Возрождение такой системы тем более необычно, что к концу правления Александра I уже была внедрена и повсеместно действовала министерская реформа, и губернские правительства свои предложения должны были в первую очередь согласовывать с профильными министрами. Но дальнейшая практика государственного управления продемонстрировала необходимость в некоторых случаях объединять несколько губерний под властью опытного и квалифицированного администратора, как правило, военного, напрямую ответственного перед императором. В условиях постоянно менявшейся «логики имперских ситуаций» огромной Российской державы такой подход стал стабильно использоваться коронной властью для оптимального управления крупными и специфическим регионами (Кавказ, Сибирь, Средняя Азия).

Особое значение деятельность Воронцова имела для Крыма. Са-новник подробно вникал во внутренние дела Таврической губернии.

В Крыму находились значительные земельные владения Воронцова, включая любимую Алупку, впоследствии вошедшие в его майорат [ПСЗРИ 2. Т. 19. Отд. 1. № 18451. С. 778–779]. Являясь последовательным сторонником формирования в Новороссии помещичьего латифундизма нового типа, основанного на вольнонаемном труде и ориентированного, с учетом развития капиталистических отношений в мире, на внешние рынки, граф в полной мере поощрял данный опыт и в Крыму, с той лишь разницей, что продукты местного сельскохозяйственного производства предназначались в первую очередь для внутрirosсийского потребления. Отдельно следует выделить Южный берег Крыма, где протекционистская политика генерал-губернатора в большей степени была направлена на развитие дачного строительства и организацию архитектурно-ландшафтного пространства [Конкин 2010: 492–493].

Все эти наклонности в полной мере отразились на законотворческой деятельности, одним из приоритетов которой можно назвать унификацию институциональной системы управления и спецификацию экономической модели развития Таврической губернии и Крыма. В период руководства Новороссийским краем Воронцова управление Таврической губернией окончательно утрачивает какие-либо важные особенности в принципах построения органов власти в сравнении с «коренными» губерниями Российской империи.

Несколько принципиальных расхождений было устранено в подходах комплектации судебного корпуса в Крыму. Так, 19 мая 1833 г. был утвержден указ «О предоставлении Таврическому дворянству права избирать из среды своей ассесоров Палат и заседателей Уездных и Земских судов» [ПСЗРИ 2. Т. 8. № 6217. С. 291], согласно которому дворянам Таврической губернии разрешили избирать из своей среды и из числа местных чиновников ассесоров для уголовной и гражданской палат и заседателей уездных и нижних земских судов. На каждую из этих должностей путем выборов определялись по два кандидата, из которых новороссийский губернатор утверждал достойного. Напомним, что в отношении судебных учреждений (уголовная и гражданская палата, уездные суды) данного права таврические помещики были лишены еще при создании Таврической губернии в 1802 г. Тогда это объяснялось «малочисленностью» местных дворян (см. пункт 12) [ПСЗРИ 1. Т. 27. № 20449. С. 288]. Ограничение же формировать состав нижнего земского суда были введены, как говорилось выше, по предложению губернатора Баранова, в связи с тем, что большая часть занимавших

эти должности крымских татар не могла удовлетворительно выполнять обязанности из-за недостаточного владения русским языком и навыками делопроизводства [см. ПСЗРИ 1. Т. 37. № 28684. С. 769–770]. Теперь все эти ограничения снимались, но отдельно оговаривалось, что крымские татары-дворяне могли избираться, по-прежнему, только при условии квалифицированного знания русского языка. Причем должны были сдавать экзамен на должность в присутствии таврического губернатора и прокурора.

Языковая проблема при работе крымских органов власти оставалась актуальной еще долгие годы. Основная масса крымско-татарского населения спустя полвека после присоединения Крыма к Российской империи, по-прежнему, не знала русский язык. Для осуществления эффективной взаимной коммуникации представителей имперской власти с мусульманскими жителями полуострова новороссийский губернатор посчитал нужным ввести должность русско-татарского переводчика во всех уездных земских судах Таврической губернии. Инициатива Воронцова была утверждена императорским указом от 4 октября 1838 г. [ПСЗРИ 2. Т. 13. Ч. 2. № 11594. С. 188]. Напомним, «усиленный» штат переводчиков являлся отличительной особенностью Таврической области с момента ее учреждения в 1784 г. Норма об обязательном наличии переводчиков во всех губернских и уездных присутственных местах была зафиксирована и в действовавшем указе об учреждении Таврической губернии от 8 октября 1802 г. [ПСЗРИ 1. Т. 27. № 20449. С. 288. П. 16], но, по-видимому, не выполнялась в должном объеме.

Преобразования в системе судов продолжились в 1838 г., когда таврические дворяне получили право избирать уже не только заседателей, но и самих уездных судей (указ от 19 июня 1838 «О дозволении Таврическому дворянству избирать из среды себя Уездных Судей» [ПСЗРИ 2. Т. 13. Ч. 1. № 11353. С. 996]). Однако окончательное решение об утверждении в должности принимал новороссийский генерал-губернатор. 14 марта 1839 г. данный указ был дополнен разъяснением о порядке назначения избранных судей. Возникла коллизия, как поступать с действовавшими уездными судьями после избрания кандидата на их должность: увольнять немедленно, или оставлять на должности до нового назначения. В результате было принято решение, что увольнять сразу таких чиновников было бы несправедливо. Поэтому избранные лица в статусе кандидатов должны были ожидать освобождения должности до формального решения министра юстиции [ПСЗРИ 2. Т. 14. Ч. 1. № 12115. С. 225–226].

Наконец, 27 мая 1840 г. таврическим дворянам было разрешено «на общих основаниях» избирать председателей судебных палат. С учетом вышеупомянутого указа было специально оговорено, что вступать в должность кандидаты могли не ранее, чем по выбытию предыдущего чиновника [ПСЗРИ 2. Т. 15. Ч. 1. № 13497. С. 351].

Таким образом к 1840 г. принципы комплектации уездных судов в Таврической губернии были окончательно приведены в стандартный общероссийский формат и в дальнейшем менялась уже вместе с реформами в масштабах всего государства.

Необходимо отметить важные изменения в административно-территориальном разделении Таврической губернии. Еще в 1820 г. из состава губернии был выведен Тьмутараканский уезд, находившийся за пределами Крыма, на Тамани. Причиной стало переподчинение Черноморского войска и принадлежавших ему земель в управление Отдельного Грузинского (Кавказского) Корпуса. Такая трансформация, по задумке властей, была более эффективной в силу особенностей географического расположения территории, занимаемой войском («по местному положению Черноморского войска»). Характерно, что структура управления уездом сохранялась в новой юрисдикции Кавказского губернского начальства в прежнем виде. [см. ПСЗРИ 1. Т. 37. № 28225. С. 258].

Общее количество уездов в Таврической губернии было снова доведено до семи в 1838 г., когда по инициативе Воронцова был учрежден новый Ялтинский уезд, который был выделен из состава Симферопольского уезда. Связано это было с приоритетным развитием Южнобережья, происходившим, в первую очередь, благодаря усилиям генерал-губернатора, заметным ростом здесь населения и «промышленности» (то есть ремесленного и сельскохозяйственного производства). Центром уезда становился г. Ялта [ПСЗРИ 2. Т. 13. Ч. 1. № 11080. С. 196–197]. В 1841 г. система местных органов власти в Ялтинском уезде была окончательно сформирована по общепринятому образцу (были учреждены уездный суд и дворянская опека) [ПСЗРИ 2. Т. 16. Ч. 1. № 14947. С. 862–863; Т. 13. Ч. 2. Приложения. I. Штаты и табели. С. 43; см. также: Хутько 2013: 80].

Далее в указе от 7 января 1842 «О новом устройстве полицейского управления северной части Таврической губернии» было объявлено о формировании еще одного – Бердянского уезда. Новая административная единица образовывалась путем передела Мелитопольского и Днепровского уездов, расположенных в северной, «континентальной» части губернии. В связи с чем, в Мелитопольском уезде уездным городом

назначалось казенное селение Новоалександровка, переименованное в Мелитополь, а бывший уездный центр Орехов переходил в разряд заштатных городов. Бердянск становился уездным городом одноименного уезда, в Днепропетровском уезде центром продолжал оставаться город Алешки [ПСЗРИ 2. Т. 17. Ч. 1. № 15193. С. 2–3].

В целом, с учетом исключенного в 1820 г. Тьмутараканского, в Таврической губернии стало числиться восемь уездов. В дальнейшем число уездов в губернии не менялись, увеличивалось только количество волостей в результате новых административно-территориальных разграничений [Шевчук и др. 2006: 18–22].

Что касается органов исполнительной власти Таврической губернии, то последние, исключительно формальные изменения, окончательно нивелировавшие особенности в системе местного управления, произошли в 1838 г., когда исполнительная и казенная экспедиции Таврического губернского правительства были переименованы, соответственно, в губернское правление и казенную палату, как в других регионах [ПСЗРИ 2. Т. 13. Ч. 2. № 11530. С. 116]. Данный «ребрендинг» не потребовал никаких изменений в штатах, поскольку еще задолго до переименования эти учреждения выполняли функции аналогичные подобным структурам в других губерниях и комплектовались стандартными штатными единицами.

Наконец, 2 января 1845 г. императором Николаем I был утвержден важный и пространный закон – «Учреждение Губернских правлений», в котором регламентировались и описывались важнейшие функции местных органов власти для 43 губерний Российской империи [ПСЗРИ 2. Т. 20. Ч. 1. № 18580. С. 16]. Согласно этим универсальным правилам губернские правления (за исключением столичных и губерний, управлявшихся «по особым учреждениям») разделялись по составу и количеству поступавших в них дел на три разряда. Таврическая губерния в новом регламенте не числилась уже на «особом» счету и была отнесена ко 2-му разряду, наряду с семнадцатью другими [ПСЗРИ 2. Т. 20. Ч. 2. Приложения. I. Штаты и Табели. С. 5]. Действие указа постепенно распространялось по всем провинциям Российской империи. В Таврической губернии (и одновременно еще в восьми губерниях) новые штаты губернского правления и канцелярии были введены 10 апреля 1845 г. [ПСЗРИ 2. Т. 20. Ч. 1. № 18918. С. 326–327].

Таким образом, при Воронцове происходит окончательное выравнивание крымских институциональных «особенностей», органы го-

сударственной власти в Таврической губернии, в целом, были унифицированы в сравнении с другими провинциями Российской империи. При этом следует отметить, что Таврическая губерния, наряду с Екатеринославской и Херсонской, продолжала находиться в прямом управлении новороссийского генерал-губернатора. Вся обширная северопрichernоморская территория была объединена в особый «макрорегион» Новороссия, хотя и включавший в себя три разных административных субъекта империи, но объективно требовавших применения единой социально-экономической модели развития.

В случае Таврической губернии, региональная специфика государственного управления заключалась теперь не в конструировании особой структуры местной власти, а в сохранении или создании некоторых локальных институций или в эксклюзивных программах государственной поддержки, учитывавших этническое и конфессиональное разнообразие местного населения и географическое расположение губернии. У генерал-губернатора всегда находился «индивидуальный подход» для институциональной фиксации крымских особенностей, которые с различной степенью эффективностью удавалось «вмонтировать» в общероссийскую систему управления (напр., функционирование таких структур, как Таврическое магометанское духовное правление, Таврическое и Одесское караимское духовное правление, независимые от гражданских губернаторов градоначальства, предоставление льгот различным категориям населения, фискальные инновации, духовные суды и т. п.). В таком виде система управления регионом сохранялась вплоть до 1874 г., когда окончательно была упразднена должность новороссийского генерал-губернатора.

ЛИТЕРАТУРА

- Архив Государственного Совета*: в 5 т. Т. 4. Царствование императора Александра I (с 1810 по 19 ноября 1825 г.). Журналы по делам департамента гражданских и духовных дел. Ч. 1. СПб., 1892.
- Вигель Ф. Ф.* Записки. Т. 2. М., 1928.
- Головки Ю. И.* Проекты развития черноморской торговли (последняя четверть XVIII – начало XIX в.) // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2014. № 17.
- Дмитриев В. В.* Роль Г. А. Потемкина в формировании органов управления в Крыму в конце XVIII века // Парадигмы истории и общественного развития. 2016. Вып. 2–3. [Екатерина II] Учреждение Екатеринославского наместничества. Рескрипты 1783 г. // ЗООИД. 1875. № 9.

- Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка 1769–1791. М., 1997.*
- Загоровский Е. А. Организация управления Новороссии при Потемкине в 1774–1791 годах // ЗООИД. 1913. № 31.*
- [Иванов П. А.] Из дел Московского отделения архива Главного Штаба. Извлечения из «Журнала реляциям кн. Потемкина, Ея Императорскому Величеству подаваемым» // ИТУАК. 1893. № 19.*
- История Крыма. М., 2015.*
- История Крыма / ред. А.В. Юрасов. Т. 2. М., 2019.*
- Киреенко Г. К. Ордера кн. Потемкина за 1787 год (продолжение) // ИТУАК. 1888а. № 6.*
- Киреенко Г. К. Ордера кн. Потемкина. 1787 год (продолжение) // ИТУАК. 1888б. № 7.*
- Киреенко Г. К. Ордера кн. Потемкина правителю Таврической области за 1788 и 1789 год // ИТУАК. 1891. № 13.*
- Киреенко Г. К. Ордера кн. П.А. Зубова правителю Таврической области за 1794 г. (продолжение) // ИТУАК. 1893. № 18.*
- Киреенко Г. К. Об ордерах князя Потемкина и графа Зубова, хранящихся в архиве Таврического губернского правления (1784–1796) // ИТУАК. 1897. № 3. 2-е изд.*
- Конкин Д. В. Граф М. С. Воронцов и вакуфный вопрос в Крыму // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI.*
- Конкин Д. В. Проблема землевладения крымских татар в проекте К. И. Таблица «О разделе Новороссийской губернии и организации управления и хозяйства в Крыму» (1802 г.) // Материалы к истории Причерноморья в Новое время. Симферополь, 2016.*
- Кошман В. А. Функционирование казенной палаты в Таврической области в 1784–1796 годах // Политематический сетевой электронный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 121.*
- Кошман В. А. Функционирование судебной системы Таврической области // Вестник Российского университета кооперации. 2017. № 1.*
- Кошман В. А. Органы государственной власти в Таврической области (1784–1796). Симферополь, 2018.*
- Кравчук А. С. К биографии таврического гражданского губернатора Александра Николаевича Баранова (1793–1821) // КИО. 2015. № 3.*
- Крым в истории России. Интернет-проект / сост. Н. Ю. Болотина. [Электронный ресурс; режим доступа: <http://krym.rusarchives.ru>].*
- Лашков Ф. Ф. Статистические сведения о Крыме, сообщенные каймаканами в 1783 году // ЗООИД. 1886. № 14.*
- [Лашков Ф. Ф.] Камеральное описание Крыма 1784 г. (продолжение) // ИТУАК. 1888. № 6.*
- [Лашков Ф. Ф.] Распоряжения (Ордера) светлейшего князя Потемкина Таврического правителю Таврической области В. В. Каховскому за 1784 и 1785 годы // ЗООИД. 1889. № 15.*
- Лашков Ф. Ф. О камеральном описании Крыма 1784 г. // ИТУАК. 1897. № 2. 2-е изд.*
- Лопатин В. Повесть о Потемкине, князе Таврическом. М., 2018.*
- Макидонов А. В. К светской и церковной истории Новороссии (XVIII–XIX вв.). 3-е изд. Запорожье, 2008.*
- Макидонов А. В. Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века. Запорожье, 2011.*

- [Мурзакевич Н.] Распоряжения светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического касательно устройства Таврической области с 1781 по 1786 год // ЗООИД. 1881. № 12.
- Письма светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического разным лицам // ЗООИД. 1872. № 8.
- Прохоров Д. А. Органы управления Таврической области после присоединения Крыма к России (1783–1787 гг.) // МАИЭТ. 1996. Вып. V.
- Прохоров Д. А. Государственные учреждения Таврической области в конце XVIII века // КНП. 1998. № 4.
- Прохоров Д. А. Крымские татары в органах управления Таврической области после присоединения Крыма к России (1783–1787 гг.) // ПИФК. 2016. № 1.
- Прохоров Д. А. Участие крымских татар в работе государственных учреждений Таврической области и их роль в укреплении российского влияния в регионе // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825. Севастополь, 2017.
- [Суворов А. В.] Документы. Материалы для истории русской армии. Т. 2. М., 1951.
- Узденников В. В. Монеты России. 1700–1917 / издание 3-е, перераб. и доп. М., 2004.
- Фадеев А. М. Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева. 1790–1867 гг. Ч. 1. Одесса, 1897.
- Храпунов Н. И. Через Крым – в Азию: проекты европейских интеллектуалов конца XVIII – начала XIX в. // Центральная Азия на перекрестке Европейских и Азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв. Сборник науч. трудов. М. 2019.
- Хутько Т. В. Створення судових органів у Таврійській області у 80-ті – 90-ті роки XVIII століття // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Юридические науки». 2012. Т. 25. № 2.
- Хутько Т. В. Становлення судової системи в Таврійській губернії в першій половині XIX століття // Часопис Київського університету права. 2013. № 2.
- Шевчук А. Г., Беднарский И. Г., Швец А. Б., Ефимов С. А., Кравцова Л. П. Административно-территориальное устройство Крыма в документах и картографических образах XVIII–XXI вв. Симферополь, 2006.
- Шильдер Н. К. Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 4. СПб., 1898.
- Шандра В. С. Генерал-губернаторства в Україні: XIX – початок XX століття. Київ, 2005.

«АЗИАТСКИЙ МИРАЖ» И БУДУЩЕЕ КРЫМА: ПРОЕКТЫ ЗАПАДНЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

Н. И. Храпунов

Экспансия России на юг при Екатерине II радикально изменила политическую ситуацию в Причерноморье и Средиземноморье. Западным державам предстояло осмыслить сложившиеся обстоятельства и их перспективы для развития международной политики и коммерции. Среди европейских интеллектуалов нашлись выдвинувшие проекты использования Крыма как звена в международной торговле, способной связать европейские державы и их вест-индские колонии не только с Россией, но и с Каспийским регионом, Индией и Китаем. Очевидно, конкуренция за доступ к ресурсам и рынкам Востока заставляла западноевропейцев искать нестандартные пути. Показательно, что среди авторов этих проектов были путешественники, имевшие практические знания о дальних странах, сочинения которых завоевали популярность у образованной публики.

Правители эпохи Просвещения с доверием относились к проектам разнообразных авантюристов, несмотря на свойственную многим из них наивность и фантастичность [Строев 1998]. На практические действия политиков и военных повлияли суждения, выражавшие идеологию европейского колониализма и ориентализма, утверждавшие превосходство Запада над Востоком и потому оправдывавшие эксплуатацию последнего риторикой о «цивилизаторской миссии Запада». Мираж «азиатских богатств» мог привести к необдуманным решениям и трагическим последствиям. Так, сочинения Константена Вольнея и Клода Савари подтолкнули Бонапарта к походу в Египет [Прусская 2016: 64–86].

Особую роль в представлениях Просвещения играла торговля. Как писал Монтескье, *«Редко случается, чтобы в стране не было излишков; но торговле свойственно по ее природе делать излишние вещи полезными, а полезные необходимыми. Поэтому торговое государство может доставить необходимые вещи большому количеству своих подданных»* [Монтескье 1999: 294]. Показательны размышления Вольтера в бестселлере, написанном по заказу русских властей – «Истории Российской империи в царствование Петра Великого». По мнению французского философа, до Петра I Россия была страной абсолютно нецивилизирован-

ной, и одним из проявлений этого было отсутствие международной торговли. *«Если есть какая-нибудь в том выгода, чтобы быть выше татар и северных народов вплоть до Китая, то Россия наслаждалась этой выгодой, но надлежало сравняться с просвещенными народами и даже стараться превзойти многие из них. Такое предприятие казалось невозможным, ибо на море россияне не имели ни одного корабля, а на сухом пути не знали никакой дисциплины...»* [Вольтер 2012: 65]. Но торговля считалась важной и в исторической перспективе. По словам Монтескье, *«История торговли есть история общения народов. Произведенные ими разрушения да те или иные приливы и отливы народов с сопровождавшими их опустошениями составляют величайшие события в ее летописях»* [Монтескье 1999: 297]. Следовательно, история торговли – это и была история человечества, а опыт прошлого оказывался бесценен при разработке планов на будущее.

Уже в середине XVI в. британцы разрабатывали планы проникновения в Центральную Азию через Россию, когда та установила контроль над большей частью волжско-каспийского торгового пути [Ниязатов 2013: 122; Кудрявцев, Кудрявцев 2015: 26–34]. Впрочем, добравшиеся до Центральной Азии англичане скептически оценивали перспективы торговли с местными жителями [Английские путешественники 2007: 213, 221–222, 226]. Западные представления о регионе в XVIII в. можно охарактеризовать как двойственные. С одной стороны, знания о землях за Каспийским морем оставались довольно смутными [Вольпьяк-Оже 2004]. С другой, западноевропейцы неоднократно писали о перспективах использования водных путей России для учреждения торговли с ее внутренними губерниями и транзитной – со странами Центральной Азии [Кросби-Арнольд 2013: 43–47]. Для французов первостепенными оставались интересы в Леванте. Растущее влияние России в регионе они ощущали как угрозу [Станиславская 1962: 23–45]. В третьей четверти XVIII в. интересы Франции распространились и на Крым, куда стали направлять консулов. Одной из задач, поставленной перед последним французским консулом Франсуа де Тоттом (1767–1769), как следует из его переписки с Версалем, было заключение торгового договора непосредственно между Францией и Крымом (минуя Оттоманскую Порту). Он неоднократно говорил об этом с ханами Максуд-Гиреем и Крым-Гереем, но успеха не добился [La correspondance 2014: passim]. Между прочим, в одном из донесений во Францию де Тотт писал о перспективах торгового проникновения че-

рез Кафу (Феодосию) морем в Трапезунд (Трабзон) и далее караванами в Ереван, Тифлис и к Каспийскому морю [La correspondance 2014: 155]. Но если эти соображения были скрыты от широкой публики, то ей были известны рассуждения Вольтера о том, что Крым был ключом к торговле с прикаспийскими странами. По его мнению, такая торговля существовала в прошлом, до завоеваний Тамерлана и османов [Вольтер 2012: 283].

Во французских библиотеках и архивах можно отыскать немало текстов, авторы которых анализировали выгоды торговли с Россией через причерноморские порты [Черкасов 2004: 273–279]. В российских архивах также хранятся проекты развития черноморской торговли со странами Запада, поданных на рассмотрение властей [Головко 2014: 83–101]. Последние, со своей стороны, предпринимали меры для развития торговли через южные порты [Захаров, Пospelова 2012: 58–70].

В 1769 г. граф Сигизмунд фон Редерн (ок. 1715–1789), немец по происхождению и французский подданный, представил Екатерине II проект присоединения Крыма. По-видимому, он считал это первым шагом в реализации грандиозного замысла компании для торговли с Востоком. Этот проект, очевидно, вдохновлялся примером Британской Ост-Индской компании, ставшей мощнейшим инструментом британского колониализма. Задуманная фон Редерном структура должна была получить ряд государственных функций (юридический иммунитет, право вести войну, армию и флот). Однако императрица проект отвергла, очевидно, по причине его утопичности [Строев 1998: 222–224].

Через четырнадцать лет полуостров был присоединен к России, а в 1784 г. в Крым прибыл барон Шарль де Бар дю Оллан (1750/1751–1825). Оставив службу в армии, он много лет провел в поездках по Европе [о нем: Кадо, Режемортер 1970; Храпунов, Гинькут 2015]. Богатый аристократ мог себе позволить путешествовать из любопытства. Среди его знакомых были представители высшего света и царственные особы, в том числе прусский король Фридрих II, польский король Станислав Понятовский и наследник российского престола Павел Петрович. Возможно, на юг России де Бара пригласил Григорий Александрович Потёмкин, заинтересованный в популяризации своих амбициозных начинаний. Кроме того, де Бар мог собирать конфиденциальную информацию по заданию французского правительства. В эпоху, когда профессиональные шпионы являлись скорее исключением, чем правилом, это не было бы чем-то необычным.

После начала Революции во Франции де Бар удалился сначала за границу, а затем в одно из своих поместий, где занялся подготовкой к печати рассказов о своих путешествиях. Один из текстов, включающий достаточно глубокий анализ состояния Крыма, издан в составе сборника путевых записок разных авторов [Baert 1798; русский перевод: Храпунов, Гинькут 2015: 401–421]. Показательно, что все три входившие в состав книги сочинения так или иначе обсуждали доступ к Каспийскому морю. Когда эту книгу перевели на русский язык, мемуар де Бара опустили [Историографические записки 1810]. Можно предположить вмешательство российской цензуры, испугавшейся разглашения информации о географии, экономике и этнографии юга империи и расквартированных там подразделениях армии и флота.

Де Бар, в частности, писал: *«В прошлом торговля Кафы процветала, поскольку город этот был тогда местом, где собирались товары из Персии и Индии, ведь путь вокруг мыса Доброй Надежды еще не был известен. Надежды вернуть процветание в это место тщетны; оно может стать разве что перевалочным пунктом, вроде тех, что могут устроить русские [на пути] в Азовское море и Днепр, небольшая глубина которых не позволяет входить туда большим судам»* [Baert 1798: 24; Храпунов, Гинькут 2015: 408–409]. По мнению путешественника, обширная торговля, которую вели в Крыму средневековые генуэзцы, пришла в упадок в османское время, а окончательно разрушили полуостров смуты и войны в последние годы существования ханства [Baert 1798: 23, 33–34; Храпунов, Гинькут 2015: 407–408, 418–419].

Проект де Бара призван был сделать Францию главным коммерческим партнером России, потеснив Британию и Нидерланды. По его мнению, французские товары («в основном предметы роскоши») *«легко продались бы в южной части империи, почти пустынной и очень богатой; однако же некоторое их количество поднимется [по рекам] до Киева и Казани и оттуда распространится по внутренним провинциям»* [Baert 1798: 24–25; Храпунов, Гинькут 2015: 409]. Де Бар хотел переместить центр российской торговли с Балтики в Причерноморье. *«Это позволит вывозить по Дону шелка, хлопок и рис из провинций на побережье Каспийского моря, а по Волге – корабельный лес, сало, железо, меха, зерно и другие товары из Сибири и Казанского ханства, особенно если будет построен канал до этой реки, задуманный Петром I»* [Baert 1798: 24; Храпунов, Гинькут 2015: 409]. Француз полагал, что для обеспечения его плана от русских требовались инвестиции в инфраструктуру, а так как

транспортировать товары он предполагал преимущественно водными путями, нужно было соорудить канал между Доном и Волгой. Он слышал о строительстве подобного сооружения, предпринятом Петром I, которое, впрочем, вскоре было заброшено [Плечко 1985: 46]. Вольтер сделал проект этого канала известным всей Европе [Вольтер 2012: 108, 111]. Любопытно, что план такого канала разрабатывали еще османы в третьей четверти XVI в., которых интересовала не только торговля. Канал должен был стать инструментом для обеспечения политического господства на берегах Каспийского моря, но реализовать проект не получилось [Васильев 2014: 68–70; Ходарковский 2019: 173–175].

Оригинальной была предложенная де Баром идея торгового проникновения через Крым в Центральную Азию. Развитие же коммерции между югом России, Средиземноморьем и странами Западной Европы было распространенным предложением. Такие идеи высказывали авторы записок, поданных в Министерство иностранных дел Франции, а также книг о Северном Причерноморье [Черкасов 2004: 277–279]. Французский посол в России Луи де Сегюр в своих мемуарах несколько раз упомянул о том, что рассказывал Потёмкину о выгодах, которые Россия могла бы получить от южной торговли с Францией [Ségur 1826: 287–288, 307–310, 316–317]. В 1787 г., во многом благодаря его усилиям, Россия и Франция заключили торговый договор, в частности, оговаривавший льготные условия для коммерции в южных портах. Однако реализовать его не вышло из-за начавшейся вскоре Революции [Черкасов 2004: 282–302].

В 1792 г. русский дипломат Павел Левашов (1719?–1820), имевший опыт службы в Константинополе (1763–1771) и потому обладавший многими практическими знаниями о причерноморском регионе, опубликовал трактат, в частности, обосновывавший права России на Крым и анализирувавший перспективы черноморской торговли. *«Поелику Россия со стороны Крыма, возобновившего ныне древнее свое право и именование Таврикии, не должна опасаться уже никаких неприятельских нашествий, и не трудно ей повелевать Черноморскими берегами, то и торговля наша посредством сей области и сопредельных оной мест может быть доведена до такого цветущего состояния, в каком мы оную видим в других европейских землях, и приносить нам всякое изобилие и богатство, а особливо если обращена будет туда хотя бы некоторая часть индийского торгова чрез Каспийское, Азовское и Черное море, что не подлежит теперь никакому сомнению»* [Левашов 1792: 164]. Показательно, что в качестве исторического аргумента он ссылается на опыт древних греков и средневековых

генуэзцев и венецианцев [там же: 165–166]. Иначе говоря, ход мысли Левашова близок рассуждениям французских интеллектуалов.

Среди поданных на рассмотрение российского правительства проектов был один, предлагавший торговое проникновение в Индию через Крым, но не через Каспийское море, а по Атлантическому океану. В 1794 г. некто Г. Ф. Лекки предложил создать торговые дома в Калькутте и Крыму, учредив прямое сообщение вокруг мыса Доброй Надежды, что позволило бы России проникнуть в Индию [Присоединение 2019: 63]. Как видим, мираж азиатской торговли стимулировал воображение современников де Бара.

После прихода к власти Наполеона в канцелярию французского лидера продолжали поступать аналитические документы о Северном Причерноморье [Ададунов 2018: 97–112, 254–268]. В подавляющем большинстве авторы рассматривали перспективы торговли юга России непосредственно с Францией, или с ее колониями в Вест-Индии. В 1802 г. был заключен франко-русский договор о торговле на Черном море, впрочем, не давший ожидаемых результатов [Ададунов 2018: 384–395]. Наполеон не выработал однозначной стратегии относительно Северного Причерноморья, рассматривая как привлечение Турции на свою сторону против России (с передачей ей Крыма), так и раздел Турции в союзе с Россией [Храпунов 2019]. Он организовал широкомасштабный сбор данных о территории современной Украины и Крыму [Ададунов 2018: 97–112]. В 1803 г. в Крым прибыл французский дипломат Жан Рако де Рёйи [о нем: Ададунов 2018: 20–21, 97–98, 106–109, 111–112, 137, 141 прим. 74, с. 144, 387–388; Храпунов 2017]. Составленные им докладные записки, вероятно, попали на стол к Наполеону, а через три года были изданы отдельной книгой, которая, что показательно, посвящена была самому императору.

Француз внимательно изучил труды своих предшественников – путешественников и кабинетных ученых. Его информатором стал знаменитый ученый-естествоиспытатель Петер-Симон Паллас, который в то время проживал в Крыму. Француз пользовался покровительством губернатора Новороссийского края Армана де Ришельё. Неизвестно, читал ли Рёйи сочинение де Бара, но рассуждал он сходным образом, добавив в схему международной торговли через Крым французские колонии в Новом свете с одной стороны и Индию – с другой.

Прошлое Крыма француз интерпретировал как противоборство двух начал – творческого западного, приносящего цивилизацию, технологии, торговлю, и разрушительного, воинственного восточного.

Воплощением первого были древние греки и средневековые генуэзцы, второго – скифы и татары [Reuilly 1806: 71–106]. Исторический опыт говорил, что «Крым расположен выгодно для торговли. Этот полуостров, окруженный Черным морем и Азовским морем, в которое впадает Дон, мог бы принимать в своих портах, особенно в Керчи и Каффе, товары из Индии, Персии и Сибири. При генуэзцах товары из Индии, Персии и Аравии шли в Астрахань, затем вверх по Волге, оттуда двигались по суше до Дона, отстоящего на шестьдесят верст, и далее по этой реке спускались до Азова, откуда их на судах везли в Каффу» [Reuilly 1806: 189–190, et n. 1]. Второй раз эта мысль повторилась в рассуждении об истории черноморской торговли [Reuilly 1806: 249–250]. Очевидно, рассказ об успехах средневековых итальянцев, ставших посредниками между Западом и Востоком, должен был дать современникам урок. Рёйи подчеркнул, что положение Франции в регионе превосходит все остальные страны Европы, и что важно – ее интересы совпадают с интересами России [Reuilly 1806: 255].

По мнению Рёйи, в новых исторических условиях роль Генуи должна была взять на себя Франция. Как и прежде, центром крымской торговли должна была стать Каффа-Феодосия, которую в идеале следовало бы превратить в беспошлинный порт. Но реализация этого *grand projet* требовала совместных усилий России и Франции. Французам предстояло учредить в Причерноморье склады для экспорта и импорта, а перевалочными базами для колониальных товаров сделать порты Испании. Нужно было уменьшить роль посредников в торговле и построить портовую инфраструктуру. Предстояло решить вопрос с высокими таможенными пошлинами на импорт в России, отсутствием страхования торговли, нестабильным курсом рубля, нехваткой торгового капитала и высокими процентными ставками по кредитам. Хотя экспортный потенциал крымского производства был невелик, известное количество продукции, в которой были бы заинтересованы другие страны, можно было бы получить за счет интенсификации сельского хозяйства, введения новых культур и пород животных, создания обрабатывающей промышленности. Предполагалось привлечь на юг переселенцев из внутренних губерний России и из-за рубежа, которые, в отличие от местных жителей, отличались трудолюбием и знанием современных технологий [Reuilly 1806: 195–198, 253–255].

В перспективе Крым должен был стать опорным пунктом на торговом пути, связывающем Францию и ее заморские колонии с внутрен-

ними губерниями России, Сибирью и странами Востока: «...активное каботажное судоходство, учрежденное на Черном море и на Азовском море, доставило бы в Каффу все продукты [Российской] империи. Склад продукции европейских мануфактур и продуктов из Нового Света снабдил бы, к вящему благу, Анатолию и другие османские провинции в Азии товарами, которые они могли бы караванами везти в Смирну и Константинополь. Часть товаров из Индии и Персии может быть направлена по суше в Астрахань и оттуда в Каффу, которая вновь стала бы крупным торговым центром» [Reuilly 1806: 198].

Важно, что Рёйи регулярно упоминал Индию. Путешественник определенно знал, что эта страна играла ключевую роль в воображении Наполеона. Французский лидер мечтал о ее завоевании, ведь это не просто нанесло бы непоправимый удар его смертельному врагу – Великобритании, но и позволило бы еще раз продемонстрировать свои полководческие и политические таланты. Для достижения этой цели он был готов на самые разные меры: в частности, в 1800–1801 гг. обсуждал с Павлом I план совместного нападения на Индию. Свержение русского императора прервало уже начавшуюся авантюру – индийский поход донских казаков через Центральную Азию. Но и впоследствии Наполеон обращался к Александру I с подобными планами [Безотосный 2017: 7–37 слл.; см. также Коршунова 2018: 111–113]. Возвращаясь к сочинению Рёйи, отметим, что он писал не о военном, а о торговом проникновении в Индию – но упомянув это «заветное слово», мог надеяться на благосклонную реакцию Наполеона.

В 1803 г., когда докладные записки Рёйи были доставлены в Париж, Александру I был доложен проект, подготовленный Ламбро Качиони (Ламбросом Коцонисом), героем борьбы за независимость Греции. Некоторые высказанные им идеи о развитии черноморских портов и торговли созвучны мыслям Рёйи [Головки 2014: 97–98]. Это сходство показательно, ведь после неудачи греческого восстания Качиони поселился в Крыму и стал успешным предпринимателем и торговцем, то есть он должен был хорошо понимать обстановку в регионе. Следовательно, размышления Рёйи о ситуации в Крыму были вполне реалистичны.

Одним из препятствий на пути реализации своих планов француз назвал «Ревность Англии, не пренебрегающей никакими средствами, дабы помешать предприятиям, которые мы могли бы организовать в приморских провинциях Черного моря» [ср.: Reuilly 1806: 256]. И действительно, еще после русско-османской войны 1768–1774 гг. представители

британского истеблишмента оценили возможные последствия успехов России для британской торговли и пытались перехватить инициативу, чтобы проникнуть в русские южные порты. Об этом свидетельствует инструкция, данная английскому послу в Петербурге Роберту Ганнингу [Дипломатическая переписка 1876: 442–446].

Отношения между Россией и Британией во второй половине XVIII в. оставались весьма непростыми. Многие британцы воспринимали Россию как варварскую державу, угрожавшую международному балансу и британским интересам в Европе и на Ближнем Востоке [Anderson 1958: 128–213]. В частности, в активной антиосманской политике Екатерины II видели угрозу английской торговле в Леванте [От царства 2015: 223–226, 229–230, 241–242]. Некоторые, например, знаменитый путешественник Эдвард-Даньел Кларк, выступали за альянс с турками и изгнание русских из Крыма [Храпунов 2016: 124]. Другие, наоборот, считали более правильным союз с Россией, направленный против Османской империи. К их числу относился Уильям Тук (1744–1820), английский капеллан в Кронштадте и затем в Петербурге, опубликовавший в Лондоне трактат о Российской империи. Тук с похвалой отозвался о стремлении правительства Екатерины II развивать черноморскую торговлю с помощью протекционистских мер, но заметил, что этого недостаточно. По его мнению, следовало увеличить население Крыма, сделать торговлю в Черном море полностью свободной для россиян и превратить Тавриду в звено международной коммерции от Леванта до Прибалтики и от Сибири до Испании [Tooke 1800: 450–451].

Обострившиеся накануне Наполеоновских войн противоречия европейских держав и становившийся очевидным внутренним кризис Османской империи стимулировали обсуждение будущего переустройства Европы и Ближнего Востока. После того, как Кючук-Кайнарджийский договор 1774 г. открыл Черное море для русских торговых судов, интерес к получению аналогичных прав и развитию собственной торговли в регионе стали проявлять европейские державы. Как всегда, возникла конкуренция между Великобританией и Францией [Karpetanakis 2015: 34–44]. Победы россиян в войне с турками 1787–1791 гг. породили опасения, что Россия отберет у османов их европейские владения и станет главным политическим игроком на всем Востоке. Потому, начиная войну с Россией (1788–1790 гг.), шведский король Густав III потребовал от Екатерины II, среди прочего, вернуть туркам Крым [Екатерина II 1878: 159; Черкасов 2004: 385]. В 1791 г. британский премьер-министр

Уильям Питт-младший, выступая в Палате общин, угрожал Петербургу войной, если тот не вернет Крым османам. Впрочем, этот ультиматум не был поддержан ни парламентариями, ни общественным мнением [Karpetanakis 2015: 49, n. 108]. Большую роль сыграла позиция лидера партии вигов Чарльза-Джеймса Фокса, выступившего против вмешательства в дела России. В качестве своеобразной благодарности Екатерина II даже заказала его мраморный бюст, который установила в Эрмитаже, а копию – в Царском селе. Однако вскоре выяснилось, что Фокс симпатизировал революции во Франции и сторонникам независимости Польши, и бюсты велено было убрать. Эта история стала мишенью английских карикатур [С берегов Темзы 199: 226; Кросс 2005: 350–353]. Нежеланию англичан идти на радикальные меры способствовал значительный объем торговли с Россией в конце XVIII в., приносившей существенный доход, а также критически важные зерно и материалы для судостроения [Davey 2012: 17–25].

Британский авантюрист, дипломат и купец Уильям Итон (? – после 1806) много лет провел на Ближнем Востоке и в Причерноморье, выучил турецкий язык, а также посещал Крым незадолго до присоединения к России и потому обладал большими практическими знаниями о регионе [Храпунов 2020: с библиографией]. Одной из его афер стал полученный в начале XIX в. подряд на снабжение британского средиземноморского флота провизией, в том числе – свининой из Крыма, население которого в подавляющем большинстве оставалось мусульманским. В трактате «Очерк Турецкой империи» Итон использовал сформировавшееся в Европе мнение о турках и татарах как экзистенциальных врагах цивилизации Запада [Нойманн 2004: 83–89]. Уже одно это оправдывало российскую экспансию: *«Ныне татарские орды больше не пополняют турецкую армию, не отмечают свой путь лежащими в прахе сожженными селениями и убитыми жителями; <...> ныне эти орды или рассеяны среди своих собратьев-дикарей в Азии, или цивилизованы своими завоевателями»* [Итон 1798: 333]. В итоге открылись перспективы для международной торговли с Россией и Центральной Азией. Итон предложил амбициозный план превращения России в союзника Британии и раздела Османской империи. По его мнению, взаимные интересы сторон важнее накопившихся противоречий, общим врагом держав является Франция, а интересами османов можно пожертвовать [там же: 391–462].

В это время в Англии широко обсуждалась будущая судьба Турции и вопрос о том, стоит ли помогать освобождению греков от османской вла-

сти. Накал дискуссии был таков, что даже Байрон подробно осветил этот вопрос в примечаниях к «Паломничеству Чайльд-Гарольда», назвав Итона одним из филэллинов [Вугон 1899: 191–194]. Впоследствии отрывки из трактата Итона были переведены на русский язык, что свидетельствует о внимании русских властей к его идеям [Итон 1814; Итон 1815].

По мнению Итона (близкому идеям Вольтера), османское завоевание второй половины XV в. стало для Крыма катастрофой, фактически прекратившей международную торговлю в регионе. Но ее можно было возродить, используя исторический опыт. *«Попав в руки Турции, Черное море, которое прежде было ареной самой активной торговли, было закрыто благодаря непредусмотрительной политике Дивана, и крымские порты постепенно утратили свое богатство и значение, о чем ныне свидетельствуют лишь развалины. Ни один друг человечества не сможет испытать ничего, кроме радости от того, что эти властители были изгнаны путем войны из этой важнейшей страны, и что она перешла под контроль державы, чьи более свободные и просвещенные взгляды должны возродить пришедшую в упадок торговлю, облагородить свирепость варваров, и сделать эту часть земного шара, почти превратившуюся в пустыню, вновь плодородной и производительной. Как только императрица [Екатерина II] взяла власть над Крымом, она создала проект по возвращению торговли и производства в место, столь удачно для них приспособленное...»* [Eton 1798: 306]. Итон не в первый раз задумался о том, как «оптимизировать» торговые связи с Востоком. В 1796 г. он предложил британскому правительству направить флот для захвата острова в Персидском заливе, дабы сделать его опорным пунктом, обеспечивающим стабильное сообщение с Индией [Уарр 1987: 654].

Идеи Итона развил Маттью Гатри (1743–1807), шотландец по происхождению, который много лет провел в Петербурге, занимая должность врача кадетских корпусов [о нем: Храпунов 2019; Храпунов, Гинькут 2015: с библиографией]. Это был человек энциклопедических знаний, интересы которого включали музыку и химию, ботанику и художественный перевод, античную историю и геммологию. Полюбив новую родину, Гатри воспринял ряд идей, разработанных идеологией Екатерины II, и попытался донести их до западного читателя. Так, он переводил сочиненную императрицей «историческую» пьесу «Начальное управление Олега», главный герой которой воплощал политический идеал императрицы – просвещенного монарха. В посвященной Екатерине II книге о «русских древностях» шотландец писал о сходстве между народной культурой рус-

ских и древних греков. Это умозаключение не просто доказывало «цивилизированность» России как наследника эллинов, но и оправдывало экспансию на юг в земли, некогда принадлежавшие «предкам» россиян.

В память о своей безвременно ушедшей супруге-француженке Марии, Гатри издал книгу, якобы состоявшую из ее писем, отправленных во время поездок в Крым. В реальности автором опубликованных писем был он сам. Гатри предложил подробное описание Крымского полуострова, изложив свои взгляды на его прошлое, нынешнее состояние и будущие перспективы. Подобно Итону, он полагал, что Крым пришел в упадок после того, как попал под власть «нецивилизированных» татар и турок [Guthrie 1802: 136, 173]. История всего Причерноморья прервалась, когда султан Мехмед II «закрыл Фракийский Босфор для Венеции и всех остальных наций; 300 лет этой системы придерживались его преемники, пока недавно Россия вновь не открыла его [Босфорский пролив. – Н. Х.] тем же ключом, которым воспользовался Мехмет [II], чтобы его закрыть» [Guthrie 1802: 267]. Этим ключом была сила оружия. Следовательно, российские завоевания исторически прогрессивны. Намеренно или нет, Гатри не упомянул о том, что, хотя османы действительно закрыли Черное море для европейцев, торговля с Центральной Азией через причерноморские порты продолжалась – просто она перестроилась и целиком перешла в руки мусульман [Васильев 2014: 80, 260–263; Орешкова 2018: 220–228, 517–518].

Гатри писал: «и я ни в коем случае не считаю невозможным, чтобы однажды Россия, которая доставляет грузы из Китая по суше, не смогла бы восстановить торговлю с Индией по древним каналам, [через] Каспийское море и Фасис, особенно поскольку ее победоносные знамена ныне реют во всех тех странах, через которые обычно проходили богатые товары, и, вероятно, сделать этот путь безопасным в будущем благодаря дружественному обращению с местными [жителями]» [Guthrie 1802: 156, ср. 147]. В подтверждение этой мысли Гатри ссылался на исторический опыт того, как торговля с Востоком обогащала античные цивилизации и средневековые генуэзские колонии. Он рассчитывал, что успехи России будут способствовать доставке на Запад «предметов восточного искусства» через Крым, а сухопутный торговый путь в Индию через Россию может составить конкуренцию морскому пути вокруг мыса Доброй Надежды [Guthrie 1802: 156–157]. Книга завершается пространным очерком истории торговли на Черном и Азовском морях, где античные, генуэзские и золотоордынские реалии переплетены с описа-

нием настоящего, вероятно, в качестве урока для политиков и чиновников. Например, подробно описано, какие разнообразные и экзотичные товары некогда привозили в Каффу из Бухары тамошние «татары» [Guthrie 1802: 288–289].

Пока западные интеллектуалы разрабатывали свои проекты торгового проникновения через Крым в Азию, однажды правительство Екатерины II столкнулось с попыткой проникнуть в Крым в обратном направлении, с Востока. В 1780 г. в Петербург прибыло бухарское посольство, официально направлявшееся в Стамбул для «воздания почтения» османскому султану. Однако, по мнению российской Коллегии иностранных дел, это был лишь предлог, а в действительности бухарцев интересовало возобновление древнего торгово-паломнического пути через Астрахань и Крым в Стамбул [Васильев 2014: 104–105]. Если эта интерпретация верна, показательно сходство логики бухарцев, британцев и французов. Мнение российских властей по поводу всех этих проектов неизвестно, но косвенно о нем можно судить по следующей истории.

В 1787 г. некий Жан Макиузи (Джованни Макьюзи?) направил Потёмкину меморандум о возможностях использования Крыма. Он предложил воспользоваться выгодным географическим положением полуострова и его природными ресурсами, выдвинув ряд мер по развитию торговли Крыма со Средиземноморьем, а также местного хозяйства, ремесел и промышленности. В заключении осторожно говорится, что *«Именно в Тавриду торговля привлечет чужестранцев, даже персов и самых отдаленных жителей Азии»* [Присоединение 2019: 258]. Таким образом, Макиузи, подобно французам и англичанам, допускал возможность использования Крыма для торгового проникновения на Восток. Впрочем, поддержки его предложения не получили – вероятно, их сочли не реализуемыми на практике. Однако нужно сказать, что в конце XVIII – начале XIX вв. российские власти неоднократно получали документы, как выработанные центральноазиатскими государствами, так и разработанные собственными чиновниками, предлагавшие различные меры по расширению торговли, в том числе транзитной – с Индией и Персией [Ниязатов 2013: 461–482; Коршунова 2018: 109–111].

Общей особенностью проанализированных выше «крымских» проектов является фантастичность, плохая связь с реальностью. Это характерно для планов знаменитых авантюристов XVIII в., разработанных ими для европейских монархов [см.: Строев 1998: 209–324]. Путешественники не понимали, что войны и внутренние смуты в последние

десятилетия ханской власти привели Крым в глубокий упадок, последствия которого российским властям пришлось исправлять в течение полувека. Массовый отток населения создал дефицит рабочих рук. Особое отношение мусульман к предпринимательству препятствовало их вовлечению в капиталистическое производство. На первых порах не удалось создать современные сооружения гражданских портов, проложить шоссейные дороги и решить другие инфраструктурные проблемы [подробнее см.: Проблемы 2017]. Проектеры не оценили глубокую зависимость черноморской торговли от внешнеполитической ситуации. Так, препятствием для развития коммерции в регионе стали русско-турецкая война 1806–1812 гг., ухудшение российско-французских отношений начиная с 1810 г., противостояние Франции и Англии [Дружинина 1970: 332–337; Ададунов 2018: 384–395]. Потому их проекты – это игра ума, демонстрирующая интерес к азиатской торговле и характерную для эпохи Просвещения увлеченность Востоком, а также общие умонастроения европейских элит XVIII в.

Задолго до описываемых событий, в 1697 г., знаменитый писатель и политический консультант Даниэль Дефо опубликовал очерк, в котором доказывалось, что будущее принадлежит различным проектам – финансовым, экономическим, научным и так далее [Defoe 1887]. И действительно, XVIII в. оказался столетием проектеров и авантюристов. Среди них были как откровенные жулики, так и верившие в научные методы, но, по-видимому, сознание «авантюристов Просвещения» органично сочетало одно с другим. Наука в современном смысле только зарождалась, а потому понимание ее потенциала наталкивалось на незнание конкретных законов природы и общества, что приводило к закономерным провалам [Строев 1998].

В 1726 г. ирландский священник и общественный деятель Джонатан Свифт отправил капитана Лемюэля Гулливера в вымышленные путешествия «в некоторые отдаленные страны света». Однажды тот, якобы, оказался в стране Бальнибарби, полностью разоренной деятельностью проектеров. Гулливер посетил Академию проектеров, где ознакомился с их трудами, теоретически направленными на улучшение жизни человечества, но на практике в лучшем случае бесполезными, а в худшем безумными [Свифт 1976: 287–301]. Свифт высмеивал не только людские пороки в целом, но и характерную для его времени увлеченность проектами и авантюрами. За несколько лет до того шотландец-проектер Джон Лоу, перебравшийся во Францию и ставший фаворитом герцога

Орлеанского – регента при малолетнем короле, под видом финансовой реформы выстроил «финансовую пирамиду», в которую вовлек значительную часть населения. Предполагалось, в частности, извлекать неслыханные доходы из североамериканских колоний. Закономерный крах этого начинания фактически привел к банкротству государства [Чудинов 2017: 130–132; Эткинд 2020: 313–319]. Конечно, описанные «крымские прожекты» имели несравнимо меньший масштаб – но они, как представляется, выражали дух уходящей эпохи. Отголоски этих идей встречаются и в позднейших документах.

Изучая Грецию и Турцию, Джордж Байрон читал записки Итона, а сочинение Гатри цитировали авторы описаний Крыма первой половины XIX в. Есть основания думать, что Наполеон ознакомился с мемуаром Рёйи [Ададунов 2018: 112, 387; Храпунов 2017: 113–114; Храпунов 2019: 72]. В 1830 г. гражданский губернатор Тавриды Александр Казначеев продвигал проект учреждения транзитной торговли с Персией и Индией через Феодосию [Казначеев 2015: 70–78]. В 1839 г. Николай I утвердил положение Кабинета министров об акционерном «Обществе мореплавания и торговли на Черном море и с Востоком» и предоставлении ему разнообразных льгот. Учредителями компании были французы и голландцы, но ее значительный капитал (выпустив акции, предполагалось собрать 12 миллионов рублей ассигнациями) намекает на некий интерес представителей высшей российской власти. Торговать хотели и с Западом, и с Востоком («не только с Китаем, но и вообще с Азией»). Крыму отводилась роль поставщика товаров (здесь планировали ловить рыбу и закупать соль с казенных складов, а затем производить засолку рыбы и мяса для дальнейшей продажи) и опорного пункта для посреднической торговли [ПСЗРИ 2, т. XIV, отд. 1: 194–201, № 12095]. Правда, дальнейшая судьба этого грандиозного предприятия остается неизвестной. Данный замысел вполне соответствовал настроениям эпохи. Показательно, что в администрацию Николая I было подано большое число проектов, указывавших на враждебность Англии и потому на необходимость торгового и политического проникновения в Индию, Центральную Азию и на Ближний Восток [Орлов 2019: 71–86]. Но характерно, что когда Николаевское правление закончилось катастрофической Крымской войной (1853–1856), и представители держав – противников России стали обсуждать отторжение Крыма, они говорили о военно-стратегических вещах, как-то о защите Турции, но не о создании нового пути в Азию [История 1999: 376; Grant 1855: 111]. Зато еще через полвека, в годы Первой мировой войны, в

Германии обсуждались планы по отделению от России мусульман Поволжья, Центральной Азии, а также восстановления Крымского ханства под патронатом Турции. Вновь созданные государства, Крым в частности, потенциально могли стать звеньями в торговле между Европой (Германией) и Востоком [Исраилова-Харьехузен, Котюкова 2017: 64, 73, 76]. Когда после русской Революции и падения царского режима германские войска оккупировали Украину и Крым в 1918 г., немцы вновь стали рассматривать полуостров как плацдарм для проникновения на Ближний Восток и в Индию [Федюшин 2007: 223].

ЛИТЕРАТУРА

- Ададуров В. В. «Наполеонида» на Сході Європи: Уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних окраїн Російської імперії на початку XIX століття. 2-ге вид. Львів, 2018.
- Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Рязань, 2006.
- Безотосный В. М. Наполеоновские планы. Проект завоевания Индии Наполеона Бонапарта. М., 2017.
- Васильев А. Д. «Знамя и меч от падишаха». Политические и культурные контакты ханств Центральной Азии и Османской империи (середина XVI – начало XX вв.). М., 2014.
- Вольфияк-Оже К. Соединять пустыни с пустынями? Каспийское море глазами французов XVIII в. // Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004.
- Вольтер. История Российской империи в царствование Петра Великого. СПб., 2012.
- Головко Ю. И. Проекты развития черноморской торговли (последняя четверть XVIII – начало XIX в.) // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2014. № 17.
- Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // СИРИО. 1876. Т. 19.
- Дружинина Е. И. Южная Украина в 1800–1825 гг. М., 1970.
- [Екатерина II] Письма Екатерины Второй к барону Гримму // РА. 1878. Кн. 3. Вып. X.
- Захаров В. Н., Поспелова Ю. А. Внешняя торговля России через порты Северного Причерноморья в конце XVIII века // Путь на пользу: к 225-летию путешествия Екатерины Великой в Новороссию и Крым. М., 2012.
- Исраилова-Харьехузен Ч., Котюкова Т. Деятельность «Комитета в защиту прав магометанских тюрко-татарских народов России» как попытка политической дестабилизации ситуации в Российской империи в годы Первой мировой войны // Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном. М., 2017.
- Историографические записки о странах, лежащих между морями Черным и Каспийским, содержащие описание живущих в оных народов, и достопамятности древнего и нынешнего тех земель местоописания / пер. с фр. Ф. Шишкевич. СПб., 1810.
- История внешней политики России. Первая половина XIX века (от войн против Наполеона до Парижского мира 1856 г.) / ред. О. В. Орлик, Н. В. Пономарев. М., 1999.
- [Иттон У.] О характере русских / пер. с англ. Сп. Д[e]ст[у]н[ис] // СО. 1814. № XIV–XV.

- [Итон У.] О характере и положении нынешних греков / пер. с англ. С[п]. Д[естунис] // СО. 1815. № IV, VII.
- Кадо М., Режемортер Ж. Л. ван. Внешняя торговля России в 1784 г. по путевому дневнику Баера дю Оллана // Франко-русские экономические связи. М.; Париж, 1970.
- Казначеев А. И. Партикулярные письма графу М. С. Воронцову, 1828–1837 гг. / сост. А. К. Афанасьев. М., 2015.
- Кросби-Арнольд М. Была ли война 1812 года связана с экономикой? О причинах похода Наполеона на Россию // ФЕ. 2013.
- Кросс Э. Британцы в Петербурге. XVIII век / пер. с англ. Н. Г. Беспярых, Ю. Н. Беспярых. СПб., 2005.
- Кудрявцев А. А., Кудрявцев Е. А. Английская московская торговая компания и развитие восточной транзитной торговли в России XVI в. // Британцы и народы Юга России: проблемы взаимовлияния. Краснодар, 2015.
- Левашов П. А. Картина или описание всех нашествий на Россию Татар и Турков, и их тут браней, грабительств и опустошений, начавшихся в половине десятого века и почти непрерывно через восемьсот лет продолжавшихся. СПб., 1792.
- Монтескье Ш. Л. О духе законов / пер. с фр. А. В. Матешук. М., 1999.
- Ниязматов М. Россия в сердце Азии: диалог цивилизаций (IX–XVIII вв.). СПб., 2013.
- Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей / пер. с англ. В. Б. Литвинов, И. А. Пильщиков. М., 2004.
- Орешикова С. Ф. Османская империя: очерки истории. М., 2018.
- Орлов А. А. «Астреин век». Великобритания, Россия и проблема нового мирового порядка в европейской политике первой половины XIX века (1815–1854 гг.). М., 2019.
- От царства к империи. Россия в системе международных отношений. Вторая половина XVI – начало XX века. М.; СПб., 2015.
- Плечко Л. А. Старинные водные пути. М., 1985.
- Присоединение Крыма к России, 1783–1796: сборник документов / сост. Н. Ю. Болотина. М., 2019.
- Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825. Севастополь, 2017.
- Прусская Е. А. Французская экспедиция в Египет 1798–1801 гг.: взаимное восприятие двух цивилизаций. М., 2016.
- С берегов Темзы – на берега Невы. Шедевры из собрания британского искусства в Эрмитаже / ред. Б. Аллен, Л. Дукельская. СПб., 1997.
- Свифт Дж. Сказка бочки. Путешествия Гулливера / пер. с англ. М., 1976.
- Станиславская А. М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М., 1962.
- Строев А. «Те, кто поправляет Фортуна». Авантюристы Просвещения. М., 1998.
- Федюшин О. Украинская революция, 1917–1918. М., 2007.
- Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя / пер. с англ. А. Терещенко. М., 2019.
- Храпунов Н. И. Крымские древности глазами Эдварда-Даньела Кларка: от археологии к идеологии // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 3.
- Храпунов Н. И. Крымская миссия Жана Рёйи // ФЕ. 2017.

- Храпунов Н. И.* Крым в контексте франко-русских отношений эпохи Наполеона // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2019. Т. 21. № 2.
- Храпунов Н. И.* Крым глазами британского авантюриста Уильяма Итона // ЗО. 2020. Т. 8. № 1.
- Храпунов Н. И.* Прошлое, настоящее и будущее Крыма глазами «русского шотландца» Маттью Гатри // Новое прошлое / The New Past. 2019. № 2.
- Храпунов Н. И., Гинькут Н. В.* Крым в 1784 г. по свидетельству французского путешественника барона де Бара // МАИЭТ. 2015. Вып. XX.
- Храпунов Н. И., Гинькут Н. В.* Маттью Гатри и его «путешествие» в историю Крыма // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015. № 4.
- Черкасов П. П.* Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения, 1774–1792. 2-е изд. М., 2004.
- Чудинов А. В.* Старый порядок во Франции и его крушение. СПб., 2017.
- Эткинд А.* Природа зла. Сырье и государство. М., 2020.
- Anderson M. S.* Britain's Discovery of Russia, 1553–1815. London; New York, 1958.
- [*Baert Ch.-A. de*] Mémoire extrait du journal d'un voyage fait, au printems de 1784, dans la partie méridionale de la Russie // Voyages historiques et géographiques dans les pays situés entre la Mer Noire et la Mer Caspienne. Paris, 1798. [Partie 3].
- [*Byron G. G.*] The Works of Lord Byron. A New, Revised and Enlarged Edition. Vol. II: Poetry / ed. E. H. Coleridge. London; New York, 1899.
- Davey J.* The Transformation of British Naval Strategy: Seapower and Supply in Northern Europe, 1808–1812. Woodbridge, 2012.
- Defoe D.* An Essay upon Projects. London; Paris; New York; Melbourne, 1887.
- Eton W.* A Survey of the Turkish Empire. London, 1798.
- Grant A.* An Historical Sketch of the Crimea. London, 1855.
- Guthrie M.* A Tour, Performed in the Years 1795-6, Through the Taurida, Or Crimea. London, 1802.
- Kapetanakis P.* New Approaches of British and Ionian Presence in Ports and Grain-Markets of the Russian Black Sea and the Danube (Mid-18th – Mid-19th Century). Athens, 2015.
- La correspondance consulaire de Crimée du baron de Tott (1767–1770)* / éd. F. Tóth. Istanbul, 2014.
- Reuilly J.* Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire pendant l'année 1803. Paris, 1806.
- Ségur L.-Ph. de.* Mémoires ou souvenirs at anecdotes. 2me éd. T. 2. Paris, 1826.
- Tooke W.* A View of the Russian Empire during the Reign of Catharine II and to the Close of the Eighteenth Century. Vol. III. 2nd ed. London, 1800.
- Yapp M. A.* British Perceptions of the Russian Threat to India // Modern Asian Studies. 1987. Vol. 21. No. 4.

**КРЫМ В КОНТЕКСТЕ ФРАНКО-
РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ РУБЕЖА
XVIII–XIX ВВ.**

ФРАНЦУЗСКИЙ СЛЕД В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Д. В. Конкин

Присоединение Крыма к Российской империи прошло удивительно спокойно с точки зрения внешнеполитических последствий. Благоприятная для России политическая обстановка, сложившаяся в Европе в этот период, а также выверенная, блестяще оформленная юридическая процедура присоединения, обусловили признание Крыма российским не только европейскими великими державами, но и главным противником в регионе – османской Турцией. Но при всем внешнем благополучии не стоило надеяться, что внешние силы не попытаются разыграть «внутрикрымскую карту», или не захотят со временем отнять полуостров у своего нового владельца. Роль Крыма в системе международных отношений и во внешнеполитических проектах, связанных с влиянием на внутрисоссийскую обстановку, с этого момента стала весьма значительной. Крым стал привлекать усиленное внимание иностранных правительств. Цели были разные: пытались узнать общую информацию о полуострове, его экономическом состоянии, населении; определить количество и качество военных подразделений, дислоцированных в Крыму; оценить настроения местных (крымско-татарских) жителей, степень их лояльности новым властям и готовности, в случае возможных военных конфликтов, поддержать силы интервентов; наконец, оказать прямое воздействие на крымских мусульман накануне и во время русско-турецких, русско-французских и иных международных конфликтов, пытаясь спровоцировать их вооруженный мятеж.

«Под колпаком»: сбор французскими агентами информации о Крыме после его присоединения к Российской империи

В силу устоявшихся сфер влияния в Европе в рассматриваемый период, помимо естественного присутствия и заинтересованности в регионе Турции, усиленное внимание к полуострову с его новым российским статусом было проявлено со стороны Франции. Французские шпионы в России во второй половине XVIII в. редкостью не являлись [Строев 1998: 330–331, 335–341; Строев 2000]. Даже в период мирных и внешне дружественных отношений с Францией, который наступил в 80-е гг.

XVIII в., Версаль не упускал возможности вести неофициальную разведывательную работу в Российской империи [Чудинов 2000: 88–115]. Об этом, например, недвусмысленно говорилось в инструкции, составленной министром иностранных дел Франции Верженном для главы дипломатической миссии в Санкт-Петербурге графа Л. Ф. де Сегюра [Черкасов 2004: 262–264]. Не оставался в стороне от внимания секретных агентов Франции и Крым, где французов первоначально интересовали коммерческие возможности, открывавшиеся после присоединения полуострова к России, и собственные преференции в предстоящем торговом обмене [см. *Recueil* 1890: 389–396, 401–402, 405–407].

Уже в 1784 г. в Крыму побывал французский путешественник, аристократ барон де Бар, который по результатам своего посещения России составил подробное аналитическое описание. Крымская часть этого описания была переведена на русский язык [Храпунов, Гинькут 2015]. Подробный анализ текста и биографии француза позволил авторам перевода предположить, что данная записка о Крыме могла иметь разведывательный характер, и таким образом де Бара можно считать секретным агентом, который под видом путешественника собирал конфиденциальную информацию для французского правительства о российском присутствии в Крыму [Там же: 398]. Действительно, сложно объяснить интерес праздного путешественника к весьма специфической информации о количестве подразделений и расположении русской армии в Крыму, с перечислением названий полков и их командиров. Крымские гавани де Бар оценивал с точки зрения удобства размещения в них военного флота, отмечал, что Ахтиарская (Севастопольская) бухта наиболее подходит для нанесения ударов по турецким владениям, и т. п. Также в работе де Бара присутствует подробный обзор экономического и социального положения полуострова.

Отметим, что такой принцип подбора информации и внутренняя композиция описания соответствовала структуре определения потенциала государств, распространившихся в дипломатических депешах XVIII в. Односторонняя оценка размера территории страны и количества ее армии теперь считалась недостаточной. Большое внимание и усилие для получения соответствующей информации заинтересованные стороны стали уделять экономическому положению, торговым связям, административному устройству и даже системе образования и национальным обычаям страны, что, по мнению аналитиков того времени, позволяло понять, например, степень подготовленности, военной доблести солдат противника [Строев 2000]. Именно такую информацию о государстве и

ее регионах дипломатические миссии пытались добыть различными путями в стране размещения. Причем Россия, конечно, не была безобидной жертвой шпионских происков, но и сама также активно использовала возможности своих агентов на иностранных территориях.

Отличной иллюстрацией подобного подхода к сбору конфиденциальной информации, можно считать секретную «Инструкцию», составленную генералом российской армии В. В. Фермором в 1758 г. во время Семилетней войны для русского резидента в Кенигсберге полковника Яковлева. Фермор выполнял поручение императрицы Елизаветы Петровны, велевшей оставить в Кенигсберге *«для некоторых разведываний искусного, тщательного и надежного офицера»*. Разведчик должен был *«прямым или посторонним образом выведать о точном внутреннем настоящем состоянии Пруссии»*, а именно определить: *«1-е, чем она изобилует; 2 — в чем наибольшия имеет недостатки; 3 — какова ея генеральная [т.е. главная] коммерция; 4 — хорошо ли населена жителями; 5 — какова генеральная жизнь дворянства, мещанства и крестьянства, особливо же сего последняго чина, которой натурально большую часть обывателей составляет; 6 — каково усердие всех жителей к королю прусскому; 7 — каковы их мнения в рассуждении нынешней с ними перемен»* [Долгова 1998: прил. № 7]. И только далее следуют указания собирать подробные сведения, собственно, об армии: количестве, вооружении, дислокации и т. п. [Там же]. То есть, по сути, «Инструкция» Фермора соответствовала тем шаблонам, по которым позднее составлялись секретные описания Крыма предполагаемыми осведомителями французского правительства, посещавшими полуостров под разными предлогами.

Нужно понимать, что в новых реалиях российского статуса Крыма у западных держав было значительно меньше официальных возможностей для проникновения на полуостров и тщательного изучения его внутреннего состояния и населения. Поэтому приходилось «прикрывать» свои цели под благовидным предлогом, например, под видом путешествия, торговой миссии и т. п. В качестве компенсации отсутствия возможности беспрепятственного посещения региона, приходилось тщательно отслеживать внутрироссийские публикации о Крыме и оперативно их переводить для информирования своих правительств.

Одним из первых научных описаний Крыма стала работа К. И. Габлица «Физическое описание Таврической губернии», впервые опубликованная в 1785 г. на русском языке в Санкт-Петербурге. Благодаря исследованию А. В. Чудинова [Чудинов 2001] стало известно, что еще на этапе подготов-

ки книги сотрудники французской дипломатической миссии в России начали интересоваться ее содержанием, а затем буквально «из-под прессы», получали первые еще не прошитые листы издания, с тем, чтобы перевести их на французский язык и переправить информацию в Париж. Более того, одному из сотрудников посольства, занимавшемуся, среди прочего, военной разведкой в России, Жану Александру Шаретту де ла Колиньеру, по-видимому, удалось, выражаясь современным языком, «завербовать» Габлица. В итоге ученый делился с французским агентом секретными сведениями о количестве и составе населения Крыма, о провальной экспедиции генерала Войновича 1781–1782 гг. в Каспийском море, в которой он сам принимал участие и информацию о которой российское правительство тщательно скрывало [Там же: 212–215].

За свои услуги Габлиц получал вознаграждение от Версаля. В частности, гарантированном от утечки послании французский посол в России граф де Сегюр писал министру иностранных дел Шарлю де Верженну: *«Имею честь отправить вам его письмо [секретного сотрудника посольства Колиньера]. Оно познакомит вас с весьма полезным для меня человеком – г-ном Габлицем, чье имя я не хотел называть в депешах. Я желал бы получить Ваше согласие на то, чтобы сделать ему подарок, стоимость которого вы сами установите...»* [Чудинов 2001: 214]. Следует заметить, что такое сотрудничество, по-видимому, продолжалось недолго и не отразилось на дальнейшей государственной службе Габлица в России. Ученый вскоре получил вице-губернаторскую должность в Таврической области, а затем сделал успешную карьеру в Петербурге, став сенатором и тайным советником.

Примерно в это же время в 1786 г. другой француз Жильбер Ромм сопровождал своего воспитанника графа П. А. Строганова в путешествии по Крыму. Поездка эта, по предположению А. В. Чудинова, была инициирована самим Роммом и, возможно, являлась частью замысла шеваляе Колиньера и графа де Сегюра, с целью получения дополнительной подробной информации об экономике, социальном положении Крыма, о дислокации и количестве российских войск в Крыму. Результатом полученных от Габлица, Ромма и добытых самим Колиньером ценных сведений о Крыме, стало появление подробной «Заметки о нынешнем состоянии Крыма» [Чудинов 2001: 223–241], которая, наряду с другими секретными депешами в 1786 г. была тайно переправлена в Версаль к министру Верженну. Сегюр считал эти документы весьма ценными и «достоинными внимания короля» [Там же: 202]. И действительно, в сравнительно небольшом секретном обзоре присутствовала подробная ин-

формация об экономике, демографии, административном устройстве, природных богатствах полуострова, проанализирована внутренняя ситуация и настроение жителей Крыма, оценена степень лояльности к России крымско-татарского населения. Конечно же, подробно описаны дислокация, состав и количество российской армии в Крыму.

Следует заметить, что в рассматриваемое время западный мир и высший свет был достаточно космополитичен. Передача секретной информации или возмездное лоббирование интересов иностранного государства являлись вполне обыденными явлениями не только в России [см. Строев 2000], но и в других странах. Любое влиятельное иностранное посольство имело вполне официальный специальный фонд для поощрения политических сил, высокопоставленных политиков и фаворитов с целью получения секретной информации и лоббирования интересов своего государства. Например, вся внутривнутриполитическая борьба в Швеции в 40-х гг. XVIII в. чуть ли не официально (во всяком случае, вполне публично) выстраивалась именно таким образом. Какая из внешних заинтересованных сторон больше платила, та и получала лояльное отношение к себе [История 1941: 280–281]. Активно практиковалась такой подход и в отношении русских высших чиновников, например, в правление Елизаветы Петровны [см. Анисимов 1986: 79–134].

Как видно, даже в период мирных и внешне дружественных отношений с Францией, который наступил в 80-е годы XVIII в., Версаль не упускал возможности вести неофициальную разведывательную работу, в том числе в Крыму. Добытая в российском Причерноморье информация часто передавалась традиционному союзнику французов – Турции как одному из важных внешнеполитических акторов, выполнявшему, в соответствии с доктриной, сформулированной французскими дипломатами еще в п. п. XVIII в., функцию сдерживания российского влияния в Европе [Анисимов 1986: 83].

«Кондейцы» в Причерноморье: несостоявшийся проект

Сохранявшиеся несмотря на дипломатические интриги, мирные отношения между Россией и Францией были разорваны после французской Революции, что в дальнейшем привело к череде военных конфликтов между государствами. Российское самодержавие выступило резко против революционных изменений в Париже и, в частности, приняло в большом количестве вынужденных эмигрировать французских аристократов, предоставив им российское подданство, или поддерживало

материально за рубежом. Как известно, корпус принца Конде в течение 1798–1799 гг. квартировал в Российской империи, на Волыни. Тогда же была предпринята попытка возродить проект о поселении французских роялистов в Приазовье¹, предложенный еще при жизни Екатерины II [Ростиславлев 2000: 62–79; Майков 1897: 37]. При Павле I практической реализацией проекта было поручено заниматься главному новороссийскому начальнику, екатеринославскому военному и гражданскому губернатору Н. М. Бердяеву. Указ о первоначальном осмотре предназначенной для французских колонистов территории между реками Берда и Молочные Воды император подписал 7 июня 1797 г. [РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 111. Д. 59544. Л. 1], по-видимому, реагируя на просьбу Людовика XVIII о предоставлении убежища корпусу Конде [Ревякин 2004: 56–57]. Губернатор Бердяев лично исследовал указанные территории [ПСЗРИ 1. Т. 24. № 18127. С. 723] и в октябре 1797 г. представил примерный расчет необходимых средств и материалов для переселения французов. Для каждой семьи планировалось построить дом стоимостью 917 рублей 60 копеек, выделить по две лошади (по 30 рублей за каждую), 2 коровы (также по 30 рублей), 6 овец (по 3 рубля) и 15 рублей на инструменты. В целом – по 1 070 рублей 60 копеек на хозяина, к тому же наделив каждого 30 десятинами земли. Всего подобных хозяйств нужно было подготовить в расчете на 10 125 «душ». Таким образом, можно посчитать, что только на обустройство французов-эмигрантов российское правительство готово было потратить фантастическую сумму в 10 с лишним миллионов рублей. Бердяев, по-видимому, и сам ужаснулся получавшимся расходам, и потому оговаривал в рапорте императору, что *«по неизвестности мне, какое точно число их [т. е. французских переселенцев – Д. К.] к водворению следовать будет, не можно положить и числа таковых, а потому и суммы, сколько на все будет потребно»* [РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 111. Д. 59544. Л. 3–3 об.].

Российский историк А. В. Ревякин в статье, посвященной пребыванию эмигрантского корпуса в России, сообщает, что в том же году для осмотра местности, предназначенной для будущей французской колонии, принцем Конде в Приазовье были направлены уполномоченные офицеры – т. н. «комиссары» [Ревякин 2004: 65]. Прибыв «не позднее 27 ноября (8 декабря)» в Екатеринослав, они вручили «екатеринослав-

¹ Изначальное желание французских дворян поселиться в Крыму было отвергнуто Екатериной II в связи с отсутствием на полуострове достаточного количества свободных земель [см. СИРИО. 1886. Т. 54: 205].

скому губернатору П. И. Голенищеву-Кутузову» записку, в которой изложили собственные предложения по организации французских поселений в Новороссии. Замечательно, что среди этих предложений было и пожелание выделить 10 миллионов рублей для будущих колонистов путем дополнительной эмиссии русским правительством бумажных денег – то есть именно тот объем средств, который требовался согласно расчетам Бердяева. По мнению «комиссаров», данная сумма являлась «совершенно нечувствительной» для такой страны как Россия и могла вернуться сполна, правда не ранее, чем через 20 лет [Там же: 64–67]. Проанализировав содержание всей записки, А. В. Ревякин предположил, что «после многомесячных переговоров с российской стороной французским эмигрантам так до конца и не было ясно, из каких источников и в каких размерах должен был финансироваться колонизационный проект» [Там же: 65].

Но, как мы видим, к этому времени русское правительство осуществляло уже вполне конкретные шаги по организации и планированию поселений. Заметим также, что, согласно биографическим и административным данным, П. И. Голенищев-Кутузов екатеринославским губернатором никогда не был, а служил в этот период в Екатеринославском кирасирском полку [Федорченко 2003: 301]. Поэтому записка была передана не по адресу, в связи с чем становится понятным замешательство ее получателя: *«Я, не имея никаких повелений вступить с ними [французами. – Д. К.] в переговоры, ничего ответить им не мог...»*, – сообщал в письме «начальству» Голенищев-Кутузов [Ревякин 2004: 67]. Но внести ясность уже не мог и ответственный за подготовку французской колонизации губернатор Бердяев, поскольку 29 ноября 1797 г. был отправлен в отставку [Макидонов 2008: 11, 23].

В работе А. А. Митрофанова, посвященной волнениям в эмигрантском корпусе Конде во время его нахождения в России, указывается на ошибочность утверждения французских историков, что «в 1798 г. армии Конде было предложено, как и в 1793 г., основать колонии на берегах Черного моря» [Митрофанов 2016: 44]. Между тем, вышеприведенный отчет губернатора Бердяева императору Павлу I, равно как и сведения, изложенные в статье А. В. Ревякина, позволяют сказать, что российское правительство готовилось осуществить вполне конкретные шаги по организации французских поселений в Причерноморье. И колонизаторскому проекту не суждено было состояться, прежде всего потому, что сами французы не горели желанием отправляться в

такую глушь и заниматься сельским хозяйством на землях, которые не были даже в минимальной степени приспособлены для жизни и требовали неустанного культивирования [Pingaud 1886: 213]. Действительно, современникам сложно было представить, чтобы французские военнослужащие, или другие беженцы-роялисты («женщины, чиновники, старики и множество других несчастных») мирно возделывали приазовские поля, выпасали стада овец и коров в крымских степях, в окружении ногайских орд и крымско-татарских крестьян, вдали от своей родины и привычной культурно-ценностной обстановки [Ревякин 2004: 63].

Нужно сказать, что пока планировалось обустройство французов в Причерноморье, сам лагерь «кондейцев» на Волыни достаточно быстро превратился в глазах русской власти в рассадник «вольнодумства», источник критики внутрироссийского устройства и лично своего «благодетеля» императора Павла I. Поэтому последний решил поскорее использовать французских роялистов по их боевому назначению и при первой возможности удалил из пределов империи. Уже осенью 1799 г. корпус Конде участвовал в военных действиях в Германии и в Россию больше не возвращался [Васильев 2004].

«Шпионские игры»: Беклешов против «гвардейцев» Ришельё

При новом российском императоре Александре I сложные и противоречивые взаимоотношения Российской империи и Франции, которая теперь полновластно управлялась Наполеоном Бонапартом, продолжились. Не прекратилась практика принятия французских эмигрантов на русскую службу, назначения их на высокие посты, в том числе и на Юге империи. Так, руководителем сначала Одессы (с 1803 г.), а затем всей Новороссии (с 1805 г.) был назначен друг императора герцог Эммануил Осипович (Арман Эмманюэль) де Ришельё; в 1802 г. командиром черноморских портов, военным губернатором Севастополя и Николаева был назначен маркиз Иван Иванович (Жан Батист) де Траверсе; граф Яков де Мезон с 1808 г. стал начальником ногайских орд в Причерноморье [Pingaud 1886: 335–336; Сергеев 1912: 31], и т. д.

Не всем нравились эти административные решения: «хитрые французы, друзья между собой...», – так отзывался о Ришельё и Траверсе таврический губернатор Д. Б. Мертваго [Мертваго 2006: 142]. Обилие иностранцев, состоящих на русской службе, затрудняло поиск и выявление среди них агентов наполеоновской Франции. Тем более, после подписа-

ния в 1801 г. Парижского договора Французская республика на время стала дружественной для России державой и формальных оснований для запрета посещения стратегически важных российских регионов французскими гражданами не оставалось. Естественно, что большое количество разнообразных французов постоянно появлявшихся, а затем исчезающих из России не могло не вызывать беспокойство, а порой и раздражение среди русских высокопоставленных администраторов и офицеров, которые, по-прежнему, с недоверием относились к Франции и ее представителям.

К 1803 г. внешнеполитические игры до предела усложнились. Наполеоновские дипломаты стали энергично действовать в Турции, возрождая традиционное влияние в регионе [История 1938: 153–154; Станиславская 1962: 245–246]. Важным элементом дипломатических маневров Франции в Стамбуле стали обещания помочь османам снова овладеть Крымом [Станиславская 1962: 255, 434–437, 469–470; Сироткин 2003: 113]. Российские чиновники опасались, что добытая французами в Северном Причерноморье информация могла затем передаваться Турции, хотя и связанной с Россией союзным договором 1799 г., но к разрыву которого активно подталкивали османское правительство французские послы Рюффен, Брюн, Себастиани [Гальберштадт 1911: 94–96; История 1938: 154].

В мае 1803 г. николаевский военный губернатор, управляющий гражданской частью в Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерниях (т. н. «главный начальник» Новороссии) генерал-лейтенант С. А. Беклешов писал министру внутренних дел В. П. Кочубею, что по поступившей к нему от русского посланника в Константинополе А. Я. Италинского информации *«со стороны Франции делается Оттоманской Порте против нас сильные внушения»*. Одновременно и из собственных источников губернатора доходили сведения, *«что о войне Турции с Россией разнеслись и подтверждаются слухи между черкесцами и др. горскими народами; о чем якобы анапский паша имеет уже и предварительное повеление вспомоществовать французам. Из всего сего по крайней мере можно некоторое иметь сомнение на Францию. Между тем французские офицеры вояжируют беспрепятственно в наших краях, и именно по Крымскому полуострову, получая на свободный проезд подорожные от г. генерал-лейтенанта Дюка де Ришелье, в то время как в паспортах данных им от наших министров означено, что они следуют только через Одессу в Константинополь или обратно»* [РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1803 г. Д. 219. Л. 125–125 об.].

Об одном из них, «*по имени Рейи*», Беклешов уже доносил в апреле в рапорте императору Александру I. Речь шла о сотруднике французского посольства Жане Рако де Рёйи, который весной 1803 г. сопровождал новоназначенного градоначальника Одессы герцога де Ришельё в его ознакомительной поездке по месту службы. Затем, как писал сам Рёйи «*из любопытства*», он решил поехать в Крым [Reuilly 1806: xi–xii; Храпунов 2017: 114]. Разрешение на проезд (т. е. «подорожную») сотруднику французской дипломатической миссии действительно выписал одесский градоначальник, который к Крыму в это время не имел ни малейшего отношения и, как было сказано выше, впервые направлялся в Одессу для непосредственного вступления в должность. Такое вмешательство во внутренние дела, конечно, раздражало военного губернатора, который в первую очередь отвечал за безопасность и порядок в крае. К тому же подозрения в шпионаже французского дипломата, по-видимому, имели под собой некоторые основания. Англичанка Мэри Хоулдернесс, проживавшая в Крыму в 1816 г., сообщала о дошедших до нее разговорах, что Рёйи отправился в Крым по распоряжению Наполеона для изучения внутренней политической обстановки, в частности, настроений крымских татар [Holderness 1827:105–106]. На очевидно «политический характер» путешествия Рёйи в российское Причерноморье указывает и современный украинский историк В. В. Ададуrow [Адуrow 2018: 387].

Результатом поездки Рёйи стало очередное подробное описание Крыма. Причем это не был обычный травелог, а полновесная аналитическая записка, в которой присутствовала информация о физической, исторической географии полуострова, состоянии городов (подробно Севастополя), экономике Крыма, административных практиках новой власти, и даже этнографические зарисовки [Храпунов 2017]. Описание Рёйи было опубликовано в 1806 г. во Франции, а затем в Англии и стало доступно широкой публике, но нужно иметь в виду, что перед этим рукопись попала к французскому министру иностранных дел Талейрану, который в декабре 1803 г. собирался даже представить её Наполеону [Ададуrow 2018: 387; Храпунов 2017: 113]. К тому же неизвестно, какая еще информация, возможно секретная, могла находиться в рукописи Рёйи, и которая не вошла в опубликованный материал.

Но вернемся к письму Беклешова. Помимо Рёйи он жаловался еще на одного офицера. «*Вчерашнего числа явился ко мне здесь [т. е. в Николаев. – Д. К.] другой такой же офицер французской службы, эскадронный командир Людвиг Франсуа, который представил мне три паспорта,*

один от собственно его генерала Гедуйля², другой от министра иностранных дел Воронцова, а третий от пребывающего при турецком дворе министра Италинского, во всех трех сказано, что он следует через Одессу, а о Крыме ничего не упомянуто. Однако же г-н Франсуа имеет подорожную от Дюка де Ришелье до Ахтиара [т. е. Севастополя. – Д. К.]», поэтому Беклешов был вынужден вежливо его принять и пропустить через Николаев «без всякого задержания». Беклешов в связи с эти инцидентом задался вопросом: или «г-н генерал-лейтенант Дюк де Ришелье <...> из одного благоприятства к иностранцам снабжает подорожными господ французских офицеров на проезд в такие места, куда им от нашего правительства не дано особого дозволения, или <...> он имеет особенное какое-либо по сему предмету повеление, которого я не имею». И далее просил Кочубея объяснить, каким образом поступать в подобных случаях «и не нужно ли принять каких осторожностей вообще противу французов...» [РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1803 г. Д. 219. Л. 126–126 об.].

По-видимому, чтобы не быть двусмысленно понятым относительно Ришельё и своих подозрений по поводу французских офицеров, Беклешов сопроводил донесение Кочубею отдельной запиской под грифом «Секретно». В ней губернатор заверил министра, что с Ришельё он знаком давно и имел к нему «все почтение, которого он действительно заслуживает» и искренне желал бы «не делать ему никакой неприятности». «Однако же не менее того усердие мое к службе и верность ко благу отечества, – писал Беклешов, – приводят меня в крайнее затруднение касательно таких людей, которых по доходящим до меня верным сведениям должен я всемерно остерегаться. Самим Вам, Милостивый Государь, известно расстроенное состояние Крымского полуострова, а особливо по внутренности; и для того не должно бы кажется было пускать туда шпионов, коими нельзя не почитать вояжирующих французских офицеров, которые оба из штата пребывающего в Петербурге французского министра, подают сомнение, что они нарочно от своего начальства к тому употреблены» [Там же. Л. 129 а].

Ответ Кочубея последовал только 30 июня 1803 г., и в нем министр очень ясно описал сложную картину внешнеполитических обстоятельств, которые вынуждали правительство мириться с существующим положением, и которые, по-видимому, не были видны Беклешову из

² Очевидно, Габриэль-Мари-Теодор-Жозеф Эдувиль (иначе Гедувиль, Hédouville) – французский министр (посол) в России в 1801–1804 гг.

Николаева, но были хорошо заметны государственному вельможе из Петербурга: «По всем вероятиям, – писал Кочубей, – французские офицеры, о коих Вы упоминать изволите, если не могут названы быть шпионами, то по крайней мере путешественниками, имеющими от правительства своего поручение осмотреть все то, что у нас в Черноморских портах происходит или существует <...> Таковой ход есть и был свойственен правительству французскому, и что сведения, г. Италинским Вам преподанные, показывают, что последнее не остается в Константинополе не деятельным в своих против нас внушениях. Но при всем том мирное наше с Францией положение не дозволяет, чтобы кто-либо из нации сей без гласных каковых причин встречал у нас препятствия в переездах своих ...» [Там же. Л.136 об.]. С учетом этих обстоятельств для нейтрализации негативных последствий от действий потенциальных шпионов, Кочубей призвал Беклешова усилить полицейский надзор за каждым из пребывавших в южные провинции иностранцев, и ограничить местным распоряжением проникновение их в наиболее секретные части. «На сем основании легко можете Вы, конечно, в рассуждении крепостей дать соответствующие предписания; а относительно портов условиться с г. адмиралом де Траверсе, который будучи сам во французской службе имел случай знать, сколь строгие распоряжения по сему предмету во французских гаванях существовали...» [Там же. Л. 138]³.

Как видим, никаких иллюзий в отношении французского проникновения в Крым высшие государственные деятели Российской империи не испытывали. В то же время, обремененные договорными обязательствами в сложных внешнеполитических обстоятельствах первой половины 1803 г., когда начинался очередной англо-французский конфликт (по поводу Мальты) и все очевиднее становилась перспектива русско-французского конфликта, российская сторона старалась не давать ни малейшего повода к тому, чтобы война с Францией началась до окончания переговоров с Пруссией, которые продолжались в течение лета и осени 1803 г. [История 1999: 43].

В этот период южные провинции России действительно часто посещались французами. Это были не только офицеры, но и гражданские представители, коммерсанты, порой выполнявшие функции «двойно-

³ Как пример французской строгости, можно указать на действия министра полиции Фуше, который в 1806 г., в связи с наплывом иностранцев, запретил приезжим посещать Францию без его личного разрешения, даже если у них был в наличии паспорт МИДа [см. СИРИО. 1892. Т. 82: 354].

го назначения», как, например, Бургуен в Санкт-Петербурге, Мюр в Одессе, Ратэз в Херсоне и Севастополе, Логорис в Феодосии [Ададуrow 2007: 152–153, 242–246, 372, 426–427]. Известно, что Наполеон любил организовывать сбор разведданных под видом работы торговых миссий, коммерческих представителей [Ададуrow 2007: 367–368, 371–372; Безотосный 1982: 87]. Россия обоснованно остерегалась подобных агентов и визитеров, и потому была вынуждена уже в феврале 1804 г. (по инициативе француза Траверсе, на которого и ссылался Кочубей) ограничить доступ иностранным купцам в Севастополь, который был объявлен «главным военным портом» [ПСЗРИ 1. Т. 28. № 21171. С. 148; Шатне 2003: 187; Иванов 1891: 93]. А в январе 1807 г., в связи с началом очередной войны с Францией, из причерноморских портов были высланы все дипломатические французские представители [Ададуrow 2007: 246].

«Восток – дело тонкое»: французско-турецкий союз и меры противодействия

Особую озабоченность российских властей вызывала возможность совместных турецко-французских акций на границах южных провинций империи. Об этих угрозах Кочубей высказывался еще до русско-турецкого конфликта, который начался в конце 1806 г. Министр призывал не бояться столкновения с османами на суше, а вот взаимодействия турок и французов на море считал необходимым остерегаться в первую очередь [СИРИО. 1892. Т. 82: 237]. В своих воспоминаниях таврический губернатор Д. Б. Мертваго писал, что во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. он получал секретные данные о подготовке турецкого флота для высадки в Крыму при активном участии французских офицеров [Мертваго 2006: 142–143]. О том, насколько серьезно власти империи были настроены пресекать возможные провокации, можно судить по инциденту, который произошел летом 1811 г., когда в Черном море российскими крейсерами были арестованы и препровождены в порт Феодосии шесть французских торговых судов по подозрению в перевозке оружия и военного снаряжения [ГАРК. Ф. 16. Оп. 1. Д. 150; Ф. 16. Оп. 1. Д. 152; Ададуrow 2007: 374]. Данный случай, кстати, прецедентом не являлся. Двумя десятилетиями ранее, в 1789 г. по приказу Г. А. Потемкина в Балаклаве было также задержано «шпионское» французское судно, что вызвало достаточно громкий дипломатический скандал [Черкасов 2004: 352–354].

Турецкая угроза Крыму оценивалась российскими высокопоставленными чиновниками, как вполне реальная. В 1806 г. Ришельё, ставший к этому времени уже полновластным новороссийским губернатором, а не градоначальником одной лишь Одессы, отмечал в письме к императору Александру I, что Крым являлся единственным пунктом империи, который может подвергнуться серьезному нападению со стороны Турции [СИРИО. 1886. Т. 54: 233–234]. В переписке между Ришельё и Кочубеем уже после начала войны с Османской империей чиновники неоднократно обсуждали необходимость укрепления обороноспособности полуострова. Кочубей вслед за французом считал Крым единственным регионом России, где турки способны были нанести реальный ущерб государству [Там же: 242–245, 249–255].

В экспансионистских планах и дипломатических интригах Наполеона Крым действительно играл достаточно заметную роль. Известно, что один из советников французского императора, глава разведки [Безотосный 2004: 199–200] польский генерал М. Сокольницкий в аналитическом меморандуме «О способах избавления Европы от влияния России...» предлагал создать на юго-западных окраинах Российской империи конфедеративные государства, в том числе полузависимую от Франции державу крымских татар и украинских казаков, под общим наименованием «Наполеонида» [Сокольницкий 2003: 81–82]. Данный меморандум был составлен по поручению французского Генштаба накануне кампании 1812 г. и прочитан Наполеоном [Ададунов 2007: 283]. Схожие мысли высказывал и ничем не знаменитый французский чиновник Роландр [Там же: 288–291], что свидетельствовало об определенной устойчивости и целесообразности данной идеи в представлениях «геополитиков» того времени. С этим приходилось считаться российским властям. Тем более, что идея о «возврате» Крыма еще долго не оставляла турецких правителей разного ранга⁴.

Рост активности французских эмиссаров в Турции начиная с 1803 г. не оставался незамеченным в Санкт-Петербурге. Об этом, как сказано выше, предупреждал константинопольский посол Италинский; сообщалось и в письмах к командующему черноморским флотом адмиралу Траверсе [Шатне 2003: 193]. Тема враждебных действий французских дипломатов в Турции, формирования ими из России образа главного врага

⁴ См., например, наставление измайловского паши Пегливана будущему великому везиру Мустафе Байрактару от 1806 г. с требованием «*возвратить нам Крым*» [Петров 1885: 94–95].

османов, подстрекательства к развязыванию военных действий против Российской империи, постоянно присутствовала в русской дипломатической переписке того времени [СИРИО. 1891. Т. 77: 350–351, 438–439, 490, 679; СИРИО. 1892. Т. 82: 10–11, 182, 200, 222, 237, 315–316, 391].

В этой связи следует отметить, что, несмотря на сложную международную обстановку, связанную с недружественными действиями Франции, укреплять обороноспособность своих южных границ российские власти поручили именно французам: новороссийскому губернатору Ришельё и командующему черноморским флотом Траверсе. При этом определенные подозрения в излишней лояльности Ришельё к соотечественникам-французам, по-видимому, все-таки сказались на административных решениях Александра I. Перед самым началом войны с Турцией, в октябре 1806 г., герцог был отстранен от командования войсками, дислоцированными в Крыму, которые были переданы в управление Траверсе. Сам Ришельё в послании к российскому императору данное распоряжение расценивал, как «*намеренное унижение*» и проявление недоверия «*в момент опасности*», и даже просился в отставку [СИРИО. 1886. Т. 54: 233–234]. В ответ получил от Александра I письмо с заверениями полнейшего доверия и уважения, но руководство армейскими подразделениями ему возвращено так и не было [Там же: 234–235]. Любопытно, что в мемуарах современников и в позднейшей исследовательской литературе данное отстранение интерпретировалось как связанное с болезнью губернатора [Мертваго 2006: 141; Маркевич 1913: 11; Шатне 2003: 196, 198]. Но, как видно, отставка от командования войсками в Крыму состоялась в октябре 1806 г., в то же время обострение «нервной горячки» Ришельё, в результате которой он был вынужден прервать свое участие в дунайской кампании, наступила только в конце декабря 1806 г. [Ланжерон 1907: 589–590; Петров 1885: 119–120] В ноябре же герцог активно (но не всегда удачно) командовал корпусом в составе армии И. И. Михельсона [Петров 1885: 113–115; Ланжерон 1907: 579–582], а значит, октябрьское «крымское отстранение» с болезнью связано не было.

В итоге полномочия французозов в Крыму оказались разграничены: Траверсе отвечал за военную обороноспособность полуострова, а Ришельё контролировал внутреннюю политику в сложном регионе, населенном преимущественно единоверными османам жителями. Адмирал Траверсе, кадровый морской офицер, придерживался жесткой позиции в отношении способов защиты Крыма от турецкой угрозы. Он предлагал

полностью очистить полуостров от мусульманского населения, на побережье разместить отставных российских солдат, а внутренние территории полуострова заселить болгарами и жителями Молдавии. И, таким образом, ставший полностью христианским Крым, по мнению адмирала, заставил бы турок навсегда отказаться от идеи по его захвату [Шатне 2003: 225]. В этой стратегии Траверсе радикально расходился с мнением Ришельё, который защиту полуострова увязывал, в первую очередь, с мерами внутреннего управления, налаживания контакта с местными жителями [СИРИО. 1886. Т. 54: 233–234; Rambaud 1887: 639–640].

В результате в марте 1807 г. крымские татары все-таки были частично выселены из горных районов Крыма и с морского побережья, в добавок у них было изъято оружие [Маркевич 1913: 19–23]. Но уже в мае, в связи с улучшением политической обстановки и после ходатайства ого дворянства, которое поддержал Ришельё, император позволил татарам вернуться в свои жилища [Там же: 25]. Тогда же новороссийскому губернатору под личные гарантии удалось удержать правительство от намерения переселить во внутренние губернии ногайских татар, кочевавших в причерноморских степях [Ringaud 1886: 335]. Продолжая политику лояльности, в 1808 г. по просьбе Ришельё Александр I освободил крымских татар от повинности на поставку дров [Маркевич 1913: 26]. Но уже через год, в мае 1809 г., когда возобновились боевые действия с Турцией, по приказу придерживавшегося «жесткой» линии Траверсе из Крыма в целях безопасности были утнаны 10 000 лошадей [Там же: 35]. Ришельё был резко против такой меры, в чем пытался убедить военного министра С. К. Вязмитинова: *«Вы увидите, что это приведет к неизбежной гибели жителей полуострова и степей Перекопа и Днепра. Таким образом, мы окажемся в еще более неблагоприятном положении, чем то, которого мы хотим избежать. Я встаю на колени и умоляю вас не требовать от нас этой меры, которая приведет к несчастью страны»* [Rambaud 1887: 639]. В результате в августе 1809 г. табуны были возвращены обратно, а татарское население крымского побережья на этот раз решили вовсе не тревожить, поскольку новороссийский губернатор был уверен в его преданности российской короне. И, действительно, когда в июле 1810 г. турецкая эскадра в составе 18 кораблей появилась на внешнем рейде Севастополя и демонстративно прошла вдоль Южного берега, мусульмане Крыма оставались спокойны [Маркевич 1913: 34–35].

Тем не менее за настроениями татарских жителей российские власти продолжали внимательно следить, но старались делать это незаметно,

чтобы в условиях военного времени не вызывать лишних возмущений. таврический губернатор Мертваго докладывал Траверсе в марте 1807 г., что использовал для этих целей возможности местной землеустроительной комиссии, куда внедрил двух офицеров «из греков»: *«Сии люди по препоручениям земских исправников всегда находятся в посылках по уезду. Зная язык татарский, они удобнее примечают расположение людей»* [Там же: 20].

Комплекс превентивных мер, предпринятых французами, дал положительный результат, и в Крыму не было зафиксировано серьезных случаев недовольства за весь период русско-турецкого конфликта. Более того, во время вторжения французской армии в Россию в 1812 г. одни только крымско-татарские крестьяне добровольно пожертвовали около 230 000 рублей на укрепление обороноспособности российского государства, не считая аналогичных жертвований мусульманского духовенства, дворян, городских жителей [Маркевич 1913: 46–49, 63–66; Близняков 2013: 517–519]. Сформированные же из крымских татар в 1807 г. регулярные боевые подразделения, начиная с 1808 г. активно участвовали в составе российской армии в европейских конфликтах эпохи Наполеона [Сакович 2016: 39–73].

Деятельность французов по защите южных рубежей Российской империи была позитивно оценена императором Александром I. В июле 1809 г. Траверсе был отозван в Санкт-Петербург, где вскоре был назначен на должность морского министра. Ришельё же вернули командование сухопутными силами [Шатне 2003: 226–227] и он оставался полномочным хозяином Новороссийской губернии вплоть до 1814 года, когда вернулся во Францию.

***

Крым, после обретения в 1783 г. статуса российской территории, формально стал одной из удаленных от Санкт-Петербурга «окраин» империи. Но в геополитических устремлениях европейских держав, внутривосточных мероприятиях Российской империи периферией вовсе не являлся. Российское правительство последовательно стремилось привлечь в малонаселенный причерноморский регион иностранных колонистов. Одним из неудачных переселенческих проектов стала попытка организации в Приазовье сельскохозяйственных колоний, состоящих из французских роялистов-эмигрантов и военных корпуса

Конде. Французское правительство с целью получения закрытой информации о дислокации, количестве российских войск и флота, настроениях местного мусульманского населения неоднократно направляла на полуостров своих агентов. В период наполеоновских войн, перманентных русско-французских конфликтов, Крым оставался объектом повышенного внимания иностранных правительств. Важным аспектом международной политики Наполеона являлась поддержка в Турции антироссийских настроений. Одним из наиболее очевидных средств для достижения этой цели стало педалирование крымского вопроса, обещание оказать помощь в возвращении полуострова в сферу влияния Турции. Все подобные действия французских секретных агентов, дипломатов становились известны имперской власти, которая в условиях исключительно сложной и зыбкой внешнеполитической обстановки, в целом, умело реагировала на возникавшие вызовы. Во время русско-турецкого конфликта 1806–1812 гг., грамотная внутренняя политика, проводимая в Крыму французами на русской службе Ришельё и Траверсе, стала одним из факторов сохранения спокойной обстановки внутри полуострова.

ЛИТЕРАТУРА

- Ададуrow В.* «Наполеоніда» на Сході Європи: уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних країн Російської імперії на початку ХІХ століття. Львів, 2007.
- Ададуrow В.* «Наполеоніда» на Сході Європи: уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних країн Російської імперії на початку ХІХ століття. 2-ге вид. Львів, 2018.
- Анисимов Е. В.* Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. М., 1986.
- Безотосный В. М.* Разведка Наполеона в России перед 1812 г. // ВИ. 1982. № 10.
- Безотосный В. М.* Наполеоновские разведывательные службы в военной кампании 1812 года // ННИ. 2004. № 4.
- Близняков Р. А.* Новороссийский край в Отечественной войне 1812 года (на примере Таврической губернии) // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII.
- Васильев А. А.* Корпус принца Конде в Российской империи (1798–1799 гг.) // Франция и Россия в начале ХІХ столетия. М., 2004.
- Гальберштадт Л. И.* Восточный вопрос // 1812–1912. Отечественная война и русское общество. Т. 2. М., 1911.
- Долгова С. Р.* «Чтобы никакие шпионы от государственных неприятелей не обрелись». Становление органов разведки и контрразведки в России // Исторический архив. 1998. № 5–6. [Электронный ресурс; режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1660-1680/Stanovlenie_org_razvedki/text.htm].

- Иванов П.* Из дел канцелярии Николаевского военного губернатора. Дело о восстановлении в Севастополе коммерческого порта // ИТУАК. 1891. № 12.
- История XIX века* / ред. Лависс, Рамбо. Т. 2: Время Наполеона I. 1800–1815. Ч. 2. М., 1938.
- История внешней политики России. Первая половина XIX века.* М., 1999.
- История дипломатии.* / ред. В. П. Потемкин. Т. 1. М.; Л., 1941.
- Ланжерон А. Ф.* Записки гр. Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 г. // РС. 1907. Т. 130.
- Майков П. М.* Герцог Ришелье в России // РС. 1897. Т. 91.
- Макидонов А. В.* К светской и церковной истории Новороссии (XVIII–XIX вв.). Запорожье, 2008.
- Маркевич А. И.* К столетию Отечественной войны. Таврическая губерния в связи с эпохой 1806–1814 годов. Исторический очерк // ИТУАК. 1913. № 49.
- Мертваго Д. Б.* Записки (1760–1824). СПб., 2006.
- Митрофанов А. А.* Волнения в эмигрантском корпусе Конде на русской службе в 1798 г. (по материалам РГАДА) // Известия УрФУ. Серия 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 2.
- Петров А.* Война России с Турцией 1806–1812 гг. Т. 1. СПб., 1885.
- Ревякин А. В.* Французская республика, роялистская эмиграция и русская дипломатия в правление императора Павла I // Франция и Россия в начале XIX столетия. М., 2004.
- Ростиславлев Д. А.* Французская контрреволюционная эмиграция и проекты колонизации Юга России в конце XVIII века // Франция и Россия XVIII–XX века. Вып. 3. М., 2000.
- Сакович А. В.* Крымские татары на военной службе Российской империи. М., 2016.
- Сергеев А.* Ногайцы на Молочных водах (1790–1832). Исторический очерк // ИТУАК. 1912. № 48.
- Сироткин В. Г.* Наполеон и Александр I: Дипломатия и разведка Наполеона и Александра I в 1801–1812 гг. М., 2003.
- Сокольниковский М.* «Исполнено по высочайшему повелению...». Минск, 2003.
- Станиславская А. М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М., 1962.
- Строев А.* «Те, кто поправляет Фортуна». Авантюристы Просвещения. М., 1998.
- Строев А.* «Война перьев»: Французские шпионы в России во второй половине XVIII века // Логос. 2000. № 3.
- Федорченко Ф. И.* Императорский Дом. Выдающиеся сановники. Энциклопедия биографий. Т. 1. Красноярск; М., 2003.
- Храпунов Н. И., Гинькут Н. В.* Крым в 1784 г. по свидетельству французского путешественника барона де Бара // МАИЭТ. 2015. Вып. XX.
- Храпунов Н. И.* Крымская миссия Жана Рёйи // ФЕ. 2017.
- Черкасов П. П.* Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения. 1774–1792. М., 2004.
- Чудинов А. В.* Жильбер Ромм о русской армии XVIII века // Россия и Франция: XVIII–XX века. Вып. 3. М., 2000.
- Чудинов А. В.* Французские агенты о положении в Крыму накануне русско-турецкой войны 1787–1791 годов // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения. М., 2001.

- Шатне М. дю.* Жан Батист де Траверсе, министр флота Российского. М., 2003.
- Holderness M.* Journey from Riga to the Crimea, with Some Account of the Manners and Customs of the Colonies of New Russia. 2nd ed. London, 1827.
- Pingaud L.* Les Français en Russie et les Russes en France. L'Ancien régime – l'émigration – les invasions. Paris, 1886.
- Rimbaud A.* Le duc de Richelieu en Russie et en France // Revue des deux mondes. 1887. Vol. 84.
- Recueil* des instructions donnees aux ambassadeurs et ministres de France depuis les Traités de Westphalie jusqu'à Revolution française. T. 9: Russie (1749–1789) / ed. A. Rimbaud. Paris, 1890.
- Reuilly J.* Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire pendant l'année 1803. Paris, 1806.

«КРЫМСКИЕ ПРОЕКТЫ» ПРИБЛИЖЕННЫХ НАПОЛЕОНА

Н. И. Храпунов

Наполеоновские войны впрямую не затронули Северное Причерноморье. Регион, во второй половине XVIII в. являвшийся зоной дипломатической борьбы Франции и России [см.: Черкасов 2004], после начала французской Революции оказался на периферии внимания французских политиков. Не изменилась ситуация и в Наполеоновскую эпоху. Интересы французского лидера сосредоточились на Испании и Германии, Египте и России. Возможно, вследствие этого роль Крыма в планах Наполеона не стала популярным сюжетом для исследований. Внутреннюю жизнь Крыма в ту эпоху изучал А. И. Маркевич [1913], историю сформированных на полуострове татарских армейских подразделений – И. Муфтий-заде и А. Сакович [Муфтий-заде 1899: 6–14; Сакович 2016: 39–88]. Несколько статей, рассматривающих связанные с Крымом сюжеты, опубликованы в энциклопедии войны 1812 г. [Отечественная война 2004]. Современные публикации В. В. Ададунова и О. А. Яновского открыли документы, с которыми работал Наполеон, содержавшие предложения по будущему устройству юга-востока Европы [Ададунов 2007; Сокольниковский 2003]. Д. В. Конкин проанализировал влияние непростых отношений с Францией на внутреннюю ситуацию в Крыму [Конкин 2019]. Предметом отдельных исследований стало описание Крыма, подготовленное французским агентом Жаном Рёйи, и его место в контексте размышлений иностранцев о южных владениях России [Храпунов 2017а; Храпунов 2017б]. Обобщив собранные данные, попытаемся рассмотреть планы относительно Крыма, разрабатывавшиеся во французской верхушке, и проанализируем их зависимость от идей предшествующей эпохи.

История торговых связей Франции и Османской империи началась в XVI в., когда французы первыми из западных держав получили соответствующие привилегии от турецкого правительства [Орешкова 2018: 248]. В эпоху Просвещения Франция стала важнейшим торговым партнером стран Восточного Средиземноморья и Причерноморья, завязав тесные политические связи с Османской империей и Крымским ханством [Станиславская 1962: 44–45]. Однако о Крыме в Париже пона-

чалу почти ничего не знали. Показательна очень краткая статья Луи де Жокура в «Энциклопедии» [Encyclopédie 1751: 470], тогда как для Монтескье Крым был, кажется, синонимом «белого пятна» на карте [Монтескье 1999: 122]. Правда, довольно много информации об истории Крымского ханства собрал «кабинетный ученый» Жозеф Дегинь [Deguignes 1757: 343, 344, 376–417]. Важнейшими источниками сведений стали сочинения французских дипломатов и военных. В 1753–1757 гг. консулом в Крыму был Шарль де Пейссоннель, который впоследствии издал несколько книг о Причерноморье [Peyssonnel 1765; Peyssonel 1787]. В 1767–1769 гг. аналогичный пост занимал дворянин словацкого или венгерского происхождения Франсуа де Тотт, лично участвовавший в набеге на южнорусские земли в 1769 г., а затем служивший в Стамбуле. В мемуарах он дал волю фантазии, что способствовало их популярности [Tott 1785]. Совершенно в другом тоне выдержаны его отчеты, направленные в Версаль. Судя по этим документам, одной из задач де Тотта было заключение торгового договора непосредственно между Францией и Крымом (минуя Османскую Порту), однако добиться этого консулу не удалось [La correspondance 2014: passim].

Завоевание Крыма Россией в 1783 г. сделало полуостров потенциальной базой для нападения на Османскую империю. В 1784 г. по поручению великого визиря Халил-Паши и французского посланника в Константинополе графа Франсуа де Сен-При военный инженер Андре-Жозеф Лафитт-Клаве составил описание побережья Черного моря, в том числе Крыма. Французы стремились не только помочь союзникам, но имели и свой интерес, ведь копии (?) этого описания и путевого дневника Лафитта-Клаве сохранились в архиве военного министерства [Lafitte-Clavé 1998]. Другое описание Крыма связано с именем Шарля де Бара, путешественника и, не исключено, секретного агента, посетившего Крым в 1784 г. Он назвал Севастопольскую (Ахтиарскую) бухту лучшей гаванью Европы. Де Бар полагал, что Екатерина II собирается изгнать османов из Европы. *«Именно из Ахтиара можно нанести удары, которые поставят под угрозу Константинополь; при хорошем ветре русские доберутся туда за двое суток; они могут за короткое время завести на Черном море флот, представляющий страшную угрозу для турок <...> Когда закончится строительство кораблей <...> он сможет кратким путем перевезти десантные отряды»* [Baert 1798: 25–28; Храпунов, Гинькут 2015: 409–413]. Опасность появления севастопольской эскадры под стенами Константинополя оценил и французский посол в

России граф Луи-Филипп де Сегюр [Ségur 1826: 317–318; Сегюр 1865: 75]. В 1786 г. французский резидент в Петербурге Жан Шаретт де ла Колиньер подготовил меморандум о положении дел в Крыму и, в частности, о размещенных там войсках, на основе наблюдений известных путешественников – «русского немца» Карла Габлица и французского гувернера Жильбера Ромма [Чудинов 2001].

Значительно расширив свои владения в Северном Причерноморье во второй половине XVIII в., Россия предпринимала колоссальные усилия для экономического развития региона [Дружинина 1959]. Используя Причерноморье как форпост, царское правительство получило возможность задуматься о перспективах торговли со средиземноморскими странами. Так Средиземноморье стало зоной не только политических, но и экономических интересов России [Станиславская 1962: 23–41]. В это время французские купцы проникают на рынки юга России, вывозя оттуда продукцию сельского хозяйства [Karpetanakis 2015: 37]. Не удивительно, что французы анализировали и военные, и торговые перспективы, открывшиеся в Причерноморье в результате российской экспансии. Во французских архивах хранятся многочисленные документы, посвященные этому вопросу [Ададунов 2007: 84–85; Черкасов 2004: 273–279]. Сегюр, по его словам, не раз пытался доказать Потемкину выгоды, которые Россия получит от торговли своих южных владений с Францией, если к тому же удастся нарушить фактическую монополию англичан на русскую коммерцию [Ségur 1826: 287–288, 307–310, 316; Сегюр 1865: 58, 68–70, 74]. Во многом благодаря его усилиям в 1787 г. Франция и Россия заключили торговый договор, в котором, помимо всего прочего, оговаривались льготные условия для коммерции в южных портах, но начавшиеся вскоре революционные события не позволили его реализовать [Черкасов 2004: 282–302].

В дальнейшем ситуация запуталась. В 1798 г., накануне египетского похода Наполеона Бонапарта, французский министр иностранных дел Шарль де Талейран выдвинул план нападения на Крым на случай, если бы полководцу удалось закрепиться в Леванте. Это, во-первых, ослабило бы Россию, а во-вторых, передача полуострова османам компенсировало бы им потерю Египта [Митрофанов 2006: 134; Кобищанов 2019: 152]. Сама мысль о принудительном «возвращении» Крыма не отличалась оригинальностью. Именно этого потребовал у Екатерины II шведский король Густав III накануне войны с Россией 1788–1790 гг. [Екатерина II 1878: 159; Черкасов 2004: 385]. Позднее британский путешественник Эд-

вард-Даньел Кларк, посетивший Крым в 1800 г., создал впечатляющее описание страданий крымских татар под российским ярмом и предложил европейским державам план вторжения на полуостров, чтобы затем передать его туркам [Clarke 1816: 268–272].

Однако египетский и сирийский походы Наполеона разрушили прежнее франко-османское согласие. В результате в 1799 г. турки отказались от прежнего союза с Францией и заключили договор с Россией [Европейская дипломатия 2012: 57–58; Станиславская 1962: 99–102, 109–113]. Случившийся вскоре кризис второй антифранцузской коалиции, успехи Наполеона на военном и дипломатическом фронте привели к заключению франко-русского трактата 1801 г. [История 1999: 33–36; Станиславская 1962: 155–213]. Через год Наполеон договорился с Россией о торговле на Черном море. В портовых городах Северного Причерноморья появились французские консулы [Ададунов 2007: 365–367]. В это время изменилась даже тональность французской официальной прессы: вместо отторжения России журналисты стали обсуждать перспективы разнообразных с ней взаимодействий, в частности торговых [Митрофанов, Промыслов, Прусская 2019: 85–87].

В этих сложных обстоятельствах Наполеон, естественно, нуждался в сведениях о юге России, а потому вернулся к хорошо зарекомендовавшей себя при Старом порядке практике использования информаторов-путешественников. В 1803 г. сотрудник французского посольства в Петербурге Жан Рёйи представил правительству пространный отчет о поездке в Крым, а также о черноморской торговле и портах. Талейран писал, что собирался показать записки Рёйи Наполеону [Дипломатические сношения 1891: 426]. Французский лидер высоко оценил собранные материалы и приказал компенсировать затраты агента Талейрана [Ададунов 2018: 387]. Ныне рукописи хранятся в архиве Исторической службы Министерства обороны при Департаменте сухопутных сил Франции [Ададунов 2007: 147]. Через три года Рёйи превратил их в книгу, посвященную Наполеону [Reuilly 1806]. Почему именно решили придать огласке собранные французом сведения, и чья была это инициатива, автора или французского императора, неизвестно.

Рёйи создал, возможно, самое полное описание Крыма из изданных французами во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Француз внимательно изучил труды своих предшественников – путешественников и кабинетных ученых [Храпунов 2017а: 120]. Его информатором стал знаменитый ученый-естествоиспытатель Петер-Симон Паллас,

автор энциклопедического «путешествия» в Тавриду [Паллас 1999], который в то время проживал в Крыму. Рёйи с благодарностью писал о помощи, которую ему оказал академик [Reuilly 1806: i–iv]. По-видимому, Паллас не догадывался о миссии француза и помогал ему отчасти в силу своих выдающихся душевных качеств, отчасти терзаясь от недостатка общения с образованными людьми. Сочинение Рёйи построено по аналитическому принципу, что нехарактерно для большинства путевых записок, которые обычно заставляют читателя повторять путешествие автора, причем сведения о различных природных и культурных феноменах излагаются несистематически. В отличие от многих других регионов, географическое положение Крыма (связанность с материком узким перешейком на севере либо переправой через морской пролив на востоке, а также наличие труднопроходимого горного барьера, отделявшего живописный субтропический южный берег от остальной части полуострова), вынуждало путешественников отказаться от обычной поездки по прямой, описывая круги и периодически возвращаясь в исходную точку (Карасубазар-Белогорск, Бахчисарай, Симферополь). Потому их записки периодически возобновляли обсуждение одних и тех же тем, что не добавляло логичности и последовательности. Труд Рёйи этого недостатка лишен благодаря избранной системе изложения.

Некоторые русские чиновники, как крымские так и столичные, заподозрили, что Рёйи был не просто путешественником, но наполеоновским агентом, собиравшим сведения о Крыме, однако мешать ему не стали, дабы не обострять отношения с Францией [Конкин 2019: 547–550]. Некоторые путешественники, отправившиеся в Крым впоследствии, заподозрили шпионский характер миссии Рёйи [например: Holderness 1827: 105–106]. Внимательно читая его книгу, они не могли не обратить внимания на специфику собранной французом информации, во многом касавшейся российской армии, флота, экономики и пр. Тем не менее, Рёйи пользовался покровительством лиц, находившихся в высоких чинах на российской службе, в том числе соотечественника-роялиста, губернатора Новороссийского края Армана де Ришельё [Reuilly 1806: xi–xii]. Рёйи даже возил частную корреспонденцию от Ришельё к другому французу – главному командиру Черноморского флота Жану-Батисту де Траверсе [Шатне 2003: 185].

Собранные Рёйи конфиденциальные сведения сгруппированы в последних разделах второй части его труда, которые отразили личные наблюдения автора. В частности, француз перечислил расквартированные

на полуострове подразделения с указанием места дислокации каждого из них [Reuilly 1806: 194–195]. Показательно, что в августе 1805 г. Наполеон дал (через Талейрана) такое же задание французскому посланнику в Константинополе Франсуа Рюффену [Ададуров 2007: 367–368]. Рёйи подробно описал базу Черноморской эскадры – Севастополь: «*Порт этого города, один из лучших в Европе, всем обязан природе...*» [Reuilly 1806: 203]. Француз рассказал о большой Севастопольской бухте, от которой отделяются малые, также весьма удобные гавани: «*Почти везде он (севастопольский порт – Н. Х.) достаточно глубок, чтобы принимать самые большие суда, и окружен холмами, защищающими его от ветров, за исключением западных. В южной части он образует четыре бухточки, служащие безопасным укрытием [для кораблей]. Во всем порту нет ни единой мели, если не считать небольшой песчаной банки у входа...*» [Reuilly 1806: 204]. Рёйи отметил расположение защищавших порт батарей, заметив, что их недостаточно, ведь, как полагают, при попутном ветре вражеские корабли могут проскочить в бухту и высадить десант на севастопольском берегу [Reuilly 1806: 204–205]. К книге приложены карты Крымского полуострова и города Севастополя с окрестностями.

Француз описал двойственность положения города, удаленность которого от внутренних районов Крыма затрудняет подвоз припасов и приводит к их дороговизне [Reuilly 1806: 201–202]. Эту проблему понимали и российские власти. Де Траверсе ходатайствовал перед правительством о допуске в Севастополь коммерческих судов, груженных необходимыми товарами [Головачов 1872: 217–218]. По иронии судьбы, несколько раньше сам де Траверсе, опасавшийся английских и французских шпионов, инициировал императорский указ, объявивший Севастополь «закрытым» портом [Шатне 2003: 187; Конкин 2019: 550].

Другой проблемой была нехватка пресной воды, приводившая к эпидемиям. Для ее решения француз предложил построить водовод, или же отыскать и реконструировать тот, который некогда подавал воду жителям древнего Херсонеса [Reuilly 1806: 202–203]. Важной проблемой были морские черви (*teredo navalis*), которые за два года могли разрушить деревянный корпус корабля. Для борьбы с ними русские использовали кренгование (поднимали над поверхностью воды борта корабля и обжигали их), а также обшивали медью корабельные борта [Reuilly 1806: 206, n. I].

Стратегическое значение крымских портов, по мнению Рёйи, заключалось в том, что отсюда при попутном ветре за трое суток можно было до-

стичь Константинополя. Османские укрепления при входе в Босфорский пролив не устояли бы под огнем с русских судов [Reuilly 1806: 207–208]. Для этого суждения, очевидно, были основания. Так, например, в мемуарах де Сегюра процитировано личное письмо «инженера Лафитта», направленного в Стамбул обучать турок фортификации – очевидно, того самого, что составлял для османов описание Черноморских берегов. Оно свидетельствует о турецком фатализме и упрямом нежелании следовать рекомендациям француза, в результате чего защита турецких берегов была предоставлена воле Аллаха, а не современным редутам и батареям [Séгур 1826: 321–322]. Впрочем, состояние стоявших в Севастополе четырех линейных кораблей и четырех или пяти фрегатов, по оценке Рёйи, было далеко не лучшим. Он описал принцип комплектования экипажей, но в целом качество русских моряков, включая офицеров, француза не впечатлили. Проблемой было и отсутствие взаимопонимания между флотскими и сухопутными офицерами. Единственный достойный командиром он назвал адмирала де Траверсе, и сложно избавиться от мысли, что во многом из-за происхождения последнего [Reuilly 1806: 208–210].

Не меньшее внимание Рёйи уделил перспективам хозяйственного развития Крыма. Экономику и особенно торговлю он считал проявлением прогресса. Именно поэтому в истории Крыма он видел противоборство цивилизации и процветания, которую принесли античные греки и средневековые гунезцы, и разрушительного восточного варварства в лице скифов и татар [Храпунов 2017а: 123, 127]. Важная роль исторических экскурсов в сочинении Рёйи не удивительна. С одной стороны, в традициях Монтескьё, которого путешественник ценил, было видеть истоки современных политических, общественных, экономических феноменов в классической древности. С другой, Наполеон искал вдохновения в сюжетах из античной истории [Европейская дипломатия 2012: 58, 72; Ададунов 2017: 15–16]. Рёйи предлагал развивать в Крыму традиционные отрасли экономики (хлебопашество и рыболовство), вводить новые сельскохозяйственные культуры, заниматься виноградарством и виноделием, разводить европейские породы овец, завести мануфактуры, привлечь купцов, иностранных колонистов и российских подданных из внутренних губерний, учредить беспопыльный порт (лучше всего в Феодосии). Благодаря своему географическому положению, Крым мог бы стать звеном на торговом пути, связывающем Францию и ее заморские колонии с внутренними районами России и

Османской империи, а через Астрахань – с Персией и даже Индией [Reuilly 1806: 195–198, 253–255; Храпунов 2017а: 129–130]. Эти идеи сложно назвать особенно оригинальными. В конце XVIII в. француз де Бар и англичанин Джон-Глен Кинг писали и о стратегическом значении Севастополя, и о торгово-экономическом потенциале Крыма [Baert 1798: 24–25, 28; Храпунов, Гинькут 2015: 408–409, 412–413; King 1788: 99–122].

В Наполеоновскую эпоху наладить торговлю с Россией через северопричерноморские (и, в частности, крымские) порты французам так и не удалось. Помешали неблагоприятные политические обстоятельства – русско-турецкая война 1806–1812 гг., ухудшение российско-французских отношений начиная с 1810 г., введение царским правительством таможенного тарифа 1811 г., продолжавшееся противостояние Франции и Англии [Гончарук 2014: 335–339; Ададунов 2007: 368–375; Сироткин 2003: 255]. Впрочем, торговля с турками через Феодосию – основной коммерческий порт Крыма, к тому же действительно получивший «беспешинный» статус, в это время также была невелика [Тимченко 2016: 84].

Рёйи рассказал о встрече с двумя авторитетными представителями крымских татар – предводителем дворянства Феодосийского уезда Атай мурзой Ширинским и возглавлявшим мусульманское духовенство Крыма муфтием Сеит-Мегмет эфенди [о них: Макидонов 2011: 180, 191, 224]. Вероятно, эта история должна была ответить на вопрос о потенциальных действиях татар случае русско-французского конфликта. Беседы с представителями местной элиты были традиционным способом получения информации, который применяли француз. Так, в 1802 г. посол в Константинополе Орас Себастиани отправился в поездку по ближневосточным провинциям Османской империи с задачей изучения настроения жившей там знати [Европейская дипломатия 2012: 78].

По словам Рёйи, Атай мурза восхищался Наполеоном и даже собирался отправиться в Париж. Прежде, узнав о Египетской компании Наполеона, он якобы подумал, что Бонапарт собирается восстановить Польское королевство и для этого высадится на берегах Черного моря. В 1803 г. Атай мурза ждал большой войны в Европе – но не было ли это сообщение навеяно тем, что к моменту издания книги Рёйи и его читатели хорошо помнили о войне третьей антифранцузской коалиции в 1805 г.? Наконец, Атай мурза выразил надежду на то, что Александр I «восстановит справедливость», поколебленную во время Павла I [Reuilly 1806: 163–171]. Таким образом, слова француза можно было понять двояко, в

зависимости от ситуации – то ли татары надеялись на нападение Наполеона на Россию, то ли они оставались лояльными подданными, связывавшими надежды с действиями Александра I. Разговор наверняка шел через одного, а то и двух переводчиков – первый переводил сказанное татарами на русский, а второй – с русского на французский язык; это была обычная ситуация и в Крыму, и в южнорусской степи [например: Храпунов 2009: 665, 669]. Потому большой вопрос, насколько суждения собеседников Рёйи не были искажены непреднамеренно в этот момент, или преднамеренно – при подготовке рукописи к публикации. Француз, очевидно, имел основания сделать так, чтобы его труд не повредил собеседникам. Неясно и насколько крымские татары разбирались в хитросплетениях европейской политики. Полуфантастическая идея высадки десанта на черноморских берегах ради восстановления Польши, кажется, заставляет в этом усомниться. Как тут не вспомнить рассказ английской путешественницы Элизабет Крейвен (1786) о встрече со знатным татариним, который, по ее словам, некогда занимал высокий пост в ханской администрации, а затем стал служить России. По словам Крейвен, ее собеседник *«совершенно ничего не смыслит в географии собственной страны, и говорит, что Англия и Петербург – одно и то же»* [Craven 1789: 179].

Как бы то ни было, вопрос о лояльности крымских татар волновал и российские власти. Потому во время турецкой войны 1787–1791 гг. в качестве превентивной меры практиковалось изъятие оружия и переселение крымских татар с уязвимо для десанта побережья в глубинные районы полуострова, а заподозренных в нелояльности представителей духовенства (мулл) выслали из Крыма [Лашков 1890: 82–106; Лашков 1891: 75–78; Маркевич 1913: 19–26]. Тем не менее, по окончании военных действий Екатерина II сделала Крым местом ссылки для мятежных мусульман Северного Кавказа и Приазовья [Конкин 2017: 29–30], что свидетельствует о ее уверенности в местном населении. Вспомним и хрестоматийную историю о том, что еще во время южного путешествия 1787 г. императрица заменила в Крыму свой конвой на татарский [Сакович 2016: 16–20]. Это произвело большое впечатление на ее спутников и способствовало завоеванию доверия у мусульман. Конвойные татары спасли императрицу, когда впряженные в ее карету лошади понесли [Ligne 2013: 112–113; Линь 1809: 82–83; Ségur 1827: 195–196; Сегюр 1856: 210]. Но сомнения оставались, а потому после начала войны с турками 1806–1812 гг. адмирал де Траверсе опасался, что татары перейдут на

сторону противника, и считал нужным расселить в Крыму лояльных России отставных солдат, греков, болгар и молдаван [Шатне 2003: 225]. В 1807 г. муфтию Сеид-Муртазе эфенди поручили тайно разузнать о настроениях его соплеменников [Маркевич 1913: 21–22].

Во Франции присоединение Крыма к России многим казалось не вполне легитимным. Эту мысль выразил Сегюр, описывая путешествие Екатерины II на юг в 1787 г. – правда, он осмотнительно приписал ее своему товарищу Шарлю-Жозефу де Линю. По словам путешественника, если бы татары, составлявшие конвой Екатерины II и Иосифа II, похитили бы двух монархов и доставили бы их к османскому султану, то *«этакий фокус вовсе не был бы бесчестным [с их стороны], ведь они вполне могли бы, без всяких угрызений совести, похитить двух монархов, которые, пренебрегая правом народов [jus gentium] и всеми [международными] договорами, похитили их страну, свергли их князя и уничтожили их независимость»* [Ségur 1827: 192–193; ср.: Сегюр 1865: 208–209]. Международные договоры – это, очевидно, Карасубазарский трактат России с Крымским ханством (1772), а также Кючук-Кайнарджийский мир (1774) и Айналы-Кавакская конвенция (1779) с Османской империей [см.: Карасубазарский трактат 2015; Дружинина 1955]. Любопытна апелляция к «праву народов» («jus gentium») – в древнеримском праве это была совокупность норм, общих для всех цивилизованных народов, которые применялись в отношениях между римскими гражданами и иностранцами [Black's 2009: 939].

В эпоху Наполеона французская дипломатия попыталась использовать Крым как разменную монету в большой дипломатической игре. В 1802 г. Наполеон предлагал Александру I раздел Османской империи [Безотосный 2017: 36]. Однако впоследствии французы подталкивали Турцию к войне с Россией 1806–1812 гг. Во время неудачных переговоров о союзе с Османской империей (февраль 1807 г.) Франция обещала туркам Крым, причем была готова отвоевать его самостоятельно [Сироткин 2003: 109–113; Станиславская 1962: 430–444]. Наполеон разрабатывал план совместного с османами нападения на Россию, предусматривавший одновременные удары по Валахии и Подолии, а также провокацию восстания на западноукраинских землях [Адагуров 2007: 262–264, 269–273]. Но когда в результате Тильзитского мира (июнь-июль 1807 г.) ситуация изменилась, Наполеон решил пожертвовать Турцией и предложил Александру I разделить ее территорию, чтобы тем самым подвигнуть нового союзника на поход в Индию [Безотосный

2012: 168–176; Безотосный 2017: 40–47; альтернативную интерпретацию см.: Сироткин 2003: 203–211]. Судя по гибкости французской дипломатии, Крым (впрочем, как и Турция) не имел для нее самостоятельного значения.

Эту стратегию усвоили приближенные императора. В 1810 г. министр иностранных дел Жан-Батист Шампаньи подал подробный меморандум, рассматривающий будущее французской внешней политики. Предлагалось сделать ставку на Османскую империю и, в условиях продолжавшейся русско-турецкой войны, попытаться получить Морею (Пелопоннес) и Кандию (Крит) в обмен на передачу османам «малой Тарии и Крыма». Автор подчеркнул, что этот аспект был вовсе не нов («*set ancien projet*»), а значит, он опирался на опыт прежних лет [Шильдер 1897: 475]. Все это было частью глобального плана, предусматривавшего вытеснение России за Днепр и радикальную перекройку границ восточноевропейских государств [см.: Ливен 2012: 136].

Накануне русского похода 1812 г. в окружении Наполеона вновь возник вопрос о Тавриде – но, как и прежде, он рассматривался как небольшая часть куда более значительных планов. Наполеон изучил массу литературы о России [Безотосный 2014: 249], включая, видимо, и материалы, рассматривавшие будущее Крыма. Некий Роландр, отставной чиновник из Вердена или Нанси, опубликовал брошюру «Европейский договор, или проект общего примирения и вечного мира». После начала русской кампании он отослал рукопись в ставку императора Франции. По мнению В. В. Ададунова, Роландр оказался превосходным аналитиком и потому его рассуждения совпали с мыслями Наполеона [Ададунов 2007: 92, 288–291, 324–326].

Роландр не скрывал, что образцом для него была политика Наполеона по перекраиванию границ в Центральной Европе и созданию там новых государственных образований [об этом см.: Европейская дипломатия 2012: 72–95, 164–214]. Замысел заключался в том, чтобы провести границу России по Днепру, а из ее западных владений сформировать три польских государства – Литовское королевство на севере, Познанское на северо-западе и Волынское на юго-востоке, возможно, объединив их в конфедерацию. На юге должны были появиться два герцогства – одно в Нижнем Поднепровье, на месте Екатеринославской губернии, а другое в Крыму [Ададунов 2007: 503–508]. Судьбу последнего Роландр связал со стратегическими интересами Франции в Причерноморье. Он констатировал необходимость глубоководного порта, который мог бы прини-

мать крупнотоннажные суда французского флота. Если бы оказалось, что Очаков (турецкая крепость в устье Днепра) не мог быть таковым, то *«Для этой цели более пригоден Крым, имеющий хорошие порты. Можно будет превратить этот полуостров в европейское герцогство. Очаков станет торговым портом. Татар этого края можно будет оставить независимыми под надзором и под покровительством Польши»* [Ададуров 2007: 504–505]. На рассуждениях Роландра мог сказаться опыт военных действий 1788 г., когда османский флот оказывал поддержку Очакову, однако в условиях мелководного Днепро-Бутского лимана тяжелые корабли иногда оказывались на мели [Лопатин 1992: 133–138]. Как уже говорилось, французы знали об удобстве и стратегическом значении крымских портов, и прежде всего Севастополя. В конце 1812 г. русская армия захватила документы французского генштаба, включая карту с собственноручными пометками Наполеона. Император нанес на нее контуры буферных государств, ограничивающих Россию на западе, и написал имена их будущих правителей, выбранных из числа своих приближенных. Сходство этих пометок с картой, приложенных к записке Роландра, по мысли В. В. Ададунова, указывает на то, что Наполеон внимательно отнесся к указанному документу [Ададуров 2007: 325].

В том же году появился похожий документ, составленный польским эмигрантом – генералом Михалом Сокольниковым. Это был человек последовательных антироссийских взглядов. В свое время он принимал участие в восстании Тадеуша Косцюшки, а после отъезда во Францию стал приближенным Наполеона. Сокольников неоднократно обращался к правительству Франции с предложениями начать войну с Россией [Ададуров 2007: 280–283]. Его имя связано с поддельным документом, известным как «Завещание Петра Великого» [Subtelny 1974: 663, 675–676], где Россия подавалась как угроза европейской цивилизации и мировому порядку [Строев 2005: 497]. Заметим, что во время русского похода Наполеон предпочитал роль защитника «цивилизации» против «северных варваров» [Ададуров 2017: 23–47], так что Сокольников уловил настроения своего патрона.

Трактат Сокольниковым «О способах избавления Европы от влияния России» датирован 10 февраля 1812 г. Его прочел и оценил Наполеон, назначивший автора координатором военной разведки в российской компании. Уже из названия следует, что Сокольников отказался считать Россию частью Европы в историко-культурном смысле, призывая отодвинуть ее в «Азию» не только географически, но и политически. В

документе приводится подробный план компании против России. Сокольниковичский мечтал о восстановлении Польши в качестве союзника Франции, обеспечив ее безопасность с помощью ряда мер, включавших создание на российско-польской границе буферных государств – Ливонского, Полоцкого, Смоленского, Мстиславского, Черниговского и Полтавского княжеств. *«Надежно оградить Польшу от России можно было бы с помощью цепи федеративных герцогств, которые бы имели точно такую же, как в Польше, Конституцию, и находились бы под ее непосредственной протекцией (но правительства которых назначал бы лично Великий Император)»*, то есть Наполеон [Сокольниковичский 2003: 80–81; ср. Ададулов 2007: 495–496].

К югу от этих государств Сокольниковичский предложил создать уникальную политическую конструкцию. *«Затем шли бы различные казачьи орды – главным образом те, что известны под именем запорожских, то есть расположенные за порогами [Днепра], а также те, что обитают в долине Дона. Эти последние, будучи объединенными с крымскими татарами, могли бы сформировать единое государство, звучное имя которого Таврида, ныне оскверненное, было бы заменено на другое – Наполеонида»* [Сокольниковичский 2003: 81–82; ср. Ададулов 2007: 496]. Интересно, что наполеоновская пропаганда наделяла казаков (правда, не запорожских, а тех, кто сражался в рядах российской армии) самыми низкими чертами, например, трусостью или склонностью к грабежам [Митрофанов, Промыслов, Прусская 2019: 118–120]. Помимо всего прочего, такие оценки составляли контраст с мнением Сокольниковичского, который, пожалуй, был склонен считать казаков более цивилизованными, чем русские, и естественными союзниками французов.

Помимо военно-политического аспекта, проект Сокольниковичского включал также просветительскую сторону. Новая форма правления должна была способствовать прогрессу вовлеченных в него народов, приобщив их к достижениям культуры Запада. *«Страна, населенная народностями, привыкшими всегда находиться в седле, управляемая одним правителем с помощью Конституции, приспособленной к образу жизни этих людей (да к тому же с перспективой политической независимости), в скором времени сформировала бы цивилизованную нацию, которая стала бы одним из самых надежных барьеров для амбициозных проектов России и ее претензий на Черном море и Босфоре, навсегда обеспечив отделение этих народов от державы, которая их угнетает и унижает»* [Сокольниковичский 2003: 82; ср. Ададулов 2007: 496]. Соколь-

ницкий указывал, что Россия не способна взять на себя такую задачу, а потому ее предлагалось решить Наполеону, подобному знаменитым античным законодателям. *«Эти хорошо организованные племена <...> могли бы <...> достичь гораздо более высокого уровня цивилизованности, чем тот, который не могут им обеспечить ни прекраснотушние посулы, ни эфемерные указы, ни кнут москвитян, пытающихся рядиться в европейцев»* [Сокольниковский 2003: 82; ср. Ададунов 2007: 496].

Льстивый поляк предложил дать новому государству название «Наполеонида», которое стало бы достойной наградой для его создателя [Сокольниковский 2003: 82; ср. Ададунов 2007: 496]. Это была «битва» вымышленных названий. После присоединения Крыма российские власти изобрели название «Таврида», подчеркивавшее античное наследие региона, взяв за основу не существовавшее в прошлом греческое *Ταυρίς* (Gen. *Ταυρίδος*) вместо реально бытовавшего *Ταυρικῆ*. Идеология Екатерины II подчеркивала роль россиян как наследников древних и покровителей нынешних греков, тем самым обосновывая право на южные земли, где некогда находились эллинские колонии [Зорин 2004: 33–64, 97–122; Проскурина 2017: 160–194]. Предлагая заменить Тавриду на Наполеониду, Сокольниковский символически отказал России в праве на античное наследие. Он знал, что с точки зрения Наполеона воплощением цивилизации и наследником античности была французская империя, включавшая всю Западную, Южную и Центральную Европу, тогда как для России места в этой конструкции не оставалось [Соколов 2013: 509–511]. Любопытно, что французские эмигранты – сторонники Старого порядка воспринимали сторонников революции как новых варваров, а Россию – как оплот цивилизации, новый Рим [Строев 2006: 495–497]. Таким образом, в зависимости от политических пристрастий, идею противоборства между цивилизацией и варварством в контексте русско-французских отношений можно было интерпретировать противоположным образом.

Сокольниковский не уточнил, каким именно образом можно было обеспечить стабильность государства казаков и татар, и уж тем более их слияние в одну нацию. Видимо, ему казалось само собой разумеющимся, что, раз Россия лишила и тех и других государственности и свободы, они будут друзьями ее врагов. Сокольниковский мог вспомнить, как после ликвидации Запорожской Сечи в 1775 г. часть казаков эмигрировала в Османскую империю и впоследствии приняла участие в русско-турецких войнах [Кралюк 2017: 187–188]. Он мог учитывать исторический

опыт взаимодействия Франции и Крымского ханства при Старом порядке, в третьей четверти XVIII в. Впрочем, лидеры французского общественного мнения по-разному оценивали татар. Руссо полагал, что рано или поздно они покорят и Россию, и Европу. Вольтер же счел это суждение невероятным, ведь татары – это «несчастные орды, находящиеся в крайнем ничтожестве» [Зорин 2004: 85].

Затем Сокольницкий снова обратился к античным параллелям и назвал казаков и татар «остатками древних скифов», которые могли бы составить грозное и преданное Наполеону войско, вроде варваров, что некогда служили Юлию Цезарю [Сокольницкий 2003: 83; ср. Ададу-ров 2007: 498]. Это замечание раскрывает особенности представлений о древних народах в эпоху Просвещения: тогда считали, что важнейшим свойством народа является его название [Слэзкин 2005: 124–128], причем в ходе исторического процесса народы не исчезали бесследно, а «перетекали» друг в друга. В результате «прото-этнографические» исследования фактически сводилась к поиску современных соответствий древним этнонимам [Вульф 2003: 422–428]. Образ скифов был чрезвычайно популярен, так что их находили повсюду на востоке Европы. Каждый видел в нем что-то свое, а этнографические представления зачастую невозможно отделить от литературной или политической метафоры. Скифами нередко называли русских. Например, Вольтер пытался представить их в роли варваров, готовых учиться у европейцев достижениям цивилизации [Нойманн 2004: 199–200]. В записках Екатерины II «скифы» (то есть русские) воплощали в себе лучшие физические и моральные качества человека [Валишевский: 105]. Впрочем, в другой ситуации этот эпитет мог иметь иное значение. В рассказывающей о швейцарцах пьесе Вольтера «Скифы» подчеркнуты их отсталость, жестокость и мракобесие [Сиволап 1995: 148]. Британский путешественник Эдвард Кларк считал русских «новыми скифами», воплощавшими в себе все отрицательные человеческие качества [Храпунов 2016: 119–123]. В. В. Ададу-ров обратил внимание на сходство антироссийской риторики Кларка и Наполеоновской политической пропаганды. Они выражали дискурс русского варварства, противостоящего западноевропейской цивилизации [Ададу-ров 2017: 22–32]. Впоследствии, увидев пожар Москвы и узнав о том, что ее преднамеренно подожгли сами русские, Наполеон назвал их «скифами», имея в виду удивительную решимость, непокоренность и готовность идти на любые жертвы ради победы [Сегюр 2014: 256]. Позднее, в ссылке на остров св. Елены, Наполеон

переосмыслил пожар Москвы, используя другой, но тоже античный образ – гибель Трои, уподобив себя легендарному предводителю греков Агамемнону, а свои деяния показав достойными Гомера [Адагуров 2007: 345–346]. Называя «скифами» казаков и татар, Сокольницкий, очевидно, имел в виду их варварскую доблесть. Объединение этих двух групп под одним древним именем не удивительно хотя бы потому, что в их образе жизни можно было действительно обнаружить много общего. Именно поэтому данная параллель не уникальна. Так, английский путешественник Реджинальд Хебер видел в татарском городе Бахчисарае «скифские ремесла», то есть выделку кожи и стали, при этом посчитав скифов еще и предками казаков [Heber 1830: 538 ff.].

Идеи Роландра и Сокольницкого, который противопоставил «зловую женщину-узурпатора» Екатерину II «незапятнанной славе благородного и великодушного героя» Наполеона, в определенном смысле были возвращением к политике первой половины царствования российской императрицы. Екатерина II полагала целесообразным иметь на западной границе буферные государства – Польшу, Дунайские княжества и Крым, фактически ставшие российскими протекторатами. По-видимому, она внимательно отнеслась к следующей мысли Монтескье: *«Имея по соседству государство, находящееся в упадке, государь отнюдь не должен ускорять его гибель, так как в таком случае он находится в самом счастливом из всех возможных положений. Ничто не может быть для него выгоднее, чем иметь у себя под боком государя, который получает за него все удары и оскорбления фортуны. И очень редко бывает, чтобы в результате завоевания такого государства действительная сила завоевавшего увеличилась настолько же, насколько при этом уменьшилась его относительная сила»* [Монтескье 1999: 122]. Лишь внутренняя нестабильность Речи Посполитой и Крымского ханства и быстро менявшиеся внешнеполитические обстоятельства вынудили императрицу согласиться на разделы Польши и присоединение Крыма [Храпунов, Конкин 2017: 7–8].

Во французском общественном мнении существовало два представления о России – первое трактовало ее как молодую нацию с просвещенным монархом во главе, второе как деспотию и потенциальную угрозу для Европы [Liechtenhan 1993]. Сочинения Роландра и особенно Сокольницкого выражали вторую трактовку. Однако Наполеон не стал следовать советам Сокольницкого и Роландра. Перед началом войны 1812 г. он рассчитывал, что турки высадят десант в Крыму и начнут во-

енные действия на Дунае, тем самым поддержав его усилия на севере. Потому Наполеон был крайне разочарован, получив известие о заключении мира между Россией и Османской империей [Безотосный 2014: 258–259], и отказался от идеи похода на Украину [Ададуров 2007: 315]. Судя по воспоминаниям Александра Бенкендорфа, служившего тогда флигель-адъютантом Александра I, в России прекрасно знали о планах французского лидера по передаче туркам Крыма и других территорий на Юге России [Бенкендорф 2012: 188]. В это время обстановка на Крымском полуострове оставалась более-менее спокойной. Исключением было возмущение летом 1813 г., когда жители двух уездов отказались давать рекрутов по новому набору. Их бунт был довольно быстро подавлен, а с его участниками обошлись мягко [Маркевич 1913: 72–80].

После окончания войн с Наполеоном в общественном дискурсе закрепились представления о том, что крымские татары в сложных внешнеполитических обстоятельствах остались верны России. Например, известный путешественник Владимир Броневский писал, что *«татары признательны к благодетелям им монархам, и в незабвенный 1812 год они доказали, что искренне любят свое новое отечество»* [Броневский 1822: 113]. Однако в реальности ситуация была не столь однозначной. Еще до столкновения с Францией в рядах крымских татар, составивших так называемые легкоконные полки, были случаи дезертирства. В 1793 г. путешественник Джон Паркинсон слышал в Бахчисарае о том, что *«Шесть татарских отрядов, по сто человек в каждом, поскольку их нельзя было использовать против турок, были отправлены на службу в Швецию. Два из них взбунтовались против своих офицеров, так что две с половиной сотни [из их числа] нашли убежище в Польше, а недавно остатки этих беглецов в числе шестидесяти [человек] были отправлены оттуда обратно в эти края»* [Parkinson 1971: 196]. Возможно, речь идет о легкоконных полках, отправленных не в Швецию, а к польской границе [Муфтий-заде 1899: 2–6]. В 1791 г. группа крымских татар из находившейся в Киеве «волонтерской команды» бежала в Польшу, но весной 1793 г. некоторые из них решили вернуться назад [Коховский 1881: 414]. Случаи дезертирства из татарских легкоконных полков участились накануне войны 1812 г. [Ададуров 2018: 112]. По словам выдающегося знатока французских архивов В. В. Ададунова (личное сообщение), по данным протоколов допросов пленных и дезертировавших крымских татар, а также французской военной переписки, боеспособность крымско-татарских полков была далеко не блестящей, а дезертирство – не та-

ким уж редким. Даже не зная конкретных обстоятельств каждого случая, можно заключить, что решение бежать с воинской службы, оказавшись за тысячи километров от родины, в чужой стране, не зная языка и имея призрачные надежды на возвращение домой, должно быть вызвано тяжелым моральным потрясением и психической травмой мусульман от пребывания под властью христианского монарха.

Тем не менее, сформированные в 1806–1809 гг. «конно-татарские» нерегулярные полки принимали участие в боевых действиях в России и за рубежом. Награды и чины получили крымско-татарские дворяне, принявшие участие в создании полков. Правда, проблемой оказалось незнание большинством полковых офицеров и солдат русского языка. Тем не менее, отличившиеся в боях регулярно получали награды. Выделялся доблестью командир Симферопольского полка Кирилл (Кая бей) Балатуков. Впрочем, в полках случались и злоупотребления, и беспорядки [Сакович 2016: 39–70; см. также: Муфтий-заде 1899: 10–12; Маркевич 1913: 59–61; Отечественная война 2004: 44–45, 363]. Сыном татарского мурзы был генерал Александр Рудзевич, кавалер орденов трех государств и герой штурма Монмартра, решившего судьбу Парижа в 1814 г. [Отечественная война 2004: 626–627]. Его происхождение не вполне понятно – известно, что отец, Якуп ага, жил в Буджаке на юге Бессарабии, но, не исключено, происходил из литовских татар [Грибовский 2017: 65–66]. Рудзевич-младший поселился в Крыму и владел здесь именьями [Давидович 1918]. Флигель-адъютант Александра I Александр Михайловский-Данилеевский записал слова императора: «*Рудзевич татарин, но мне дороже, нежели столбовой дворянин*». Сестру и племянниц генерала, с которыми они познакомились в Крыму в 1818 г., Михайловский-Данилевский описал как обычных местных татар [Михайловский-Данилевский 1897: 91 и прим. 1]. Очевидно, генерал Рудзевич влился в состав многоэтнической элиты Российской империи, а его родственники – в число крымских татар. Истории Кирилла Балатукова и Александра Рудзевича показывают, что интеграция представителей местной элиты в российское общество проходила быстрее, чем у рядового населения.

Выдвинутые французскими интеллектуалами антироссийские идеи получили новую жизнь в годы Крымской войны (1853–1856), когда Россия неожиданно оказалась противником основных европейских держав. В канун войны будущий премьер-министр Великобритании Генри Палмерстон говорил о необходимости расчленения России, причем среди

регионов, которые он собирался отобрать у царя, был и Крым [История 1999: 376]. Вновь возник и план использования казаков для борьбы с Россией. На этот раз его выдвинул польский эмигрант Михал Чайковский, принявший в Турции ислам и ставший Мехмед Садык-пашой. Правда, казаков не хватало, потому в сформированный им полк пришлось набирать дезертиров из российской армии, болгар и уголовников. Воинство Садык-паши с большим или меньшим успехом участвовало в военных действиях в Болгарии и Румынии [Лисяк-Рудницкий 1994: 257–261].

ЛИТЕРАТУРА

- Ададуrow В. В. «Наполеоніда» на сході Європи: уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних країн Російської імперії на початку ХІХ століття. Львів, 2007.
- Ададуrow В. В. Война цивилизаций. Социокультурная история русского похода Наполеона. Т. 1: религия – язык. Киев, 2017.
- Ададуrow В. В. «Наполеоніда» на сході Європи: уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних країн Російської імперії на початку ХІХ століття. 2-ге вид. Львів, 2018.
- Безотосный В. М. Россия и Европа в эпоху 1812 года. Стратегия или геополитика. М., 2012.
- Безотосный В. М. Россия в наполеоновских войнах 1805–1815 гг. М., 2014.
- Безотосный В. М. Наполеоновские планы. Проект завоевания Индии Наполеона Бонапарта. М., 2017.
- Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837 / пер. с франц. О. В. Маринин. М., 2012.
- [Броневский В. Б.] Обзорение Южного берега Тавриды. В 1815 году. Тула, 1822.
- Валишевский К. Роман одной императрицы: репринт. Симферополь: Таврия, [б. г.].
- Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. с англ. И. И. Федюкин. М., 2003.
- Головачов В. Ф. История Севастополя как русского порта. СПб., 1872.
- Гончарук Т. Спроби впровадження порто-франко на Кримському півострові наприкінці ХVІІІ – у першій половині ХІХ ст. в контексті боротьби за «вільну торгівлю» міст південної України // Крим від античності до сьогодення: історичні студії. Київ, 2014.
- Грибовский В. В. Якуб Рудзевич на службе Крымскому ханству // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. № 9.
- Давидович И. Рудзевич, Александр Яковлевич // Русский биографический словарь. [Т. 17]: Романова – Рясковский. Петроград, 1918.
- Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I / ред. А. Трачевский (Т. 2: 1803–1804) // СИРИО. 1891. Т. 77.
- Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение. М., 1955.
- Дружинина Е. И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М., 1959.
- Европейская дипломатия и международные процессы эпохи Наполеоновских войн. М., 2012.

- [Екатерина II] Письма Екатерины Второй к барону Гримму // РА. 1878. Кн. 3. Вып. X.
- Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2004.
- История внешней политики России. Первая половина XIX века (от войн против Наполеона до Парижского мира 1856 г.) / ред. О. В. Орлик, Н. В. Пономарев. М., 1999.
- Карасубазарский трактат 1772 года: сборник документов / сост. А. В. Мальгин, И. В. Зайцев. Симферополь, 2015.
- Кобищанов Т. Ю. Российско-французское противостояние на Ближнем Востоке в годы Египетского похода Бонапарта 1798–1801 гг. // ФЕ. 2019.
- Конкин Д. В. Екатерина II во главе Новороссии (1791–1793 гг.): особенности управления Таврической областью // Сборник материалов научно-практической конференции «Романовы и Крым. Научные чтения в Ливадии» Ялта, 2017.
- Конкин Д. В. Крым в наполеоновскую эпоху: «французский след» в региональной политике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 3.
- [Коховский В. В.] Письма екатеринославского губернатора Василия Васильевича Коховского состоящему при делах ее величества Екатерины II тайн. сов. В. С. Попову для доклада князю Платону Александровичу Zubову // ЗООИД. 1881. Т. 12.
- Крालюк П. Козацька міфологія України: творці та епігони. Харків, 2017.
- Лаишков Ф. Ф. Материалы для истории второй турецкой войны 1787–1791 г. (по делам, хранящимся в архиве канцелярии Таврического губернатора). (Продолжение) // ИТУАК. 1890. № 10.
- Лаишков Ф. Ф. Материалы для истории второй турецкой войны 1787–1791 г. (по делам, хранящимся в архиве канцелярии Таврического губернатора). (Окончание) // ИТУАК. 1891. № 12.
- Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814 / пер. с англ. А. Ю. Петров. М., 2012.
- Линь [Ш.-Ж. де] Письма, мысли и избранные творения / пер. с фр. М. И-ский, А. И-в. Ч. I. М., 1809.
- Лисяк-Рудницький І. Історичні есе. Т. 1. Київ, 1994.
- Лопатин В. С. Потемкин и Суворов. М., 1992.
- Макидонов А. В. Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века. Запорожье, 2011.
- Маркевич А. И. Таврическая губерния в связи с эпохой 1806–1814 годов // ИТУАК. 1913. № 49.
- Митрофанов А. А. Русско-французские отношения в зеркале бонапартистской пропаганды (1800–1801 гг.) // ФЕ. 2006.
- Митрофанов А. А., Промыслов Н. В., Прусская Е. А. Россия во французской прессе периода Революции и Наполеоновских войн (1789–1814). М., 2019.
- Михайловский-Данилевский [А. И.] Из воспоминаний // РС. 1897. Т. 91 (июль).
- Монтескье Ш. Л. О духе законов / пер. с фр. А. В. Матешук. М., 1999.
- Муфтий-заде И. Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1899 год // ИТУАК. 1899. № 30.

- Нойманн И.* Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей / пер. с англ. В. Б. Литвинов, И. А. Пильщиков. М., 2004.
- Орешикова С. Ф.* Османская империя: очерки истории. М., 2018.
- Отечественная война 1812 года.* Энциклопедия. М., 2004.
- Паллас П. С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / пер. с нем. А. Л. Бертье-Делагард, С. Л. Белявская. М., 1999.
- Проскурина В. Ю.* Империя пера Екатерины II: литература как политика. М., 2017.
- Сакович А.* Крымские татары на военной службе Российской империи. М., 2016.
- [*Сегюр Л.-Ф. де*] Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II / пер. с франц. СПб. Майкова, 1865.
- Сегюр Ф.-П. де.* История похода в Россию. Мемуары генерал-адъютанта. М., 2014.
- Сиволап Н. И.* Почему Карамзин поехал в Швейцарию? // Россия и Европа: дипломатия и культура. М., 1995.
- Сироткин В. Г.* Наполеон и Александр I: Дипломатия и разведка Наполеона и Александра I в 1801–1812 гг. М., 2003.
- Слёзкин Ю.* Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005.
- Соколов О. В.* Битва двух империй. 1805–1812. М.; СПб., 2013.
- Сокольниковский М.* «Исполнено по высочайшему повелению...» / ред. О. А. Яновский. Минск, 2003.
- Станиславская А. М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М., 1962.
- Строев А.* Россия глазами французов XVIII – начала XIX века // Логос 1991–2005: Избранное. Т. 2. М., 2006.
- Тимченко В. М.* Південноукраїнські землі у торговельних зв'язках Російської імперії та Османської держави (1774–1853 рр.). Київ, 2016.
- Храпунов Н. И.* Путешествие по Крыму Стивена Греллета // МАИЭТ. 2009. Вып. XV.
- Храпунов Н. И.* Крымские древности глазами Эдварда-Даньела Кларка: от археологии к идеологии // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 3.
- Храпунов Н. И.* Крымская миссия Жана Рёйи // ФЕ. 2017а.
- Храпунов Н. И.* Зарубежные путешественники о будущем Крыма // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825. Севастополь, 2017б.
- Храпунов Н. И., Гинькут Н. В.* Крым в 1784 г. по свидетельству французского путешественника барона де Бара // МАИЭТ. 2015. Вып. XX.
- Храпунов Н. И., Конкин Д. В.* Некоторые аспекты изучения истории Крыма в эпоху перемен // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825. Севастополь, 2017.
- Черкасов П. П.* Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения, 1774–1792. 2е изд. М., 2004.
- Чудинов А. В.* Французские агенты о положении в Крыму накануне русско-турецкой войны 1787–1791 годов // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения. М., 2001.

- Шатне М. дю.* Жан Батист де Траверсе, министр флота российского / пер. с франц. М. Л. Андреева. М., 2003.
- Шильдер Н. К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. 3. СПб., 1897.
- [*Baert Ch. A. de*] Mémoire extrait du journal d'un voyage fait, au printems de 1784, dans la partie méridionale de la Russie // Voyages historiques et géographiques dans les pays situés entre la Mer Noire et la Mer Caspienne. Paris, 1798.
- Black's Law Dictionary.* 9th ed. / ed. B. A. Garner. St. Paul, 2009.
- Clarke E. D.* Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2. London, 1816.
- [*Craven E.*] A Journey through the Crimea to Constantinople in a Series of Letters. London, 1789.
- Deguignes [J.]* Histoire générale des Huns, des Mongoles, des Turcs et des autres Tartares occidentaux. Т. 3. Paris, 1757.
- Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers.* Т. 4. / éd. D. Diderot, J. d'Alembert. Paris, [1751].
- [*Heber R.*]. The Life of Reginald Heber, D. D., Lord Bishop of Calcutta / ed. A. Heber. Vol. I. New York, 1830.
- Holderness M.* Journey from Riga to the Crimea, with Some Account of the Manners and Customs of the Colonies of New Russia. 2nd ed. London, 1827.
- Kapetanakis P.* New approaches of British and Ionian presence in ports and grain-markets of the Russian Black Sea and the Danube (mid-18th – mid-19th century). Athens, 2015.
- King J. G.* Bemerkungen über Rußland und die Krimm. Nebst Bemerkungen über das Klima von Rußland. Leipzig, 1788.
- La correspondance consulaire de Crimée du baron de Tott (1767–1770)* / éd. F. Tóth. Istanbul, 2014.
- Lafitte-Clavé [A.-J.]* Journal d'un voyage sur le côtes de la Mer Noire du 28 avril au 18 septembre 1784 / éd. D. Anoyatis-Pelé. Istanbul, 1998.
- Lichtenhan F.-D.* La progression de l'interdit: les récits de voyage en Russie et leur critique à l'époque des tsars // Revue suisse d'histoire. 1993. Vol. 43.
- Ligne Ch.-J. de.* Correspondances russes / éd. A. Stroev, J. Vercauysse. Paris, 2013.
- Parkinson J.* A Tour of Russia, Siberia and the Crimea. 1792–1794 / ed. W. Collier. London, 1971.
- Peyssonnel [Cl. Ch.] de.* Observations historiques et géographiques sur les peuples barbares qui ont habité les bords de Danube & du Pont-Euxine. Paris, 1765.
- Peyssonnel [Cl. Ch.] de.* Traité sur le Commerce de la Mer Noire. Т. 1–2. Paris, 1787.
- Reuilly J.* Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire pendant l'année 1803. Paris, 1806.
- Ségur [L.-Ph.] de.* Mémoires ou souvenirs et anecdotes. 2me éd. Т. 2. Paris, 1826.
- Ségur [L.-Ph.] de.* Mémoires ou souvenirs et anecdotes. 3me éd. Т. III. Bruxelles, 1827.
- Subtelny O.* "Peter I's Testament": A Reassessment // Slavic Review. 1974. Vol. 33. No. 4.
- [*Tott F. de*] Mémoires du baron de Tott, sur les Turcs et les Tartares. Pt. 1–2. Amsterdam, 1785.

**ЛОГИКА ИМПЕРСКОЙ СИТУАЦИИ
В ЛОКАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ**

ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНЫЕ КОМИССИИ

Д. В. Конкин

Впервые на деятельность землеустроительных комиссий в Крыму обратили внимание исследователи царской эпохи. Г. Блюменфельд, А. Г. Завадовский, Ф. Ф. Лашков, Ф. С. Голицын отмечали особое значение Комиссии 1802 г. в становлении системы земельных отношений на полуострове, практически не касаясь занятий последующих комиссий [Блюменфельд 1888; Завадовский 1885, Лашков 1896а, 1896б; Частно-вакуфное владение 1892]. В 1904 г. в крымском периодическом издании появилась работа А. Воскресенского «Татары и земельно-устроительные комиссии в Крыму» [Воскресенский 1904]. В этом исследовании в более полной ретроспективе рассмотрена деятельность таких специфических временных учреждений в сфере крымского землевладения, как землеустроительные комиссии. Исследование А. Воскресенского нельзя назвать исчерпывающим. Значительный объем информации не был известен автору, несколько комиссий даже не упомянуты в работе (комиссия князя Дадешкелиани, Комиссия по устройству быта крымских татар 1875 г.), а деятельность части из них отражена в самых общих фразах (Следственная Комиссия 1816 г., Таврический Комитет 1819 г.). С тех пор к данной небезынтересной теме комплексно никто из исследователей не обращался. Лишь отдельные аспекты деятельности некоторых из землеустроительных органов затрагивались в современных работах С. П. Дерий, З. З. Хайрединовой, Л. Л. Кузьминой, И. В. Петровой [Дерий 1993; Хайрединова 2008; Петрова 2013; Петрова 2014; Кузьмина 2015; Степанова 2019а; Степанова 2019б]. Между тем проблема земельных отношений в Крыму после его присоединения к Российской империи являлась едва ли не самой острой. И попытки российского правительства решить ее с помощью учреждения специализированных землеустроительных комиссий стали оригинальным и действенным средством. Более тщательный и значительно дополненный обзор истории учреждения и деятельности этих органов представлен в настоящем очерке.

Начало земельных конфликтов в Крыму. Первые землеустроительные комиссии

После присоединения Крыма к Российской империи сфера земельных отношений стала одной из наиболее проблемных на полуострове.

Царская администрация хозяйственное освоение Крымского полуострова начала с массовых раздач казенных земель помещикам из России, местным чиновникам и лояльной к империи крымско-татарской знати. Раздача наделов осуществлялась из фонда казенных земель, который формировался главным образом из двух источников. Во-первых, весь ханский домен полностью отошел к казне (сюда входили и бывшие турецкие владения на южном побережье и в горах, перешедшие в распоряжение крымских ханов после Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г.). Во-вторых, к казне отходили так называемые «пустопорожние земли» – земли эмигрировавших из Крыма беев, мурз и других категорий населения полуострова.

Для качественного распределения земельного фонда необходимо было подготовить точную опись казенных участков. С этой целью в июне 1784 г. наместник Юга Г. А. Потемкин распорядился доставить к нему соответствующий реестр с планами *«всех земель, в казенное ведение в области Таврической вступающих»*, в которых нужно было указать *«не только меру земли, но и доброту ее, также садов и роды фруктов в них находящихся»* [Мурзакевич 1881: 303; Лашков 1896с: 89].

Составление описей правитель Таврической области В. В. Каховский поручил бывшему ханскому откупщику Абдул-Хамит аге и смотрителю перекопской таможни, коллежскому асессору М. Караценову [Лашков 1896а: 53; ГАРК. Ф. 27. Д. 506. Л. 1, 1об.]. Уже через год – в 1785 г.¹ – данные описи под названием «Камеральное описание землям и садам после вывода христиан и выехавших за границу мурз и поступившим в казну» были представлены В. В. Каховскому [РГИА. Ф. 1305. Оп. 1. Д. 32. Л. 2]. Однако предложенный земельный кадастр оказался чрезвычайно неточным и поверхностным, «без всяких указаний на количество земли и угодий» [Лашков 1896а: 53–54]. В него вошли земли, которые не были «пустопорожними», в то же время много выморочных участков туда не попало. Небрежность составления, некритическое отношение к голословным утверждениям опрошенных свидетелей привели к результату, что «Описание» абсолютно не отвечало возложенным на него задачам. Тем не менее, опись эта в 1785 г. В. В. Каховским была передана областному землемеру, а затем попала в Таврическую казенную палату для работы [РГИА. Ф. 1305. Оп. 1. Д. 32. Л. 2, 2 об.]. Таким образом, несмотря на очевидные недостатки, этот документ надолго стал главным указате-

¹ У Ф. Ф. Лашкова неточно указан год создания описи – «1787» [Лашков 1896а: 53].

лем для определения земель, предназначенных к раздаче или продаже [см. например: ГАРК. Ф. 801. Д. 37. Л. 6–9; Ф. 27. Д. 506. Л. 1–5].

Юридические позиции крымско-татарских землевладельцев усилились после принятия указа от 9 ноября 1794 г. [ПСЗРИ 1. Т. 23. № 17265. С. 585], который оставлял всех старожильческих жителей Тавриды, вне зависимости от их статуса, в свободном распоряжении принадлежавшей им недвижимости. В указе впервые законодательно закреплялось за крымско-татарским населением право на т. н. «дворянские имения», если таковые принадлежали «им в собственность по наследству, или по иным законным правам». Предполагалось, что в результате указа старые (крымско-татарские) и новые (русские) собственники разойдутся миром. Но вместо этого дополнительно появилось множество «старых» владельцев, требовавших вернуть им неправильно отобранную собственность. Рядовые крымские татары стали с удвоенным энтузиазмом предъявлять претензии теперь уже в качестве законных с точки зрения российского права претендентов на земельную собственность.

Еще одним следствием указа стал массовый отказ крымско-татарских крестьян нести помещичьи повинности. Во времена ханства они добровольно в силу традиции уплачивали оброк и отработывали небольшую барщину в пользу беев и мурз, землями которых они пользовались [Лашков 1896с: 128; Лашков 1895: 88, 96–99], а после 1783 г. и в пользу заменивших их российских помещиков. Теперь же, претендуя или обретая статус собственников земли, крестьяне повсеместно прекращали выполнение этих повинностей, которые в сложившейся ситуации, по сути, были актом доброй воли с их стороны, поскольку в Крымском ханстве эти обязанности имели скорее религиозно-этическое обоснование, что в Российской империи в отношении российских землевладельцев-христиан было исключено. Однако российские помещики, в силу субъективных представлений и традиций внутрироссийского уклада, изначально приняли такие отработки крымско-татарских крестьян как должное, как обязанность за предоставление крестьянам права вести хозяйственную деятельность на помещичьих землях. Более того, помещики всячески стремились увеличить размеры выплат и отработок, а в случае отказа порой применяли силу.

Именно такую ситуацию описывал генерал-поручик И. И. Хорват – правитель Екатеринославского наместничества и до 21 ноября 1796 г. – управитель Таврической области и Вознесенской губернии [Макидонов 2008: 23]: «В проезд мой через Тавриду многие из татар живущих в де-

ревнях подали мне жалобы, что некоторые помещики из российских чиновников, коим внутри Тавриды розданы сады, и леса, и земли из числа поступивших в казенное ведомство от выехавших за границу татар или переведенных в Екатеринославскую губернию греков, армян, и других, казне, а не частно кому-либо принадлежащих земель, состоящие в чрезполосном владении с <...> татарами <...> имеющими собственные свои сады, леса и земли, дошедшие к ним по наследству от их предков, почитая их [татар] в виде своих крестьян или подданных, а потому [считая] и недвижимые их имения себе принадлежащими, берут по древнему в Тавриде введению из хлеба и др. продуктов десятую часть от годового дохода. А буде кто из сих татар, по основании указа Правительствующего Сената 794 г. ноября 9 дня <...> почитая собственность свою принадлежностью самому себе, от дачи десятинной части продуктов своих совместному чрезполосному с ними владельцу отречется, таковых оные помещики понуждают выходить из селений и земель своих куда захотят, присваивая землю их себе» [ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 445. Л. 3–3об.; Лашков 1896а: 65]. Естественно, что подобные действия помещиков наталкивались на противодействие со стороны крымских татар. Указ от 9 ноября 1794 г. предоставил им возможность уже в правовом поле Российской империи доказывать свои права на земельную собственность, чем крестьяне и воспользовались.

Помимо названных прямых жалоб начальству было подано большое число исков в суды различных инстанций. Судебная машина катастрофически не справлялась с решениями земельных тяжб. Список прошений от крымских татар на неправильное завладение землей помещиками проходивших по одному только Акмечетскому нижнему земскому суду за 1797–1800 гг. составлял 88 пунктов. И фигурировали в списке в качестве ответчиков такие известные личности, как покойный к тому времени князь Г. А. Потемкин, командующий войсками в Крыму, генерал от инфантерии граф М. В. Каховский, правитель Таврической области С. С. Жегулин, академик П. С. Паллас, адмиралы флота Ф. Ф. Ушаков, Н. С. Мордвинов, О. М. де Рибас, генерал-лейтенант В. М. Попов и др. [ГАРК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 236. Л. 1–6].

Наблюдая такую картину Хорват предложил для объективного разбора земельных споров учредить при областном правлении специализированную землеустроительную комиссию («Особую Экспедицию»), члены которой должны были составить «достоверные <...> выправки <...> какое число состоит в какой деревне десятин под садами, лесами

и землями», и кому они принадлежат; и далее составить на основании выправок «по уездам и селениям книгу для легчайшего по оным <...> разбирательства...» [ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 445. Л. 4об.]. Предложение Хорвата нашло отклик у князя П. А. Зубова, сменившего Потемкина на посту новороссийского правителя, который в сентябре 1796 г. поручил екатеринославскому наместнику создать Особую Комиссию «из верных и испытанной честности людей» для рассмотрения жалоб крымских татар-поселян, «и приведа дело оное в надлежащую ясность обо всем подробно донести мне [т. е. П. А.Зубову]...» [ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 445. Л. 28, 28об.]. В том же году Хорват оперативно подготовил проект Особой Комиссии по разбору земельных споров в Крыму, получивший одобрение у Зубова, и уже 17 декабря 1796 г. начальнику Таврической области Жегулину было направлено предписание создать при Таврическом областном правлении «Особую о разборе неправильно отданных земель Комиссию» в составе губернского землемера, одного советника и асессора гражданской палаты и двух заседателей верхнего земского суда [ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 445. Л. 27, 27 об.].

Таким образом было положено начало своеобразной методологической традиции решения в Крыму проблем связанных с земельными владениями. Различного рода и состава специализированные комиссии, предназначенные для изучения и поиска выхода из актуальных и сложных проблем Крыма, регулярно стали создаваться коронной властью на протяжении всего периода нахождения полуострова в составе Российской империи. Более того, подобный опыт позднее был признан имперским правительством полезным и аналогичные временные органы стали учреждаться в других регионах государства.

Смена власти в Российской империи, произошедшая осенью 1796 г., и последовавшая за ней стремительная административная реформа нового императора Павла I, в результате которой упраздняялась Таврическая область и поменялось региональное руководство, по времени совпавшие с реализацией проекта Хорвата, отсрочили фактическое формирование землеустроительной Комиссии в Крыму. Тем не менее, за короткий период особого внимания власти к земельной проблеме на имя Хорвата, а затем сменившего его в управлении Таврической областью екатеринославского военного и гражданского губернатора Н. М. Бердяева, от крымских татар успело поступить 73 жалобы о захвате земель и других злоупотреблениях, происходивших на полуострове [Лашков 1896а: 65].

Император Павел I в сфере земельной политики в Крыму не стал отказываться от наработок предыдущей власти (как это порой принято описывать в историографии) и в именном указе от 2 декабря 1797 г. повелел ново назначенному губернатору (управляющему) Новороссийской губернией графу М. В. Каховскому в сжатые сроки рассмотреть поступившие жалобы и всем хозяевам *«пристойным образом сделать <...> удовлетворение»*, как это было предписано екатерининским указом от 17 сентября 1796 г. [Лашков 1896с: 115]². С этой целью 10 июля 1798 г. в Акмечети (Симферополе) была открыта долгожданная землеустроительная комиссия под руководством самого новороссийского губернатора и в составе российских и крымско-татарских помещиков [Лашков 1896а: 65]. Работа ее ограничилась изучением принципов землеустройства в Крыму и системой повинностей местных крестьян, действовавших во времена ханов [Лашков 1896с: 122–123]. Также в Комиссию стали поступать спорные дела, связанные с начавшимся межеванием земель в Новороссийской губернии.

О необходимости провести межевание на полуострове высказывался еще бывший начальник Таврической области Жегулин, который в рапорте от 12 января 1794 г. Зубову утверждал, что *«посредством сего все обрящут спокойство, утесненной найдет правоту свою, коварному пресекутся способы к ухищрениям и истребятся злоупотребления к присвоению чуждого»* [Лашков 1896с: 98]. Таким образом, межевание можно рассматривать в качестве еще одного проекта для крымского землеустройства, подготовленного при Екатерине II и которым воспользовалась администрация нового императора Павла I. По замыслу властей, именно межевание должно было внести окончательную ясность в землеустройство. В преамбуле сенатского указа 25 июня 1797 г. «О начале межевания в Саратовской, Оренбургской, Новороссийской и Симбирской губерниях» [ПСЗРИ I. Т. 24. № 18019. С. 638–641] сказано, что император *«соизволил обратить свое внимание о доставлении всем владеющим землями в немежеванных губерниях совершенного спокойствия»*. Далее, в пункте 1 специально говорилось о «соизволении» Павла I провести размежевание *«больше способом полюбовных разводов, нежели разрешением в Присутственных местах производимых споров»*. Начать генеральное межевание предписывалось *«непрерывно весною будущего 1798 г.»* [Там же. С. 638]. В Новороссийской губернии генеральное межевание нача-

² У Ф. Ф. Лашкова неверно указан год «Екатерининского» указа от 17 сентября – «1797» [ср. с текстом указа: Киреевко 1897: 16–17].

лось весной 1798 г. По отношению к Крыму подобное мероприятие было обречено на неудачу, поскольку при проведении межевания совершенно не учитывалась специфика региона, традиции местного землеустройства и землепользования. Землемерам Межевой конторы, до этого работавшим в Тамбовской губернии, не хватало знаний местных обычаев, они путались в крымско-татарских мерах длины, не разбирались в тонкостях восточного права собственности, из-за недостатка переводчиков зачастую не понимали требований и свидетельств местного населения в отношении владельцев земельных участков.

Ситуация, когда межевание в Крыму проходило без четких предписаний для землемеров, учитывавших особенности местного землевладения, создавала предпосылки для злоупотреблений помещиков. Пользуясь, с одной стороны, незнанием землемерами традиций землеустройства ханского периода, а с другой, неосведомленностью местных жителей в поземельном праве России и правилах российского межевания, они с выгодой для себя использовали сложившееся положение. После работы землемера помещики получали правовые основания на пользование землями, которые были ими ранее незаконно захвачены.

Случаи обмана и злоупотреблений при межевании стали массовым явлением. Жалобы на несправедливые разделы стали поступать в землеустроительную комиссию. Так, на одном из заседаний было рассмотрено обращение жителей деревни Бураксан (совр. село Меловое Белогорского района) на подпоручика Егора Хартулярия, взявшего в откуп дачу (т. е. домовладение с земельным участком) при деревни Биели (совр. село Горлинка Белогорского района), принадлежавшую действительному тайному советнику, молдавскому князю М. И. Кантакузину [ГАРК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1]. Предыдущим владельцем дачи был Потемкин. Все это время участок оставался необмежеванным, что, однако, не мешало владельцам поддерживать мирные отношения с соседями – крымско-татарскими крестьянами. Откупщик же Хартулярий присвоил себе дополнительные земли и далее, путем обмана, попытался узаконить самозахват: *«Во время генерального отмежевания, когда прибыл землемер титулярный советник Гратинский, то показал [землю, как] принадлежащую к д. Биели [т. е. к владению откупщика], ссылаясь на помещиков околичных и на всех бывших при меже, кои, однако же, противу его ссылки не показали, а утвердили все: что земля биельская особо имеет свои признаки...»*. Но даже после разоблачения каких-либо действий со стороны властей не последовало, и Хартулярий продолжал безнаказанно самовольничать. *«Он Хартулярий*

притеснения делать не перестает, лишает [нас] нашей собственности безвинно...», – жаловались жители деревни [Там же. Л. 29–30].

В другом случае, деревенский мулла пострадал от крымско-татарского мурзы. Мулла Асан в прошении новороссийскому военному губернатору М. В. Каховскому так описывал дело: «*При случае нынешнего формального [т. е. официального] обмежевания в здешнем Ак-Мечетском уезде при деревне Бура [совр. с. Лазаревка Симферопольского района], хотя я неоднократно при начале обмежевания сих деревень являясь к землемеру Гратинскому, чрез переводчика при нем находящегося подпоручика Турковского давал знать ему, что при д. Бура большая часть земли мне принадлежит, и для ясного о том доказательства предлагал на рассмотрение письменные документы; но землемер по незнанию его читать по турецки и чрез ухищрения тамошнего помещика Меметча мурзы Салгирского в неправильном присвоении принадлежащей мне земли, отвергнув оные и не приемля от меня ничего в резон, приместив в одну округу и мою землю, начал примежевывать к его даче и между тем неоднократно в оспаривании моего права был от помянутого Меметчи мурзы обруган, и угрожаем вовсе лишением донныне владеемой бесспорно мною земли; чрез то самое остаюсь я без всякой причины обиженным; по чему <...> прошу чрез кого надлежит или приостановит спорное межевание, или по приложенным от меня документам приказать вырезать на мою часть земли, сколько по оным значится будет <...> Июля 27 дня 1798 г.» [ГАРК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 22. Л. 1, 1 об., 88]. Дело затянулось, истец вскоре умер, а наследники в дальнейшем пытались решить дело в землеустроительной Комиссии 1802 г.*

Иллюстрацией состояния генерального межевания в Крыму в к. XVIII в. может служить «Ведомость примерному исчислению, учиненному с присланных из губернского правления 7 и 10-ти верстных карт», составленная в 1800 г. [ГАРК. Ф. 24. Оп.1. Д. 6. Л. 34]:

	Исчислено по присланным из губ. правления картам	Обмежевано и поверены конторскими землемерами и неповеренные, а планы состоят у землемеров	За тем осталось к обмежеванию
В Акмечетском	1 788 933 дес.	340 935 дес. 1 799 саж.	1 447 998 дес.
В Перекопском	639 627 дес.	20 639 дес.	618 988 дес.
Всего в п-ве Крымском по Перекоп	2 428 560 дес.	361 574 дес.	2 066 986 дес.

Таким образом, к 1800 г. в Крыму было обмежевано только 15 % от общей площади полуострова. Но и эти земли в большинстве своем оставались не сверенными с планами. Вместо желаемого умиротворения, межевание в Крыму принесло дополнительные проблемы и поставило новые вопросы в землеустройстве края. Увеличилось количество жалоб со стороны старожильческого населения, поступавших, прежде всего, в землеустроительную комиссию, в которых теперь уже звучали претензии по поводу неправильного обмежевания.

Сама землеустроительная комиссия 22 июля 1799 г. поменяла свой состав. Однако замена участников никак не сказалась на эффективности ее работы. По-прежнему, ничего существенного в решении проблем крымского землевладения сделано не было. Поэтому новый новороссийский военный губернатор И. И. Михельсон, сменивший в 1800 г. на этом посту М. В. Каховского, вникнув в суть дел Комиссии, пришел к выводу, что деятельность ее не имеет *«той успешности, каковой Всевысочайший Его Императорского Величества указ и самое существо дела ко благу общему требуют»* [Лашков 1896в: 131]. Губернатор предписал немедленно возобновить ее функционирование и пообещал провести ревизию дел землеустроительного органа.

В итоге работа «Комиссии о разборе жалоб разных владельцев и татар в Крыму обитающих в неправильном отобрании земель их и отдаче разным чиновникам» была заново перезапущена 13 августа 1800 г. специальным императорским указом [ПСЗРИ 1. Т. 26. № 19513. С. 260]. Непосредственное руководство Комиссией, по-прежнему, осуществлял генерал-губернатор, которому направлялись все итоговые решения. Эти вердикты, вместе со своим мнением новороссийский военный губернатор передавал далее в Сенат для окончательного утверждения. Канцелярские расходы, а также жалованье секретарю и переводчику Комиссии предполагалось осуществлять за счет тех чиновников, которые инициировали открытие заведомо неправомочных споров, т. е. занимались сутяжничеством – весьма распространенное явление не только в Крыму, но и в других провинциях России [см. Бикташева 2014:102], а также были замешаны в несправедливом изъятии и раздаче земель [ПСЗРИ 1. Т. 26. № 19513. С. 260]. Итак, официальная оплата работы членов Комиссии предусмотрена не была; также весьма туманны были и источники финансирования административного звена, без которого функционирование учреждения было невозможно. Вероятно, именно поэтому заседания Комиссии удалось возобновить только после того,

как Михельсон через чиновников Акмечетского нижнего земского суда обязал ее членов приступить к исполнению своих обязанностей [Лашков 1896а: 67], что, правда, не особо сказалось на эффективности их работы. Всего за два года Комиссия сумела разобрать только два дела [Там же: 71]. Причиной столь низкой результативности, по мнению Ф. Ф. Лашкова, являлось отсутствие четко определенных полномочий и строго выработанной программы действий [Там же]. С этими причинами стоит согласиться, добавив лишь, что большим недостатком в организации работы членов Комиссии и ее аппарата стало отсутствие штатного финансирования, наличие которого неизменно подстегивает рабочий энтузиазм любого чиновника.

Работа «Комиссии для разрешения споров о праве на владение землей на Крымском полуострове» (1802–1810 гг.)

Очередная перезагрузка работы землеустроительной Комиссии в Крыму произошла при новом императоре Александре I. Следует отметить, что, несмотря на дважды случившуюся перемену власти в Российской империи за достаточно короткий период в конце XVIII – начале XIX вв., каждый раз сопровождавшуюся кардинальными изменениями внутренней политики государства, которая напрямую касалась способов и структуры управления Новороссийского края, включая Крым, методы изучения и решения земельных конфликтов на полуострове оставались на удивление стабильными. Речь идет, прежде всего, о работе такого экстраординарного органа, как землеустроительная Комиссия, деятельность которой каждое новое руководство последовательно пыталось оптимизировать.

Указ об учреждении новой «Комиссии для разрешения споров о праве на владение земель на Крымском полуострове» вместо дискредитировавшей себя старой Александр I «высочайше подтвердил» 19 мая 1802 г. [ПСЗРИ 1. Т. 27. № 20276. С. 149]. Председателем Комиссии, которая открыла свою работу в Симферополе, был назначен тайный советник и сенатор И. В. Лопухин. В состав вошли следующие чиновники: обер-прокурор временного межевого департамента П. С. Ланской, действительный статский советник М. В. Туманский, статский советник, обер-секретарь межевого департамента Б. И. Крейтер и статский советник П. И. Сумароков. Помимо них для необходимых объяснений при Комиссии должны были состоять по два представителя от российских помещиков, от местных мурз и от татар-поселян. Таким образом, в це-

лом состав Комиссии объективно отражал главные заде́йствованные в земельных спорах слои населения. Комиссия проработала до 1810 г. и решила ряд поставленных перед ней задач.

Для Лопухина назначение председателем стало полной неожиданностью. До императорского указа он и не слышал о планах создания такой Комиссии. Интересно, что причиной ее учреждения сам Лопухин называл *«жалобы Татар, подстрекнутых завистью, неприязнью между собою и разными личностями Дворян и Чиновников, начиная от нисших до самых вышних...»* [Лопухин 1990: 147]. Истоки интриг сенатор видел в «паркетных играх» при дворе: *«сия Комиссия родилась больше от споров на паркете <...>, нежели в обильных долинах и великоленных горах романтической Тавриды»* [Там же: 148].

С начала открытия Комиссия пользовалась в своей работе особым «Начертанием правил» [ПСЗРИ 1. Т. 27. № 20276. С. 149], которые, в числе прочего, описывали землеустройство Крыма в том виде, в каком оно представлялось российской администрации при взгляде «сверху». Так, все земли в Крыму подразделялись на четыре рода.

К первому относились ханские владения, *«принадлежащие со времен ханского владычества коренному татарскому населению на полном праве собственности (право продажи и наследования)»* [Там же. С. 150].

Второй род составляли земли, принадлежавшие мурзам. Эти земли после вхождения Крыма в состав России правительство могло найти в трех состояниях: а) владельцы-мурзы эмигрировали из Крыма, не оставив в отношении своих земель никаких законных распоряжений; б) владельцы-мурзы эмигрировали из Крыма, но предварительно законным путем передали свои земли новым владельцам; в) владельцы-мурзы остались в Крыму и продолжали законно владеть своим имуществом [Там же. С. 150–151].

Третий род земель – *«участки, сады и всякого рода угодья, коими сами поселяне владели без всякого платежа оброка и на точном праве собственности»* [Там же. С. 152].

Наконец, **к четвертому роду** относились т. н. «пустопорожные» земли, то есть не заселенные в ханский период, или обнаруженные таковыми российской администрацией *«при первом обзоре и камеральном описании края, или после него»* [Там же. С. 152–153].

Главной задачей Комиссии стал разбор поступавших в ее адрес прошений и жалоб от местного населения. Всего в течение 1802–1804 гг.

было принято к рассмотрению 938 обращений (607 в 1802 г., 210 в 1803 г., 121 в 1804 г.) [ГАРК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 638. Л. 7об., 11об.]. Однако в указанный срок было вынесено не более 30 решений [Там же. Л. 71]. Главной причиной такой ситуации стало очевидное несоответствие предложенных к руководству Комиссии «Правил...» реально сложившимся в Крыму обстоятельствам в области землевладения. По словам Ф. Ф. Лашкова, *«дело оказалось настолько сложным и разнообразным, что не могло уложиться в тесные рамки закона и потому требовало разъяснений и дополнений»* [Лашков 1896b: 38]. На неудобство предложенных «Правил...» обратил внимание и Лопухин, который в 1803 г. лично докладывал об этом императору, а также представил ему на согласование собственные соображения по организации работы Комиссии [Лопухин 1990: 148–149].

Именно мнение Лопухина легло в основу одобренного Государственным советом и утвержденного в 1804 г. императором «Дополнения к начертанию правил Комиссии, учрежденной в Крыму для разбора споров по землям» [Лопухин 1990: 158], которое должно было *«доставить Комиссии новые способы к скорейшему окончанию дел, ей порученных...»* [ПСЗРИ 1. Т. 28. № 21275. С. 288–292]. Появление «Дополнения...» положительно сказалось на результативности работы землеустроительного органа, прежде всего за счет четкой регламентации его деятельности. Были конкретно определены задачи Комиссии, которые, к тому же, значительно сузились. И в этом также можно усмотреть позитивный момент для скорости реализации решений, поскольку в том формате, в каком действовала Комиссия ранее, выполнить намеченные цели было невозможно. Однако «Дополнение...» ничего не меняло в разделении земель в Крыму. Более того, теперь Комиссия ограничивалась в своих делах *«единственно разбором споров и жалоб между частными лицами»*, и не занималась более поиском *«земель казенных во владениях древних и новых помещиков, ни в дачах простых татар»* (пункт 3). Также, согласно пункту 10 «Дополнения» *«разбор о лавках, ханах и местах городских»* не принадлежал более ведению Комиссии, а предоставлялся *«действию установленных присутственных мест»*. Таким образом, Комиссия была вынуждена отказывать в рассмотрении делам, где оспаривалась городская собственность.

Большое значение в активизации деятельности Комиссии сыграла смена ее членов. Первый состав оказался несостоятельным. Возможно, в силу недостаточной подготовки к местным специфическим традици-

ям землеустройства, резко отличавшимся от проблем внутренних губерний России. За два года, с конца 1803 г., состав Комиссии поменялся на 100 %. Сначала 24 октября 1803 г. именованным указом императора, данным сенату, был «уволен от дел» П. И. Сумароков [ГАРК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 9а. Л. 33]. Затем, указом от 26 февраля 1804 г. уволили Б. И. Крейтера [Там же. Л. 36]. 30 июля того же года по собственному прошению был отставлен от должности в Комиссии П. С. Ланской [Там же. Л. 66об.], а также М. В. Туманский [Лашков 1896б: 45]. На смену им были утверждены императором по представлению Лопухина коллежские советники М. П. Штер и Д. А. Ковалев [ГАРК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 9а. Л. 55 об.]³, и надворный советник Е. В. Вешняков [Там же. Л. 66 об.]. Наконец, указом от 27 июня 1805 г. уволился по собственному прошению председатель Комиссии сенатор Лопухин [ГАРК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 528. Л. 4, 4об.], на его место был назначен таврический гражданский губернатор действительный статский советник Д. Б. Мертваго. В своих «Записках» И. В. Лопухин вспоминал: «О выезде моем из Крыму, жалел тамошний народ, который очень меня любил. Это тем замечательнее, <...> что я должен был быть против его, защищая по справедливости права Дворян и новых помещиков <...> Недовольны были только тогдашние Начальники губернии, потому, что пребывание мое там немножко их ограничивало...» [Лопухин 1990: 162].

Новый состав оказался действеннее в разборе дел. Все вышеупомянутые 938 жалоб «на завладение помещиками земель», поступивших в Комиссию от местных жителей, были рассмотрены. Первое прошение было подано еще 11 сентября 1802 г., последние принятые к рассмотрению датировались ноябрем 1804 г. Интересно, что возможность для подачи жалоб была предоставлена и лицам, проживавшим за границей. Для обращений в Комиссию им отводился срок в 12 месяцев (пункт 12.3.). И по тому обстоятельству, что в итоговом «Реестре делам рассмотренным Комиссией в 1802–1810 гг.» [см. ГАРК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 316] отсутствовали подобные прошения, можно судить, что претензий в отношении утраченных земель со стороны заграничных жителей (а это и тысячи эмигрировавших из Крыма татар) в Комиссию не поступало, хотя формально такая возможность им была предоставлена.

³ У Лашкова неверно назван «Поляков» вместо Д. А. Ковалева, а чин М. П. Штера указан как «статский советник», тогда как правильно – коллежский советник [см. Лашков 1896б: 45].

Из всех поданных жалоб к 1 августу 1805 г. было сформировано 398 дел [ГАРК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 315. Л. 291]; позднее к ним добавилось еще одно. Таким образом, работа Комиссии в части разбора земельных претензий была сфокусирована на решении исключительно этих 399 дел. О качественном изменении работы Комиссии после замены ее состава лучше всего можно судить по следующей статистике: в 1802 г. Комиссией было решено 8 дел, в 1803 г. – 17 дел, в 1804 г. – 4 дела, в 1805 г. – 80 дел, в 1806 г. – 51 дело, в 1807 г. – 154 дела, в 1808 г. – 56 дел и, наконец, в 1809 г. – 29 дел [ГАРК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 638. Л. 71]. Как видно, львиная доля решений была принята после 1804 г.

Таким образом, несмотря на разные затруднения, возникавшие в работе, Комиссия 1802 г. в целом удовлетворительно справилась с поставленными задачами, что было отмечено и российской властью. В именном указе сенату «О закрытии Комиссии, учрежденной для разбора споров по землям в Крымском полуострове», который был подписан императором 13 сентября 1810 г. [ПСЗРИ 1. Т. 31. № 24349. С. 350], сказано, что *«поелику дело возложенное на Комиссию <...> приведено к окончанию, то поему дальнейшее оной существование»* не признается нужным.

В целом удовлетворительно оценивали деятельность Комиссии 1802 г. и исследователи [Лашков 1896b: 78–80; Исторический очерк: 10]. Справедливо отмечалось, что решения Комиссии закрепили то положение в крымском землеустройстве, которое сложилось после присоединения Крыма к России [Лашков 1896b: 79], что в дальнейшем именно решения Комиссии принимались во внимание и служили основанием при рассмотрении земельных споров [Исторический очерк: 10]. В то же время, результаты, достигнутые Комиссией, *«не вполне оправдали возлагавшиеся на нее надежды и далеко не разрешили всех вопросов земельного права, особенно запутанного в Крыму...»*, причиной чему служили *«недостаточно правильная»* организация работы Комиссии и *«слишком узкое определение предметов ее ведомства»* [Там же: 10]. Поскольку Комиссия, как справедливо отметил анонимный автор «Исторического очерка русского законодательства по вопросам земельного права в Крыму», рассматривала прошения лишь по факту их подачи и не входила в разбор земельного права, где таких прошений не поступало [Там же: 10–11], то по окончании ее деятельности многие вопросы традиционного крымского землеустройства оставались не изученными, что в дальнейшем внесло дополнительные трудности в решении земельного вопроса в Крыму.

Деятельность по урегулированию крымско-татарского землевладения «Комиссии для исследования и искоренения злоупотреблений в Таврической губернии» (1816–1819 гг.)

4 мая 1816 г. императором Александром I был утвержден именной указ херсонскому военному губернатору А. Ф. Ланжерону «Об учреждении Комиссий в Херсонской и Таврической губерниях, для исследования и отвращения разных злоупотреблений» [ПСЗРИ 1. Т. 33. № 26254. С. 631–632]. В указе в семи пунктах перечислялись дошедшие до сведения императора нарушения, допускаемые чиновниками в Новороссийском крае. В частности, отмечалось, что в Таврической области до полумиллиона десятин земли продано за бесценок, в результате чего «казна несет чрезмерный убыток, а чиновники служащие обогащаются за ее счет» (пункт 1); что те же местные чиновники допускали продажу земель крымскими татарами без подтверждающих документов на собственность (пункт 2); что непосредственно местный штат чиновников во многом был сформирован из людей, имеющих различные взыскания и отставленных от службы в других губерниях (пункт 5). Помимо этого указывалось на недобросовестность торгов на подряды для почтовых станций (пункт 3), а также на медлительность работы губернского прокурора (пункт 4). Наконец, в последних пунктах обращалось внимание на тяжелое положение помещичьих крестьян в Херсонской губернии (пункт 6), и недобросовестное распределение войск на постой, в результате чего страдали казенные деревни, а помещичьи селения оказывались свободными от этой повинности (пункт 7).

Порядок действий в отношении пунктов 3, 5 и 7 был непосредственно прописан в самом указе. По поводу других статей предписывалось создать в каждой губернии специальные комиссии, в обязанность которых должно было войти «*строжайшее исследование злоупотреблений, отвращение оных, начертание новых правил на случай, где не существует ясного закона, и учреждение опеки над дворянами, небрегающими о благе крестьян*» [Там же. С. 631].

Поскольку указ имел именной характер, то непосредственное участие в организации его исполнения принял херсонский военный губернатор А. Ф. Ланжерон. После получения указа им была составлена подробная инструкция для «Комиссии, учреждаемой по Высочайшему Его Императорского Величества повеления для исследования и искоренения злоупотреблений в Таврической губернии» [ГАРК. Ф. 23. Оп. 1. Д. 9. Л. 3–6]. Инструкция в русле императорского повеления регламентировала

вала и уточняла полномочия и задачи учреждаемой Комиссии. Особое внимание было уделено разбору формулярных списков местных чиновников, с тем, чтобы «если найдется, что некоторые из них были высланы из других губерний по суду или за дурное поведение», то немедленно доложить о таких Ланжерону для дальнейшего их «отрешения» (т. е. отставки) [Там же. Л. 4 об.]. Один из пунктов инструкции касался непосредственно крымских татар. В нем предписывалось «исследовать жалобы татар» в отношении земель, для выяснения «чем они существенно могли быть обиженными» [Там же. Л. 3 об., 4]. Серьезность намерений и широта полномочий Комиссии подчеркивалась в следующем замечании правителя новороссийским краем: Комиссия «должна действовать против всех с одинаковой строгостью; ибо одними только страшными примерами можно остановить грабительства и устранить злодеев» [Там же. Л. 5 об.].

Инструкция Ланжерона, в одном пакете с копией императорского указа и списком будущих членов Комиссии под грифом «секретно» была направлена в Симферополь предполагаемому ее председателю тайному советнику С. С. Жегулину, бывшему правителю Таврической области. В сопроводительном письме Ланжерон отмечал, что многих членов будущей Комиссии (включая и председателя), Александр I «изволил назначить сам» [Там же. Л. 8]. Действовать Таврическая Комиссия должна была в следующем составе: председатель – тайный советник С. С. Жегулин, члены Комиссии – генерал-майор князь Кая бей Балатуков, контр-адмирал Ф. Т. Быченский, губернский предводитель дворянства А. С. Таранов-Белозеров, советник губернского правления М. И. Мейер, вице-губернатор, коллежский советник Е. Ф. Зальфельд, майор Азамат Аргинский. Как видно, двое из семи участников были крымскими татарами. Приступить к работе Комиссии надлежало 1 июля 1816 г., в своих действиях и решениях не обращая «ни малейшего внимания ни на фамилии, ни связи виновных» [Там же. Л. 5 об.].

Исходя из полномочий и поставленных перед Комиссией задач, в случае выявленных нарушений пострадать от ее действий могли чиновники самого высокого ранга. Местные бюрократы не могли не испытывать тревоги от предстоящих разбирательств, что хорошо прослеживается по архивным документам. Так, бывший таврический гражданский губернатор А. М. Бороздин (был отставлен от должности 20 июля 1816 г. [Ласковский 1903: 25] – вскоре после начала работы Комиссии) уже 26 августа 1816 г., то есть когда Комиссия 1816 г. не проработала и двух

месяцев, обратился с полным тревог посланием к министру юстиции Д. П. Трощинскому, который, по-видимому, являлся его высокопоставленным покровителем [ГАРК. Ф. 23. Оп. 1. Д. 9. Л. 52–56]. В этом письме явно обеспокоенный действиями Следственной Комиссии чиновник дал собственные разъяснения в отношении всех семи обвинительных пунктов, перечисленных в императорском указе. Своеобразной преамбулой этих разъяснений служила жалоба Трощинскому на доносы в адрес бывшего губернатора, «*которые доведены даже до Высочайшего сведения*» (то есть императора). Источником доносов Бороздин называл членов Комиссии 1816 г., которые все, за исключением адмирала Быченского, являлись таврическими помещиками и по разным причинам состояли во вражде с бывшим губернатором. Массовую распродажу земель в Таврической губернии по заниженным ценам Бороздин объяснял следующим образом. Казенные земли поступали в продажу в результате торгов. По словам экс-губернатора среди допущенных к торгам лиц имел место сговор, участники которого предварительно условились не повышать стоимость лотов. В результате земли уходили по минимальной цене. Чтобы бороться с подобными нарушениями местные власти старались привлекать к торгам как можно больше людей, что имело некоторый успех. Так, на первых торгах земли уходили по цене от 20 коп. до 1 рубля за десятину. Во время же последующих цена за десятину достигала двух рублей и выше [Там же].

Интересна позиция Бороздина относительно поступлений в продажу земель крымских татар-поселян. В такие сделки он не видел необходимости вмешиваться, поскольку считал, что эти земли не являлись казенными. Бывший губернатор определял эти участки, как собственность татар-поселян, при этом чиновник ссылался на манифест Екатерины II от 8 апреля 1783 г. и указ сената от 9 ноября 1794 г. В манифесте, напомним, было обещано «*охранять и защищать <...> лица, имущество, храмы и природную веру*» [ПСЗРИ 1, Т. 21. № 15708. С. 897] жителей Крыма, а указ предоставлял владельческие права на землю рядовым крымским татарам-поселянам с возможностью дальнейшей продажи своих участков [ПСЗРИ 1. Т. 23. № 17265. С. 585–589]. В связи с чем крымские татары свободно продавали свои земли уже «*более 30 лет кому хотели*» [ГАРК. Ф. 23. Оп. 1. Д. 9. Л. 54 об.]. Более того, когда гражданский суд попытался остановить продажи недвижимых имений, на владение которых отсутствовали письменные доказательства, то правительствующий сенат (высшая судебная инстанция) своим указом от

5 апреля 1809 г. отменил данное постановление суда [Там же]. Таким образом, отставленный губернатор объяснял, что действовал в русле высших государственных решений.

Между тем, среди переданных Комиссии от Ланжерона документов находилась любопытная копия записки неизвестного автора «О незаконной продаже в Таврической губернии казенных земель частным людям» [Там же Л. 10–11 об.]. В записке, со ссылкой на пункты 1 и 26 «Начертания», составленного для работавшей в Крыму ранее землеустроительной комиссии 1802–1810 гг., делался вывод, что полным правом частной собственности на земли владеют только те из крымских татар, кто сумел подтвердить собственность через судебное решение комиссии, или же приобрел землю *«покупкою, меною и пожалованием от бывших ханов»* [Там же. Л. 10 об.]. Все остальные земли, согласно российскому законодательству, являлись государственными, и пользовались ими крымские татары *«только по праву поселян»*. Несмотря на это, говорилось в записке далее, *«чиновники сей губернии и другие алчные покупщики земель»* ввели татар-поселян в заблуждение и позволяли им продавать эти, на самом деле государственные земли, как частную собственность. При этом продажа могла совершиться каким-либо одним лицом без ведома других крестьян, пользовавшихся продаваемыми землями. Таким образом, крымские татары, находившиеся на казенных землях *«по праву поселян»*, в любой момент могли оказаться внутри частновладельческих участков. *«Купчие крепости совершаются от мурз и татар потому, – резюмировалось в записке, – что ни один из продавцов за ложные продажи не наказан, а корона теряет»* [Там же].

Исходя из содержания записки, можно сделать вывод, что к 1816 г. позиция правительства в отношении прав собственности на землю рядовых татар-поселян поменялась, и законность продажи ими своих участков теперь ставилась под сомнение. Встает вопрос: что стало причиной этих изменений? Если взглянуть на общероссийские внутриполитические процессы в рассматриваемый исторический момент, то, пожалуй, первое, что обращает на себя внимание – это масштабная реформа по внедрению военных поселений в систему традиционных хозяйственных отношений в России. Активное насаждение таких поселений после войны 1812 г., особенно после того, как за это дело взялся граф А. А. Аракчеев, привели к ситуации, когда остро стал ощущаться дефицит свободных казенных земель в предполагаемых местах

расселения поселенцев. Перед государством стояла задача изыскания необходимых земельных резервов. Одним из способов разрешения данной задачи могли стать крымские земли, перешедшие в казенное ведение в результате деятельности Комиссии 1816 г. Неизвестный автор записки моделировал разные варианты высвобождения казенных земель на полуострове. В первом случае, обращал внимание членов Комиссии, что до 100 тысяч десятин крымских земель, находившихся в руках владельцев, *«которые не могут ни заселить ее, ни улучшить сельскою промышленностью»*, могли быть возвращены в казну, и далее стать наделами для военных инвалидов. В другом варианте предлагал использовать землю, оставшуюся после нарезки участков крымским татарам, либо высвободившуюся путем *«перевода их [крымских татар – Д. К.] в другие места»* [Там же. Л. 11 об.]. В этом случае как раз и планировалось определить земли под военные поселения, с тем, чтобы *«водворить их в такой губернии, где пребывание войск по соседству с турками необходимо, где содержание их стоит дорого, и где поселенные солдаты не требовали бы ничего, кроме оружия от правительства»* [Там же]. Проект, касавшийся военных поселений, не мог появиться без ведома их главного куратора, Аракчеева. Возможно, граф был одним из авторов данной идеи для Крыма, воплотить которую должны были участники Комиссии 1816 г. О том, что влиятельный вельможа был заинтересован в продуктивной деятельности Комиссии, можно судить по тому вниманию, которое он проявлял к ее работе. Так, например, Аракчеев пересылал председателю комиссии Жегулину письменные прошения местных жителей, с которыми они обращались к царю во время проезда последнего в 1818 г. из Симферополя в Керчь и обратно [ГАРК. Ф. 23. Оп. 1. Д. 292. Л. 2]. Авторами большинства таких прошений являлись крымские татары. В своем письме к Жегулину Аракчеев сообщал, что во время передачи просьб император лично выслушивал жалобы татарского населения на притеснения со стороны помещиков и чиновников, на недостаток земель и другие бедствия. В итоге Александр I велел действовавшей в Крыму Комиссии 1816 г. немедленно приступить к разбору поступивших к нему обращений, а также обязательно приглашать к рассмотрению дел крымского муфтия или уполномоченных муфтием лиц [Там же. Л. 2 об.].

Всего через Аракчеева в Комиссию поступило более 500 жалоб – львиная доля из 848 прошений, принятых к разбирательству [Там же. Л. 8 об., 16 об.]. Многие из них так и не были рассмотрены в силу различ-

ных причин: здесь следует назвать и малочисленный состав Комиссии, и недостаточное ее финансирование, и сложные личные взаимоотношения между ее участниками и др. Однако даже не самая оптимальная работа имела несомненную пользу. Важным фактором для успешного решения ряда задач, поставленных перед Комиссией, стало участие в ее составе представителей крымских татар. Как говорилось выше, первоначально в ее состав вошли князь Кая бей Балатуков и майор Азамат Аргинский. Последний 2 ноября 1817 г. по собственному прошению был отставлен [ГАРК. Ф. 23. Оп. 1. Д. 9. Л. 69]. Заменял его майор Сеит Ибрагим Ага Тащи оглу (бывший перекопский каймакан еще во времена Потемкина) [Там же. Л. 88]. Знание местных обычаев, традиционного крымско-татарского землеустройства помогали им положительно решать многие вопросы. Особенно следует отметить деятельность бесменного члена Комиссии князя Кая бея Балатукова. Именно он в особом «Мнении» от 15 марта 1818 г. обратил внимание комиссионеров, что среди жалоб, поступавших в Комиссию, достаточно большое число касалось вакуфных земель, перешедших в силу различных обстоятельств в частные владения [ГАРК. Ф. 23. Оп. 1. Д. 286. Л. 1–8]. Князь Балатуков впервые в российской истории обратил внимание властей на отличия среди вакуфных имуществ, в частности на существование таких видов вакуфа, как эбнай-вакуф и эвляди-вакуф, что стало настоящим открытием для российской власти. В дальнейшем эти вакуфы вошли в российское законодательство под именем «частных вакуфов», и регламентировались отдельными правилами в отличие от «духовных вакуфов», находившихся в ведении мусульманского духовенства.

Таким образом, мнение Балатукова стало важнейшим шагом на пути дальнейшей инкорпорации понятия вакуф в российское законодательство. И в этом видится едва ли не важнейший итог деятельности Комиссии 1816 г., поскольку частновacuфные земли составляли крупный массив крымских земель и законодательное оформление данного вида имущества являлось определенной гарантией их сохранения и защиты от различных спекуляций в дальнейшем. Также следует отметить особое отношение императора к проблемам крымских татар. Позитивное сотрудничество местных жителей и царской администрации в рамках Комиссии 1816 г. стало возможным благодаря желанию и содействию лично Александра I и его наиболее близкого помощника графа Аракчеева, которые напрямую заявляли о необходимости привлечь к работе Комиссии представителей мусульманского населения

Крыма. Именно участие в составе Комиссии 1816 г. крымских татар позволило актуализировать ряд проблем крымского землеустройства, изначально не стоявших в рабочей повестке, например, проблему вакуфного землевладения.

«Комитет для разбора дел до Таврической губернии относящихся» (1819 г.)

Деятельность Следственной Комиссии 1816 г. в первую очередь была направлена на расследование многочисленных злоупотреблений чиновников в Таврической губернии. Но регион, кроме купирования административной коррупции, требовал свежих идей и подходов в своем социально-экономическом развитии. Император Александр I на личном опыте убедился в этом, когда в мае 1818 г. посетил полуостров. Как отмечалось выше, во время путешествия к императору напрямую обращались крымские татары с жалобами и предложениями. Аракчев отмечал, *«что Государь Император, во проезд свой из Симферополя в Керчь и обратно, при случае принятия упомянутых просьб изволил лично слышать приносимые татарами словесные их жалобы наиболее на притеснение со стороны помещиков и других лиц, на недостаток земель, и, наконец, на бедное их состояние»* [ГАРК. Ф. 23. Оп. 1. Д. 292. Л. 2–2 об.]. Причем Александр I намеренно отказался от сопровождения местных начальников, включая генерал-губернатора Ланжерона, опасаясь, по-видимому, что они могут исказить реальное состояние дел в Крыму [Шильдер 1897: 90].

С целью скорейшего разбирательства поданных от местных жителей прошений Аракчев даже был вынужден остаться в Симферополе, координируя и ускоряя работу действовавшей здесь Следственной Комиссии 1816 г. [ГАРК. Ф. 23. Оп. 1. Д. 292. Л. 2–3 об., 8; Михайловский-Данилевский 1892: 367], в то время как царская делегация продолжила свое путешествие по Южному берегу Крыма. Сам император не забыл о поступивших к нему обращениях, и по возвращении в Санкт-Петербург приказал учредить в столице особый «Комитет для разбора дел до Таврической губернии относящихся» (Таврический Комитет). Министр внутренних дел Российской империи граф В. П. Кочубей в письме от 7 декабря 1819 г. к назначенному председателем Комитета К. И. Габлицу (известному естествоиспытателю, опытному чиновнику, автору первого научного описания Крыма) отмечал: *«Государь император, обращая особое внимание на жалобы принесенные Его Императорскому Величию*

от татар обитающих в Таврической губернии, о притеснениях им чинимым по владению земель и на другие дела по сей губернии возникшие... признать изволили за благо составить для разбора сих дел Особенный Комитет из Вашего Превосходительства и гг. действительных статских советников Лавинского и Штера...» [РГИА. Ф. 1306. Оп. 1. Д. 1. Л. 1]. «Государю императору угодно, – писал Кочубей в том же письме, – чтобы Комитет сей вошел в рассмотрение всех дел помянутой губернии <...> и предоставил по оным Его Величеству свои заключения, сообразив, какие правила постановлены быть могут для основания прочного владения земель в Крыму, на справедливости и взаимной пользе тамошних жителей утверждены» [там же].

Официально Таврический Комитет и его состав были утверждены особым указом от 3 декабря 1819 г. [ПСЗРИ 1. Т. 36. № 28014. С. 406]. Главой, как и планировалось, стал Габлиц. Еще двое членов также хорошо были знакомы с полуостровом: М. П. Штер – действительный статский советник, сенатор, в 1804–1810 гг. работал сотрудником, а затем и возглавлял землеустроительную комиссию в Крыму, и таврический губернатор – действительный статский советник А. С. Лавинский, с марта 1817 г. также являлся членом действовавшей в Крыму Следственной Комиссии 1816 г. [ГАРК. Ф. 23. Оп. 1. Д. 9. Л. 59]. Таврический Комитет должен был войти в курс всех событий, касавшихся губернии, и предоставить свое заключение по текущему состоянию дел. Также целью работы Комитета являлось составление правил для «прочного владения земель в Крыму», основанных «на справедливости и взаимной пользе» жителей. Для точной и компетентной оценки текущей ситуации в Комитет передавались все документы, касавшиеся Таврической губернии, из Министерства внутренних дел, Министерства финансов и Императорской канцелярии. Общая координация работы специализированного органа, а также помощь в организации межведомственного сообщения и канцелярской службы были поручены министру внутренних дел Кочубею [ПСЗРИ 1. Т. 36. № 28014. С. 406].

Важным направлением деятельности Таврического Комитета стала разработка вариантов налогообложения крымских татар, где по замыслу его членов необходимо было учитывать особенности традиционной для мусульман фискальной системы. Комитет обратил внимание, что подушные или поголовные подати совершенно не соответствовали «ни вере, ни обычаям магометан и совершенно им противны», поскольку «по их закону» собирают их только с «иноверцев в подданстве или в рабстве

у них находящихся» [РГИА. Ф. 1306. Оп. 1. Д. 3. Л. 27 об.]. Проявляя определенную осведомленность в востоковедении, члены Таврического Комитета отмечали, что уместнее облагать мусульман поземельной податью, а также десятиной. Но поскольку в Крыму проблема землевладения и определения границ и владельцев земельных участков еще не была решена, а генерального межевание не окончено, то и поземельную подать ввести было невозможно. В качестве временной меры предложили собирать налоги по дворам (что было вариантом архаичной подымной подати). Хотя налоги при этом собирались бы значительно в меньшем размере, чем при подушной подати, по мнению членов Комитета, *«татары при первом начале обложения их податями требуют сего снисхождения к их обычаям»* [Там же. Л. 28]. Все собираемые в Крыму деньги предполагалось направлять на благоустройство Таврической губернии, что послужило бы *«к убеждению татар, что правительство при наложении на них податей не имеет столько в предмете обогащение казны, как благосостояние обитаемого ими края...»* [Там же. Л. 29].

Подготовленный Таврическим Комитетом проект «Положения о повинностях таврических татар на помещичьих землях живущих» [см. РГИА. Ф. 1306. Оп. 1. Д. 8. Л. 40–49] был поддержан Госсоветом и «высочайше утвержден» 12 апреля 1821 г. [см. Архив Госсовета 1881: 1780–1783], но так и не был применен на практике сразу. Дело в том, что активно продвигавший реализацию данной инициативы таврический губернатор А. Н. Баранов, направляясь в Одессу для представления своего мнения по налогообложению, неожиданно скончался в пути, а другой местный начальник херсонский военный губернатор Ланжерон посчитал внедрение новых податей среди крымских татар «затруднительным», поскольку на протяжении нескольких лет в Крыму был неурожай, образовался дефицит продовольствия и введение дополнительных налогов было нежелательным [Тур 2007: 522].

Тем не менее, многие позиции разработанного документа вошли в текст другого важного законопроекта – «Проекта положения для татар-поселян Таврической губернии», основой которого стали разработки действовавшей еще в начале века в Крыму землеустроительной Комиссии 1802–1810 гг. [ПСЗРИ 2. Т. 2. № 1417. С. 850]. Данный проект 8 сентября 1823 г. был представлен Государственной канцелярией для изучения [Авалиани 1915: 49; Захарова 2001: 221]. В апреле 1825 г. предложенные правила критически проанализировал новороссийский генерал-губернатор М. С. Воронцов, с которым, в силу его должности, ко-

ординировались все проекты указов, касавшихся вверенного ему края [Авалиани 1915: 51]. С учетом замечаний новороссийского генерал-губернатора, «Проект» был 28 сентября 1827 г. утвержден императором Николаем I, и вошел в российское законодательство под названием «Положение для татар-поселян и владельцев земель в Таврической губернии» [ПСЗРИ 2. Т. 2. № 1417. С. 850–854]. В дальнейшем «Положение» вошло в IX том Свода Законов 1832, 1842 и 1857 гг. издания [Блюменфельд 1888: 47] и, таким образом, в документе, разработанном Таврическим Комитетом, на долгие годы фиксировались правила, регламентировавшие земельные отношения крымско-татарских крестьян – наиболее массовой категории жителей Крыма.

Среди других важных занятий Таврического Комитета, направленных на подготовку легитимизации традиционных форм землевладения крымских татар, следует назвать подробное изучение вакуфного вопроса. После прекращения работы Следственной Комиссии 1816 г. часть документов оттуда была передана в Таврический Комитет. Среди них и вышеупомянутое «Мнение» о частных вакуфах князя Балатукова. Записка князя была рассмотрена на заседании Комитета 22 апреля 1820 г., по итогам которого было признано, что *«Балатуков сделал для правительства новое открытие, так как оно о частных вакуфах до того времени ничего не знало»* [Частно-вакуфное владение 1892: 16]. В ходе изучения вопроса, Комитет инициировал составление описей вакуфных имуществ в Крыму. В дальнейшем, благодаря усилиям Комитета, этот новый для имперской юридической практики вид землевладения был официально закреплен в российском законодательстве [см. ПСЗРИ 2. Т. 2. № 1417. С. 850–854 (пп. 33, 34); Т. 4. № 2761. С. 189–191].

Межевание в Крыму

Вехой в крымском землевладении стал указ об учреждении в 1829 г. в Симферополе Межевой Конторы и Комиссии для размежевания земель в Таврической губернии [ПСЗРИ 2. Т. 4. № 2617. С. 50–59]. По замыслу правительства, межевание полуострова должно было стать той мерой, которая бы окончательно положила конец непрекращавшимся земельным спорам, и зафиксировала бы собственность местных хозяев в раз и навсегда определенных размерах. новороссийский генерал-губернатор М. С. Воронцов с самого начала управления краем ясно понимал необходимость решения данной задачи, и поэтому в декабре 1823 г., вскоре после своего назначения, поставил вопрос перед правительством о

начале генерального межевания в Крыму [Филатова 2007: 49]. Дважды получив отказ правительствующего Сената (в августе 1824 и августе 1826 гг.) [Там же: 50], тем не менее не оставил своей идеи. Именно благодаря настойчивости и усилиям М. С. Воронцова Симферопольская Межевая Контора и Комиссия 1 мая 1830 г. приступила к своей работе [ПСЗРИ 2. Т. 5. Ч. 1. № 3761. С. 684].

Как уже говорилось выше, предыдущая попытка генерального межевания земель в Крыму, предпринятая в 1798 г. в царствование Павла I, закончилась неудачно. Связано это было, прежде всего, с отсутствием должной подготовки мероприятия. На этот раз авторы указа о межевании попытались исправить ситуацию. Еще в 1820 г. Сенат по поручению Госсовета подготовил подробные «Правила для Генерального межевания земель в Таврической губернии» [РГИА. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 23. Л. 14–14 об.], где была предпринята попытка учесть все нюансы землевладения в Крыму. Именно эти наработки легли в основу официально утвержденных в 1829 г. «Правил для межевания земель в Таврической губернии» [ПСЗРИ 2. Т. 4. № 2617. С. 52–57], где достаточно подробно регламентировались шаги всех задействованных при межевании сторон. Учитывались интересы, как новоприбывших помещиков, так и старожильческого населения Крыма. В обязанность Межевой Конторы, помимо межевания, входило еще и рассмотрение возникавших споров по землям, а также разбирательства предыдущих споров по границам имений, производившихся в уездных судах. Все решения Межевой Конторы можно было обжаловать в Комиссии для размежевания земель в Таврической губернии. Мнение последней являлось окончательным. Отдельными пунктами правил (№ 34–37) оговаривались особенности межевания вакуффов. Исходя из них, вакуфы объявлялись «*неприкосновенной собственностью*» мечетей и мусульманских училищ и межеваться они должны были «*особо по отводам поверенных муфтия*» [ПСЗРИ 2. Т. 4. № 2617. С. 56–57]. При появлении споров по этим землям рассматривать их предназначалось Межевой Конторе. От муфтия в Контору должны были поступить описи вакуфных земель. При недостатке письменных документов, подтверждавших подлинность учреждения вакуфа, важным доказательством становились свидетельские показания местных жителей, данные под присягой. Образцы присяги, отдельно для христианского и для мусульманского населения, прилагались к указу. При межевании вакуфных участков на места со стороны духовенства должны были направляться особые «поверенные» (пункт 34) [Там же: 56].

Таким образом, задача перед Межевой Конторой и Комиссией стояла сложнейшая, объемная. Но и ресурсы (финансовые и человеческие) выделялись достаточно серьезные. Для съемки на местности планировалось направить лучших землемеров Межевого Корпуса, а также привлечь отставных квартирмейстерских и инженерных офицеров. Техническая сторона межевания (обмер земли, посадка на план и т. д.) должна была осуществляться под руководством генерала и штаб-офицера Генерального Штаба. Для достойной оплаты труда чиновников Конторы и Комиссии выделялись сверх жалованья дополнительные «столовые деньги». Всего же годовой бюджет Комиссии и Конторы составил внушительную сумму в 110 300 рублей [ПСЗРИ 2. Т. 4. Приложение. I. Штаты и табели. Прил. к № 3032. С. 18–19]. Деятельность Межевой Конторы и Комиссии планировалось осуществлять в плотном сотрудничестве с генерал-губернатором М. С. Воронцовым. Возглавил Комиссию весьма опытный в крымских делах и заслуженный человек – сенатор М. П. Штер, уже неоднократно ранее участвовавший в землеустроительных мероприятиях государства на полуострове. Председателем Конторы был назначен подполковник Ф. Залого, которого 18 сентября 1830 г. сменил бывший прокурор из Перми П. Харин [Петрова 2013: 163].

Начало работы Межевой Конторы вызвало целый всплеск жалоб и претензий местных хозяев друг к другу. Многие полузабытые судебные споры вспыхивали с новой силой, что негативно сказывалось на темпах межевания в Крыму. Особые затруднения возникли на южном берегу, где ситуация с земельным фондом была наиболее запутана, и где в земельной сфере интересы местного населения все чаще пересекались с интересами влиятельных столичных чиновников и аристократии. Южный берег Крыма к началу 30-х гг. XIX в. уже превратился, по словам поэта – современника событий, в «*блистательную дачу*», где вместе существовали «*И Крезы – баловни судьбы, / И бедняки – ее рабы*» [Бороздна 1837: 198]. Наметившиеся трудноразрешимые противоречия между теми и другими даже вынудили М. С. Воронцова в 1831 г. единоличным губернаторским решением приостановить межевание внутри участков на Южном берегу [ГАРК. Ф. 315. Оп. 1. Д. 61. Л. 126].

Понятно, что М. С. Воронцова не могла не беспокоить сложившаяся здесь ситуация, поскольку у самого графа имелись обширные владения на юге Крыма. По традиционному замыслу российского правительства межевание должно было утвердить новых хозяев в своих владениях, но никак не подвергнуть их собственности сомнению. Это

несколько не вписывалось и в концепцию графа по скорейшему переходу земельной собственности в Крыму в руки более умелых, с его точки зрения, хозяев, для интенсивного развития региона. Межевая Контора и Комиссия, будучи подотчетными Министерству юстиции, тщательно и беспристрастно фиксировали все бывшие и настоящие нарушения с оформлением земли, производили межевание очень осторожно, а потому медленно. Видимо, именно поэтому уже в 1833 г. в один и то же день (21 февраля) появляются два императорских указа, инициированных, скорее всего, М. С. Воронцовым [ПСЗРИ 2. Т. 8. Ч. 1. № 5994, № 5995. С. 105–109]. Согласно одному из них (№ 5995), с целью *«ускорить межевание»*, Межевая Комиссия переводилась из Симферополя в Одессу, руководство межевой частью в Таврической губернии передавалось новороссийскому генерал-губернатору, который теперь непосредственно отвечал за *«скорое и правильное размежевание земель по Таврической Губернии»* [Там же. С. 108]. Для успешного осуществления поставленной задачи в сопутствующем указе (№ 5994) крымским татарам на ЮБК разрешалась теперь продажа принадлежавшей им земли без документов, при условии 10-летнего беспорочного пользования этими участками (пункт 1)⁴. Более того, с разрешения генерал-губернатора стала возможна и продажа *«общественных земель»* (то есть земель крымско-татарской сельской общины) в Крыму (пункт 5), при условии, что вырученные деньги направлялись на пользу *«всего общества»* (надо заметить, очень *«обтекаемое»* условие). В горной части и на ЮБК разрешалось совершение купчих на общих основаниях (пункт 8) [Там же. С. 106–107].

Все эти изменения как нельзя лучше вписывались в проект М. С. Воронцова по скорейшему развитию региона. В преамбуле целью указа (№ 5994) было обозначено *«явить владельцам поземельной собственности новое снисхождение и милость, и утвердить собственность сию на прочных основаниях»*, а также *«преподать способы предприимчивости к усилению в Таврическом полуострове хозяйства и промышленности»* [Там же. С. 106]. То есть, именно то, чего желал М. С. Воронцов: окончательно утвердить права новых хозяев, с целью их активной экономической деятельности для развития края. После публикации этого указа (№ 5994) на южном берегу и в горном Крыму переходу собственности в руки новых хозяев был дан *«зеленый свет»*.

⁴ В этом же году, 2 августа, данное разрешение получили и все остальные жители южного берега [ПСЗРИ 2. Т. 8. Ч. 1. № 6373. С. 457].

К началу 40-х гг. XIX в. основные работы по межеванию в Крыму были выполнены и специализированные органы межевания стали постепенно сворачивать свою работу. Так, 12 ноября 1841 г. была упразднена Межевая Контора, расположенная в Симферополе. Все дела из нее (оконченные и неоконченные) в течение 2-х месяцев передавались в Таврическую межевую комиссию, базировавшуюся, напомним, в Одессе. Работников же увольняли с выдачей полугодового оклада [ПСЗРИ 2. Т. 16. Ч. 2. № 15013. С. 39]. Всего с начала межевания были измерены и нанесены на планы данные о 1684 дачах общей площадью 2 105 108 квадратных десятин [Петрова 2013: 165]. Спустя два года (30 июня 1843 г.) была закрыта и Таврическая межевая комиссия, дальнейшую работу которой Министерство юстиции посчитала «излишней» [ПСЗРИ 2. Т. 18. Ч. 1. № 16993. С. 414–415]. Все нерешенные дела, как о праве вотчинном, так и о межевых спорах, в том числе и ранее переданные из Симферопольской межевой конторы, передавались в Таврическую гражданскую палату, которой предоставлялись права Межевой комиссии по этим делам. Окончательные решения по спорным делам необходимо было вынести в течение четырех лет. Для успешной работы гражданской палаты по земельным спорам из упраздняемой Межевой конторы туда направлялись один член, один столоначальник и четыре писца с сохранением жалованья. Деньги на все эти траты использовать из остатков на счетах Таврической Межевой Конторы [Там же]. Но и за четыре назначенных года уладить все межевые дела не получилось, и поэтому в 1847 г. срок полномочий учрежденного при Таврической гражданской палате межевого отделения был продлен еще на два года [ПСЗРИ 2. Т. 22. Ч. 1. № 21482. С. 681]. И, наконец, только 1 ноября 1849 г. данное межевое отделение было закрыто окончательно, а дела из него переданы для хранения в архив Таврической палаты гражданского суда [ПСЗРИ 2. Т. 24. Ч. 2. № 23621. С. 144].

В целом же, генеральное межевание в Крыму продлилось в общей сложности почти 20 лет: с 1830 г., когда фактически открыли свою работу Таврические Межевая Контора и Комиссия, вплоть до 1849 г., когда все межевые дела были сданы в архив.

Проблемы вакуфного землевладения в Крыму после Восточной (Крымской) войны. Комиссия князя Дадешкелиани

Крымская война в значительной степени изменила внутреннюю ситуацию в Крыму и политику российского государства на полуострове. В

земельной сфере во второй половине XIX в. особую актуальность стал приобретать вакуфный вопрос. Дело в том, что во время и после окончания военной кампании большое количество крымских татар вынуждено было эмигрировать из пределов Российской империи. В результате в запустение приходили порой целые селения, многие мечети оказывались заброшенными. Соответственно, бесхозными становились и закрепленные за такими мечетями духовновакуфные земли, которые поступали в специальный фонд вакуфов упраздненных мечетей, контролируемый Таврическим магометанским духовным правлением (далее – ТМДП). Частные вакуфы, которые находились в потомственном распоряжении персональных крымско-татарских родов, в массовом порядке стали продаваться посторонним лицам. Это было неправомерно, как с точки зрения российских законов, так и мусульманской традиции. В соответствии с российским законодательством [ПСЗРИ 2. Т. 4. № 2761. С. 190 (II, 1)] такое имущество должно было перейти во владение к другим членам рода, оставшимся в Крыму (данная позиция соответствовала мусульманским нормам, регламентировавшим частновакуфное имущество). В конечном же итоге по российским законам в случае «пресечения линии» рода выморочное частновакуфное имущество должно было перейти в разряд казенных [ПСЗРИ 2. Т. 4. № 2761. С. 190 (II, 6)].

Проблема вакуфов оказалась вплотную связана с еще одним важным моментом истории полуострова – обезземеливанием крымских татар, поскольку одновременно с переходом вакуфных земель в распоряжение частных лиц, начинался процесс изгнания проживавших на этих участках крымских татар новыми собственниками. Мусульманское население, которое пользовалось вакуфами на условиях аренды, чаще всего не оформленной документально, доказать свои права было не в состоянии и, таким образом, пополняло и без того внушительное число безземельных крымских татар [ГАРК. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1194. Л. 75 об., 76]. С целью пресечь нарушения и сохранить для оставшихся в Крыму мусульман вакуфные имущества, российское правительство предприняло ряд действий по учету вакуфного фонда.

В 1871 г. по приказу министра внутренних дел А. Е. Тимашева в Симферополе была учреждена «Комиссия для приведения в известность вакуфов в Крыму» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 883. Л. 26]. Для руководства Комиссией новороссийский генерал-губернатор граф П. Е. Коцебу направил в Крым князя А. М. Дадешкелиани [Гольденберг 1883. С. 81–82], происходившего из древнего грузинского рода владетелей Сванетии,

представители которого в середине XIX в. перешли в российское подданство.

Исходя из названия Комиссии, вытекала и основная цель ее создания: сбор как можно более подробной информации о всех вакуфных имуществах Крыма – как недвижимости, так и финансов. Комиссия начала работу 6 апреля 1871 г., а уже 18 ноября того же года завершила свою деятельность [Ведомость 1893: III]. Помимо князя Дадешкелиани, в ее состав входили представители мусульманского духовенства – таврический муфтий Сеит Джелиль эфенди, таврический кадиаскер Сеит Абдулла (?) эфенди; и представители местных мурз – А. Карашайский и подполковник Булгаков [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 883. Л. 68 об.].

В ходе работы князь Дадешкелиани оценил все сложности по сбору информации о вакуфах. В итоговом донесении о результатах деятельности Комиссии он указал на ряд проблем, которые существенно затрудняли выполнение поставленной перед ней задачи. В частности, было отмечено, что вакуфные пожертвования совершались, как правило, в устной форме, и в период существования Крымского ханства сохранность вакуфов гарантировалась силой религиозного авторитета. Но после «покорения Крыма» Российской империей как экономические, так и правовые условия изменились, и понятия о *«святости и неприкосновенности вакуфов <...> значительно пошатнулись...»*. Российское правительство совершило несколько попыток по урегулированию вакуфного вопроса в Крыму, учету вакуфного имущества. Но собранные сведения, показания свидетелей, информация мусульманского духовенства были крайне противоречивы (*«Даже в тех случаях, где планы <...> находились – между заявлением духовенства о количестве и указанием по плану выходило совершеннейшее противоречие...»*). В то же время местная администрация при разбирательстве вакуфных вопросов, как правило, не обращалась ни к существовавшим планам, ни к судебным решениям. Из-за общей непоследовательности местных судов и администрации, Сената, мусульманского духовенства и произошла путаница, которую только усилила крымско-татарская эмиграция 1860-х гг. В результате возникла ситуация, когда *«множество вакуфов»* путем продажи оказались в частных руках [Там же. Л. 78–83].

Итогом деятельности Комиссии стало составление 11 описей вакуфных имуществ. Качество этих описей оставляло желать лучшего. По оценке Ф. С. Голицына ведомости духовных вакуфов отличалась *«неполнотой»* и *«неверностью»* [Ведомость духовным вакуфам...1893: III],

а частно-вакуфные описи и вовсе не имели «документального характера» [Сравнительная ведомость 1893: II; Частно-вакуфное владение 1892: 56–58]. На «незаконченность» частно-вакуфных описей указывал и сам князь Дадешкелиани в рапорте новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору П. Е. Коцебу [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 883. Л. 172 об.]. Так, Комиссия князя Дадешкелиани не стала оценивать правильность осуществленных ранее продаж вакуфных имуществ, и попросту не включила все эти многочисленные спорные вакуфы в свои итоговые описи вакуфных имуществ Крыма. Более того, Комиссия отказалась внести в описи даже те вакуфы, которые значились по т.н. «Кадиевским ведомостям 1866–68 гг.», но не подтверждались *«ни планами Генерального и отдельного межеваний, ни решениями судебных мест и, главное, ни фактическим владением духовенства»* [Там же. Л. 83, 83об.]. Все эти земли, по мнению Комиссии, необходимо было исключить из числа вакуфов по двум причинам. Во-первых, в интересах самого мусульманского духовенства, которое фактически не владело и не пользовалось данным землями, не имело доказательств на право владения ими, но, тем не менее, вынуждено было платить поземельный сбор за эти участки, как состоящие в числе вакуфов. Второй причиной стало *«огромное стеснение»* для частных собственников крымских земель, которые при переходе земельной собственности из одних рук в другие, были *«поставлены в необходимость»* обращаться в ТМДП за справкой о наличии в их владении вакуфных участков, а также вести обременительные судебные тяжбы с мусульманским духовенством за право обладания этими землями [Там же].

В результате, по подсчетам Комиссии, духовных вакуфов в Крыму оказалось 94 626 десятин 518 сажений. В том числе городских земель 344 десятин 1 272 сажений. По уездам эти земли распределялись следующим образом: в Перекопском уезде – 25 395 десятин, в Евпаторийском уезде – 39 712 десятин, в Симферопольском уезде – 11 828 десятин, в Феодосийском уезде – 16 644 десятин, и в Ялтинском уезде – 700 десятин [Там же. Л. 83 об.]. Между тем, по спискам ТМДП, составленным уездными кадиями в 1866–1868 гг., духовных вакуфов в Крыму насчитывалось 242 128 десятин 608 сажений. Как не трудно подсчитать, несоответствие между двумя реестрами составило внушительную цифру в 147 502 десятин.

Столь огромную разницу в оценках площади, занимаемой вакуфными землями, новороссийский генерал-губернатор П. Е. Коцебу, вслед за князем Дадешкелиани, объяснял отсутствием системности при состав-

лении предыдущих списков и упущениями со стороны ТМДП при составлении отчетности о вакуфах [Там же. Л. 45].

Несмотря на критику качества составленных описей, которую разделял и сам князь Дадешкелиани, итоговая оценка Комиссии была принята властью без возражений и в дальнейшем прочно утвердилась не только в официальных документах, но и в публицистике самой разной направленности. То обстоятельство, что Комиссия Дадешкелиани во время работы, по сути, не входила в рассмотрение подробностей дел, судебных споров о вакуфах, не совещалась мусульманским духовенством на местах (ограничившись сотрудничеством с чиновниками ТМДП), и в конечном итоге своим решением исключила из числа вакуфов огромный массив земель, осталось практически незамеченным.

Что касается частно-вакуфного землевладения, то точное определение количества таких вакуфов было крайне затруднено все по той же причине отсутствия подтверждающих документов и, ввиду этого, их захвата посторонними лицами. Князь Дадешкелиани отмечал, что новые владельцы «...заинтересованы не оглашать обстоятельств и способы приобретения» данного имущества, поэтому он не считал составленные Комиссией описи «полными и законченными» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 883. Л. 172об.]. Тем не менее, частных вакуфов, наличие которых доказывалось и документами, и фактическим владением оказалось около 22 000 десятин [Там же. Л. 175–182].

Подводя итоги работы Комиссии Дадешкелиани, можно констатировать, что, с одной стороны, процесс размыwania вакуфной собственности, который начался еще с момента присоединения Крыма к России, в 1871 г. был в основном прекращен, поскольку количество и состояние вакуфных земель было зафиксировано в конкретных цифрах и границах. Но с другой стороны, благодаря решению Комиссии отказаться от судебных претензий в отношении проблемных вакуфов, по сути, были легализованы все прежние случаи неправомочного перехода вакуфных земель в разряд частных владений. Таким образом, именно в результате деятельности в Крыму Комиссии под руководством князя Дадешкелиани большинство местных вакуфов навсегда лишилось данного статуса.

В целом же, имперская власть продолжала демонстрировать в Крыму прагматичный подход (в духе М. С. Воронцова) в решении земельных проблем и вакуфного вопроса, в частности. Когда внешне демонстрируя готовность позитивно действовать и защищать конфессиональные интересы местных мусульман, в то же время правительство исходило, в

первую очередь, из интересов экономической целесообразности и максимизации выгоды для государства и частных собственников.

Миссии С. М. Воронцова и П. П. Косаговского в Крым. «Комиссия по устройству быта крымских татар» (1876 г.)

Масштаб и последствия крымско-татарской эмиграции, последовавшей после окончания Восточной (Крымской) войны, заставили царское правительство переосмыслить роль крымско-татарского населения в экономике и геополитике края. Ранее, в особенности сразу после окончания боевых действий, в сознании российского общества преобладала точка зрения, заставлявшая сомневаться в преданности крымских татар царской власти. Она отразилась и на личных оценках императора Александра II [Озенбашлы 2007: 179, 187]. Как следствие, сформировалась идея экономической бесполезности крымско-татарского населения для Империи и целесообразности поддержки его переселения в Турцию [Озенбашлы 2007: 189; Гольденберг 1883: 75–76; Левицкий 1882: 604, 605, 625–626, 629; Золотарев 2000: 18; Ганкевич, Щевелев 2006: 209]. Данный дискурс нашел практическое воплощение в одиозных действиях некоторых военных, местных чиновников и помещиков, описанных в позднейших работах [Кондараки 1883: 150–151; Левицкий 1882: 605–610; Озенбашлы 2007: 171–176, 185]. Однако спустя несколько лет после начала массовой эмиграции крымских татар правительство ощутило всю остроту указанной проблемы и осознало риски, которые данный процесс несет для экономики и хозяйственного развития края. Перелом позиции отразился как в общественном мнении – в виде сочувствующих публикаций [Левицкий 1882; Гольденберг 1883; Кондараки 1883], отзывах чиновников [Озенбашлы 2007: 180; Мартыанов 1886: 698–699; Золотарев 2000: 112], предложений земств [Воскресенский 1904, № 7–8: 38], так и в осуществлении вполне конкретных действий правительства по противодействию актуальной проблеме.

В марте 1874 г. императором Александром II был командирован в Крым генерал-адъютант князь С. М. Воронцов для выяснения причин *«возвышения стремлений крымских татар к выселению из пределов России»* [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 883. Л. 201]. Выбор императором личности посланника был весьма символичен. Крымские татары, в особенности духовенство, с уважением относились к отцу Семена Михайловича – знаменитому вельможе Николаевского времени светлейшему князю М. С. Воронцову. Поэтому с полным доверием мусульманское население

должно было отнестись и к его наследнику. Результаты своей поездки в апреле 1874 г. С. М. Воронцов изложил в «Записке», предоставленной на рассмотрение непосредственно царю. «Записка», помимо прочего, состояла из ряда рекомендаций по предотвращению крымско-татарской эмиграции [Воронцов 1909; Мартьянов 1886: 701–706]. «Степных татар» Воронцов предложил наделить казенной землей бесплатно или по минимальной цене с рассрочкой платежа; горные поселения Крыма в районе Судака – соединить шоссейными дорогами с Алуштой, Феодосией и Карасубазаром для улучшения благосостояния обитавших там жителей; справедливо решить многочисленные земельные споры и жалобы, связанные с крымскими татарами, позволить им выкупить арендуемые земли; отменить крымским мусульманам ограничения в выдаче заграничных паспортов для совершения хаджа [Воронцов 1906: 443–444].

Отдельно оговаривался вакуфный вопрос, и, в частности, сообщалось, что данная тема *«сильно тревожит и волнует как население, так и магометанское духовенство»* [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 883. Л. 201–201об.]. Крымские татары, по словам С. М. Воронцова, просили оставить распоряжение вакуфными имуществами *«по-прежнему в ведении обществ»*. Удовлетворение данной просьбы, по мнению посланника, *«оказало бы благотворное влияние на настроение умов татарского населения»* [Там же. Л. 201 об.]. Таким образом, вакуфный вопрос являлся одним из ключевых в решении проблемы крымско-татарской эмиграции. Для самих крымских татар, как видно из донесения С. М. Воронцова, вакуфы были не просто частью имущества, а продолжали оставаться своеобразным религиозным символом, индикатором соблюдения их прав и традиций со стороны имперской власти. Ощущая важность затронутой проблемы, император поставил положительную резолюцию на документе (*«сообразить как сие исполнить»*) [Мартьянов 1886: 705]), тем самым остудив порыв некоторых чиновников (в особенности представляющих Министерство государственных имуществ), направленный в сторону радикальных преобразований в вопросе вакуфного управления путем полного изъятия этих имуществ из распоряжения мусульманского духовенства.

Такая позиция императора, по-видимому, нашла отражение в утвержденном вскоре после окончания миссии С. М. Воронцова положении Комитета министров «О духовных и частных вакуфных имениях в Таврической губернии» (5 июля 1874 г.) [ПСЗРИ 2. Т. 49. Ч. 2. № 53703. С. 16]. Согласно указу частные вакуфы в Крыму передавались в управ-

ление Министерства государственных имуществ. Но при этом, в первом пункте закона специально оговаривалось, что духовные вакуфы, в том числе и вакуфы упраздненных мечетей, по-прежнему оставались в распоряжении ТМДП.

В 1875 г. в Крым был направлен новый посланник, теперь уже от министерства внутренних дел, – директор департамента исполнительной полиции, тайный советник П. П. Косаговский [Мартьянов 1886: 708]. Чиновник обратил внимание, что крымские татары в течение столетнего нахождения под властью Российской империи так и не сблизились в достаточной степени с русским населением. Для устранения отчужденности предложил ряд мер, которые позволили бы *«успокоить татарское население»*: как можно быстрее решить земельный вопрос, ограничить изгнание татар с помещичьих земель, устроить пути сообщения в горной части и т.п. [Там же]. Важнейшей задачей являлось завоевание лояльности мусульманского духовенства, для чего Косаговский предлагал на время отложить вопрос о вакуфных имуществях. В целом же все эти предложения повторяли изложенные ранее рекомендации С. М. Воронцова.

Результаты командировки Косаговского в Крым стали предметом рассмотрения учрежденной при МВД в феврале 1876 г. «Комиссии по устройству быта крымских татар», действовавшей под руководством товарища министра внутренних дел сенатора М. Р. Шидловского [Золотарев 2000: 108]. Но выводы Комиссии оказались диаметрально противоположными. Было предложено пересмотреть действовавшую политику лояльности и льгот для мусульманского населения Крыма, внедренную еще при М. С. Воронцове, поскольку ее посчитали несостоятельной. Усилия решено было сосредоточить на выравнивании прав «инородцев» с доминирующей народностью [Золотарев 2000: 10]. Кардинальные изменения касались и вакуфных имуществ, которые запланировали передать полностью в управление Министерства государственных имуществ [Проект 1892: 8]. Взамен предусматривалось выделение денежной компенсации духовенству из средств Госказначейства в размере потерянных ими доходов от вакуфов, предусмотренных для содержания мечетей и учебных заведений [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 883. Л. 328; Золотарев 2000: 109]. Такая позиция указывала на явную некомпетентность членов Комиссии, которые недооценивали значение вакуфов в религиозной и экономической жизни крымско-татарского населения и последствия подобных шагов по секуляризации. И в этом нет ничего удивитель-

ного, поскольку состав Комиссии был сформирован из петербургских чиновников. Единственным представителем, связанным с Крымом, являлся знаменитый художник И. К. Айвазовский, который, по словам современника событий гласного таврического земства Султан-Крым-Гирея, был «всеми уважаемый, как художник и человек», но «едва ли может быть признан знатоком быта татар» [Гольденберг 1883: 82]. На некомпетентность и низкую эффективность Комиссии обращали внимание как исследователи – ровесники изучаемой эпохи [Воскресенский 1904, № 7–8: 39–40], так и современные историки [Золотарев 2000: 109–110].

Справедливости ради следует сказать, что выводы Комиссии каких-либо судьбоносных решений со стороны правительства в отношении вакуфов не спровоцировали [Исторический очерк: 19]. Работа самой Комиссии вскоре была приостановлена вследствие начавшейся русско-турецкой войны 1877–1878 гг. [Золотарев 2000: 108; Воскресенский 1904, № 7–8: 40]. Тем не менее, крымско-татарская тематика и связанная с ней проблема вакуфного землевладения продолжала оставаться актуальной для различных государственных и общественных структур, что вынудило государство вскоре создать специализированный орган – Вакуфную Комиссию, в ведение которой перешло управление всеми вакуфными имуществами в Крыму.

Работа Вакуфной комиссии в Крыму (1885–1917 гг.)

В 1884 г. в Таврическом магометанском духовном правлении, по инициативе губернской администрации, началась ревизия делопроизводства. Выявленные в ее ходе беспорядки в управлении вакуфами, а также обнаруженные факты растраты даже тех вакуфных земель, которые значились в описи князя Дадешкелиани, стали причиной учреждения 28 февраля 1885 г. императором Александром III в Симферополе «Особой Комиссии о вакуфах» (далее – ОКоВ) [Проект 1892: 6; Ведомость 1893: III]. Главными задачами, которые призвана была выполнить ОКоВ, являлись, во-первых, «*проверка наличности вакуфных имуществ и прав на владение ими*» [ГАРК. Ф. 456. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; ГАРК. Ф. 456. Оп. 1. Д. 5. Л. 1]. Во-вторых, разработка проекта оптимального управления крымскими вакуфами [ГАРК. Ф. 456. Оп. 1. Д. 5. Л. 1]. В состав Комиссии, помимо председателя, должны были входить по одному представителю от МВД, одесского временного генерал-губернатора и таврического губернатора, два участника от ТМДП, и, в случае необходимости, один губернский землемер [Там же. Л. 1 об.].

Все расходы ОКоВ покрывались за счет вакуфных средств. В соответствии со штатным расписанием, утвержденным директором Департамента духовных дел иностранных исповеданий (далее – ДДДИИ) князем М. Кантакузиным графом Сперанским, годовая итоговая сумма на содержание Комиссии и состоящей при ней канцелярии равнялась 16 600 рублей [ГАРК. Ф. 456. Оп. 1. Л. 3–4]. Председателем ОКоВ по личному распоряжению Александра III был назначен камергер императорской свиты генерал-майор Султан Хаджи Губайдулла Джангир-оглы Чингиз-хан.

Вскоре после начала работы председатель вынужден был констатировать практически полное отсутствие контроля со стороны губернатора за действиями муфтия и ТМДП в отношении вакуфов, и *«весьма поверхностный <...> надзор за действиями магомётанских духовных учреждений по управлению и распоряжению вакуфами»* со стороны Министерства внутренних дел [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 907. Л. 8 об.]. Хотя согласно пункту 10 приложения к статье 1203 Устава ДДДИИ [СЗРИ 1857. Т. 11. Ч. 1: 242] Таврическое магомётанское духовное правление и обязательно было предоставлять отчеты о своей деятельности, но *«в чем должны [отчеты – Д. К.] заключаться – не объяснено»*, – резюмировал Г. Чингиз-хан [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 907. Л. 9]. Единственной возможностью исправить ситуацию и достичь цели, поставленной перед ОКоВ, являлось, по мысли Г. Чингиз-хана, *«безотлагательное изъятие всех вакуфов из ведения ТМДП и передача их в заведывание ОКоВ»* [Там же. Л. 16]. То есть чиновник добивался расширения полномочий ОКоВ, и своих собственных, в качестве ее председателя.

Данная идея нашла поддержку правительства. В результате 25 октября 1885 г. император Александр III утвердил положение Комитета министров «О передаче заведывания вакуфными земельными имуществами в Крыму особой Комиссии о вакуфах» [ПСЗРИ 3. Т. 5. № 3239. С. 439–438]. Тогда же, в соответствии с устным распоряжением таврического губернатора, все проекты по размежеванию дач в губернии, вне зависимости, зафиксированы в них вакуфные участки или нет, стали передаваться для рассмотрения председателю ОКоВ для согласования [ГАРК. Ф. 456. Оп. 1. Д. 14. Л. 1, 1об.; Ф. 456. Оп. 1. Д. 569]. Менее чем через год – указом от 29 сентября 1886 г. – полномочия Комиссии были расширены. К ним добавились обязанности по учету, отысканию и надзору за частно-вакуфными имуществами [ПСЗРИ 3. Т. 6. № 3956. С. 451] – то есть те процедуры, которые в соответствии с указом от 5 июля 1874 г.

[ПСЗРИ 2. Т. 49. Ч. 2. № 53703. С. 16] выполняло местное управление Министерства государственных имуществ.

Однако действия «Особой Комиссии о вакуфах» при Г. Чингиз-хане не стали успешными и в конце 1889 г. Александр III отправил его в отставку. Зато уже при следующем председателе – князе Ф. С. Голицыне (родной брат знаменитого винодела Льва Голицына) – Комиссия в основном смогла справиться с поставленными перед ней задачами.

Обновленным составом Комиссии при Ф. С. Голицыне была окончательно составлена и в 1893 г. в типографии Таврического губернского правления напечатана «Ведомость духовным вакуфам в Крыму» [Ведомость 1893]. В ней, после краткого предисловия с историей вопроса, приводились сведения, составленные по единому образцу, с точным указанием расположения вакуфов, их размеров, границ, подробным описанием владельцев, учредителей и т.п. Это был первый случай столь подробного и качественного составления духовновакуфных ведомостей за более чем столетнюю историю взаимоотношений царской власти с мусульманским населением Крыма в рамках одного государства. На этот раз можно констатировать, что работа по составлению описей духовновакуфных недвижимых имуществ была завершена и, что самое главное, стала публичной. В соответствии с ведомостями в 1893 г. в Крыму насчитывалось 87 909 десятин 139 5/12 саженой духовновакуфных земель [Ведомость 1893: 294].

Что касается частных вакуфов, то они продолжали находиться в пользовании тех крымско-татарских родов, за которыми были закреплены в момент их учреждения. ОКоВ, после завершения работы по учету данного вида имущества и определению его статуса (в результате чего была составлена «Сравнительная ведомость частным в Крыму вакуфам» [Сравнительная ведомость 1893]), стала выполнять в отношении этих имуществ исключительно надзорные функции, контролируя, чтобы они, в случае полного пресечения рода – пользователя частным вакуфом, не переходили в посторонние руки, а поступали в распоряжения казны, как это и было предусмотрено российским законодательством. Еще одним важным действием Комиссии стало наведение порядка в процедуре управления вакуфной недвижимостью с целью дальнейшей сдачи этого имущества в аренду. Для этого была разработана соответствующая документация, которая успешно прошла апробацию и на порядок повысила экономическую эффективность эксплуатации вакуфных имуществ.

Среди личных заслуг Ф. С. Голицына в сфере крымского землеустройства, следует выделить инициативу князя по решению проблем безземельных крымских татар путем поселения их на вакуфных участках. Подобные предложения звучали и ранее, но именно князь сумел озвучить данную идею таким образом, чтобы она была услышана «сверху», и, что самое важное, предложить реально действующий механизм по внедрению этой идеи на практике. Реализация данного проекта, в целом, имела позитивные последствия для крымско-татарских крестьян. Спустя несколько лет после начала практических действий, во всеподданнейшем отчете таврического губернатора о состоянии губернии за 1897 г., находим следующую информацию: для обеспечения безземельных крымских татар, начиная с 1896 г., в виде опыта, было отдано более 5 000 десятин вакуфной земли в аренду на 3 года, с правом продления на 12 лет. Арендная плата составляла от 1,5 до 3 рублей за десятину, что являлось очень выгодными условиями [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 931. Л. 4, 4 об.]). Важно то обстоятельство, что данная инициатива была поддержана царской властью. Император Николай II на данном пункте отчета сделал собственноручную отметку: *«В таком направлении и следует продолжать дальше»* [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 931. Л. 4]. Таким образом, поселение безземельных татар на вакуфных участках получило официальное и самое высшее одобрение. И, надо сказать, что данный процесс продолжался вплоть до революционных событий 1917 года.

К моменту ухода Ф. С. Голицына с должности председателя ОКоВ (конец 1893 – начало 1894 г.) процесс управления крымскими вакуфами имел уже устоявшийся характер и в дальнейшем радикальным образом не менялся. Функциональный порядок действий ОКоВ приобрел стройность и автоматизм, свойственный образцовому казенному учреждению.

Изначально учрежденная как временный орган, Вакуфная комиссия продолжала функционировать и в XX в. Но ситуация, при которой управление благотворительным имуществом крымских мусульман было сосредоточено в казенном учреждении, подчиненном непосредственно Министерству внутренних дел, вызывала раздражение среди крымско-татарской общественности, мусульманского духовенства, земских активистов Таврической губернии, поскольку реальная возможность влиять на вакуфное управление у местной общины практически отсутствовала. В связи с этим вакуфный вопрос неоднократно обсуждался в Государственной Думе. В частности, звучал в известном выступлении Решида Медиева – крымско-татарского депутата мусуль-

манской фракции 2-й Государственной Думы. В своей речи Р. Медиев огласил наказ «братьев татар» с жалобами на расхищение царскими чиновниками вакуфных земель [Бурмистрова, Гусакова 1976: 124–125]. Эту речь, кстати говоря, сочувственно прокомментировал В. И. Ленин в работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов», где оценил ее как «революционную речь» в защиту «земли и воли» [Ленин 1973: 389].

Неоднократно принимал участие в обсуждении предлагаемых проектов по организации управления вакуфами в Крыму П. А. Столыпин, сначала занимая пост министра внутренних дел, а затем и в статусе главы правительства. При этом позиция Столыпина в вопросе поселения на вакуфных землях татар-общинников, по-видимому, была негативной, поскольку, как принято считать, крестьянская реформа Петра Аркадьевича была направлена, как раз, на ликвидацию крестьянских общин. Вакуфы же такие общины сохраняли и поощряли [Наганова 2006: 116; Конкин 2014: 450–456].

Несмотря на многочисленные официально задекларированные намерения царского правительства изменить систему управления вакуфами, никаких конкретных шагов в этом направлении так и не было сделано. Высочайше утвержденная «Особая Комиссия о вакуфах», по-прежнему, оставалась единственным легитимным органом в вакуфной сфере. Фактически получалось, что наиболее критикуемое и требующее реформирования учреждение, давно уже выполнившее изначально возложенные на него обязанности, к тому же имевшее временный статус, продолжало функционировать вплоть до революционных событий 1917 г.

***

Таким образом, земельный вопрос изначально являлся наиболее острым в Крыму после присоединения к Российской империи. Противоречия возникли, прежде всего, в силу принципиально иных традиций землевладения и землепользования в Российской империи в сравнении с территориями бывшего Крымского ханства. Имперская власть попыталась вписать чуждую ей систему земельных отношений в общероссийскую традицию. Прогнозируемо такой подход без предварительной подготовки и изучения местных особенностей вызвал много нареканий и судебных споров между старыми и новыми собственниками земель. Реакцией на всплеск недовольства стала не жесткие меры, а попытка

изучить и урегулировать проблему в рамках землеустроительных комиссий укомплектованных представителями от всех заинтересованных сторон. Не сразу, но результат был достигнут. Во многом благодаря решениям, выработанным внутри землеустроительных комиссий в течение п.п. XIX в., крымские земли стали частью общероссийского рынка земли, а крымские татары, включая крестьян, стали участниками этого рынка, получив право сначала владеть и продавать (эксклюзивно в сравнении с другими российскими крестьянами), а затем и покупать (на общих основаниях) земельные участки. Негативным следствием данного процесса можно считать постепенное обезземеливание крымско-татарских крестьян. Работа землеустроительных комиссий стала вновь актуальной после Крымской войны, когда особое внимание российского правительства было уделено решению вакуфных проблем в Крыму. Именно благодаря работам так называемых «вакуфных комиссий» вакуфные земли были надежно зафиксированы в специальных реестрах и продолжали являться источником финансирования мусульманского духовенства и средством поддержки безземельных крымско-татарских крестьян.

В целом же учреждение специализированных экстраординарных комиссий стала своеобразной методикой российского правительства при решении очевидных и трудноразрешимых проблем связанных с местным землеустройством. Как правило, данная мера приводила к позитивным результатам. За все время пребывания Крыма в составе Российской империи было создано не менее восьми подобных комиссий.

ЛИТЕРАТУРА

- Авалиани С. Л.* Гр. М. С. Воронцов и крестьянский вопрос // ЗООИД. 1915. Т. 32.
Архив Государственного Совета: в 5 т. Т. 4. Царствование императора Александра I (с 1810 по 19 ноября 1825 г.). Журналы по делам департамента государственной экономики. Ч. 1. СПб., 1881.
- Блюменфельд Г.* Крымско-татарское землевладение (исторический очерк). Одесса, 1888.
- Бикташева А. Н.* Казанское губернаторство первой половины XIX века. Бремя власти. 2-е изд. М., 2014.
- Бороздна И.* Поэтические очерки Украины, Одессы и Крыма. Письма в стихах. М., 1837.
- Ведомость* духовным вакуфам в Крыму, составленная Высочайше учрежденною Особою Комиссиею о вакуфах в 1893 году. Симферополь, 1893.
- Бурмистрова Т. Ю., Гусакова В. С.* Национальный вопрос в программах и тактике политических партий в России. 1905–1917 гг. М., 1976.

- [Воронцов С. М.] О выселении татар из Крыма. Всеподданнейшее донесение генерал-адъютанта князя С. М. Воронцова // РА. 1906. № 7.
- Воскресенский Ал. Татары и земельно-устроительные комиссии в Крыму // Вестник Таврического Земства. 1904. № 6 (март); № 7–8 (апрель).
- Ганкевич В. Ю., Щевелев В. С. Крым в конце XVIII – начале XX вв. // Сборник Русского исторического общества. Т. 10: Россия и Крым. М., 2006.
- Гольденберг М. Крым и крымские татары // ВЕ. 1883. № 11 (ноябрь).
- Дерий С. П. К вопросу о деятельности комиссии по разрешению земельных споров (1802–1810 гг.) // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
- Завадовский А. Г. Сто лет жизни Тавриды. Симферополь, 1885.
- Захарова О. Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М. С. Воронцов. Рыцарь Российской империи. М., 2001.
- Золотарев Д. Ю. Кримськотатарська еміграція останньої третини ХІХ- початку ХХ ст.: історіографічний і джерелознавчий аспекти. Дис. ... к. і. н. Київ, 2000.
- Исторический очерк русского законодательства по вопросам земельного права в Крыму. [Б. м., б. г.].
- Киреенко Г. К. О прошениях депутатов Таврической области на Высочайшее Имя в 1796 г. и Высочайшем Указе 17 сентября 1796 г. // ИТУАК. 1897. № 2 (2-е изд.).
- Кондараки В. Х. Эмиграция крымских татар // Кондараки В. Х. В память столетия Крыма. Этнография Тавриды. Т. 2. Ч. 2. М., 1883.
- Конкин Д. В. Проекты реформирования управления вакуфами в Крыму в начале XX века // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX.
- Кузьмина Л. Л. О работе Комиссии по решению земельных споров в Крыму в начале XIX в. // Таврический научный обозреватель. 2015. № 3 (ноябрь).
- Ласковский В. П. Правители Тавриды // ИТУАК. 1903. № 35.
- Лашков Ф. Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения. (Продолжение) // ИТУАК. 1895. № 23.
- Лашков Ф. Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения // ИТУАК. 1896а. № 24.
- Лашков Ф. Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения (окончание) // ИТУАК. 1896б. № 25.
- Лашков Ф. Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения. (Продолжение) // ИТУАК. 1896с. № 25.
- Левицкий Г. П. Переселение татар из Крыма в Турцию // Вестник Европы. 1882. Т. 5. Кн. 10.
- Ленин В. И. Полное собрание сочинений: [изд. 5-е]. Т. 16: июнь 1907–март 1908. М., 1973.
- [Лопухин И. В.] Россия XVIII столетия в изданиях Вольной типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Записки сенатора И. В. Лопухина. Репринтное воспроизведение. М., 1990.
- Макидонов А. В. К светской и церковной истории Новороссии (XVIII–XIX вв.). 3-е изд. Запорожье, 2008.
- Михайловский-Данилевский А. И. Записки. 1818 г. // Исторический вестник. 1892. Т. 48 (май).
- Мурзакевич Н. Распоряжения светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического касательно устроения Таврической области с 1781 по 1786 г. // ЗООИД. 1881. Т. 12.

- Мартьянов П. К.* Последняя эмиграция татар из Крыма в 1874 году // Исторический вестник. 1886. Т. 24.
- Наганова Н.* Формирование мусульманского общества через царскую администрацию: махалля под юрисдикцией Оренбургского магометанского духовного собрания после 1905 г. // Татарские мусульманские приходы в Российской империи. Материалы конференции. Казань, 2006.
- Озенбашлы А. С.* Трагедия Крыма: Воспоминания и документы. Симферополь, 2007.
- Петрова И. В.* Деятельность Симферопольской межевой конторы (1829–1843 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 12.
- Петрова И. В.* Генеральное межевание Южной Украины (историко-правовой аспект) // Схід. 2014. № 6.
- Проект правил о порядке заведывания вакуфными имуществами Таврической губернии и об устройстве быта безземельных татар, поселенных на вакуфных землях и объяснительная к нему записка.* Симферополь, 1892.
- Свод законов Российской империи.* Издание 1857 года. Т. 11. Ч. 1: Уставы Духовных дел иностранных исповеданий. СПб., 1857.
- Сравнительная ведомость частным в Крыму вакуфам, составленная Высочайше учрежденной Особой Комиссией о вакуфах в 1893 г.* Симферополь, 1893.
- Степанова Л. Г.* Особенности Генерального межевания Таврической губернии в первой половине XIX в. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2019а. № 6.
- Степанова Л. Г.* Проекты и правила Генерального межевания Таврической губернии в конце XVIII – первой половине XIX века // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2019б. № 25.
- Тур В. Г.* Привилегии мусульман Таврической губернии (по архивным материалам XIX в.) // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII.
- Филатова Е. Е.* Управленческая деятельность М. С. Воронцова в период с 1797 по 1848 г. // Воронцовы и русское дворянство: IX Крымские Международные Воронцовские научные чтения. Сб. докладов. Ч. 1. Симферополь, 2007.
- Хайрединова З. З.* Вакуфные комиссии в Таврической губернии и их роль в решении земельных споров (XIX–н. XX вв.) // Актуальные вопросы истории, культуры, этнографии и экологии Юго-Восточного Крыма. Материалы конференции. Новый Свет, 2008.
- Шильдер Н. К.* (Сообщение). Из воспоминаний Михайловского-Данилевского. 1818 г. Гл. I–III // РС. 1897. Т. 91 (июль).
- Частно-вакуфное владение в Крыму.* Симферополь, 1892.

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЩИНЫ

Д. А. Прохоров

В многонациональных государствах вопросам межэтнических и межконфессиональных отношений уделяется пристальное внимание. Учёт интересов каждой этноконфессиональной группы, создание условий для сохранения национальной культуры, традиций, языка являются залогом межнационального согласия. Тем не менее, многие годы в отечественной исторической науке проблемы, связанные с изучением прошлого ряда старожильческих народов Крыма сознательно обходились стороной. Господствовавшая в стране идеология привела к тому, что немногочисленные исследования по истории крымских татар, караимов, евреев, греков и других этноконфессиональных общностей имели ярко выраженный политический подтекст; многие вопросы прошлого этих народов не освещались вовсе. Сегодня перед исследователями стоят задачи, направленные на заполнение лакун в истории этносов и конфессий, существовавших ранее и существующих ныне на территории Крыма. Привлечение представителей всех национальных меньшинств, этнических и конфессиональных общностей, которые проживали и действовали в разное время на территории Крымского полуострова, для более глубокого и объективного изучения прошлого региона – одна из основных задач в решении данного вопроса.

Среди наиболее значимых исследований по проблеме, изданных в последние годы, следует указать на публикации И. В. Ачкинази, В. Ю. Ганкевича, Ю. Н. Лаптева, В. Г. Тура, В. М. Петросяна, Ю. Д. Пряхина, Е. В. Бойцовой, З. З. Хайрединовой, С. А. Волковой [Ачкинази 2000; Ганкевич 1998; Петросян 2009: 228–251; Лаптев 2000а: 11–21; Лаптев 2000b: 37–49; Тур 2017: 247–276; Пряхин 2008; Бойцова и др. 2009; Волкова 2006]. В данном случае мы проанализируем этноконфессиональную ситуацию, складывавшуюся на территории Крымского полуострова в конце XVIII – начале XX в. Уникальность и специфика этого региона состоят в том, что его территорию населяли ранее и проживают на ней сейчас представители многих национальностей, носители различных религий. Одним из ключевых моментов истории Крыма является проблема взаимодействия представителей разных национальностей, культур в многоэтничном и поликонфессиональном обществе. В период

радикализации межэтнических и межконфессиональных конфликтов современности обращение к положительному опыту прошлого призвано помочь в решении задач по обеспечению мирного сосуществования разных по языкам, культуре и вероисповеданию народов в границах единого государства.

Население Крыма в конце XVIII – начале XIX в.

В середине XVIII в. в Крыму и в причерноморских степях проживало, по приблизительным оценкам, всего 250–300 тысяч человек, а к концу столетия эта цифра сократилась почти наполовину в связи с русско-турецкими войнами и начавшейся эмиграцией крымско-татарской части жителей полуострова [Водарский и др. 2003: 85–87, 120; Айбабин и др. 1993: 217]. Этот период ознаменовался для Крыма существенными изменениями этнической и конфессиональной ситуации. После окончания русско-турецкой войны 1768–1774 гг. в небольшой болгарской деревне Кючук-Кайнарджи на правом берегу Дуная 10 июля 1774 г. был подписан мирный договор между Турцией и Россией. По условиям договора Россия получала территорию «до Польской границы, лежащую между реками Бугом и Днестром, исключая крепость Очаков», и до крепости Кинбурн при устье Днепра до Азова с Прикубаньем и Приазовьем, а также крепости Керчь и Еникале. Эти крепости являлись стратегически важными оборонными пунктами у выхода из Азовского в Чёрное море. С российской стороны подпись под документом поставил главнокомандующий русской армией генерал-фельдмаршал П. А. Румянцев, а со стороны Османской империи – верховный визирь Муссун-заде Мегмет-паша [ПСЗРИ 1. Т. 19: 966–967; Дружинина 1955: 358–360].

В марте 1779 г. сторонами была принята Айналы-Кавакская конвенция, объявленная частью Кючук-Кайнарджийского договора. Императрице Екатерине II удалось склонить крымского хана добровольно отказаться от земель между Днестром, Южным Бугом, польской границей и Чёрным морем, за исключением населённых пунктов, образовывавших Очаковский уезд. Ещё одним ключевым решением конвенции стало признание Оттоманской Портой крымским ханом ставленника Российской империи Шагин-Гирея. Турки обязались не претендовать на гражданскую и политическую власть крымско-татарских ханов: Османская империя отныне не должна была вмешиваться под предлогом «духовной связи и влияния» в гражданскую и политическую жизнь Крымского ханства [Дружинина 1955: 331–333].

С целью ослабления Крымского ханства российские власти предприняли ещё одну беспрецедентную операцию. Князь Г. А. Потёмкин активно занялся осуществлением разработанной им же «новой восточной системы», которая должна была позволить России в полной мере воспользоваться результатами Кючук-Кайнарджийского мирного договора. Г. А. Потёмкин совместно с А. В. Суворовым разработал план переселения христианского населения из Крыма на новые земли у побережья Азовского моря и близ устья Дона. До сих пор остаётся немало дискуссионных вопросов, касающихся истории этого переселения, а его результаты оцениваются историками неоднозначно. Однако неоспорим лишь тот факт, что христианское население полуострова играло важную роль в его экономической жизни, и выдворение христиан за пределы Крыма, по задумке российских властей, должно было способствовать экономическому ослаблению Крымского ханства, усилению его зависимости от России.

Переселение крымских христиан за пределы полуострова, проведённое А. В. Суворовым по приказу русских властей и длившееся с мая по ноябрь 1778 г., внесло серьёзные коррективы в политическую и экономическую сферы жизни полуострова. Всего из 174 селений полуострова было выселено 31 386 человек. Среди них – 18 407 греков, 12 598 армян, 162 валаха, 219 грузин; 91 человек, находившийся до этого времени в плену у татар, был освобождён. Только Кафу покинуло 5 511 армян, 1 648 греков и 24 грузина. Статистика по остальным городам выглядит так: из Карасубазара выехало 1 004 грека и 2 809 армян, из Бахчисарая – 1 319 греков (и два священнослужителя) и 1 375 армян; из Старого Крыма – 109 греков и 160 армян; Гёзлев (Евпаторию) покинуло 172 грека (с ними два священнослужителя) и 1 304 армянина [Кабузан 1975: 133; Водарский и др. 2003: 86, 87, 120, 122; Маркевич 1910: 442–543]. В связи с этими событиями многие населённые пункты Крыма практически обезлюдели. Сократилось число жителей таких городов, как Кафа, Бахчисарай, Карасубазар, Гёзлев, Ак-Мечеть, Старый Крым, Балаклава. Полностью или частично опустели 67 горных селений. Притеснения российской администрации, злоупотребления со стороны чиновников, экспроприация земли у крымско-татарских крестьян, массовые эмиграции крымских татар в Турцию в 1783 г. и в последующие десятилетия привели к тому, что заброшенными также оказались многие сады, виноградники и пахотные земли Крыма.

Бесконтрольная и бессистемная раздача земель полуострова российским вельможам и помещикам побудила власти сформировать в 1802 г.

«Комиссию для разбора поземельных споров» в Крыму. Однако ничего существенного в деле урегулирования данного вопроса она сделать не смогла. В связи с вышеперечисленными проблемами задача по привлечению на полуостров новых жителей, необходимость которой осознавала местная российская администрация, была вызвана как хозяйственными нуждами (восстановление экономики и дальнейшее освоение Крыма), так и общими стратегическими задачами (укрепление пограничных районов России) [Дерий 1993: 161–196; Конкин 2016: 375–390].

Русско-турецкая война 1768–1774 гг., военные действия, которые велись на полуострове в период правления хана Шагин-Гирея, эпидемия чумы, свирепствовавшая в Крыму в 1783–1784 гг. (вспышки болезни были зафиксированы в Ак-Мечети, Перекопе, на Керченском полуострове – по всей линии черноморского побережья до Сиваша учреждалась пограничная стража, которая обязана была следить за тем, чтобы никто не мог покинуть и въехать в Крым без разрешения и специального досмотра), также крайне негативно отразились на состоянии экономики в регионе [Прохоров 2016а: 330–333].

После присоединения Крыма в 1783 г. российские власти активно приступили к разрешению проблемы заселения полуострова, поскольку в период политической и военной борьбы значительная часть жителей региона эмигрировала. Так, если в 60–70-х гг. XVIII в. численность крымских татар составляла более 400 тысяч человек, то в 1793 г. их насчитывалось лишь 112 200 человек. Под руководством правителя Новороссии Г. А. Потёмкина Крымское правительство (1784–1787), а затем Таврическое областное правление (1787–1796) осуществляли мероприятия по переселению в Крым представителей различных категорий населения. Для новых жителей Крыма Г. А. Потёмкин распорядился *«принять нужные меры и старание о приготовлении им в Таврической степи удобных и выгодных для жилищ, угодий и хлебопашества мест, и все нужные к построению домов вещи по указному положению для таковых назначенные, туда доставить казённым коштом, снабдив и домостроительными орудиями; а по прибытии их туда приложить своё старание о действительном и порядочном оных поселении с доставлением им всех предписанных выгод и пособий»* [Муравьев 1867: 603].

Среди переселенцев числились: уволенные в отставку солдаты с жёнами (в основном, из центральных губерний Российской империи), заштатные служители церкви и старообрядцы, дербетовые калмыки с Волги, а также архипелагские греки, поляки, немцы, болгары, итальян-

цы, румыны и пр. Среди *русских и украинских* переселенцев числились отставные солдаты, крестьяне, государственные крестьяне из российских губерний, а также церковнослужители, старообрядцы, беглые крепостные. Русские и украинские переселенцы-крестьяне в основном селились в материковой части Таврической области, а калмыки и ногайцы – в северокрымских степях [Конкин 2018: 234, 233]. К середине 1790-х гг. на полуострове проживало: 4 300 русских, 1 300 украинцев, 1 900 греков, 1 700 цыган, 800 евреев, 1 500 караимов, 600 армян, 100 немцев, 100 болгар и 100 представителей прочих народов [Водарский и др. 2003: 121, 122].

Важным направлением миграционной политики российских властей стало комплектование штатов государственных учреждений переселенцами из материковых губерний империи. Одними из первых служащих, определённых в подразделения Таврического областного правления, стали выпускники Харьковской семинарии. В ордере от 23 мая 1785 г. правитель Таврической области В. В. Каховский представил в областное правление список желающих из числа харьковских семинаристов. В основном, это были жители города Богодухов, а также Богодуховского, Лебединского и Хотмыжского уездов Харьковского наместничества [ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 5. Л. 29, 30]. В дальнейшем набор в штаты присутственных мест Таврической области выходцев из материковых губерний Российской империи продолжился.

Все переселенцы в Крым освобождались на полтора года от уплаты податей и на три года от постоя войск, а в 1785 г., по распоряжению Г. А. Потёмкина, весь скот, оставшийся после покинувших полуостров крымских татар, предложено было передать в распоряжение переселенцев [Секиринский 1957: 80]. Кроме того, наряду с организованной колонизацией, происходил процесс стихийного заселения пустующих земель – беглые крестьяне, «работные люди», просрочившие паспорта, проникали в Таврическую область и нанимались обычными работниками в помещичьи имения. Чаще всего беглые объявлялись местной администрацией «неразысканными».

В 1784 г. переселённым в Крым *архипелагским грекам* (741 мужчина) российская императрица даровала земли в районе Балаклавы, опустевшей после высылки в 1778 г. крымских греков в Приазовье. Новые жители основали ещё семь небольших поселений между Балаклавой и Ялтой. К 1792 г. на этой территории (землях греческого пехотного полка) проживало уже 1800 греков-эмигрантов обоего пола. В конце XVIII – начале

XIX в. общая численность греческого населения достигала 16 500 чел. Общее же число прибывших в Крым жителей в течение 1785–1793 гг. достигло 12 600 лиц мужского пола [Водарский и др. 2003: 88, 89; Пряхин 2008: 49].

После вхождения Крыма в состав Российской империи на полуостров вернулась часть **армян**, причём приезжали те из них, кто ранее мигрировал в Османскую империю, а также ремесленники и купцы из Нового Нахичевана на Дону (последние официально получили право проживать в Крыму лишь в 1811–1814 гг.). В 1787 г. разрешение вернуться получили армяне-католики. Вскоре численность крымских армян увеличилась за счёт переселенцев из Восточной и Западной Армении. В соответствии с высочайше утверждённой грамотой в 1799 г. армянам Старого Крыма возвратили храмы, земли, городские кварталы; в Старом Крыму и Карасубазаре были созданы городские национальные самоуправляемые общины [Тур 2009: 562, 567, 568]. Карасубазарский римско-католический суд учредили в 1784 г., в соответствии с грамотой Екатерины II: *«По поселению вашем учредить Ратушу, которую назвать Католическим Судом, и в нем производить суд и расправу по вашим правам и обыкновениям выбираемыми из вас же по жребию начальниками, коим и пользоваться чинами и жалованием по штату Азовской Губернии, и быть под апелляцией Наместнического Правления»* [ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 91. Л. 55–57]. В компетенцию данного учреждения входил разбор уголовных, гражданских и опекунских дел лиц римско-католического вероисповедания. Среди документов, сохранившихся в архивах римско-католического суда – материалы о сборе окладных налогов и недоимок; дела об опеке над сиротами, о выдаче заграничных паспортов и т. п. По своей структуре Карасубазарский римско-католический суд повторял устройство нижних земских судов: он состоял из председателя, двух заседателей и секретаря. Штат армянского магистрата включал председателя, четырёх заседателей, секретаря и четырёх урядников [ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 91. Л. 55–57; Тур 2017: 265; Ерошкин 2008: 135].

Появление первых компактных **немецких** поселений в Крыму относится к 1805 г. В Симферопольском уезде они основали колонии Нейзац, Фриденталь, Розенталь (там жили вюртембергцы), в Феодосийском уезде – Гейльбрун, Судак и Герценберг. В том же 1805 г. на полуострове возникла швейцарская колония Цюрихталь, а в 1811 г. ещё одна немецкая колония – Кроненталь. Колонии, расширяясь, образовывали выселки, которые, в свою очередь, превращались в новые колонии. При переселе-

нии колонисты получили в собственность от 60–65 десятин лучшей земли, надолго освобождались от натуральных и денежных повинностей; им было даровано широкое самоуправление. Меннониты (представители одного из протестантских течений в христианстве, называвшиеся так по имени его основателя, Менно Симонса) появились в России в 1789 г., когда Екатерина II выделила им для заселения пустующие земли Новороссии. В 1800 г. 150 семейств переселились в урочище Молочные воды Мелитопольского уезда Таврической губернии (ныне – южные части Запорожской и Херсонской областей Украины), получив до 120 тыс. десятин земли. Меннониты селились на левом берегу Молочной, а на правом – выходцы из немецких государств Нассау, Бадена, Вюртемберга, Баварии. В 1806 г. на правом берегу было уже 18 колоний, где размещались 250 семей [Лаптев 2000а: 18; Лаптев 2000b: 45].

В конце XVIII – начале XIX в. в Крым стали приезжать и государственные крестьяне из Полтавской, Черниговской, Воронежской губерний. Они селились или отдельными слободами, или в крымско-татарских сёлах, образуя смешанные поселения. В первой половине XIX в. в Крым на постоянное поселение прибывают также религиозные сектанты: *раскольники*, *молокане* (одно из течений духовного христианства, представители которого появились Таврической губернии в 1802 г. и селились в Мелитопольском, Бердянском и Днепровском уездах), *духоборцы* (конфессия христианского направления, отвергающая внешнюю обрядность церкви), приезжавшие, в основном, из Саратовской и Тамбовской губернии, *скопцы* и пр. Например, в Керчь-Еникальском градоначальстве уже в 1830-е гг. поселились выкресты из *субботников* (последователей христианских или околохристианских вероучений, соблюдающих, подобно иудеям, субботу), в Евпаторийском и Симферопольском уездах – *штундисты* (христианское движение протестантской направленности, распространённое в основном среди немцев-колонистов) [ГАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 2384. Л. 3; А. Б. 1882]. Часть поселений основали в Крыму крестьяне-однодворцы. Что касается *украинцев*, то интенсивное освоение Крыма они начали лишь с 50-х гг. XIX в., после очередной миграции крымских татар в Турцию.

В 1796 г. на Крымском полуострове насчитывалось 58 деревень с населением из 99 195 казённых и помещичьих крестьян [Лашков 1916: 160]. Этнический состав населения Крыма в данный период выглядел так: в результате V и VI ревизий, проведённых соответственно в 1792 и 1796 гг., установлено, общее число жителей на полуострове составляло

156 400 чел. (87,6% крымских татар, 4,3% русских, 1,9% греков, 1,7% цыган, 1,5% караимов, 1,3% украинцев, 0,8% евреев, 0,6% армян, 0,1% немцев, 0,1% болгар). В 1816 г. был замечен общий прирост населения, но цифры уже выглядели иначе: из 212 600 чел. 85,9% составляли крымские татары, 4,8% – русские, 3,7% – украинцы, 1,4% – караимы, 1,3% – армяне, 0,9% – евреи, 0,8% – греки, 0,7% – немцы и 0,4% – болгары [Водарский и др. 2003: 123, 124].

Этноконфессиональная структура и особенности организации религиозной жизни

Христиане. Указом императрицы Екатерины II от 7 сентября 1775 г. Новороссия вошла в состав Славянской и Херсонской епархии с кафедрой в Полтаве. В апреле 1784 г. к ней была присоединена территория Таврической области. В соответствии с данными ведомости, составленной по распоряжению О. А. Игельстрома в 1783 г., в Крыму насчитывалось 80 зданий православных церквей. Из них только 33 не было разрушено, а по клировым ведомостям – таковых насчитывалось немногим более 20. 9 сентября 1786 г. Екатерина II издала указ, который гласил: «*Славянского и Херсонского епископа переименовать в Екатеринославского, Херсонского и Таврического, и подчинить ему все находящиеся там церкви*» [Родионов 1872: 45]. На протяжении нескольких десятков лет Крым входил в состав различных епархий: Славянской и Херсонской (1775–1786), Екатеринославской и Херсонской (1786–1799), Новороссийской и Днепровской (1799–1803), Екатеринославской и Таганрогской, позже – Екатеринославской, Херсонской и Таврической и, наконец, Херсонской и Одесской (с 1837 г.). Херсонскую епархию, выделенную из Екатеринославской (бывшей Славянской), учредили 9 мая 1837 г. Она включала Херсонскую и Таврическую губернии; правящим архиереем был назначен бывший Екатеринославский Гавриил (Розанов).

В Феодосийской епархии во главе с архиереем учредили консисторию, являвшуюся не только органом управления, но и духовным судом. Дальнейшее утверждение православия в Крыму связано с именем архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия (Ивана Алексеевича Борисова) – одного из выдающихся церковных, политических и общественных деятелей России. 24 февраля 1848 г. его перевели на Херсоно-Таврическую кафедру [Родионов 1872: 51]. Это событие кардинально повлияло на дальнейшее укрепление позиций Русской Пра-

вославной Церкви в регионе, поскольку перенесение духовного центра православных христиан из Одессы в Симферополь усилило духовное влияние на население Крыма. Во второй половине XIX в. из христианских течений Русская Православная Церковь стала доминирующей на Крымском полуострове.

16 ноября 1859 г. был высочайше утверждён доклад Синода об открытии самостоятельной Таврической епархии, с назначением архиепископской кафедры в Симферополе. Таврическую и Симферопольскую епархию в разные годы возглавляли правящие архиереи: Елпидифор (Бенедиктов) (7 января – 25 мая 1860), Алексей (Ржаницын) (29 августа 1860 – 28 августа 1867), Гурий (Карпов) (28 ноября 1867 – 17 марта 1882), Гермоген (Добронравин) (24 апреля 1882 – 9 марта 1885), Алексей (Лавров-Платонов) (9 марта – 11 мая 1885), Мартириан (Муратовский) (11 мая 1885 – 19 января 1897), Михаил (Грибановский) (19 января 1897 – 19 августа 1898), Никон (Софийский) (июль 1898 – 14 сентября 1898), Николай (Зиоров) (14 сентября 1898 – 26 марта 1905), Алексей (Молчанов) (26 марта 1905 – 5 ноября 1910), Феофан (Быстров) (19 ноября 1910 – 25 июня 1912), Димитрий (князь Абашидзе) (25 июня 1912 – 14 сентября 1921) [Родионов 1872: 45–69; Симферопольская].

После присоединения Крыма к России и объявления манифеста о заселении Крыма иностранными колонистами в феврале 1798 г. («О установлении на полуострове Таврическом порто-франко на 30 лет и о даровании разных выгод жителям сего острова и приезжающим туда иностранцам» [ПСЗРИ 1. Т. 25. № 18373. С. 64]) многие крымские **армяне**, ранее покинувшие Крым, стали возвращаться на полуостров. Общая численность переселенцев составила 796 чел., из них католиков – 348. Первоначально крымская армяно-католическая община не превышала 772 чел. [Тур 2016: 17]. Центром расселения армян в начале XIX в. становится Старый Крым, рядом с которым находился и древний монастырь Сурб-Хач («Святой Крест»). Армяно-григориане расселились по наиболее крупным городам Крыма, образовав свои общины. Основными занятиями у них являлись ремесло и торговля. Армянская апостольская (Армяно-григорианская) церковь была учреждена в Российской империи в 1773 г.; её возглавил католикос Семеон I Ереванци. В 1783 г. в Крыму насчитывалось 26 действующих армяно-григорианских церквей, в которых служило 52 священника. В 1799 г. в Астрахани грамотами от 26 февраля 1798 г. и от 28 октября 1799 г. учредили духовную конси-

сторию во главе с архиепископом Иосифом; ему же непосредственно в духовном плане подчинялась и крымская армянская община. 28 июля 1808 г. в Старом Крыму, в соответствии с Жалованной грамотой Павла I от 28 октября 1799 г., также открыли армянскую городскую ратушу. В 1809 г. была основана Армянская епархия в Бессарабии с центром в Яссах. К середине XIX в. численность армяно-григорианской общины увеличилась до 4 000 человек, а к 1800 г. число членов только Карасубазарской армяно-католической общины выросло до 1 100 человек. Армяно-католики и армяне-григориане имели свои органы самоуправления, регламентировавшие деятельность общин [Тур 2017: 264, 265; ПСЗРИ 1. Т. 27: 488].

В 1842 г. вместо наместника католикоса в Крыму была введена должность главного попечителя крымских армянских церквей. Органом конфессионального самоуправления армяно-григориан стала созданная в 1859 г. «Таврическая Армяно-Григорианская и Нахичевано-Бессарабская епархия» с духовной консисторией. Управляющий епархией и духовной консисторией находился в Феодосии. Католики и армяно-католики были в ведении декана римско-католических и армяно-католических церквей в губернии, имевшего резиденцию также в Феодосии [Памятная 1867: 216].

Греки. После присоединения Крыма к России греческих переселенцев стали называть «албанцами» (в данном случае, это были греки – выходцы с Эгейского архипелага, активно поддержавшие российские войска в войне 1768–1774 гг. и эвакуированные в Россию после снятия русским флотом морской блокады Проливов), а также «арнаутами». Из этих греков был сформирован пехотный полк, позднее переведённый в Балаклаву. Теперь он стал называться Балаклавским батальоном, а сами греки – балаклавскими. В 1859 г. это воинское формирование было расформировано. В «Памятной книжке Таврической губернии» за 1867 г. сообщалось, что греки *«ведут относительно значительную торговлю <...> занимаются хлебопашеством, виноделием и рыболовством (балаклавские, феодосийские евпаторийские и др.), огородничеством, табаководством, <...> есть каменотёсы, каменички и занимающиеся постройкой фонтанов, а также мелочною торговлю»* [Памятная 1867: 198, 212]. В путеводителе по Крыму 1914 г. приводилась такая информация: *«Греки в Крыму занимаются земледелием (Балаклава), табаководством (анатолийцы), виноделием, рыболовством (Феодосия, Балаклава, Керчь, Евпатория) и торговлей. Грека можно также встретить и в качестве ремесленника, чернорабочего, каменичка, лодочника, извозчика. В большинстве случаев греки невысокого роста, со смуглым лицом, черными курчавыми волосами и горбатым*

носом; изредка попадаются среди них и блондины с голубыми глазами. Исповедуют они православную религию, говорят по-новогречески, в большинстве случаев знают и татарский язык, в городах говорят по-русски». В конце XIX в., в соответствии с данными статистики, в губернии проживало 18 048 греков (10 616 мужчин и 7 432 женщин), а на самом Крымском полуострове – 17 114 человек. В конце 1917 г. в 90 населённых пунктах Таврической губернии уже насчитывалось 25 тысяч греков [Нейеркирхен 1914: 298; Водарский и др. 2003: 109–112, 128, 129].

Болгары. После присоединения Крыма переселенцы-болгары получили от государства по 50 десятин земли на каждого члена семьи. На 10-летний срок они были освобождены от службы в армии и от уплаты налогов. Первые колонии болгар и греков появились под Симферополем, в с. Балта-Чокрак, в Старом Крыму и в Евпатории [Памятная 1867: 198]. В 1902 г. в Таврической губернии существовало уже 16 болгарских колоний: в Феодосийском уезде – 10, в Симферопольском уезде – 5, и в Перекопском – 1 (Джанлар). «Главное занятие болгар – хлебопашество, – сообщалось в том же путеводителе 1914 г., – отчасти виноделие, скотоводство (овцеводство в Феодосийском уезде). Особенно славятся болгары, как огородники, превосходя в этом отношении даже немецких колонистов. Попадают среди болгар и ремесленники. Женщины болгарские ткнут и красят сукна и ковры» [Нейеркирхен 1914: 298, 299]. Болгарское население Таврической губернии в 1897 г. достигло цифры 41 260 человек (21 116 мужчин и 20 144 женщин), что составляло 2,8% от всего населения [Водарский и др. 2003: 109–112, 128, 129].

Немцы. В 1857 г. на долю немцев приходилось 4,23 % населения Херсонской и 2,26 % Екатеринославской губерний. В 60–70-е гг. XIX в. начался второй этап переселения в Крым немцев-меннонитов, которые приезжали, в основном, из материковой части Таврической губернии. Эта протестантская секта, проповедовавшая отказ от насилия, смирение, второе пришествие Христа, подвергалась преследованиям в Германии, и часть меннонитов вынуждена была бежать в Крым. В конце 60-х гг. XIX в. «пруссские» меннониты прислали прошение таврическому губернатору с просьбой о переселении их на свободные земли в Таврической губернии. Необходимое разрешение вскоре ими было получено, и в 1862 г. в Симферопольском уезде возникла меннонитская колония Карасан (ныне с. Ровное Красногвардейского района), а в 1882 г. – колония Спат (ныне территория пгт. Гвардейское Симферопольского района). Меннониты Крыма, проживавшие в Евпаторийском, Симферопольском

и Перекопском уездах, объединились в Спатскую меннонитскую общину. Выходцы из колоний Цюрихталь и Гейльбрун до 1890 г. основали семь колоний в Феодосийском уезде и четыре – в Симферопольском уезде. В конце XIX в. в Крыму проживало 31 950 немцев, что составляло 7% от всего населения полуострова. Немецким переселенцам, игравшим одну из ведущих ролей в экономике губернии, принадлежало более 700 тыс. десятин крымской земли. Немцы-меннониты стали заметным явлением в социально-политической и общественной жизни региона. В 1897 г. в Таврической губернии их насчитывалось 78 305 человек (39 605 мужчин и 38 700 женщин). В 1917 г. немцы составляли 1,4 % городского и 3,6 % сельского населения Крымского полуострова [Нейеркирхен 1914: 299; Лаптев 2000а: 11–21; Лаптев 2000б: 37–49; Поддубная 2020].

Чехи переселились в Крым в 1861–1862 гг., при этом часть их впоследствии вернулась на родину, а остальные мигранты (около 800 человек) основали колонии в Перекопском уезде (на территории современной Республики Крым): Табор (ныне село Макаровка Первомайского района), Цареквичи (ныне село Пушкино Красногвардейского района) и Александровку (ныне в Красногвардейском районе). В 1863 г. на месте селения Джадра богемцы и моравцы основали поселение Богемка (ныне село Лобаново Джанкойского района). Имя этой колонии дано в честь исторического латинского названия Чехии – Богемия. В апреле 1869 г. чехам выделили землю в Мелитопольском уезде, и 92 семьи основали село Чехоград (ныне село Новгородковка Мелитопольского района Запорожской области Украины).

Российское правительство планировало привлечь в Крым около 10 тыс. чешских переселенцев, однако реальная цифра переселившихся значительно меньше. В среднем по Крыму число прибывших по уездам не превышало в год 100 человек. Пик переселения чехов в Крым относится к 1862–1863 гг., причём шло оно по двум направлениям: сухопутным путём через Черновцы, минуя Херсон, через Днепр по направлению к Крыму, конечной точкой путешествия был Симферополь. Но основной поток проходил через Одессу, откуда переселенцы морем прибывали в Евпаторию, а затем уже в губернскую столицу. Основным занятием крымских чехов стало земледелие – хлебопашество и, прежде всего, выращивание пшеницы. Огородничество и садоводство носили подсобный характер. Обычно фруктовый сад и огороды находились возле дома. Занимались чехи и животноводством: в каждом хозяйстве держали коров, лошадей, свиней и различную птицу. Выпас крупного

рогатого скота имел две формы – выгонную и индивидуальную. В селении Богемка в 80-х гг. XIX в. был построен римско-католический дом, а в 1911 г. в селении Александровка возвели римско-католический собор. В 1897 г. в Таврической губернии проживало 1 962 чеха (1 024 мужчины и 938 женщин), а наибольшее их число приходилось на Мелитопольский и Бердянский уезды за пределами Крыма – соответственно, 719 и 642 человека [Дмитрук 2014: 20–31; Лаптев 1998: 58–61].

Поляки. Две крупных миграционных волны поляков прибыли в Крым в 30-х и 60-х гг. XIX в. Появление польских колонистов произошло после подавления восстаний в Царстве Польском, Северо-Западном крае и на Волыни в 1830 и 1863–1864 гг. Переселялись на опустевшие после войн и переселений татар и турок территории, в основном, безземельные и малоземельные крестьяне. Как правило, поляки селились вместе с украинцами. Поляки проживали также в городах (6 387 человек), а всего в Таврической губернии к 1897 г. их насчитывалось 10 112 тыс. чел. (7 349 мужчин и 2 763 женщины), причём наибольшее их число проживало в Мелитопольском уезде, то есть вне Крыма (2 416 человека) [Водарский и др. 2003: 109–112, 128, 129].

Эстонцы стали переезжать на полуостров вскоре после Крымской войны. Одной из причин этому послужили льготы, которые предоставляли переселенцам российские власти. На каждую мужскую душу выделялось 12–15 десятин казённой земли и 100 рублей безвозвратной ссуды. В ноябре 1861 г. эстонцам предоставили на выбор четыре уезда для поселения: Евпаторийский, Симферопольский, Перекопский и Феодосийский. Там им было выделено 36 тыс. десятин земли в опустевших после эмиграции татар деревнях. Эстонцы обосновались во всех четырёх уездах. С 1861 г. по 1863 г. в Крым приехали более тысячи эстонцев, а к 1865 г. здесь было уже четыре моноэтнических эстонских деревни. В 1897 г. эстонцев в Крыму насчитывалось 2 210 человек – 1 281 мужчина и 992 женщины (наибольшее число в Симферопольском и Перекопском уездах – 832 и 621 человека соответственно) [Маковский и др. 2014: 105–108].

Что касается **молдаван**, то о них писали: «...это исключительно пастухи, которые пасут на Яйле овец и приготавливают брынзу. Пригоняют овец молдаване из Австро-Венгрии». Число молдаван в Таврической губернии достигало в конце XIX в. 2 159 человек, а больше всего их зафиксировано в Бердянском уезде за пределами полуострова (1 508 человек).

Мусульмане

Крымские татары. Одним из первоочередных мероприятий российских властей после присоединения Крыма стала организация управле-

ния новыми территориями, а также определение административного и правового положения представителей местного «инородческого» населения. Манифестом императрицы Екатерины II от 8 апреля 1783 г. объявлялось о том, что крымские жители будут находиться под защитой правительства; им будут предоставлены те же права, что и «природным подданным» Российской империи. Императрица обещала *«охранять и защищать их лица, имущество, храмы и природную веру <...> позволять каждому из них состоянию все те правости и преимущества, каковыми таковое в России пользуется»* [ПСЗРИ 1. Т. 21: 898]. Именным указом № 15798 от 28 июля 1783 г. «О принятии Крымских жителей и прочих Татарских народов в Российское подданство» новороссийскому генерал-губернатору князю Г. А. Потёмкину предписывалось следить за соблюдением ранее обещанных прав и свобод; жителям гарантировалась и свобода религиозная. В ордере на имя А. В. Суворова Г. А. Потёмкин распорядился: *«По присоединении ныне народа Татарского к державе Е[ё] И[мператорского] В[еличества] крайне нужно дать оному чувствовать все выгоды теперешнего его состояния <...> рекомандую строго соблюдать, чтобы наши обращались с ними ласково и благосклонно так как с собратиями своими и верными Ея Величеству подданными»*. Далее новороссийский генерал-губернатор обращал внимание А. В. Суворова на то, что *«некие доброхоты рассеивают между ними будто они переселены будут невольно в другие страны»*, и велел опровергнуть эти слухи: *«Дайте знать народу несообразность таких плевел и уверьте их, что сии известия, а равно и о рекрутском с них наборе совсем ложны и неосновательны»* [Мурзакевич 1881: 272]. Нарушителей данного распоряжения Г. А. Потёмкин грозил привлечь к *«наижесточайшему»* штрафу, приказав премьер-майору Балаклавского греческого полка Чапони следить за тем, что русские войска *«удалятся от сообщения с жителями и причинения обид»* [Мурзакевич 1881: 272, 287].

В июле 1783 г. у г. Карасубазара, на вершине горы Ак-Кая представители крымско-татарской знати (среди них было *«избранное общество крымское под начальством Ширинского Бея, которое состояло из Ширинских, Мансурских, Кипчакских, Яшлавских, Соблавских, Буручацких, Даирских и Ойратских Беев, из капыхалков¹, то есть придворных, и из первейшего духовенства»*), а также представителей всех категорий на-

¹ «Капыхалки», или «капы-кулу» (дословно «раб дверей», «дворцовая стража») – служилое сословие, сформировавшееся в период правления крымского хана Сахиб-Гирея I (первая половина XVI в.).

селения Крымского полуострова присягнули на верность императрице Екатерине II; присягу лично принимал князь Г. А. Потёмкин [Иванов 1893: 73, 74]. В ордере от 12 июля 1783 г. российскому дипломату Я. И. Булгакову правитель Новороссии сообщал, что *«все знатнейшее правительства здешнего – беи, мурзы, духовенство и избранные из народа в общем здесь собрании подверглись спокойно и без принуждения в подданство Е[ё] И[мператорского] В[еличест]ва, учинили торжественную присягу, которая и по всему Крыму теперь происходит с полною тишиною и по доброй воле жителей»* [Мурзакевич 1881: 274].

Для жителей Крымского полуострова устанавливался ряд налогов и сборов: доходы *«таможенные, с соли с озёр продаваемые, с земли вместо поголовных и десятинные с произрастаний»*, причём властям предписывалось, чтобы налогообложение *«не было в тягость народную»*. Часть доходов предполагалось отпускать на *«надлежащее и нескудное содержание мечетям и служащим в оных школах их и на другие тому подобные полезные дела»*. Дальновидной мерой стало специально оговоренное право не призывать на воинскую службу представителей местного населения (прежде всего, крымских татар) без их *«собственной доброй воли и желания»* [ПСЗРИ 1. Т. 21: 986].

Одновременно происходил и процесс инкорпорации представителей крымско-татарской родовой аристократии и служилой знати в российское общество, длившийся почти столетие [Маврина 2010: 55; Хайрединова 2017: 110, 111]. Указ от 22 февраля 1784 г. № 15936 «О позволении Князьям и Мурзам Татарским пользоваться всеми преимуществами Российского Дворянства» означал, что крымские татары, наряду с прочими *«князьями и мурзами татарского происхождения, оставшимися в Магометанском законе»*, получали те же права, что и российское дворянство; исключением стал лишь запрет им на возможность *«приобретать, покупать и иметь крепостных или подданных Христианского исповедания»* [ПСЗРИ 1. Т. 22: 51]. Предусматривалось подтверждение принадлежности знати из крымских татар к привилегированным условиям и запись их в герольдические книги [Змерзла 2013: 25, 26]. Основные права дворянства Российской империи были получены крымско-татарской знатью и мурзами в соответствии с «Грамотой на права, вольности и преимущества благородного Российского Дворянства» от 21 апреля 1785 г. [ПСЗРИ 1. Т. 22: 344–358].

По указу Сената от 9 ноября 1794 г. «Об оставлении владельцев Таврической области в свободном распоряжении их поместьями, вотчинами и

тому подобными дворянскими именами с распространением права сего на их наследников» представителям мусульманского духовенства, кадиям, мурзам, ранее владевшим собственностью («землями, деревнями, садами и прочими угодьями»), а также их наследникам был дарован ряд льгот и подтверждались данные ранее права и привилегии. Однако дальнейшее приобретение имущества могло осуществляться исключительно теми, кто имел на это право в рамках российского законодательства – то есть представителями дворянства [ПСЗРИ 1. Т. 23, Отд. 1: 585–589].

4 сентября 1785 г. был обнародован указ № 16255 «О построении школ и о заведении караван-сараев при мечетях Татарских», регламентировавший постройку новых мечетей, создание школ при них и караван-сараев [ПСЗРИ 1. Т. 22: 450]. А 9 декабря 1802 г. указом № 20548 «О выдаче денег Магометанским владельцам за отходящих от них, по принятии Христианского закона, крепостных людей, по Уложению 20 главы 70 пункта» объявлялось невозможным нахождение у крепостных помещиков мусульманского исповедания крепостных из числа христиан [ПСЗРИ 1. Т. 27: 392].

Ко времени присоединения Крыма к России в Крыму по сведениям каймаканов, направленным барону О. А. Игельstromу, на полуострове функционировали 1 531 мечеть, 21 текие, 25 медресе и 35 мектебе. В состав мусульманского духовенства входили муфтий, кадиаскер, 5 кадиев, 454 хатиба, 1 113 имамов, 941 муэдзин, 103 мудерриса и 201 оджа (ученик) [Завадовский 1885: 92; Александров 1914: 212]. Для сравнения: в 1849 г. в Таврической губернии насчитывалось 1 660 мечетей, а спустя почти полвека, в 1912 г. – 105 каменных мечетей в городах и 650 в уездах, и только 6 мечетей, построенных из кирпича-сырца, или самана – при количестве жителей-мусульман в 210 472 человек, из которых 46 738 человек проживали в городах [Новороссийский календарь 1848: 79; Памятная книжка 1914: 42, 43, 46, 47]. После присоединения Крыма к России Г. А. Потёмкин распорядился назначить денежное содержание мечетям и мусульманскому духовенству [Дружинина 1959: 92].

В 1783 г. мусульманское духовенство Таврической области возглавлял муфтий Сеит-Мегмет эфенди, который, по словам Г. А. Потёмкина, «довольно оказал усердия <...> при восприятии Крыма под высочайшую <...> державу» [Иванов 1893: 76]. 7 ноября 1783 г. Сеит-Мегмет эфенди был приглашён на заседание созданного летом 1783 г. Крымского земского правительства (или Крымского правительства) [Лашков 1886: 94]. В этом учреждении, помимо крымско-татарских мурз (в период с 1783 по 1784 гг.

туда входили Аджи-Казы ага, Аггазы ага, Мегметша мурза Ширинский, Гусейн бей, Мегметша мурза Седжеутский, Мегметша мурза Аргинский, Султан Мегмет мурза, Мегметша мурза и Чатырша мурза), также заседали кадиаскер² Муслядин эфенди и его товарищ (заместитель) Мустафа эфенди. При этом, по словам современников, кадиаскер и муфтий были друг с другом *«в весьма хорошем согласии»* и оказывали *«своё усердие и верность»* [Мурзакевич 1877: 243; Макидонов 2011: 173]. Однако в декабре 1783 г. Муслядин эфенди в связи с болезнью был заменён в Крымском правительстве Якуб агой (Яковом Измайловичем Рудзевичем) [Лашков 1897: 20, 21; Прохоров 2016b: 284–287]. Что касается Мусалар эфенди (сменившего на посту муфтия в 1784 г. Сеит-Мегмета эфенди, который в свою очередь занял должность кадиаскера) [Александров 1914: 212], то В. В. Каховский, высказывавший опасения также и по поводу действий некоторых мулл и кадиев, сообщал правителю канцелярии Г. А. Потёмкину В. С. Попову, что ни он сам, *«ни здешние благомыслящие не возьмётся отвечать за его постоянство»* [Мурзакевич 1877: 273].

Вскоре Г. А. Потёмкин в разработанном им проекте об устройстве Таврической области, представленном Екатерине II на рассмотрение, рекомендовал назначить кадиаскеру и муфтию ежегодное жалование в размере 1 500 и 2 000 рублей соответственно (впоследствии размер жалования кадиаскеру был уменьшен до 500 рублей) [Иванов 1893: 76; ПСЗРИ 1. Т. 23: 482]. Высочайшим указом от 24 апреля 1784 г. Мусалар эфенди был утверждён в должности муфтия, а на посту кадиаскера – Сеит-Мегмет эфенди. Указом также предписывалось определить ещё пять должностных лиц, именовавшихся «эфендиями» – *«людей, испытанных в верности, кротости и благомыслии, которые бы, под председательством Муфтия составляя Духовное Правление, имели надлежащее надзирание над всем Духовенством Магометанским Области Таврической»* [ПСЗРИ 1. Т. 23: 482]. После смерти Мусалар эфенди в 1791 г. обязанности муфтия исполнял кадиаскер Сеит-Мегмет эфенди (до 23 января 1794 г.) [Александров 1914: 212; Макидонов 2011: 224].

18 июня 1792 г. правитель Таврической области генерал-майор С. С. Жегулин подал официальное представление в Санкт-Петербург на утверждение в должности муфтия кадиаскера Сеит-Мегмет эфенди. Кроме того, было предложено упразднить должность кадиаскера и разрешить избрать коллегия, состоявшую из шести «эфендиев» – они под

² Кадиаскер – верховный судья; глава судебной-кассационного ведомства, в подчинении у которого находились местные кадии.

руководством муфтия должны были «составлять духовную в Тавриде консисторию». 23 января 1794 г. Екатерина II подписала указ, в соответствии с которым Сеит-Мегмет эфенди вновь утвердили в должности муфтия. Одной из особенностей данного проекта стало то, что в конечном итоге всё же было принято решение не упразднить традиционную для мусульманской общины Крыма должность кадиаскера. Кроме того, в соответствии с законами шариата должность «эфенди» («господин») не соответствовала номенклатуре исламских духовных должностей [Александров 1914: 213–215]. И хотя мусульманское правление было фактически учреждено, тем не менее, иных функций, кроме как «надзирать» за духовенством, у него на тот момент не существовало; не были определены также права и обязанности его членов.

В период с 1794 по 1831 гг. предпринималось несколько попыток (в основном неудачных) законодательно утвердить права Таврического муфтиата. В сентябре 1801 г. таврический муфтий Сеит-Мегмет эфенди представил императору Александру I докладную записку (кстати, поддержанную по всем пунктам новороссийским военным губернатором И. И. Михельсоном), где он в частности указал на необходимость решения вопросов о подтверждении преимуществ и прав, дарованных крымским татарам и духовенству; о записанных по ревизии крымских татар «из духовенства в число казённых» крестьян и возвращении их в категорию духовного сословия; о вакуфных имуществах и капиталах, о наследовании имений после смерти того или иного крымского мусульманина, об определении опекунов, и роли местного исламского духовенства вообще и Таврического муфтиата, в частности [Александров 1918: 319–321]. 14 ноября 1802 г. император Александр I подписал указ, в котором распорядился рассмотреть вопрос об открытии мусульманского правления в Таврической губернии.

18 февраля 1803 г. сенатор И. В. Лопухин представил доклад по вопросу о существовании и функционировании мусульманского духовного правления, а также дал соответствующие рекомендации. Данный документ (положения которого так и не были реализованы) можно считать первым реальным шагом администрации в деле регламентации прав и обязанностей духовного правления и его членов [Бойцова и др. 2009: 129]. Следующей попыткой трансформации стало предложение новороссийского губернатора герцога А. Э. дю Плесси де Ришелье к таврическому губернатору Д. Б. Мертваго «*о лучшем духовной магометанской части устройении*», сделанное в 1805 г. во время визита герцога в

Симферополь. 28 сентября 1805 г. Д. Б. Мертваго представил доклад «Штаты духовного правления магометанского закона и правила для производства и о обязанностях духовных, так же копия Высочайших указов, кои имелись основанием при сем сочинении». Однако и этот в целом прогрессивный проект устройства мусульманского духовного правления остался только на бумаге [Александров 1918: 330, 331].

В первых десятилетиях XIX в. Таврический муфтиат все ещё не был открыт. Одной из основных причин этому стало то, что делами таврической мусульманской общины занимались сразу несколько ведомств: в их числе были Комитет министров, Департамент полиции, Министерство юстиции. В сентябре 1802 г. было учреждено Министерство внутренних дел, затем – Главное управление духовных дел иностранных исповеданий. В функции данного ведомства входил надзор за делами католического, армяно-григорианского и протестантских вероисповеданий, а также духовные дела мусульман, евреев, караимов и ламаистов.

Тем не менее, законотворческая деятельность, направленная на регулирование вопроса о мусульманском духовном правлении, продолжалась. Так, 23 ноября 1826 г. были утверждены правила «о порядке определения кадиев в Крыму» [ПСЗРИ 1. Т. 1: 1239]. Этим документом устанавливались функциональные обязанности таврического муфтия и кадиаскера, по представлению которых губернатор утверждал уездного кадия из нескольких кандидатов. В свою очередь, губернатором назначалась дата выборов в том уездном центре, где требовались услуги кадия. 22 марта 1829 г. обнародовали указ «О вакуфских в Крыму имениях», которым регламентировалась система вакуфной собственности (например, разъяснялись общие правила о вакуфах, а именно, о духовном и частном вакуфах) [ПСЗРИ 1. Т. 4: 189–192]. А в 1830 г. был принят указ «О неотступлении от общих правил при погребении магометан», в который было включено мнение таврического муфтия Сеит-Джемилъ эфенди относительно правил погребения мусульман в Крыму [ПСЗРИ 1. Т. 5, Ч. 1: 396–398].

Наконец, 23 декабря 1831 г. в именном указе Правительствующему Сенату предписывалось: *«Признав необходимым дать предназначенному ещё в 1794 г. Таврическому Магометанскому Духовному Правлению надлежащее, твёрдое и полное образование и определить с точностию правила производства Духовных дел Магометан, обитающих в губернии Таврической и некоторых местах Западных Губерний Империи Нашей, Главное Управление Духовных дел Иностранных Исповеданий <...>*

составило проект Положения о Таврическом Магометанском Духовенстве и порядке отправления подлежащих ведению его дел» [ПСЗРИ 1. Т. 6. Ч. 1: 337]. Этим документом закреплялось Положение о ТМДП, а также был утверждён его штат; устанавливалось разделение мусульманского духовенства на высшее и приходское. Председателем правления стал таврический муфтий, а его членами – кадиаскер и пять уездных кадиев (симферопольский, феодосийский, перекопский, евпаторийский и, до 1839 г. – ногайский, а с 7 апреля 1841 г. – ялтинский). В состав канцелярии ТМДП вошли секретарь, переводчик, два столоначальника, «журналист» (архивариус), шесть канцелярских служащих и сторож. 29 ноября 1832 г. на заседании Таврического губернского правления утвердили решение об официальном открытии духовного правления.

Позднее были приняты Уставы ДДДИИ, в которых, на основании «Положения» 1831 г., утверждались права и обязанности мусульманского духовенства и духовного правления (этот документ был опубликован в 1857 г.). Второй Устав появился в 1913 г.: он включал законодательные акты, касавшиеся мусульманского населения Таврической и Западных губерний, функционировавшие и принятые к началу XX в. Законом «О управлении духовных дел магометан» (1913) подтверждалось основное разделение мусульманского духовенства Крыма на высшее и приходское [Бойцова и др. 2009: 140–142].

Должность таврического муфтия вплоть до 1891 г. являлась выборной, и кандидатуры на этот пост утверждались собранием мусульман Таврической губернии. В выборах имели право участвовать представители высшего мусульманского духовенства, старшие из приходских чинов (хатипы, имамы и муллы губернского и уездных городов), мурзы Таврической губернии, главы волостей или по одному депутату от каждой волости. 27 мая 1891 г. законом «О порядке замещения должностей таврических муфтия и кадиаскера» существовавший порядок избрания изменили, и таврические муфтии отныне назначались непосредственно министром внутренних дел из «магометан духовного звания или из магометанских дворян, не имеющих сего звания», и затем утверждались «Высочайшей властью» [ПСЗРИ 3. Т. 11: 309]. В должности таврического муфтия в разные годы состояли Сеит-Мегмет эфенди, Мусалар эфенди, Сеит-Мегмет эфенди (вторично), Сеит-Муртаза-Челеби эфенди, Аджи-Абдураим эфенди, Сеит-Джемиль эфенди, Сеит-Джемиль эфенди-оглу Эмиров, князь Али бей Хункалов, и. о. муфтия Сеит-Якуб

эфенди (1883–1886), и. о. муфтия Абдуль-Керим эфенди (1886–1891), Аджи-Али эфенди Усеин-оглу, Мемет мурза Кипчакский, Адиль мурза Карашайский, и. о. муфтия Джелал мурза Кунтуганский (1916), Селямет мурза Кипчакский, а также временный муфтий Номан Челебиджихан Челебиев (1917–1918) [Прохоров 2017: 304–309].

Проблема крымско-татарской эмиграции. По принятой классификации, первая волна эмиграции крымских татар относится к 1784–1800 гг., вторая – к 1800–1812 гг., третья длилась с 1854 по 1862 гг., четвертая пришлась на 1873–1877 гг., пятая была в 1892–1894 гг., и шестая – в 1901–1904 гг. [Золотарев 2000: 12–14; Золотарев 2001: 98–104; Дмитриев 2018: 43]. Выработка единого мнения по поводу состава и числа эмигрировавших из Крыма татар затруднена в связи с противоречивыми данными источников. В соответствии с архивными документами, в 1783 г. одной из первых крупных партий переселенцев стала группа крымских татар численностью 10 000 человек, покинувших полуостров через Кинбурн [Мурзакевич 1881: 289]. Предположительно, всего в первую эмиграцию крымских татар в Турцию ушло около 100 000 человек, а осталось 70–80 тысяч [Маркевич 1928: 388]. Наблюдается расхождение и в оценках относительно состава эмигрантов. В ордере на имя командующего российскими войсками в Крыму генерал-поручика графа А. Б. де Бальмена 23 июня 1783 г. Г. А. Потёмкин объявил, чтобы жителям из числа крымских татар, изъявивших желание покинуть полуостров, не чинили никаких препятствий: *«удаление некоторых татар из Крыма подтверждаю в оставлении в полной том свободы <...> выезжающим из Крымского полуострова татарам отнюдь не было делается в том препятствий»*, при этом им предоставлялась возможность *«ехать куда пожелают»* [Мурзакевич 1881: 269, 289]. Уже 18 июля 1783 г. генерал-губернатор Новороссии подписал ордера, разрешающие выезд из Крыма нескольким десяткам семей крымско-татарских мурз [Мурзакевич 1881: 275, 277]. Что же касается тех татар, которые в соответствии с докладом А. Б. де Бальмена собирались переселиться с территории Таманского полуострова в Крым, то Г. А. Потёмкин приказал *«таковой переход пресечь, до дальнейшего впрядь распоряжения»* [Мурзакевич 1881: 270]. А в ордере Г. А. Потёмкина, переданном барону О. А. Игельstromу в 1784 г., светлейший князь сделал распоряжение относительно крымских татар, пожелавших покинуть полуостров: *«степных никого не пускать. Мурз – кто хочет»* [Озенбашлы 1992: 70].

Существует мнение, что южнобережные жители и татары, населявшие горный Крым, в Турцию не уходили. В 1787 г., в связи с начавшейся русско-турецкой войной, часть крымских татар (в основном, проживавших в приморских городах и сёлах) принудительно переселили вглубь полуострова, а также за Перекоп [Мурзакевич 1877: 278, 282; Списки 1865: XXXVII]. Таким способом власти хотели обезопасить себя от возможного антироссийского восстания. В последующие годы полуостров оставляли *«преимущественно и даже почти исключительно татары степной и предгорной частей Крыма»* [Маркевич 1929: 15].

В соответствии с противоположной точкой зрения, уезжали именно татары Южного берега Крыма и жители гор – недавние непосредственные подданные турецкого султана [Кримський 1930: 105; Памятная 1867: 157]. При этом и орды ногайцев вынужденно эмигрировали на Кавказ и частично в Турцию – в известной степени, это было вызвано правительственными указами, в которых предлагалось переселить ногайских татар со всем имуществом на Урал [Мачанов 1929: 63].

Этнический и конфессиональный состав населения Крымского полуострова претерпел существенные изменения после Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. Произошло это, в первую очередь, в связи с очередной волной эмиграции крымских татар в Турцию. По приблизительным данным, только за 1855 г. общая убыль крымско-татарского населения достигла примерно 18 500 человек обоюбого пола. Всего в 50-х гг. XIX в. численность крымских татар на полуострове снизилась с 267 400 до 241 900 человек [Водарский и др. 2003: 96, 97]. Масштабы исхода максимально ускорились в самом начале 60-х гг. XIX в., когда эмигрировало еще порядка 130 000 человек [Там же: 104].

Переселение в 50-х гг. XIX в. подданных из украинских и южнорусских губерний, последующее закрепление на земле отставных солдат и матросов не существенно повлияли на изменение этнической и конфессиональной структуры населения Крымского полуострова. Тем не менее, несмотря на быстрый рост численности и доли украинцев в населении региона, они не были преобладающим этносом в Таврической губернии. В 80-е гг. XIX в. в Российской империи вновь увеличился объем внутренних земледельческих миграций, при этом Новороссия продолжала оставаться регионом наиболее интенсивного заселения (общий объем мигрантов – до 900 000 человек). Вследствие этого крупные размеры приобрело эмиграционное и иммиграционное движение; значительно усилился приток переселенцев в города. Все эти причины привели к тому, что к концу XIX в., по мере

сокращения численности крымских татар, в Крыму сформировались русская и украинская этнические территории. Если на 1858 г. в Крыму проживало 331 300 человек (73% крымских татар, 12,6% русских, 4% украинцев, 2,4% греков, 2% цыган, 1,8% евреев, 1,5% немцев, 1,3% армян, 0,8% караимов, 0,6 % болгар), то уже в 1864 г. показатели существенно изменились [Водарский и др. 2003: 96, 97]. Теперь на долю русских и украинцев приходилось 28,5%, 6,5% – греков, 5,3% – евреев, 2,9% – армян, 2,7% – немцев, 1,7% – караимов и 1,6% – болгар [Там же: 128]. Удельный вес этих народов в структуре населения увеличился из-за выселения крымских татар, тогда как доля последних упала до 50,3 % [Там же: 106].

Во второй половине XIX в. численность восточных славян (русских, украинцев и белорусов) превысила численность крымских татар уже более чем на 22%, а в целом преобладание христиан разных конфессий над мусульманами составило около 25%. Во второй половине XIX в. на полуостров устремилось большое количество переселенцев. Началась массовая миграция евреев-ашкеназов в Крым из северных губерний Российской империи (современных Польши, Белоруссии и Литвы). В связи с этими процессами значительно увеличилась доля городского населения – к 1897 г. оно составляло 41,9% к общей численности населения края [Водарский и др. 2003: 100–107, 126–129].

По-прежнему проживали в Крыму *цыгане*. Местами их оседлого жительства были Карасубазар, Симферополь, Бахчисарай. В 1790 г. в Крыму насчитывалось до 3200 цыган обоюго пола, которые, как сообщалось в официальных изданиях того времени, *«скитаются по всему полуострову, некоторые упражняются в кузнечном ремесле, другие торгуют лошадьми»* [Памятная 1867: 16]. О религиозной принадлежности крымских цыган имеется много противоречивых сведений: от неофитской преданности и строгого следования религиозным догматам до *«тайного фетишизма»* [Араджиони 2004: 253]. Основной конфессиональной принадлежностью цыган в Крымском ханстве в XVIII в. являлся ислам. В Таврической губернии большинство цыган также являлись мусульманами. Среди цыган выделялось несколько групп: «гурбеты» или, как они сами себя называли, «туркмены» и собственно цыгане, самоназвание которых было «рома». В свою очередь, «рома», исходя из профессиональной специализации, подразделялись на более мелкие группы: «аюджи» («медвежатники» – вожаки медведей), «элекчи» (ситочники), «демерджи» (кузнецы), «халайджи» (лудильщики), «кумышчи» (золотых и серебряных дел мастера), «даулджи» (музыканты) [Араджиони 2004: 242].

В 1860-х гг. численность цыган в Крыму составляла 8 000 человек. Они состояли из старожильческого цыганского населения (*чингене* с самоназванием *урмачель*) и позднейших мигрантов, прибывших в Крым из Бессарабии – аюджи с самоназванием рома [Смирнова-Сеславинская 2016]. О цыганах писали, что *«они приняли магометанство, говорят на татарском языке, называют себя “туркменами” и усвоили многие татарские обычаи <...> Цыгане торгуют лошадьми, ношеным платьем, занимаются кузнечным ремеслом, извозом, мелкими ремёслами, попадают среди них музыканты»* [Нейеркирхен 1914: 300, 302, 303].

Помимо вышеперечисленных категорий населения, в Таврической губернии проживали этнические *турки* (2 197 человек), а также представители других национальностей.

Иудейские общины Крыма

Евреи-раввинисты. На Крымском полуострове в 1783 г. насчитывалось 56 796 мужчин нехристианского населения, в том числе 1 407 «жидов» (раввинистов и караимов) [Лашков 1916: 159; Домбровский и др. 1867: 151; Лашков 1888: 39; Водарский и др. 2003: 87]. Вскоре в Крым было переселено значительное число представителей различных этносов и конфессий. С 1791 г. евреям-раввинистам (или так называемым «польским евреям») было разрешено селиться в Новороссии (в Екатеринославской, Херсонской губерниях и Таврической области, а с 1812 г. – и в Бессарабской области); с 1794 г. они получили право на проживание в северо-восточных губерниях Украины (Черниговской и Полтавской). На Крымский полуостров активно переселялись евреи-ашкеназы, которые обосновались в Керчи, Симферополе, Севастополе, Евпатории, Феодосии (где они частично вливались в местные крымчакские общины).

В феврале 1788 г. в порядке на имя правителя Таврической области В. В. Коховского Г. А. Потёмкин распорядился о том, чтобы представителей различных этнических и конфессиональных общностей, ранее причисленных Таврической областной казённой палатой к мещанскому и купеческому сословиям, *«в сходственность узаконений обложить <...> некоторым платежом в казну для приращения Государственных доходов»* [Лашков 1890: 8]. С 23 июня 1794 г. для евреев Минской, Изяславской, Брацлавской, Полоцкой, Могилёвской, Киевской, Черниговской, Новгород-Северской, Екатеринославской губерний и Таврической области устанавливалась двойная норма налогообложения: *«Позволил евреям отправлять мещанские и купеческие промыслы их <...> записы-*

ваться по городам в мещанство и купечество, повелеваем с тех из упомянутых евреев, которые таковым дозволением пользоваться желают, собирать с 1 числа следующего июля установленные подати вдвое противу положенных с мещан и купцов христианского закона разных исповеданий» [ПСЗРИ 1. Т. 23: 532]. Отметим, что данный шаг правительства весьма негативно отразился на экономическом положении евреев Российской империи. Правда, вскоре они получили, в соответствии с указом № 17432 от 21 января 1796 г., право откупа (по 500 рублей за одного человека) от обязанности предоставлять рекрутов для военной службы [ПСЗРИ 1. Т. 23: 857, 858].

В 1804 г. в Таврической губернии была проведена перепись еврейского населения, которая была приурочена к изданию Высочайше утверждённого 9 декабря 1804 г. «Положения об устройстве Евреев». Документом, разработанным для *«умеренности и попечению об истинном благе Евреев, столько и основанными на пользах коренных обывателей тех Губерний, где людям сим жить дозволяется»*, определялись права и свободы еврейского населения. В частности, перечислялись территории империи, где евреи могли жить и торговать – тем самым, правительство ограничивало их расселение во внутренних губерниях Российской империи, создав «черту оседлости» (в число губерний, в которых евреям дозволялось жить, вошла и Таврическая губерния). Реформа была призвана улучшить материальное благосостояние евреев, и, что более важно, защитить христиан от «еврейской эксплуатации» [ПСЗРИ 1. Т. 28: 731–737]. По окладным книгам 1805 г. в Таврической губернии насчитывалось: купцов-христиан – 828 человека, купцов из числа евреев – 29 человек; мещан-христиан 2 346, мещан-евреев – 451 человек [Шабад: 669–672]. Тем не менее, следует заметить, что вплоть до второй половины XIX в. статистика населения носила в Российской империи фискальный характер, и евреи оказывали упорное сопротивление любой попытке властей «считать головы», опасаясь, что это приведёт к увеличению налогов, призыва в армию и т. п. [Россия 1994: 382–390]. Данные VI и VII ревизий продемонстрировали, что к 1816 г. число мужского еврейского населения в Таврической губернии составило около двух тысяч человек, однако достоверность этих сведений вызывает сомнения, так как в окладных книгах, составленных за годы, прошедшие между ревизиями, еврей-раввинисты не всегда были отделены от караимов [Водарский и др. 2003: 81, 123].

28 декабря 1828 г. был обнародован Сенатский указ «О воспрещении Евреям, выходящим из Царства Польского, водворяться в России»,

где говорилось: *«воспрещено Евреям переселение из-за границы в Россию и водворение их в оной, на тот конец, дабы преградить чрезвычайное размножение в России сих людей более вредных, нежели полезных для Государства»* [ПСЗРИ 1. Т. 3: 1228, 1229]. В 1829 г. император Николай I объявил, что евреи, не служащие в армии, должны были покинуть Севастополь и Николаев, поскольку их пребывание там власти сочли *«неудобным и вредным»* (находившимся на военной службе солдатам и матросам из числа евреев оставаться в городе разрешалось) [ПСЗРИ 1. Т. 4: 790]. 20 ноября 1829 г. был обнародован указ *«О воспрещении неслужащим евреям иметь постоянное пребывания в Севастополе и Николаеве»*. *«Евреи не должны иметь в Севастополе и Николаеве постоянного пребывания, – говорилось в документе, – ни заведений для отправления обрядов их, равным образом не могут они приписываться к тамошним городским обществам. 2) Евреи, имеющие ныне в Севастополе и Николаеве оседлость, или только приписанные к эти городам, должны в течение одного года переписаться в другие города, открытые для постоянного их пребывания»* [ПСЗРИ 1. Т. 4: 790]. К 1832 г. все евреи, кроме семей служивших солдат и матросов, были выселены из Севастополя. Лишь в 1859 г. евреям вновь разрешили постоянное жительство: в Николаеве – всем (закон от 24 марта 1866 г.), а в Севастополе – лишь почётным гражданам, производящим торговлю *«с запиской в гильдии»*, а также купцам обеих гильдий [ПСЗРИ 2. Т. 41. Отд. 1: 316–318].

13 апреля 1835 г. вступило в силу новое *«Положение о евреях»*. В Белоруссии евреям разрешалось проживать только в городах, в Малороссии – везде, кроме Киева и сел, принадлежащих казне, в Новороссии – во всех населённых пунктах, за исключением Николаева и Севастополя; в прибалтийских губерниях могли жить только их уроженцы (*«старопоселенцы»*). Евреям было запрещено селиться в 50-верстной пограничной полосе. Во внутренние губернии им разрешалось приезжать не более чем на срок в шесть недель по паспортам, выдаваемым губернаторами, и при обязательном условии ношения русской одежды. Был также подтверждён запрет христианам работать в домах евреев [ПСЗРИ 2. Т. 10: 308–323]. 19 декабря 1844 г. в принятом правительством *«Положении о подчинении Евреев в городах и уездах общему управлению, с уничтожением Еврейских кагалов»* на органы городского самоуправления возлагались обязанности по учёту еврейского населения [ПСЗРИ 2. Т. 19. Отд. 1: 887].

О представителях еврейского населения губернии в официальной прессе середины XIX в. сообщалось, что, после переселения в Крым они

«занимаются торговлею, ремёслами, маклерством, а главное, водочною и другою питейною продажею <...> с некоторого времени занялись они и другими видами промышленности, содержанием почтовых станций и мелкими подрядами» [Военно-статистическое обозрение 1849: 104]. Однако общий тон высказываний о евреях-раввинистах обуславливался ксенофобскими настроениями некоторых ригористично настроенных кругов российского общества. Особенно ярко это проявлялось в отношении принимавшихся правительством постановлений, направленных на уравнивание караимов в гражданских правах с русским населением. Например, некоторые печатные издания сообщали, что караимы «гораздо человечнее, общезителнее, искреннее и дружелюбнее», чем евреи; губернская администрация сообщала об «их доброй нравственности, безукоризненной честности и примерном трудолюбии» [Евреи-караимы 1843: 111]. Отмечалось также, что караимы «народ бодрый, серьёзный, честный, справедливый, весёлый, миролюбивый, чистоплотный, разумный <...> Всех этих качеств нельзя найти в евреях» [Кондараки 1875: 7].

Некоторое ослабление политики государства в отношении евреев во второй половине XIX в. было во многом обусловлено либеральными реформами императора Александра II, отменившего ограничения «черты оседлости» для еврейской экономической элиты. Тем не менее, в контексте антиеврейского курса правительства Александра III вскоре принимаются новые ограничения для евреев – например, вводятся запреты на профессиональную деятельность и процентную норму в учебных заведениях. В губерниях «черты оседлости» процентная норма для мужских гимназий и университетов была установлена в размере 10% от числа всех учеников, в остальных регионах России – 5%, в Москве и Петербурге – 3% [Гимпельсон 1915: 534, 535]. Студентов и учащихся гимназий из числа евреев обвиняли в распространении революционной пропаганды.

В конце 80-х – начале 90-х гг. XIX в. в России проводилась политика очищения внутренних губерний от евреев. Так, в 1893 г. из «черты оседлости» исключили Ялту – как место отдыха императорской семьи. В этом городе могли оставаться и вновь селиться только евреи, имевшие право повсеместного жительства, а также приписанные к различным городским обществам (тем не менее, жёнам тех евреев, кто имел право повсеместного жительства, приезжать на отдых в Ялту, равно как и приобретать там недвижимость, без мужей запрещалось) [Гимпельсон 1914: 150–158, 160, 174, 175]. В манифесте 12 декабря 1904 г. декларировался «пересмотр законов, ограничивающих права инородцев»,

однако с оговоркой, что будут сохранены те из ограничений, «которые вызываются насущными интересами и явной пользой русского народа». На фоне ужесточения антисемитской политики и пропаганды, продолжившейся при императоре Николае II, в конце 1890-х – начале 1900-х гг. Россию вновь потрясла волна погромов. Например, одним из проявлений ксенофобии и нетерпимости в обществе стал еврейский погром в Симферополе в сентябре 1905 г. [Клейнершехт 1907: 148; Королев 2004: 168–169]. Однако в манифесте от 17 октября 1905 г., предоставившем населению России основные гражданские права, об отмене ограничений для евреев не упоминалось.

Некоторое ослабление антиеврейского законодательства наметилось после Русско-японской войны 1904–1905 гг., однако оно носило локальный характер: право повсеместного жительства в империи получили советники коммерции и мануфактур, «беспорочно прослужившие» участники войны и члены их семей. В пределах «черты оседлости» (в сельской местности) разрешили проживать купцам 1-й гильдии и некоторым категориям ремесленников. Жены и дети евреев с высшим образованием получали право повсеместного жительства отдельно от главы семьи и приобретения недвижимости «всюду, где евреям это дозволено» [Прохоров 2016с: 180, 181].

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. зафиксировала в Таврической губернии следующие статистические показатели: на основании родного языка численность еврейского населения составила 55 418 человек (или 3,8% всего населения губернии), при этом караимов и жителей из числа евреев насчитывалось 8 911 человек. В городах евреев проживало 34 248 человек, или 11,8%. По вероисповеданиям численность иудейских общин (евреев, караимов и крымчаков) достигала цифры 60 752 (31 499 мужчин и 29 253 женщины), то есть 4,2% от общего населения Таврической губернии [Таврическая губерния 1904: V, IX, IX, 93]. Статистика еврейского населения за последующие годы имела такие показатели: в 1904 г. в Таврической губернии проживало 50 625 евреев, в 1907 г. – 52 210, в 1910 г. – 53 714, а в 1912 г. – 71 035 человек [Шабад: 669–672; Памятная книжка 1914: 42, 43].

Организация религиозной жизни евреев-раввинистов. Местом отправления религиозных обрядов и учения, а также общинными центрами у евреев-раввинистов служили синагоги: в Таврической губернии в 1912 г. их насчитывалось 66 (50 каменных строений и 16 деревянных, причём в городах их было, соответственно, 26 и 10, а в уездах – 24 и 10)

[Памятная книжка 1914: 46, 47]. В Симферополе в конце XIX – начале XX в. функционировало, по некоторым данным, шесть синагог; одной из архитектурных доминант центра города стала возведённая в 1881 г. Хоральная синагога, с большим двусветным залом с балконом для женщин («вейбершул»). Помимо этого, в городе действовали синагоги «Бейт га-Мидраш» («Дом учения»), «Нер-Томид» («Неугасимая свеча», 1894 г.), «Егия-Капай» («Труд рук моих»), «Эц-Хаим» («Древо жизни»), «Бейт-Яков» («Дом Иакова»), а также молитвенный дом при Еврейской больнице. В 1911 г. в Евпатории состоялись торжества по случаю закладки зданий новой еврейской синагоги (вместо старой, «Торговой синагоги»), и синагоги еврейских ремесленников («Егия-Капай») [Хроника 1911: 84]. В Феодосии одним из древнейших культовых зданий на территории Крымского полуострова являлась еврейская синагога, построенная в 1309 г. В Севастополе в конце XIX в. действовало две синагоги – Хоральная синагога и еврейский молитвенный дом [Адрес-календарь 1911: 89].

При каждой синагоге состоял раввин, а также староста, казначей и учёный; кроме того, должность казённого раввина при еврейской общине подразумевала выполнение ряда обязанностей, как то: принимать присягу у евреев-новобранцев, вести книги записи рождений, бракосочетаний и смертей, в дни государственных праздников произносить в синагоге патриотические проповеди (чаще всего на русском языке) и т. п. Должность неперемennого члена всех еврейских духовных правлений в 1912 г. в Таврической губернии занимал раввин Ф. А. Перельман; он же состоял на посту раввина симферопольской Хоральной синагоги (до него эту должность многие годы исправлял выпускник Виленского раввинского училища А. И. Тырмос).

Крымчаки. Самоназвание евреев-раввинистов Крыма средневекового периода – *иехуди*, а в более позднее время (конец XIX – начало XX вв.) – *кьрымчах* (*крымчаки*). Название «крымчаки» («евреи-крымчаки») впервые появляется в официальных русских источниках с 1859 г. – возможно, термин был призван отличать крымских евреев-раввинистов от караимов, а также от евреев-ашкеназов [Ачкинази 2000: 94]. На момент присоединения Крыма к России крымчакская община Крыма состояла из 600–800 человек [Куповецкий 1983: 82]. В петиции к российскому императору Александру I от 12 мая 1818 г. крымчаки именовали себя «бени Исраэл» («сыны Израиля»); авторы прошения, Яаков Борух и Мордехай-Шалом бен Элиэзер, обратившиеся к государю за «*помощью и вниманием*», сообщали, что численность общины достигала 150 се-

мейств (ок. 750–900 человек). В документе указано, что в 1813 г. карасубазарские крымчаки (среди которых было до 50 лавочников, ремесленников, торговцев, а также ростовщиков) пострадали от эпидемии чумы, а в 1815 г. – от наводнения; в этот период экономическое и культурное положение общины находилось на довольно низком уровне [Ачкинази 2000: 84; Кизилев 2004: 270–283]. Основная масса крымчаков проживала в Карасубазаре; лишь с середины XIX в. они переселяются в Симферополь, Феодосию, Керчь, Бахчисарай. В 1847 г. ортодоксально-еврейское население Таврической губернии состояло из 2 837 человек; подавляющее большинство из них являлись крымчаками. По данным «Первой всеобщей переписи населения Российской империи» 1897 г. насчитывалось 3 345 крымчаков; в 1912 г. в Российской империи проживало 7 500 крымчаков.

За столетия существования Крымского ханства крымские евреи подверглись значительной тюркизации – они переняли язык, многие обычаи и традиции крымских татар. Верующие крымчаки – иудеи, однако их литургия отличалась и от сефардского, и от ашкеназского ритуалов. Смешение в Крыму выходцев из разных общин привело к возникновению особой формы обряда, включающего элементы, характерные для различных толков. В начале XVI в. была создана собственно крымская литургия – так называемый «Ритуал Кафы» (разработанный рабби Моше га-Голе – он был взят в плен татарами и привезён в Крым в 1506 г.), что позволило объединить представителей разноэтничных иудейских общин полуострова на основе старожильческой тюркоязычной иудейской общины [Шапира 2010: 24]. Языком общения внутри общины был крымчакский этнолект крымско-татарского языка, а языком богослужения, деловой переписки, научных и теософских трудов до начала XX в. оставался иврит. Свои религиозные службы крымчаки проводили в молитвенных домах – *кѡаалах*.

Значительное влияние на крымчакскую общину оказала просветительская деятельность приглашённого в Крым из Турции Хаима Хизкиягу Медини, состоявшего в должности раввина в Карасубазаре в 1866–1899 гг. Его деятельность способствовала повышению духовного и культурного уровня общины крымчаков. Х. Медини внёс ряд изменений в обычаи общины (в соответствии с догматами сефардов), основал несколько школ и иешиву (учебное заведение для подготовки духовенства и учителей). Быт крымчаков напоминал быт крымских татар, а патриархальный уклад в семье сохранился вплоть до конца XIX в. О крымчаках

сообщалось, что они «*живут почти исключительно в городах, занимаются торговлей, ремёслами <...> очень близки к караимам*»; их также отличала «*горячая привязанность к своему родному, к религии, любовь к родной старине, полная патриархальность семейного уклада жизни*» [Статистический 1915: 25].

Община крымчаков Карасубазара в 1844 г. ходатайствовала об освобождении их от свечного сбора, однако эта просьба не была удовлетворена. Тем не менее, крымчакской общине все же предоставили некоторые льготы в области налогообложения и рекрутчины. Кроме того, запрет евреям приобретать в Крыму земельную собственность в 1861 г., благодаря вмешательству новороссийского генерал-губернатора графа А. Г. Строганова, правительством утверждён не был. Вскоре власти обратили внимание и на проблему крымчакского народного образования, находившегося, как свидетельствовали многие современники [Тавричанин 1898], на более низком уровне, чем у представителей других национальностей. Две начальные школы для детей крымчаков с преподаванием на русском языке были впервые открыты в Симферополе (1902) и в Карасубазаре (1903).

Караимы. Правовой статус и организация органов конфессионального самоуправления. После присоединения Крыма к России караимы приняли активное участие в процессах, связанных с оформлением гражданско-правового статуса, где основной целью стала борьба за признание их общностью, отличающейся от евреев-раввинистов, при этом главным доводом стал тезис о непризнании караимами Талмудического учения. После обнародования указа о том, что евреи с 1 июля 1794 г. должны были платить двойной промысловый налог, к правителю Новороссии графу П. А. Зубову с ходатайством об освобождении от уплаты этого налога обратились крымские караимы – в связи с тем, как указывалось в прошении, что для них это было «сколько отяготительно, столько и постыдно» [Кириенко 1895: 20, 21]. В 1795 г. в Санкт-Петербург отправилась делегация влиятельных членов караимской общины (в неё вошли купец Шломо «Чабак» Бабович, бывший управляющим финансами и заведующий монетным двором крымского хана Шагин-Гирея Биньямин бен Шмуэль Ага, а также караимский гахам Чуфут-Кале Йицхак бен Шломо), уполномоченных представлять интересы караимов.

В заключении, составленном по итогам этого визита и представленном П. А. Зубовым императрице Екатерине II, говорилось, что караимы,

в отличие о евреев-раввинистов, *«живут на местах пребывания своего мирно и постоянно, упражняются в разных рукоделиях трудолюбиво, поведением своим, тишиною и доставляемою пользою всей Тавриде со стороны распространения полезных рукоделий и торговли, заслужили от начальства особливую похвалу и уважение»*, а также *«отправляют по выборам службу и должности с возможным усердием»*. 8 июня 1795 г., в соответствии с Высочайшим рескриптом, крымских караимов освободили от двойного налогообложения, уплаты «рекрутских» денег и солдатского постоя, однако с оговоркой, *«чтобы в общество сих караимов не входили из тех евреев, как известны под именем Рабинов»* [ПСЗРИ 1. Т. 23. Отд. 1: 705].

В отличие от российских евреев-раввинистов, испытывавших на себе все тяготы принятого правительством антиеврейского внутриполитического курса, караимы пользовались режимом наибольшего благоприятствования в сфере гражданского законодательства. Развитие промышленности и торговли вскоре привело к тому, что после присоединения Крыма к России многие караимы избрали новые территории для своей экономической деятельности, переселившись из традиционных мест проживания в крупные города юго-западных губерний Российской империи. Проникновение в караимскую среду просветительских идей, активная интеграция караимской молодёжи в русское культурное и образовательное пространство, появление среди караимов крупных землевладельцев, фабрикантов, промышленников стало причиной появления караимских общин в большинстве губерний Российской империи.

Проявляя различные инициативы в рамках российского правового поля и тесно контактируя с представителями различных ветвей власти, лидеры караимских общин смогли добиться от правительства ряда важных уступок. Так, 27 ноября 1827 г. императором Николаем I было сделано распоряжение об освобождении караимов от рекрутского набора [Ачкинази 2000: 88; Гаммал 2015: 157]. Кроме того, российское правительство в первой половине XIX в. принимает ряд законов и постановлений, в которых закреплялись права караимского населения [Прохоров 2015: 76–88]. Наконец, в марте 1837 г. было принято «Положение об учреждении Таврического Караимского духовного правления», которому предоставлялось право регулировать религиозную деятельность внутри караимских общин. *«Живущие в пределах Таврической губернии караимы ходатайствуют об устроении состояния их духовенства и о*

даровании им некоторых из тех прав, которыми пользуется тамошнее магометанское духовенство» [ПСЗРИ 2. Т. 12. Отд. 1: 132]. Проект, составленный неофициальным главой караимской общины Крыма, евпаторийским купцом 1-й гильдии Симхой бен Шломо Бабовичем, фактически повторял основные положения об организации Таврического мусульманского духовного правления; различия состояли только в конфессиональной составляющей и некоторых деталях. Правление первоначально было названо «Крымским и Одесским караимским обществом Таврического губернатора».

В соответствии с «Положением» о караимском духовном правлении, выборы и назначение караимского гахама (духовного главы караимов) осуществлялись на съезде представителей всех караимских общин в Евпатории, путём прямого голосования. Собрание по выборам гахама считалось правомочным, если в нем участвовало не менее половины представителей от общин: от каждой общины по одному человеку (впоследствии этот пункт был изменён, и выборы проводились на основании принципа пропорциональности). Таврический губернатор предоставлял министру внутренних дел сведения о двух кандидатах, набравших наибольшее число голосов; в свою очередь, министр утверждал в должности караимского гахама одного из кандидатов, представляя своё мнение в Правительствующий Сенат. 4 апреля 1839 г. был утверждён указ за № 19266 об утверждении в должности Таврического и Одесского караимского гахама Симхи бен Шломо Бабовича [ПСЗРИ 2. Т. 14. Отд. 1: 348, 349].

Возглавлял караимское духовное правление *гахам*, а членами правления являлись *газзаны* (должность, аналогичная должности раввина). Последние имели право совещательного голоса, а гахам – решающего. При каждой караимской кенасе состояло по два газзана (старший и младший) и *шамаш* (староста кенасы), избравшиеся караимскими общинами. По согласованию с гахамом и по его представлению кандидаты на духовные должности утверждались губернатором, после чего они приносили присягу на верность российскому престолу. В разные годы пост Таврического и Одесского караимского гахама занимали: Симха Бабович (с 1839 по 1855 гг.), Шломо бен Авраам Бейм (и. о. гахама в 1855–1857 гг.); Нагаму (Бабакай) бен Шломо Бабович (в 1857–1879 гг.); Самуил Моисеевич Панпулов (с 1879 по 1911 гг.), старший газзан Самуил Моисеевич Нейман (и. о. гахама с 1912 по 1915 гг.), Серайя Маркович Шапшал (в 1915–1920 гг.) и старший газзан Борис Саадьевич Ельяшевич

(и. о. гахама с 1920 по 1925 гг.). Число газзанов обычно соответствовало количеству караимских кенас, или молитвенных домов.

Закон, принятый 8 апреля 1863 г., окончательно закрепил статус караимов в российском правовом поле: «*Караимы, находясь под покровительством общих законов Российской Империи, пользуются всеми правами, предоставленными русским поданным, смотря по состоянию, к которому кто из них принадлежит*» [ПСЗРИ 2. Т. 38. Отд. 1: 303]. С этого момента караимы официально получали право служить в армии, учиться в университетах, занимать государственные посты и т. п.

Религиозные обряды караимы отправляли в кенасах (так после 1911 г. назывались караимские синагоги) и молитвенных домах [Прохоров 2011: 174–204]. В 1861 г. в Таврической губернии насчитывалось 7 караимских кенас, в 80-х гг. XIX в. их было 10 (по 2 в Евпатории и Чуфут-Кале, по 1 – в Симферополе, Перекопе, Бахчисарае, Севастополе, Феодосии и Мелитополе), а также три молитвенных дома (в Ялте, Керчи и Бердянске) [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 37. Л. 87; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 419. Л. 34]. Караимская кенаса Феодосии была одним из наиболее древних культовых сооружений на полуострове (по некоторым сведениям, была сооружена в 1292 г.) [Сумароков 1800: 91]. Возведение кенас Чуфут-Кале датируется, по разным сведениям, XIV–XVII вв. (Большая кенаса) и концом XVIII в. (Малая кенаса). Постепенно караимы переняли европейские строительные и архитектурные традиции, что придало их постройкам ярко выраженный эклектизм; особенно ярко это отразилось на стиле зданий караимских кенас (симферопольской, севастопольской, евпаторийских и др.).

Сектантское движение в Таврической губернии в XIX – начале XX в.

Иудействующие (жидовствующие), или субботники. В российском законодательстве XIX в. «иудействующими» («жидовствующими»), или субботниками именовались сектанты, придерживавшиеся некоторых догматов и обрядов талмудического иудаизма (обрезание, празднование субботы, произвольных браков и т. п.) [М-н 1894: 943–945]. Начало распространения этого движения в России относится ко времени правления императрицы Екатерины II (а именно, к 1796 г.). Учение субботников наиболее активно проявило себя в Воронежской, Орловской, Московской, Тульской, Саратовской губерниях. Указом Синода № 30436а 1825 г. «О мерах к отвращению распространения Жидовской секты, под названием Субботников» перед губернаторами тех губерний,

где проживали субботники, ставилась задача «*поставить преграду сему злу и принять против онога надёжные меры*» [ПСЗРИ 1. Т. 40. С. 397]. Субботники, открыто признававшие свою принадлежность к данному религиозному движению, в результате правительственных мер были выселены в предгорья Кавказа, в Закавказье, в Иркутскую, Тобольскую, Енисейскую губернии [ПСЗРИ 1. Т. 40. С. 397–408].

В первой половине XIX в. в Крым на постоянное поселение также прибывали представители религиозных сект различных направлений. Например, в 30-е гг. в Керчь-Еникальском градоначальстве поселились выкресты из субботников (соблюдавших, подобно иудеям, субботу и другие ритуалы иудаизма). В 1865 г. «иудействующих» в Таврической губернии насчитывалось всего 4 человека (для сравнения – в 1914 г. здесь их проживало уже 60 человек) [Памятная 1867: 202, 356; Обзор 1915: 129]. В августе 1870 г. по приглашению караимского учёного и собирателя древностей А. С. Фирковича из Бакинской губернии прибыли девять семей субботников – «с тем предположением, что если отыщут удобную землю вблизи для хлебопашества, то останутся жить в Чуфут-Кале» [ГАРК. Ф. 26. Оп. 2. Д. 499. Л. 7]. Тем не менее, вскоре они покинули Крым, отправившись на Тамань. Вместе с тем администрация и представители органов конфессионального самоуправления караимов настороженно относились к иудействующим – русским субботникам, проживавшим в Дагестане, Баку и на Кубани³. Несмотря на то, что субботникам удалось добиться права на регистрацию своей общины, в официальных кругах на них смотрели как на «временно отпавших от государственной церкви», которые рано или поздно вернутся в лоно своей прежней конфессии [Хроника 1911: 81, 82; Ж-ъ 1911: 86–102].

Правительство до манифеста 1905 г. старалось избегать, насколько это было возможно, официального признания существования иноверия среди русских. В Российской империи помимо православия признавались лишь «иностранные исповедания», а русские раскольники и сектанты подлежали бессрочному «*нравственному увещанию*» [Львов 2004: 52, 53]. В связи с этим Таврический и Одесский караимский гахам С. М. Панпулов предпочёл занять выжидательную позицию по отношению к сектантам (желавшим воссоединиться с крымскими караимами),

³ В частности, крымские караимы контактировали с субботниками селений Пришиб и Привольное Ленкоранского уезда Бакинской губернии (там же существовала крупная религиозная община «молокан», или «духоборцев»).

рассчитывая при этом на вынесение официального вердикта властей по данному вопросу [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1421. Л. 38, 39, 40, 41, 43, 59]. Местная администрация, зачастую не делая различия между субботниками и евреями, применяла к ним различные ограничения (как ранее к караимам); Министерство внутренних дел в циркулярах от 1908 г. и 1909 г. было вынуждено разъяснять, что иудействующие имеют одинаковые права с коренным населением.

Шаги, направленные на признание за караимами прав и привилегий и уравнивание с титульной нацией империи, имели свои как позитивные, так и негативные последствия. С одной стороны, караимы получали равные с русскими многочисленные свободы и права, при этом активно интегрируясь в российское языковое и культурное пространство. С другой, усиливались социальные противоречия между еврейской раввинистской и караимской общинами, отдельные проявления которых имели место во второй половине XIX в. Несмотря на ограничительную политику правительства в отношении еврейского населения, взаимоотношения между евреями и караимами все же не носили отпечатка резкого антагонизма. Об этом могут свидетельствовать многочисленные факты плодотворного сотрудничества между караимскими и еврейскими просветителями и общественными деятелями в различных областях науки, культуры, а также в социальной и экономической сферах.

Представители других сектантских течений. В религиозном отношении четверть колонистов, осевших на Крымском полуострове, составляли католики, остальные же принадлежали к различным протестантским вероисповеданиям (лютеране, реформаты, меннониты). В XIX в. конфессиональный состав Крыма пополнился протестантскими общинами Евангельско-лютеранской и Реформаторской церквей. В основном, это были выходцы из Вюртемберга, Бадена, Пруссии, Баварии, Нассау и Швейцарии. Деятельность религиозных общин колонистов регулировалась «Уставом Евангелическо-лютеранской церкви» и постановлением «Об управлении духовных дел Евангелическо-Реформатских обществ». Часть немецкой диаспоры Юга России представляли меннониты, которые являлись большей частью всего колонистского населения региона, и 1/3 частью всех немецких протестантов Юга России. По своим религиозным взглядам крымские меннониты также не были однородны. В 1882 г. от меннонитов отделились «последователи истинной христианской веры», которые образовали свою секту под названием

«Апостольские христиане». Учение данной секты отличалось большей строгостью, чем у других меннонитов: её члены подчинялись только «святой воле Спасителя». В то же самое время основными догматами этого учения предписывалось верить в то, что начальство тоже установлено Богом. Последователи «Апостольских христиан» считали себя обязанными подчиняться законам, возносить молитву за государя-императора [Катунина 2005: 180–183].

«Раскольниками» называли последователей прежних (до реформы патриарха Никона XVII в.) церковных традиций, а также сектантов различного толка, которых зачастую подвергали гонениям. Впервые раскольники появились в Таврической губернии в конце XVIII – начале XIX в. В 1894 г. раскольников и сектантов в Таврической епархии числилось 12 111 человек обоего пола (из них 2 089 раскольников и 10 022 сектантов). Большинство сектантов принадлежали к секте «молокан» разных толков, и выделившимся из молокан «пашковцам», «штундобаптистам», «прыгунам» и пр.; всех молокан насчитывалось около 2 356 человек. Помимо них, в Таврической губернии проживали «марьяновцы» (новоскопцы), «шалопуты» («хлысты»), анабаптисты, антиквезиты. Среди раскольников числились также «безпоповцы» (1 155 человек), придерживающиеся австрийской белокриницкой иерархии (555 человек), «беглопоповцы» (366 человек) и «стригольники» (13 человек) [ГАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 2384. Л. 1–25; Наименование 1894: 832].

Молокане поселились в Таврической губернии в 1823 г., когда получили от правительства земельный участок в 30 тыс. десятин в Бердянском уезде, и основали там села: Ново-Васильевку, Астраханку и Новоспасское (Шавкай). Впоследствии к крымским молоканам присоединились единоверцы-выходцы из Турции, которые основали село Задунаевку (Темир-Ходжу). Молокане проживали также в небольших поселениях в Перекопском, Евпаторийском и Феодосийском уездах. Среди молокан было распространено три направления их вероучения: «тамбовского» толка, которое исповедовали выходцы из Тамбовской губернии; «владимирского» толка (его придерживались выходцы из Владимирской губернии), и замыкали список молокане «донского» толка, представленные казаками Дона. Первые два течения были близки между собой и резко отличались от молокан донского толка, «ближе прочих подходящего к православному учению» [Наименование 1894: 832–834].

Традиционная конфессиональная и российская государственная системы образования в Таврической губернии (вторая половина XIX – начало XX в.).

Наряду с экономическим развитием региона, наблюдался и рост социальной инфраструктуры – например, формировалась сеть образовательных учреждений. В сентябре 1812 г. в Симферополе, в одном доме с Народным училищем, располагавшимся в доме бывшего подполковника Таврической областной прокуратуры Д. Е. Лесли, профессор О. П. Дегуров на собственные средства открыл первую в Крыму гимназию. Первоначально в ней обучение было трёхклассным. В 1841 г. Симферопольская мужская казённая гимназия переехала в новое здание, приобретённое городской управой у генерал-майора Ф. Равелиотти.

В 1864 г. в Российской империи были изданы «Устав гимназий» и «Положение о народных училищах», которыми регламентировалось начальное и среднее образование. Вводилось доступное всесловное образование. Наряду с государственными, возникали земские, церковно-приходские, воскресные и частные школы. В свою очередь, все гимназии разделялись на классические и реальные: в них принимали детей из всех сословий, способных оплатить обучение. В Таврической губернии в пореформенный период число учебных учреждений выросло. Помимо уже существующих, открывались новые государственные и частные гимназии, прогимназии; создавались женские школы, ремесленные училища, учебные заведения для караимов, евреев, армян, поляков и представителей других народов.

Существенным шагом в деле становления народного образования в Крыму стало создание в 1811 г. Таврической дирекции народных училищ, учреждённой по решению Училищного комитета Харьковского университета от 13 мая 1811 г. В соответствии с Уставом народных училищ от 8 декабря 1828 г., она была преобразована в Дирекцию училищ Таврической губернии, а по Положению о народных училищах 1874 г. – переименована в Дирекцию народных училищ. В 1832 г. учебные заведения Херсонской и Таврической губерний по инициативе министра народного просвещения были переданы в ведение попечителя одесских училищ [ПСЗРИ 2. Т. 7. № 5811. С. 893–894]. В разное время Дирекцию училищ Таврической губернии возглавляли Е. Л. Марков, А. Н. Дьяконов и С. Д. Маргаритов.

Среди основных вопросов, которым ведала Дирекция народных училищ Таврической губернии – строительство и реорганизация школ, деятельность начальных, городских, высших начальных, министерских и

частных училищ губернии, а также работа церковноприходских школ. К 1854 г. в Таврической губернии насчитывалось 43 учебных заведения, где трудилось 96 учителей, обучавших 1449 учащихся. В 1869 г. в структуре Дирекции появилась должность инспекторов народных училищ. Одним из первых эту должность занимал А. М. Соич [Шелягова 2011].

В 1881 г. в ведение Дирекции были переданы школы немецких и болгарских колоний, а учебные заведения Таврической губернии подразделялись следующим образом: городские, двухклассные, трёхклассные и четырёхклассные училища, созданные в соответствии с «Положением о городских училищах» 1872 г., с ремесленным отделением при одном из них – 6; уездные трёхклассные училища – 3; городские приходские училища с ремесленным отделением в одном из них – 6; начальные двухклассные и одноклассные мужские и женские училища, созданные в соответствии с «Положением о начальных народных училищах» от 25 мая 1874 г. – 11; церковно-приходские училища – 9; мореходные классы – 5; центральные начальные училища для немецких колонистов – 174; русско-татарские министерские училища (РТМУ) – 18; русско-караимские министерские училища (РКМУ) – 2; еврейские начальные городские и сельские частные одноклассные училища, общественные Талмуд-торы и хедеры, содержащиеся меламедами – 34; частные городские и сельские учебные заведения, действовавшие по этноконфессиональному принципу (для русских, крымских татар, немцев) – 16; начальные училища, действовавшие «при церквях иностранных вероисповеданий», подведомственные Министерству народного просвещения (МНП) – 10; училища для армяно-григориан, армяно-католиков и караимов, числившиеся в структуре МНП – 9; крымско-татарские медресе и мектебе – 190; начальные народные училища, находившиеся в ведении училищных советов, с ремесленным классом при одном из них – 256. Число учащихся в этих учебных заведениях составляло 32 220 человек (23 912 мальчиков и 8 308 девочек) [Хроника 1882].

Как демонстрируют данные статистики, в Таврической губернии в середине XIX в. существовало значительное число учебных заведений, созданных по этноконфессиональному признаку и подразделявшихся на несколько типов. Во-первых, это традиционные начальные школы – *мектебе*. По сведениям, представленным в Дирекцию народных училищ Таврической губернии, в 1865 г. в пяти уездах насчитывалось 34 мектебе. Высшей формой традиционной системы образования крымских татар являлись *медресе* – их в 60-х гг. XIX в. на полуострове было 28 [Ганкевич

1997: 130–136]. В Таврической губернии также действовало 15 караимских традиционных школ – *мидрашей*, несколько десятков еврейских *Талмуд-тор* и *хедеров*. Однако учебные заведения, устроенные по конфессиональному принципу, не устраивали российское правительство. Проведение мероприятий, связанных с распространением просвещения в национальных регионах и непосредственно касавшихся «иностранческого» населения России – и, в частности, крымских татар, караимов, евреев – являлись частью политики, проводимой государством в отношении культурной ассимиляции «иностранцев».

В результате образовательных реформ 1860–1870-х гг. были утверждены «Правила о мерах к образованию населяющих Россию иностранцев 26 марта 1870 г.», в соответствии с которыми создавались новые учебные заведения для представителей национальных меньшинств. Повсеместно в Таврической губернии открывались РТМУ и РКМУ с модернизированными программами преподавания, включавшими общеобразовательные дисциплины. К 1905 г. в Таврической губернии действовало 4 РКМУ (в Симферополе, Бахчисарае, Евпатории и Карасубазаре), в которых обучалось около 100 караимских детей, а также 33 РТМУ [ГАРК. Ф. 212. Оп. 1. Д. 212. Л. 158 об., 167; Ганкевич 1998: 80]. С 1872 г. в губернской столице функционировала Симферопольская татарская учительская школа (СТУШ) для подготовки педагогических кадров, а с 1895 г. в Евпатории – Александровское караимское духовное училище (АКДУ), в котором обучались будущие караимские газзаны. Кроме того, на полуострове началось реформирование традиционных мусульманских мектебе и медресе путём создания новометодных школ («мектебе-руштие»), где преподавание велось по звуковой (или фонетической) методике И. Гаспринского и его последователей-джадидистов (суть этого метода состояла в том, что каждой букве алфавита соответствовал определённый звук). В конце 1913 г. в Ялтинско-Севастопольском районе было уже 50 новометодных школ, в Симферопольском – 23, а в Феодосийско-Керченском – 33 [Ганкевич 2000: 251]. Под влиянием идей прогрессивных национальных педагогов, среди которых были крымские татары И. Гаспринский, И. Леманов, У. Боданинский, Д. Мединов, А. Медиев, караимы И. И. Казас, А. И. Катък, Б. С. Ельяшевич, И. Я. Круглевич, в Крыму сформировалась интеллектуальная элита, потенциал которой раскрылся не только в сфере народного образования, но и в период социальных трансформаций в российском обществе в начале XX в.

Светское и религиозное образование евреев Таврической губернии. Серьезное влияние на еврейские общины России в середине XIX в. оказала «Гаскала» (Еврейское Просвещение), представители которого («маскилим») проводили активную работу среди еврейского населения. Существенный вклад в образовательную сферу внесло и «Общество для распространения просвещения между евреями в России». Подъем просветительского движения во второй половине XIX в. во многом был обусловлен либеральными реформами императора Александра II, отменившего ограничения «черты осёдлости» для еврейской экономической элиты. Большинство еврейских детей получало традиционное еврейское образование в хедерах (еврейских народных религиозных школах, где они изучали основы талмудического вероучения) и в Талмуд-торах. Помимо этого, в городах Таврической губернии еврейская молодёжь получала образование и в государственных и частных училищах, гимназиях и прогимназиях. Как замечал глава Дирекции народных училищ Таврической губернии А. Н. Дьяконов в 1894 г., *«если принять во внимание, как много евреев и караимов обучается в общих училищах, средних и низших, несомненно, что и здесь весь школьный возраст проходит через элементарную школу»* [Дьяконов 1895: 12]. В 1897 г. попечитель ОдУО разрешил открыть при некоторых еврейских учебных заведениях субботние вечерние школы грамоты для мужского и женского еврейского населения, в которых учащиеся изучали Талмуд. Так, например, в Симферополе женская школа грамоты была открыта при бесплатном еврейском училище А.М. Коган, в Керчи – при местной Талмуд-торе (женская), и в Севастополе – мужская школа при хедере Борищенко. Что касается общего количества учебных заведений для евреев и караимов, то к 1 января 1913 г. их насчитывалось 26; контингент учащихся составлял 1085 чел. (842 мал. и 243 дев.); учителей – 51; из них 17 меламедов. Учителей со специальной подготовкой и образованием – 19; со средним и начальным образованием – 6; без образовательного ценза – 26; из них 17 меламедов. В 1913 г. только в Симферопольском уезде Таврической губернии насчитывалось 13 еврейских хедеров, 2 Талмуд-Торы и 1 еврейская профессиональная школа [ГАРК. Ф. 212. Оп. 1. Д. 289. Л. 272]. В 1913 г. среди национальностей Таврической губернии евреи находились на третьем месте по грамотности (на 100 мужчин приходилось 64,94% грамотных, среди женщин это показатель составлял 43,61%), а среди «грамотных по-русски» евреи уверенно занимали первое место (на 100 муж. – 51,63% грамотных, на 100 жен. – 52,75%) [Статистический справочник 1915: 47, 50].

Учебные заведения для католиков и протестантов. Помимо учебных заведений, открытых для христиан православного обряда (Таврической духовной семинарии, епархиальных училищ и церковно-приходских школ), существовали также школы для христиан-католиков: римско-католические приходские училища, армяно-католические начальные училища. Действовали и протестантские учебные заведения: евангельско-лютеранские училища, учебные заведения для меннонитов и старообрядцев, а также для представителей армяно-григорианской церкви – церковно-приходские школы.

Так, например, в Симферополе с 1845 г. при римско-католической церкви работало церковное училище. Дети в нем обучались закону Божьему, русскому, латинскому, немецкому и польскому чтению, письму и арифметике на немецком и польском языках. Армянское училище при армяно-григорианской Успенской церкви в Симферополе существовало с 1836 г., и находилось в ведении епархиального начальства. В нем обучали закону Божьему, русской и армянской грамоте, арифметике, истории и краткой биографии на армянском языке. На 1 января 1889 г. в школе числился 71 ученик и 32 ученицы. В армянском училище при армяно-католической Спасской церкви с 1863 г. дети обучались на армянском языке – на 1 января 1889 г. в училище обучалось 34 мальчика и 16 девочек [Шушара 2015: 78].

Школы и училища различного уровня и предназначения существовали также у болгар, греков, поляков и литовцев, немцев, австрийцев, чехов и эстонцев. Всего в Таврической губернии, Севастопольском и Керчь-Еникальском градоначальствах, включая и крымско-татарские школы (мектебе и медресе), насчитывалось 984 учебных заведения (городских – 191, сельских – 793). В 1914–1915 гг. в Таврической губернии существовало 2407 учебных учреждений [Шелягова 2011].

Население Таврической губернии в конце XIX – начале XX в.

В соответствии с данными «Первой всеобщей переписи населения Российской Империи», проведённой в 1897 г., на Крымском полуострове всего проживало 546 700 человек (35,6% крымских татар, 33,1% русских, 11,8% украинцев, 5,8% немцев, 4,4% евреев, 3,1% греков, 1,5% армян, 1,3% болгар, 1,2% поляков, 0,3% турок), в то время как население всей Таврической губернии составляло 1 273 816 человек [Летопись 1897]. Несмотря на массовую эмиграцию в 70–80-х гг. XVIII в. и в 1860–1862 гг., на значительной части полуострова на рубеже XX в. сохранились терри-

тории с преобладающим крымско-татарским населением, хотя в целом оно составляло здесь лишь около трети всех жителей. К концу XIX в. русская этническая территория сформировалась в Севастопольском (62,8%) и Керчь-Еникальском (55,8%) градоначальствах; в Симферопольском и Феодосийском уездах русские достигли более 30%, в Ялтинском – 27%, и почти 23% – в Перекопском уездах. Причём непосредственно в городах удельный вес русских составлял в среднем 49,1%, а в некоторых превышал 60%. Например, в Ялте – 66,2%, Еникале – 75,7%, Севастополе – 63,5% [Бойко 2010: 91–98]. Удельный вес греков, и армян во второй половине XIX в. фактически не изменился. В Перекопском уезде появилось небольшое число эстонцев и чехов. Немцы в Крыму селились, в основном, на землях, оставленных крымскими татарами; и их доля выросла с 1,5 до 5,8%. В Перекопском уезде, где в 1858 г. немцы составляли 0,5% всего населения (200 человек), в 1897 г. их оказалось почти 23% (11 700 человек). В Евпаторийском уезде в 1858 г. немцев было всего 100 человек, или 0,3 % населения, а в 1897 г. – 7 600 человек, или 12% [Водарский и др. 2003: 100]. В Симферопольском уезде доля немцев увеличилась с 2 до 4,1%. Удельный вес евреев вырос с 4,4 до 6,4%; что касается караимов, то, согласно данных переписи 1897 г., число лиц караимского вероисповедания, проживавших в Таврической губернии, составляло 6 166 человек [Синани 1911; 31].

В начале XX в. (в основном, в 1902–1903 гг.) вновь значительные масштабы приобрела крымско-татарская эмиграция из Крыма в Турцию. Всего с территории полуострова выехало около 13 000 человек. Эта последняя эмиграционная волна крымских татар вызвана чисто экономическими причинами, и, в частности, массовым обезземеливанием крымско-татарского населения. Из 600 000 десятин казённой земли, находившейся в руках крымских татар-землевладельцев в начале XIX в., к началу XX в. осталось только 145 000 десятин [Водарский и др. 2003: 110–112].

По данным статистики за 1914 г., в Крыму проживали представители 22 национальностей: русские, татары, немцы, греки, армяне, болгары, евреи, караимы, крымчаки, поляки, чехи, молдаване, турки, цыгане, итальянцы, эстонцы и др. Кроме русско-подданных, было много иностранцев – выходцев из Австро-Венгрии, Германии, Италии, Греции, Турции, Персии, Румынии, Франции, Швейцарии и других государств. Что касается городов Таврической губернии, в них проживало 159 596 мужчин и 137 565 женщин, а в селениях – 176 622 мужчин и 160 970 женщин. Показатели распределения населения по городам были следующие:

ми: в Алуште проживало 4 196 человек, в Перекопе и Армянске – 5 695, в Балаклаве – 4 327, в Севастополе – 61 324, в Бахчисарае – 16 128, в Симферополе – 66 452, в Евпатории – 25 658, в Старом Крыму – 6049, в Керчи – 3219 в Ялте – 21 874, в Карасубазаре – 16 323, и в Феодосии – 35 916. По плотности населения на первом месте находился Ялтинский уезд (91 человек на 1 квадратную версту). За ним следовали Симферопольский уезд (43 чел. / кв. в.), Феодосийский уезд (29 чел. / кв. в.), Евпаторийский уезд (14 чел. / кв. в.), и замыкал список Перекопский уезд (10 чел. / кв. в.) [Водарский и др. 2003: 110–112; Нейеркирхен 1914: 284, 285].

Существенные изменения в статусе ряда конфессиональных общностей России произошли в законодательстве в начале XX в. Так, 12 декабря 1904 г. был опубликован указ Сената «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», который намеревался *«подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащий к инославным и иноверным исповеданиям, и независимо от сего, принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного, стеснения»* [ПСЗРИ 3. Т. 24. Отд. I: 1197]. До этого момента в Российской империи, помимо православия, признавались лишь «иностранные исповедания», а русские раскольники и сектанты в большинстве своём имели статус временно *«отпавших от православия»* и потому подлежавших бессрочному *«нравственному увещанию»*. Особому совещанию под руководством председателя Совета министров Российской империи графа С. Ю. Витте было поручено разработать положение «Об укреплении начал веротерпимости», которое было законодательно утверждено 17 апреля 1905 г. Этим документом подтверждалось, что не должны были быть подвержены гонениям сектанты различных толков: *«присвоить наименование старообрядцев, взамен ныне употребляемого названия раскольники, всем последователям толков и согласий, которые приемлют основные догматы Церкви Православной <...> установить в законе различия между вероучениями, объемлемыми ныне наименованием «раскол», разделив их на три группы: а) старообрядческие согласия; б) сектантство; в) последователи изуверных учений <...> уравнивать в правах старообрядцев и сектантов с лицами инославных исповеданий в отношении заключения ими с православными смешанных браков»* [ПСЗРИ 3. Т. 25. Отд. I: 257, 258].

Теперь каждый мог открыто исповедовать своё вероучение; всем конфессиям разрешалось беспрепятственно возводить свои молитвенные здания, издавать религиозную литературу, учреждать духовные

братства. Тем, кто только числился православным, разрешалось вернуться к вере предков. Было также разрешено преподавание в учебных заведениях Закона Божьего на родном языке учащихся. Первый пункт указа 17 апреля 1905 г. гласил, что «отпадение» из православия в какое-либо иное христианское исповедание или вероучение не должно преследоваться и иметь негативные для прозелита последствия. При этом «отпавший» от православия, по достижении им совершеннолетия, признавался принадлежащим к тому вероисповеданию, которое он сам для себя избрал. До принятия этого указа подобные действия квалифицировались законами Российской империи как уголовно наказуемые деяния.

Несмотря на то, что впоследствии данный закон был подвергнут детальному пересмотру и доработке (в частности, внимание правительственной Комиссии было обращено на положение прочих неправославных религиозных общин, на упрощение порядка образования, регистрации и прекращения деятельности различных вероисповедных обществ и религиозных общин, на расширение их прав в части отправления культа, религиозной пропаганды, строительства культовых зданий, приобретения имущества, учреждения учебных заведений и кладбищ и т. п.), тем не менее, он стал отправной точкой для изменения правового и социального положения неправославных конфессий в Российской империи [Терюкова 2010: 207].

Документ имел важное значение для формирования толерантных отношений в обществе и, прежде всего, в таких многоэтничных и поликонфессиональных регионах, как Крым. Тем не менее, случаи перехода из одной конфессии в другую всё же считались исключением. Власти по-прежнему негативно относились к различным сектантам. Прежде всего, это касается «субботников», или «иудействующих».

В 1912 г. конфессиональная ситуация в Таврической губернии выглядела таким образом: лиц православного вероисповедания насчитывалось 1 437 017 человек, мусульман – 210 472, протестантов и лютеран – 90 306, евреев – 71 035, приверженцев католицизма и армяно-католиков – 36 109, караимов – 9 567, армяно-григориан – 9 556. Раскольников, принадлежавших к различным религиозным течениям, в Таврической губернии было 27 472 человека (причём, как сообщалось в официальных статистических отчётах, большинство из них составляли крестьяне, которые «*ничем иным, кроме религиозных верований*», не отличались от основной массы населения) [Памятная 1914: 42, 43; Обзор 1915: 41].

Что касается культовых построек, то в 1914 г. в Таврической губернии функционировало 467 храмов (церквей, монастырей и часовен), относившихся к православному вероисповеданию, 191 храм неправославных течений христианства, 733 мусульманских мечети, 58 еврейских синагог и 8 караимских кенас [Обзор 1915: 70, 71].

Таким образом, Крымский полуостров в конце XVIII – начале XX в. являлся многоэтническим и поликонфессиональным регионом. На его территории проживали носители разных религий и представители различных конфессиональных течений. Преобладающими религиями на территории Таврической губернии по-прежнему оставались христианство и его различные течения, а также ислам и иудаизм (включая караимизм). Российское правительство и администрация Таврической области (а затем и Таврической губернии) активно занимались вопросами заселения вновь приобретённого края, решая многочисленные проблемы, сопровождавшие обустройство мигрантов, прибывших из материковых губерний России. Особое значение придавалось вопросам обеспечения вновь прибывших жителей землёй, скотом, сельскохозяйственным инвентарём и пр. Однако недальновидная политика властей в земельном вопросе, бесконтрольная и бессистемная раздача земель полуострова российской знати и помещикам привела к многочисленным противоречиям, вызвала значительную эмиграцию крымско-татарского населения. Тем не менее, несмотря на эти и другие проблемы, уже к середине XIX в. Крым превратился в экономически развитый и перспективный регион Российской империи. Реформы, проведенные правительством в 60–70-х гг. XIX в. в сфере образования, серьёзно повлияли на развитие российской государственной системы народного образования. Итогом совместной деятельности властей и представителей прогрессивной общественности по распространению идей просвещения стала организация разветвлённой сети учебных заведений, охватывавших максимальный процент населения Таврической губернии, и позволявших молодёжи получать современное образование.

ЛИТЕРАТУРА

- А. Б. Наши секты и сектанты (окончание) // Таврида. 1881. № 87. 1 ноября.
Адрес-календарь Севастопольского градоначальства. Города Севастополь и Балаклава. Севастополь, 1911.
Айбабин А. И., Герцен А. Г., Храпунов И. Н. Основные проблемы этнической истории Крыма // МАИЭТ. 1993. Вып. III.

- Александров И.* О мусульманском духовенстве и управлении духовными делами мусульман в Крыму после его присоединения к России // ИТУАК. 1914. № 51.
- Александров И.* К истории учреждения Таврического магометанского духовного управления (1794) // ИТУАК. 1918. № 54.
- Араджиони М. А.* Крымские цыгане // От киммерийцев до крымчаков. Симферополь, 2004.
- Ачкинази И. В.* Крымчаки. Историко-этнографический очерк. Симферополь, 2000.
- Бойко В. В.* Эмиграционные движения крымских татар в Турцию в середине XIX – начале XX века: причины и влияние на социально-экономическое развитие Крыма // Ученые записки Таврического Национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «История». 2009. Т. 21. № 1.
- Бойко Я. В.* Расселение русского этноса на юге Украины на рубеже XIX – XX вв. // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. Вип. XXVIII. Запоріжжя, 2010.
- Бойцова Е. В., Ганкевич В. Ю., Муратова Э. С., Хайреддинова З. З.* Ислам в Крыму: очерки истории функционирования мусульманских институтов. Симферополь, 2009.
- Водарский Я. Е., Елисеєва О. И., Кабузан В. М.* Население Крыма в конце XVIII – конце XX веков (численность, размещение этнический состав). М., 2003.
- Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при 1-м Отделении Департамента Генерального штаба.* Т. XI. Ч. 2: Таврическая губерния. СПб., 1849.
- Волкова С. А.* Чехи на півдні України (друга половина XIX – перша третина XX століття). Симферополь, 2006.
- Гаммал М. И.* Караимы и империя: освобождение караимов от рекрутской повинности 1827 года // Израиль древний и новый. Труды Кафедры иудаики ИСАА МГУ. Вып. 1. М., 2015.
- Ганкевич В. Ю.* Очерк истории крымскотатарского этноконфессионального мектебе (XIX – начало XX вв.) // КНП. 1997. № 2.
- Ганкевич В. Ю.* Очерки истории крымскотатарского народного образования (реформирование этноконфессиональных учебных заведений мусульман в Таврической губернии в XIX – начале XX века). Симферополь, 1998.
- Ганкевич В. Ю.* На службе правде и просвещению: Краткий биографический очерк Исмаила Гаспринского (1851–1914). Симферополь, 2000.
- [Гимпельсон Я. И.]* Законы о евреях: Систематический обзор действующих законоположений о евреях с разъяснениями Правительствующего сената и центральных правительственных установлений. Ч. 1. СПб., 1914.
- [Гимпельсон Я. И.]* Законы о евреях: Систематический обзор действующих законоположений о евреях с разъяснениями Правительствующего сената и центральных правительственных установлений. Ч. 2. Петроград, 1915.
- Дерий С. П.* К вопросу о деятельности Комиссии по разрешению земельных споров: 1802–1810 гг. // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
- Дмитриев В. В.* Роль таврических губернаторов в эмиграционных процессах крымских татар // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 1.
- Дмитрук С. А.* Чешские поселения в Крыму: история и современность // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2014. Т. 27. № 3.

- [Домбровский Ф. М., Ханацкий К. В., Элерс К. Х.] Краткое историко-статистическое обозрение Таврической губернии // Памятная книжка Таврической губернии. Вып. 1. Симферополь, 1867.
- Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир. М., 1955.
- Дружинина Е. И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М., 1959.
- Дьяконов А. Н. Общий очерк состояния народных училищ Таврической губернии за 1894 г. Бердянск, 1895.
- Еврей-караимы // ЖМНП. 1843. Ч. XXXIX. № 7. Отд. 6.
- Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 2008.
- Ж-ъ И. «Русские караимы»: Этнографический очерк // Караимская жизнь. 1911. Кн. 3–4 (август-сентябрь).
- Завадовский А. Г. Сто лет жизни Тавриды. Симферополь, 1885.
- Змерзла Е. П. Создание нормативно-правовой базы правового положения крымских татар в Российской империи в конце XVIII – начале XIX вв. // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Юридические науки». 2013. Вып. 26. № 2–1. Ч. 1.
- Золотарьов Д. Ю. Кримськотатарська еміграція останньої третини XIX – початку XX ст.: історіографічний і джерелознавчий аспекти. Автореф. ... дис. ... канд. іст. наук. Київ: 2000.
- Золотарев Д. Особенности политики России по отношению к эмиграции и паломничеству крымских татар (60-е годы XIX – начала XX вв.) // Репрессивное поколение крымскотатарских общественно-политических деятелей, подвижников науки и культуры: материалы конференции. Симферополь, 2001.
- Иванов П. А. Из дел Московского отделения архива Главного Штаба // ИТУАК. 1893. № 19.
- Кабузан В. М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губернии) в XVIII – первой половине XIX века (1719–1858 гг.). М.: Наука, 1976.
- Катунина Е. В. Немцы-меннониты Таврической губернии в период Крымской, Первой мировой и Гражданской войн // ИНК. 2005. № 11.
- Кизилев М. Б. Крымчаки // От киммерийцев до крымчаков. Симферополь, 2004.
- [Кириенко Г. К.] Ордера князя Платона Александровича Зубова правителю Таврической области // ИТУАК. 1895. № 23.
- Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма. Ч. 9. СПб., 1875.
- Конкин Д. В. Земельные конфликты в Крыму (конец XVIII – начало XIX вв.): «мнения» и «проекты» // МАИЭТ. 2016. Вып. XXI.
- Конкин Д. В. Переселенческая политика и хозяйственные проекты в Крыму // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825. Севастополь, 2017.
- Кримський А. Ю. До історії теперішніх 25% татарської людності в Криму // Студії з Криму: Збірник історико-філологічного відділу ВУАН. 1930. № 8–9.
- Куповецкий М. С. Динамика численности и расселение караимов и крымчаков за последние двести лет // География и культура этнографических групп татар в СССР. М., 1983.
- Лантев Ю. Н. Чехи в Крыму // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. 1994. № 8.

- Лантев Ю. Н.* Переселение немцев в Крым и основание колоний (XIX в.) // Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры. Симферополь, 2000.
- Лантев Ю. Н.* Немецкие религиозные общины (XIX – начало XX в.) // Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры. Симферополь, 2000.
- Лашков Ф. Ф.* Статистические сведения о Крыме, сообщенные каймаканами в 1783 г. // ЗООИД. 1886. Т. XIV.
- [*Лашков Ф. Ф.*] Камеральное описание Крыма 1784 года // ИТУАК. 1888. № 6.
- Лашков Ф. Ф.* О Камеральном описании Крыма 1784 г. // ИТУАК. 1897. № 2.
- [*Лашков Ф. Ф.*] Ордера князя [Г. А.] Потемкина правителю Таврической области. 1788-й год (продолжение) // ИТУАК. 1890. № 10.
- Лашков Ф. Ф.* К вопросу о количестве населения Таврической губернии в начале XIX в. // ИТУАК. 1916. № 53.
- Летопись.* О количестве населения в Таврической губернии // Салгир. 1897. № 73. 18 июня.
- Львов А.* Дело о караимских молитвенниках // Параллели: русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. 2004. № 4–5.
- Мавріна О. С.* До питання про надання мурзам роду Ширінів дворянського титулу // Східний світ. 2010. № 2.
- Макидонов А. В.* Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века. Запорожье, 2011.
- Маковский В. В., Сухарев М. В.* Экономические предпосылки переселения эстонских крестьян в Крым во второй половине XIX в. // КНП. 2014. № 275.
- Маркевич А. И.* К вопросу о положении христиан в Крыму во время татарского владычества (историческая справка) // Таврический церковно-общественный вестник. 1910. № 11.
- Маркевич А. И.* Переселение крымских татар в Турцию в связи с движением населения в Крыму // Известия АН СССР. Отделение гуманитарных наук. Серия VIII. 1928. Ч. 1. № 4–7.
- Маркевич А. И.* Переселение крымских татар в Турцию в связи с движением населения в Крыму // Известия АН СССР. Отделение гуманитарных наук. Серия VIII. 1929. Ч. 2. № 1.
- Мачанов А. Е.* Борьба царской России за обладание Крымским ханством. Крымгосиздат, 1929.
- Муравьев М.* Материалы для местной истории // ЗООИД. 1867. Т. VI.
- [*Мурзакевич Н. Н.*] Письма правителя Таврической области Василия Васильевича Коховского правителю канцелярии В.С. Попову, для доклада Его Светлости Князю Григорию Александровичу Потемкину-Таврическому // ЗООИД. 1877. Т. X. [*Мурзакевич Н. Н.*] Распоряжения светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического касательно устройства Таврической области с 1781 по 1786 год // ЗООИД. 1881. Т. XII.
- М-н В.* Жидовствующие // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. XIа. СПб., 1894.
- Наименование сект и число сектантов и раскольников в Таврической епархии // Таврические епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1894. № 30. 29 июля.
- Нейеркирхен В. Ф.* Население // Крым. Путеводитель / ред. К. Ю. Бумбер, Л. С. Вагина, Н. Н. Клепинин, В. В. Соколов. Симферополь, 1914.

- Новороссийский календарь* на 1849 год; изд-ие Ришельевского лицея. Одесса, 1848.
- Обзор* о состоянии Таврической губернии за 1914 год. Симферополь, 1915.
- Озенбашилы А. Роль царского правительства в эмиграции крымских татар // Забвению не подлежит. Казань, 1992.
- Памятная книжка* Таврической губернии. Вып. 1. Симферополь, 1867.
- Памятная книжка* Таврической губернии на 1914 год. Симферополь, 1914.
- Петросян В. М. Этнографическое описание армян, татар, ногайцев и караимов в книге О. Тэр-Абраамяна «История Крыма» // Крымский архив. 2009. № 9.
- Поддубная Л. Цюрихталь. История швейцарской колонии в Крыму. Симферополь, 2020.
- Прохоров Д. А. Молитвенные дома караимов в Российской империи в XIX – начале XX вв.: к вопросу об изменении названия «синагога» // Научные труды по иудаике. Материалы XVIII ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. Т. II. М., 2011.
- Прохоров Д. А. Правовые основы организации конфессионального самоуправления караимов в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Ученые записки Крымского Федерального Университета им. В. И. Вернадского. Серия «Юридические науки». 2015. № 1.
- Прохоров Д. А. Последствия природных катаклизмов и стихийных бедствий на Крымском полуострове в описаниях авторов и документов XVII–XVIII века // БИ. 2016. Вып. XXXIII.
- Прохоров Д. А. Крымские татары в органах управления Таврической области после присоединения Крыма к России (1783–1787 гг.) // ПИФК. 2016. № 1.
- Прохоров Д. А. Еврейское население Таврической губернии в конце XVIII – начале XX вв.: статистика, народное образование, организация религиозной жизни // Крым: проблемы истории. М., 2016.
- Прохоров Д. А. Иноверные конфессии. Их религиозные учреждения и храмовое строительство // История Крыма. Т. 2. М., 2017.
- Пряхин Ю. Д. Греки в истории России XVIII–XIX веков: исторические очерки. СПб., 2008.
- Родионов М. Статистико-хронологическое описание Таврической епархии. Общий и частный обзор. Симферополь, 1872.
- Россия: Демография еврейского населения Российской Империи, 1772–1917 гг. // Краткая еврейская энциклопедия. Т. 7. Иерусалим, 1994.
- Секиринский С. А. К вопросу о заселении Крыма в конце XVIII в. // Известия Крымского пединститута им. М. В. Фрунзе. Симферополь, 1957.
- Симферопольская епархия // Древо. Открытая православная энциклопедия. [Электронный ресурс; режим доступа: <https://drevo-info.ru/articles/10179.html>].
- Синани В. К статистике караимов // Караимская жизнь. 1911. Кн. 1 (июнь).
- Смирнова-Сеславинская М. В. Миграции цыган в южные регионы Российской империи и Крым, формирование общности крымских цыган // Таврический научный обозреватель. 2016. № 11. [Электронный ресурс; режим доступа: <http://tavr.science/stat/2016/11/02-Smirnova-Seslavinskaya.pdf>].
- Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Таврическая губерния: по сведениям 1864 года. Т. 41. СПб., 1865.

- Статистический справочник* Таврической губернии. Симферополь, 1915.
- Сумароков П.* Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г. М., 1800.
- Тавричанин.* О крымчаках вообще и карасубазарских в частности // Крым. 1898. № 14.
- Таврическая губерния.* Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. СПб., 1904.
- Терюкова Е. А.* Департамент духовных дел иностранных исповеданий и этноконфессиональная политика Российского государства (XVIII — начало XX в.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. № 4.
- Тур В. Г.* Особенности возрождения армяно-католической общины Карасубазара в конце XVIII в. // МАИЭТ. 2009. Вып. XV.
- Тур В. Г.* Религиозные общины иностранных исповеданий Крыма в правовом поле России первой половины XIX в. // Материалы к истории Причерноморья в Новое время. Симферополь, 2016.
- Тур В. Г.* Религиозные общины Крыма // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825. Севастополь, 2017.
- Хайрединова З. З.* Инкорпорация крымскотатарских сословий в социальную и правовую систему Российской империи // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825. Севастополь, 2017.
- Хроника.* По последнему отчёту... [об отчёте Таврического губернского училищного совета за 1881 г.] // Таврида. 1882. № 25. 25 марта.
- Хроника: Евпатория.* На торжестве закладки // Караимская жизнь. 1911. Кн. 2 (июль).
- Хроника текущей жизни:* О русских караимах // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 2, июль.
- Шабад Я.* Таврическая губерния // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. Т. XIV. СПб., [б. г.].
- Шапира Д.* Евреи в Северном Причерноморье от древности до раннего Средневековья // История еврейского народа в России. Т. 1: От древности до раннего Нового времени. Иерусалим; Москва, 2010.
- Шелягова А. А.* Гимназическое образование в Крыму (XIX – начало XX века) // Таврійські студії. 2011. № 1. [Электронный ресурс; режим доступа: <http://kukiit.ru/docs/ts/no1/21.pdf>].
- Шушара Т. В.* Развитие образования армян в Крыму XIX – начала XX века // Гуманитарные науки. 2015. № 3.
- Williams B. G.* The Crimean Tatar Exile in Central Asia: A Case Study in Group Destruction and Survival // Central Asian Survey. 1998. Vol. 17. No. 2.

ОБРАЗЫ ПОЛУОСТРОВА

ЭДВАРД КЛАРК, РЕДЖИНАЛЬД ХЕБЕР И ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КРЫМЕ В КУЛЬТУРЕ ЗАПАДА

Н. И. Храпунов

«*Покорение Крыма пробудило внимание всей Европы*», – писал знаменитый британский путешественник Эдвард-Даньел Кларк, осматривавший полуостров в 1800 г. [Clarke 1816: 173]. Присоединение Крыма к России не только изменило баланс сил в Причерноморье. Почти сразу выяснилось, что Крым – идеальное место для познавательной поездки. Здесь имелись различные природные зоны – бесплодная степь на севере, живописные горы и приморские субтропики на юге; жили представители очень разных народов, говоривших на экзотических языках и принадлежавших к необычным религиям и культурам; существовали многочисленные археологические памятники, позволявшие поговорить о древней Греции и Риме, европейском средневековье и наследии ислама; можно было изучать российские проекты по освоению и развитию окраинных земель и задаваться вопросом об исторической роли Москвы и Османской Порты. Именно поэтому Таврида сразу же стала объектом научного изучения и важным этапом «Grand Tour», то есть путешествия, предпринимавшегося из любопытства, например, молодыми людьми для получения практических знаний и подготовки к дальнейшей карьере.

Среди тех, кто рассказал западному обществу о прежде совсем неизвестном крае, были два англичанина – Эдвард Кларк и Реджинальд Хебер. Их сочинения отразили сложный и противоречивый процесс интеграции Крыма в состав Российской империи и способствовали формированию устойчивых образов и стереотипов восприятия Крыма в культуре Запада, частично сохранивших актуальность до наших дней. Кларк и Хебер были выразителями характерного для западноевропейской культуры восприятия «окраины цивилизации». Их труды выделяются объемом собранных материалов и влиянием на историографию [см. обзор: Храпунов 2014: 142]. Современные исследования, в особенности западные, нередко используют их как абсолютно достоверный источник, без должной источниковедческой критики. Вот несколько примеров. Так, доверяют рассказам Кларка о том, что русские безжа-

лостно уничтожали памятники культурного наследия крымских татар, разбирая мечети, дворцы и жилые усадьбы на строительные материалы. Нередко вспоминают рассказанную путешественником историю о том, как солдаты убили мусульманского священника, когда тот поднялся на минарет одной из бахчисарайских мечетей. Авторитет Кларка как «очевидца» не подвергается сомнению [Williams 2001: 108; O'Neill 2006: 176–177; Возгрин 2013: 401, 406, 413, 419]. Безусловно, в российскую эпоху многие архитектурно-археологические памятники разрушались, однако виной тому не только действия новых властей полуострова, но и войны и смуты, охватившие Крымское ханство накануне его падения, а также массовая эмиграция мусульманского населения. О том, что Кларк склонен был преувеличивать «русское варварство», а его данные противоречат другим источникам, знали еще в конце XIX в. [Бертье-Делагард 1893: 2–9; см. также: Орехов 2017]. Шокирующая история о гибели муллы воспроизвела городскую легенду, известную и другим источникам, которая, по-видимому, отразила не реальные события, а психологическую травму крымских татар, оказавшихся под властью христиан. Показательно, что, хотя этот эпизод обычно связывали с прибытием в Бахчисарай Екатерины II, сведения о нем отсутствуют в богатейшем корпусе источников, связанных с южным путешествием императрицы, хотя среди их авторов были скептически настроенные в отношении России лица. Очевидно, следует согласиться с признанным знатоком «британской россики» Э.-Г. Кроссом, который однажды отметил разницу в подходах двух путешественников: *«Хебер – здравомыслящий, не склонный к сенсационности автор дневника; его путевые записки и письма, до сих пор малоизвестные, лишены предубеждений и эмоциональных выплесков, свойственных, например, Кларку, и бесценны во многих отношениях, не в последнюю очередь благодаря описаниям его знакомых, русских и британцев»* [Cross 2012: 12].

В последние годы опубликованы статьи, показавшие влияние европейских представлений о Востоке («ориентализма») на травелог Кларка; раскрыты приемы, с помощью которых он использовал судьбу археологических памятников в идеологических целях, для обоснования «варварской природы» России; проанализированы взгляды Хебера на социально-экономическую ситуацию в Крыму [Храпунов 2008; Храпунов 2014; Храпунов, 2015; Храпунов 2016]. Сегодня при изучении травелогов используется инструментарий дискурсивного анализа, разработанный исторической наукой, литературоведением, политологией и

культурологией [The Cambridge Companion 2002: 261–273; Толочко 2012: 50–76; Белов 2018: 519–538]. С его помощью можно раскрыть созданный Кларком и Хебером образ Крыма. Сопоставление этого образа с другими источниками и материалами современных исследований покажет, как преломлялись крымские реалии в сознании британцев. Сравнение записок Хебера и Кларка между собой раскроет влияние субъективных обстоятельств на оценку увиденного. Изучение тревелогов в контексте существовавших в то время представлений о Крыме продемонстрирует их роль в формировании образа полуострова в общественном сознании. Наконец, представляют интерес оценки роли России в судьбе Крыма и варианты видения его будущего, сформулированные путешественниками и повлиявшие на суждения их потомков.

Эдвард-Даньел Кларк (1769–1822) происходил из бедной семьи. Безденежье заставило одаренного выпускника Кембриджа стать воспитателем Джона-Мартена Криппса (ок. 1780–1853) и отправиться в путешествие по Европе, России и Ближнему Востоку. В 1800 г. англичане побывали в Крыму. Описание полуострова (впервые издано в 1810 г.) стало важной частью многотомных «Путешествий» Кларка. Фрагменты путевого дневника были дополнены энциклопедическим описанием природы, географии, археологии региона, а также элементами политического памфлета. Только при жизни автора «крымский» том выдержал пять изданий на языке оригинала, не считая французского и немецкого переводов. Публикация тревелога и продажа собранных на Востоке коллекций принесла автору славу, деньги и карьеру кембриджского профессора. В подстрочных примечаниях он цитировал неизданный тогда дневник своего товарища, Хебера, а его рисунки использовал в качестве иллюстраций.

Реджинальд Хебер (1783–1826) располагал средствами, позволившими ему после окончания Оксфорда предпринять длительную зарубежную поездку. В 1806 г. Хебер и его друг Джон Торнтон (1783–1861) посетили Крым. Быть может, впоследствии Хебер пожалел о том, что по доброте душевной позволил Кларку воспользоваться своими дорожными заметками. В 1812 г. он писал: *«поскольку д-р Кларк выбрал из моих дневников все, что он счел самым любопытным, мои бумаги так сильно рассеяны, что я совершенно потерялся – не знаю, как и вернуться к какой бы то ни было их части»* [Heber 1830: 359]. Хебера прославили сочиненные им религиозные гимны и последующая деятельность миссионера и просветителя на посту англиканского епископа Калькутты. Очевидно,

в знак признания заслуг Хебера его друзьям позволили устроить кенотаф епископа в лондонском соборе св. Павла рядом с могилами победителей Наполеона – Артура Веллингтона и Горацио Нельсона. Позднее были изданы дневники и письма покойного, а также незавершенная им «История казаков».

Оба британца ценили наблюдения друг друга. Кларк отмечал аккуратность Хебера и собранные им статистические данные [Clarke 1816: iv–v]. Хебер подчеркивал свойственные Кларку знания древней истории и археологии, а также живость языка и склонность проводить сравнения между разными народами [Heber 1830: 344]. Записки двух британцев отличаются от популярных в то время сентиментальных и романтических травелогов. Хебер предпочитал просто фиксировать результаты своих наблюдений, тогда как склонный к аналитике Кларк дополнил дорожные наблюдения результатами кабинетных изысканий. У Хебера такой возможности не было, но тем интереснее определить сходство и различия в умозаключениях двух авторов.

Большинству и западных, и русских путешественников Крым казался райским садом [Храпунов 2017а: 332–335]. Уезжая, Хебер заметил: *«действительно было похоже на изгнание из рая, когда мы оставили эти прекрасные горы и снова оказались в бескрайней зеленой пустыне...»* [Heber 1830: 261]. Кларк уточнил, что раем был не весь Крым, а лишь его южный берег: *«Если и существует парадиз на земле, то его следует искать в районе, расположенном между Кучук-коем и Судакком, вдоль южного берега Крыма»* [Clarke 1816: 252]. Действительно, северная и центральная часть полуострова заняты безводной равниной, состоящей из участков полупустыни и степи. Южнее находятся покрытые лесом горы, разделенные плодородными долинами. Еще дальше, между обрывами Главной гряды и морем тянется узкая полоса южного берега со средиземноморским климатом. В начале российской эпохи это была труднодоступная зона, куда можно было добраться разве что верхом, переправившись с севера через горные перевалы, или двигаясь с востока вдоль морского берега. Потому не случайно путешественники помещали «крымский рай» на юге полуострова, среди романтических пейзажей и бурной субтропической растительности, вдали от городской суеты и российской администрации. Постепенно эта местность (наряду с флотским Севастополем и ориентальным Бахчисараем) вытеснила из представлений о Крыме степи, занимающих три четверти полуострова.

Но райская обстановка не была лишена неприятных черт. На полуострове обитали опасные насекомые: Хебер жаловался на moskitov [Heber 1830: 315], Кларк подробно описал и зарисовал саранчу, сколопендру, тарантула и фалангу; к тому же он едва не стал жертвой крымской малярии [Clarke 1816: 135–137, 196–198, 205–206, n. 1; 221, 257, 296–297, 303, n. 2]. Для профилактики этой болезни Хебер советовал не увлекаться фруктами и жирной пищей. Сам он подхватил в Крыму какое-то кожное заболевание, от последствий которого не смог избавиться до конца жизни [Heber 1830: 314–315, 355]. Вместо лекарств крымские татары использовали молитвы и амулеты [Clarke 1816: 206, n. 1; Heber 1830: 263]. Это не могло не показаться варварством, и тем самым соответствовало представлениям о Крыме как части Восточной Европы, региона на окраине цивилизации. Одной из особенностей «нецивилизованных» народов интеллектуалы XVIII в. считали экзотические болезни и отсутствие квалифицированных врачей [Вульф 2003: 273–274]. Кларк, очевидно, понимал, что рассказы о крымском рае не соответствуют известиям о болезнях и ядовитых насекомых. Отсюда вывод, что Крым благоденствует только для его «природных жителей», тогда как для пришельцев, и прежде всего русских¹ завоевателей, он смертелен [Clarke 1816: 296–297]. Показательно сходство со словами известного критика Екатерины II князя Михаила Щербатова, однажды заметившего, что присоединение Крыма бессмысленно, ибо «разность климата» делает его «гробницу россиянам» [О повреждении 1985: [ч. 2] 127].

Одним из свойств «крымского рая» было многообразие этнических типов. Кларк даже уподобил Крым «зверинцу живых редкостей» [Clarke 1816: 221–222]. Поскольку основные этнические процессы, такие как миграция и ассимиляция, еще не были открыты, этнология эпохи Просвещения фактически сводилась к поиску современных соответствий древним этнонимам [Вульф 2003: 422–428]. Поэтому, задумав написать историю казаков, Хебер начал ее с Геродотовых киммерийцев и скифов [Heber 1830: 531–658]. Авторы XVIII в. обнаруживали скифов повсюду в Восточной Европе. Этот образ можно было интерпретировать и с положительной, и с отрицательной стороны, обнаруживая «скифские» черты у самых разных современников [Вульф 2003]. По словам Хебера, крымские города Бахчисарай и Карасубазар (современный Белогорск)

¹ В традициях своей эпохи Кларк и Хебер использовали термин «Russians» в отношении как этноса («русские»), так и политической нации (дворянство и чиновничество Российской империи разного этнического происхождения, «россияне»).

и в начале XIX в. славились «скифскими ремеслами» – выделкой кожи и стали [Heber 1830: 538], то есть татары оказались наследниками древних номадов. Кларк обнаружил, что крымские греки называли русских бранным словом «Σκύθαи», поскольку те целенаправленно уничтожали археологические и архитектурные памятники [Clarke 1816: 145; подробнее: Храпунов 2016]. *«Если [Эгейский – Н. Х.] Архипелаг когда-нибудь попадёт во власть русских, прекрасные остатки Древней Греции будут разрушены, Афины будут снесены до основания, не останется и камня, показывающего, где стоял город. По сравнению с русскими турки обладают вкусом и глубокой учёностью»*, – заключил путешественник [Clarke 1816: 207]. Нужно сказать, что русских «скифами» именовали нередко. Например, Вольтер, используя это имя, подразумевал готовность пока еще «варваров» приобщиться к достижениям цивилизации Запада [Вульф 2003: 158–159]. Колоритный образ древних кочевников допускал разные интерпретации, в которых этнографическую составляющую невозможно отделить от метафоры.

На рубеже XVIII–XIX вв. античность становилась модной [Eisner 1993: 63–88]. Потому, с одной стороны, разрушение греко-римских памятников считалось признаком нецивилизованности, а с другой, античное наследие «находили» даже в мусульманской культуре. Хебер заметил, что татарские мечети имеют двускатные крыши, отличавшиеся от плоских кровель жилых домов, и привел в этой связи слова античного комедиографа Аристофана о заостренных вершинах афинских святилищ [Heber 1830: 256]. Кларка огромные и громкие барабаны крымских татар и цыган заставили вспомнить слова Страбона о барабанах кимвров, а действовавший каменный мост близ города Старый Крым он счел творением этрусков [Clarke 1816: 138, 295, 154]. Нужно отметить, что Кларк незаслуженно пользуется репутацией знатока древностей, поскольку в его труде много неточного даже по меркам того времени. Например, он поместил античную Феодосию в Старом Крыму и привел путанные и неточные локализации памятников Гераклеийского полуострова, в том числе Херсонеса [Clarke 1816: 142, 151–152, 154–156, 210–212, и нумерованные карты]. Показательно, что консультантом и проводником Кларка в Крыму был знаменитый натуралист Петер-Симон Паллас, точно определивший местоположение этих памятников, известных по древним источникам [Паллас 1999: 40–49, 116].

Оба путешественника способствовали формированию представления о ханской эпохе как безвозвратно ушедшем «золотом веке» в исто-

рии Крыма. Так, Хебер писал о Феодосии: *«Теперь Каффа лежала по нашей левой руке, и, по мере приближения с этой стороны, оказалась мрачнейшим зрелищем. В северо-восточной части залива находятся замечательные развалины, которые раньше были монетным двором, а стены и башины, пусть и разобранные, весьма хороши. Город поднимается, словно театр, от границы воды, занимая значительное пространство, но практически полностью разрушен. <...> В лучшие дни татары называли Каффу “Кучук Стамбул” (“маленький Константинополь”). <...> Все татары связывают её запустение с несчастьями, принесёнными ей <солдатами> русского гарнизона, которые сорвали крыши с домов, где они были расквартированы, на дрова»* [Heber 1830: 252–253].

Кларк не скрывал своего негативного отношения к присоединению Крыма Россией: *«Если бы нам пришлось рассказать о половине тех жестокостей, вымогательств, грабежей и варварства, которые русские обрушили на обреченных жителей Крыма и их обманутого хана, то этому рассказу никто бы не поверил»*. Тем не менее, путешественник подробно рассказал о присоединении полуострова, завершив рассказ латинской фразой: *«Отнимать, резать, грабить на их лживом языке зовётся господством; и создав пустыню, они говорят, что принесли мир»* [Clarke 1816: 173–180]. Это цитата из сочинения древнеримского историка Корнелия Тацита «Агрикола». Её якобы произнес в I в. н. э. британский вождь Калгак, возглавивший восстание против римлян [Корнелий Тацит 1993: 328]. Таким образом, путешественник уподобил события в Крыму покорению Британии римлянами, тем самым обнаружив определённое сходство между свободолюбивыми бриттами и крымскими татарами. Рассказ Кларка о покорении Тавриды тенденциозен и неполон. Но следует отметить, что современники не знали многих подробностей. Например, сербский монах Герасим Зелич, в 1783 г. находившийся на юге России, в написанных на склоне лет мемуарах украсил рассказ о Потёмкине и присоединении Крыма совершенно фантастическим, по нынешним представлениям, деталями [Зелић 1823: 92–94]. На фоне подобных свидетельств рассказ Кларка удивляет, скорее, агрессивной антироссийской направленностью, чем вымышленными подробностями.

Итак, англичане считали крымских татар жертвами русского произвола. По словам Хебера, именно новая власть местами испортила их нравы, хотя обычно татарам свойственны дружелюбие, гостеприимство и щедрость. Но гостеприимство исчезло, когда в путешественниках заподозрили русских чиновников. Символично, что крымские татары

отказывались брать русские деньги, потому путешественникам приходилось заранее обменивать их на турецкие [Heber 1830: 262–263, 315]. Кларк был уверен в том, что завоевание Крыма не вызовет трудностей у западных держав, причем крымские татары будут встречать «избавителей от русского ига» со слезами радости [Clarke 1816: 269].

Хебер полагал, что, хотя русские жалуются на леность крымских татар, те, на самом деле, были искусными виноградарями, умели создавать системы искусственного орошения и строить корабли [Heber 1830: 256–258, 263]. Кларк, наоборот, заметил: «...они [татары – Н. Х.] считают величайшим счастьем спокойно сидеть, курить или спать, не имея ничего, чем можно было бы занять ум, и чем меньше дел – тем лучше» [Clarke 1816: 248]. Мысль о пасторальной праздности крымских татар, в особенности живших на южном берегу, встречается у многих западноевропейских и российских авторов [Храпунов 2017а: 337–338]. По-видимому, в этом проявлялось наследие философии Просвещения. Монтескье считал леность свойством южных народов, живущих в окружении щедро плодоносящей природы, в отличие от вынужденно трудолюбивых северян [Монтескье 1999: 202–203, 295–296]. Руссо писал о «естественном человеке» – неиспорченном цивилизацией дикаре, который ведет счастливую жизнь, довольствуясь минимально необходимыми благами [Руссо 1969: 47 слл.]. Потому леность стала универсальным маркером «Другого». Европейские интеллектуалы приписывали ее жителям азиатского Востока [Саид 2006: 280, 391; Прусская 2016: 81, 135]. Эту концепцию переносили на «окраины цивилизации» – в Южную и Восточную Европу. Например, «благородными дикарями» называли жителей Греции [Eisner 1993: 77–78]. Французы Наполеоновской эпохи считали, что благодаря плодородию почв и мягкости климата жители Малороссии стали беспечными лентяями [Адагуров 2007: 178–181]. Представление о лени как маркере нецивилизованности было усвоено русской культурой. Путешественники по Греции XIX в. считали «ленивыми» греков, поскольку те предпочитали торговлю занятию земледелием [Янницы 2005: 87–88]. Очевидно сходство между описаниями праздных жителей Крыма, и тем, как русские путешественники говорили о населении украинского Поднепровья [Толочко 2012: 102–109].

Первоначально в крымском контексте леность не имела негативных коннотаций и даже вызывала добрую зависть. Знаменитый придворный, военный и острослов, выходец из Австрийских Нидерландов (нынешняя Бельгия) и подданный австрийского императора принц Шарль

де Линь, получивший в подарок от Екатерины II имение на южном берегу, восторгался жизнью своих соседей-татар, не имевших нужды в труде и довольствовавшихся минимумом благ для счастливой жизни на лоне прекрасной природы: «Я благословил ленивцев. Я обещал защищать их от притеснений» [Ligne 1809: 68]. Другие же под «татарской леностью» подразумевали нежелание воспринимать передовые сельскохозяйственные технологии и заводить интенсивное производство, ориентированное на внутренний и внешний рынок. Практические соображения – неразвитость дорожной сети, портов и прочей инфраструктуры, высокие таможенные пошлины в крымских портах или дороговизна кредита – разумеется, игнорировались. Не понимали путешественники и особого отношения ислама к предпринимательству, чуждого протестантской этике [Гибадуллин и др. 2016: 38–48]. Из наблюдения о «лености» местных жителей могли сделать практические выводы. Паллас предложил выселить недостаточно трудолюбивых крымских татар из плодородных долин южного и юго-западного Крыма, заменив их более искусными переселенцами [Паллас 1999: 148–149]. По-видимому, он считал эту меру универсальной, ведь точно также академик сожалел о нерадивости некоторых российских помещиков, получивших имения в Крыму. Те не имели достаточно денег для вложения в хозяйство или желания им заниматься, а потому оставалось сожалеть, что эти земли не передали «иностранным колонистам или владельцам промышленных заведений» [Паллас 1999: 156]. Характерно, что прежде, осмотрев одну французскую колонию в Поволжье, Паллас высказался о ней в схожем ключе, и это имело результат. Там была проведена аттестация, и «неспособные к земледелию» французы выселены в другие места [Ржеуцкий 2004: 242].

Данная логика, похоже, свойственна была сторонникам прогресса в понятиях эпохи Просвещения. Впоследствии ее усвоили и российские политики. Например, молодой великий князь, будущий император Николай I, в 1816 г. заметил: «Если б Крым был не в татарских руках, то б был совсем другим; там где помещики и переселенцы русские или малороссийские, то все иначе, и хлеб есть, и обширные сады...» [Корф 1896: 95]. Ставшее расхожим представление о неспособности татар к труду использовали прибывшие с материка помещики, получившие земли в Крыму и стремившиеся с помощью подобной риторики отстоять свои интересы перед лицом имперской власти [Конкин 2018: 761–763]. Вероятно, подобное восприятие крымских татар сказалось на решении Александра II, оценившего выселение мусульман

в Турцию после Крымской войны 1853–1856 гг. как благо для Крыма [Kozelsky 2019: 170].

Сочувствуя мусульманам, путешественники плохо понимали их культуру. Исламские нормы, требовавшие от женщин скрывать лицо и жить в отдельном помещении, считали свидетельством болезненной ревности мужчин. По словам Хебера, в этом вопросе *«татары заходят даже дальше, чем турки»* [Heber 1830: 310]. Подобные ошибочные интерпретации возникали у европейцев и в других мусульманских регионах, например, в Египте [Прусская 2016: 82, 108–109]. Иначе говоря, они характеризовали западное сознание. По словам путешественников, тем, кто пожелал увидеть лицо крымских татарок, приходилось действовать в стиле оперных персонажей. Кларк рассказал анекдот о слуге-англичанине, который стал подражать татарским дамам, закрывая лицо и обращаясь в бегство при их появлении. Это заставило мусульманок поймать иностранца и «потребовать объяснений», очевидно, показав ему себя, чего тот и добивался [Clarke 1816: 186].

Полной противоположностью татарам у Хебера и Кларка выступают русские. Рассказывая о падении ханства, Кларк показал его правителя Шагин-Гирея наивным, непрактичным и доверчивым человеком, которого легко обманул коварный негодяй Григорий Потёмкин. В этом сюжете несложно увидеть характерное для руссоизма противопоставление наивного варварства испорченной цивилизации. По словам Кларка, народы отличались даже внешне. Крымским татарам свойственно изящество, а русским грубость, первым – гибкость леопарда, вторым – медвежья неуклюжесть. Если даже в беднейших татарских домах очень чисто, то в жилищах русской знати внешний блеск прикрывал грязь. Правда, в татарских хижинах было огромное количество насекомых [Clarke 1816: 173–179, 297–298, 235]. Хебер разделял мнение своего товарища относительно татарской чистоплотности. Еще до прибытия в Крым он не раз отмечал, что неряшливость свойственна русским и потому отличает их не только от цивилизованных наций, таких как шведы, но и от занимавших промежуточное место на «карте цивилизации» финнов и казаков. Зато, в отличие от Кларка, Хебер признавал, что среди русских есть порядочные люди. Так, начальник полиции Екатеринодара (ныне Краснодар) не стал присваивать забытое путешественниками ружье, а специальный гонец доставил его уехавшим в Тамань англичанам, причем отказался от награды [Heber 1830: 263, 92, 142, 222, 245].

Путешественники любили рассказывать о встречах с европейцами, волею судеб заброшенными в далекие края. Их англичане склонны были воспринимать как носителей просвещения «во мраке варварского невежества». Кларк не жалел теплых слов в адрес Палласа, который оказался не только выдающимся ученым, но и человеком большой души. Он выходил тяжело заболевшего Кларка, поселил их с Криппсом в своем доме в Симферополе, сопровождал в поездках по Крыму и даже подарил часть своих коллекций [Clarke 1816: 160–164].

Британцы констатировали наличие в Крыму экономических проблем, вызванных перестройкой хозяйственного уклада и убылью населения. Хебер отметил, что российское правительство раздавало помещикам земли, права на которые предъявляли собственники из крымских татар. Англичанам было сложнее понять новый статус рядового крымского населения. По словам Хебера, татары были обращены в «рабство» («slavery»), то есть в крепостное состояние [Heber 1830: 258]. Заметим, что подобные выводы сделал и де Линь [Ligne 1809: 68]. Путешественники не поняли специфики Крыма, большинство жителей которого остались лично свободными, правда, обязанными нести отработки за пользование помещичьей землей [Дружинина 1959: 97–98, 158–159]. В глазах читателей наблюдения Хебера должны были опровергнуть попытки российских идеологов Екатерининской эпохи акцентировать различия между крепостными и рабами, указывая на «счастливую жизнь» крепостных [Богданов 2006: 42–43].

Несколько эпизодов показывают, что, не разобравшись в местных реалиях, путешественники сочли неразумными действия российского правительства. Так, Хебер посчитал бессмысленным запрет на вырубку деревьев на южном берегу [Heber 1830: 258]. Но дело в том, что, по словам Палласа, в Черном море распространен червь-древоточец, быстро приводивший в негодность обшивку деревянных судов. Для борьбы с ним приходилось периодически обжигать борта судов, поднимая их над водой – а для этого требовались дрова. И местное население, и русские солдаты и матросы незначительно вырубали леса, которые к тому же страдали от татарского скота [Паллас 1999: 38–39, 156]. Это и приводило к дефициту топлива в Крыму и, следовательно, запретам на рубку леса.

К числу нелепостей Хебер отнес запрещение торговым судам входить в Севастополь [Heber 1830: 259]. Англичанин не понял, что это диктовалось особенностями порта, задуманного как закрытая военная база. Решение объявить Севастополь «закрытым портом» лоббировал

главный командир Черноморского флота Жан-Батист де Траверсе, опасавшийся французских и английских шпионов [Шатне 2003: 187; Конкин 2019: 550]. Путешественники указали на коррупцию в российских портах, связанную с выдачей разрешений на ввоз и вывоз разных товаров, воровство и иные злоупотребления разных чиновников [Clarke 1816: 302, 304–305; Heber 1830: 251, 259]. Эти описания создавали образ косной России, в способности которой адекватно управлять завоеванным регионом были серьезные сомнения.

Оба путешественника задумывались о будущем Крыма. Кларк не верил в способность России привести полуостров к процветанию. По его мнению, разумная альтернатива заключалась в том, чтобы одна из европейских держав (лучше всего – Британия) силой «вернула» бы Крым османам [Clarke 1816: 268–270]. Кларк, очевидно, не испытывал сомнений в культурном, ментальном и военном превосходстве западноевропейцев вообще и британцев в частности, а потому они могли бы определить, что есть «благо» для крымских татар. В способность России оказать эффективное военное сопротивление он не верил. Взгляды Кларка оказались созвучны настроениям традиционных противников Британии – французов. Накануне вторжения в Россию в окружении Наполеона обсуждался проект создания на границах России барьера из зависимых от Франции стран, одним из которых должно было стать возрожденное крымско-татарское государство [Ададуров 2007: 286–287, 290–291, 500–501, 508].

Хебер связывал будущее Крыма с реализацией экономических проектов в рамках Российской империи. Он с сочувствием говорит о планах губернатора Феодосии Антона Феньша по развитию города, некогда бывшего цветущим портом, а ныне влачившего жалкое существование. Предполагалось сделать его звеном на торговом пути, связывающем Причерноморье и Средиземноморье с внутренними губерниями России через Крым, Азовское море и Дон. Для этого нужно было наделить город статусом беспошлинного порта (порто-франко), устроить карантин для борьбы с чумой и учредить банк. Хебер отметил, что частью создаваемого пути могла бы стать железная дорога до Арабата – мысль в российских условиях, где железных дорог тогда не существовало, новаторская. Однако путешественник не разделял безудержный оптимизм феодосийских жителей, особенно учитывая сведения, собранные им в Таганроге [Heber 1830: 254, cf. 204–210]. Планы вовлечения Крыма в международную торговлю обсуждались в то время иностранцами до-

статочно широко, правда, сложная внешнеполитическая обстановка не позволила их реализовать [Храпунов 2017b].

Сочинение Кларка оказалось одним из самых известных британских описаний России и Крыма. Как уже говорилось, оно выдержало множество переизданий, в том числе на французском и немецком языках. В популярном британском журнале вышла анонимная рецензия, автор которой превозносил Кларка *«не только за здравый смысл, продемонстрированный им просто и ясно – рассказывая обычные вещи в обычной манере; избегая красноречия и шуток во всех описаниях; записывая то, что полезно читателю, вне зависимости от того, может ли оно продемонстрировать его собственные способности; но также за мудрость, которую он продемонстрировал, отобрав по большей части самые интересные детали из весьма обширных запасов, и за ученость, которую он выказал, рассматривая и комментируя свои факты»*. Наблюдения Хебера, приведенные в сносках у Кларка, рецензент оценил куда скромнее, как небесполезные, хотя временами и теоретические [Review 1810: 335, 350, 364, 365].

Однако в другой рецензии, в североамериканском журнале, напротив, указывалось, что Кларк значительно исказил российские реалии [Observations 1812]. Ее автором мог быть русский журналист и издатель Павел Свиньин, который в то время находился в Северной Америке. Через год он издал свои «Очерки России», где не раз критиковал Кларка, заметив, в частности, что тому сильно мешало незнание русского языка [Svineine 1843: iii, 29, passim]. Усомниться в справедливости суждений Кларка позволил себе и переводчик его книги на французский язык, который, однако, высоко оценил отрывки из записок Хебера [Clarke 1813: 449, n. (a); passim]. Не заметить критику Кларк не мог, и потому в четвертом издании его травелога появилось предуведомление, объявившее критику недобросовестной, результатом деятельности агентов, в одном случае, российского правительства, а в другом – Наполеона [Clarke 1816: (без пагинации)].

Обращает на себя внимание сходство антироссийской риторики Кларка и пропаганды, разработанной Наполеоном в 1812 г. Они говорили о русском варварстве, противостоявшем западноевропейской цивилизации [Ададунов 2017: 22–32] и, следовательно, демонстрируют сходные шаблоны западного мышления. В середине XIX в. французы Ксавье и Адели Омер де Гелль издали описания своих путешествий по югу России, в которых не раз говорили о разрушении русскими памятников культурного наследия. Они, очевидно, следовали уже полностью сфор-

мировавшимся в западной культуре (во многом под влиянием записок Кларка) представлениям о «русском варварстве» и прикрывали показной заботой о судьбе крымских древностей желание вывезти на родину ценные артефакты [Орехов 2017]. Можно утверждать, что подобные особенности мышления были свойственны людям Запада в целом, уверенных в своем превосходстве над другими и считавших себя наследниками великих цивилизаций древности. Именно поэтому французы во время Египетского похода Наполеона «спасали» археологические памятники от «варваров»-египтян, якобы «недостойных» великих предков [Прусская 2016: 160–161]. Подобной риторикой французская идеология оправдывала разграбление культурных ценностей и во время Русского похода 1812 г. [Ададуров 2017: 213–223].

Можно задаться вопросом, насколько сочинения Кларка и Хебера повлияли на желание их соотечественников отправиться на юг России с образовательными целями. Известно, что Хебер рекомендовал поехать в Крым одному из своих друзей Роберту-Уильяму Хею (1786–1861), который последовал этому совету [Heber 1839: 309–315]. Нелегко будет найти английское описание путешествия в Крым в XIX в., автор которого не обратился бы к тексту Кларка как к авторитетному источнику сведений о регионе и его прошлом. Например, издатель писем Филипа-Йорка Ройстона (1807) цитировал сочинение Кларка в подтверждение слов о болезнетворном климате Крыма и о том интересе, который представляет уединенное поселение караимов [Pepys 1838: 168 п. *; 170, п. *]. Позднее на Кларка не раз ссылался другой путешественник, известный критик русских нравов Роберт Лайалл (1821). Описывая бедствия, которым подверглись крымские татары, он заметил: *«Я от всего сердца присоединяюсь к благородному негодованию и великодушному сочувствию, которые Кларк выказывает везде, где видит эти сцены разрушения и почти полного уничтожения»* памятников культуры. Лайалл пошел даже дальше Кларка, и начал строить планы: *«В случае революции, которая раньше или позже, как кажется, ниспровергнет всеобъемлющее и деспотичное правление Российской империи и разрушит ее на несколько меньших государств, Крым, несомненно, сразу же попадет в руки одной из сторон, будь то татары, турки, греки или даже русские...»* Высоко оценив стратегическое значение полуострова, путешественник предложил направить в Черное море британский флот, дабы контролировать как русских, так и татар, если те, получив свободу, вернуться к прежнему разбойному образу жизни [Lyal 1825: 361–362, 224–225].

Некоторым путешественникам на собственном опыте довелось убедиться в субъективности Кларка (они иногда упоминали и Хебера, как правило, цитируя по Кларкову изданию, но его слова сомнений не вызывали). Прибывший в Крым в 1827 г. шотландец Джеймс Уэбстер был вынужден выслушивать упреки в том, что Кларк искажил многие факты и, в частности, приписал русским солдатам несовершенное ими преступление – убийство муллы, о котором речь шла выше [Webster 1830: 60]. Британский офицер Джеймс-Эдвард Александер, который провел в России и в Крыму несколько месяцев в 1829 г., не раз полемизировал со знаменитым соотечественником. По его мнению, Кларк критиковал Россию прежде всего из-за личных обид и неспособности принять нормы другой культуры. *«Непостижимо, какое зло причиняют подобные путешественники. Давая волю злым страстям в своих трудах, они не только заставляют смотреть с подозрением на тех, кто следует по их стопам, но и подстрекают вражду между народами, чей взаимный интерес заключается в том, чтобы оставаться в мире»* [Alexander 1830: 245].

Замечено, что одной из причин злословия Кларка было то, что российские власти мешали Кларку реализовать его «коммерческое предприятие», – англичанин рассчитывал скупить по дешевке различные древности и редкости, чтобы вывезти их на родину и с выгодой перепродать [подробнее: Храпунов 2011: 608; Храпунов 2014: 149–150; Храпунов 2018: 123]. В его время путешественники по Италии или Греции с удовольствием приобретали античные монеты, вазы и другие памятники [например: Eisner 1993: 71; Ročko 2014: 145–149]. Выделялся, скорее, задуманный Кларком масштаб предприятия, амбиции путешественника и идеологическое осмысление скупки древностей. В 1801 г. Кларк видел, как в Афинах по приказу британского посла лорда Томаса Элгина демонтировали мраморные статуи Парфенона, чтобы отправить их в Англию. Но он, разумеется, не стал делать из этой истории выводов о «скифской природе» своих соотечественников. Более того, отыскав поблизости две античные статуи, он прибавил их к собственной коллекции [Clarke 1818: 218, 219, 223–227]. Показательно, что здесь путевой дневник был отредактирован, а оценки смягчены, ведь в письмах к другу Кларк куда резче оценил действия своего соотечественника. *«Под предлогом спасения предметов искусства от турецких рук сносили храмы, которые на протяжении веков сопротивлялись действию времени, войны и варварства – чтобы украсить жалкую шотландскую виллу»* [Otter 1827: 347]. Впрочем, вни-

мательное чтение писем Кларка показывает, что он возмущался действиями Элгина прежде всего потому, что увидел в нем конкурента по поиску древностей. Само намерение вывезти памятники в Англию осуждения не вызвало. Впоследствии адресат этих писем и биограф Кларка Уильям Оттер заметил, что его друг жаловался зря, ведь ко всеобщему удовольствию «мраморы Элгина» оказались не в поместье лорда, а в Британском музее [Otter 1827: 349]. Влияние жизненных обстоятельств на суждения Кларка напоминает известную историю с Александром Дюма, который приехал в Россию, рассчитывая получить от Николая I орден, а когда император обошелся лишь перстнем, обиделся и написал роман о декабристах [Таньшина 2018: 139–140].

Не один Кларк, но многие британские писатели поддерживали действия Элгина, считая их «спасением искусства» от «турецкого фанатизма», к тому же сделавшими Британский музей лучшим хранилищем древностей в мире [Езерник 2017: 257–258]. Однако противоположного мнения придерживался, пожалуй, самый знаменитый англичанин той эпохи – лорд Джордж Байрон. В 11-м стихе 2-й песни «Паломничества Чайльд-Гарольда» есть и такие строки: *«Но кто же, кто к святилищу Афины / Последним руку жадную простер? / Кто расхищал бесценные руины, / Как самый злой и самый низкий вор? / Пусть Англия, стыдясь, опустит взор!»* [Байрон 1974: 180 – пер. В. Левик]. В русском поэтическом переводе исчезло указание на шотландское происхождение Элгина – очевидно, так Байрон пытался отчасти отвести «клеймо позора» от англичан: *«Blush, Caledonia! such thy son could be! / England! I joy no child he was of thine...»* («Стыдись, Каледония! Таким смог быть твой сын! / Англия! Я рад, что твоим сыном он не был...») [Byron 1835: 17]. Этот сюжет стал темой сатирической поэмы «Проклятие Минервы». Здесь Байрон сравнил Элгина с готским королем Аларихом, символом варварства, который в 410 г. разграбил Рим: *«Пусть вечно будут пользоваться равной славой / Готский монарх и пиктский пэр...»* [Byron 1835: 454]. И далее он вновь говорит о неанглийском происхождении Элгина: *«Дочь Юпитера! В поруганном имени Британии / Урожденный британец смог бы отвергнуть обвинение. / Гневайся не на Англию; Англии он не принадлежал: / Афина, нет! Твой грабитель был шотландцем»*. Байрон объясняет богине, что Шотландия для англичан была тем же, что Беотия для афинян – «землей незаконнорожденных», лишенной природных благ, которая никогда не была владением богини мудрости [Byron 1835: 454]. Итак, для Байрона, в отличие от Кларка, в образе Другого – воплощения варварства – вы-

ступают шотландцы. Но важно и то, что деятельность Элгина он оценил в высшей степени негативно.

Новый виток интереса к травелогу Кларка вызвала Крымская война. Накануне этих событий риторика британского истеблишмента напоминала антироссийские инвективы Кларка. Так, Генри Палмерстон (в годы войны ставший премьер-министром) считал необходимым отторжение от России ряда территорий, расположенных вдоль ее западных границ, включая Крым [История 1999: 376]. «Кабинетный» исследователь Крыма Энтони Грант, пересказавший яркие и эмоциональные слова Кларка о бесчинствах, которые русские якобы творили на полуострове, призвал возродить роль Крыма как бастиона, *«защищающего благородную утонченность Юга от беспощадного неистовства Севера»*. В этом, по его мнению, были заинтересованы «все цивилизации», в число которых Россия не входила [Grant 1855: 105–111].

Участник британской экспедиции в Тавриду Томас Милнер, опубликовавший описание полуострова, по понятным причинам предпочел негативно оценить роль России в его истории. Он не раз цитировал Кларка (зачастую не называя его имени), например, рассказывая о том, как русские обманули несчастного хана Шагин-Гирея, или как они варварски разрушили загородный дворец ханов Ашлама-Сарай [Milner 1855: 236–239, 243–250, 268–269; ср.: Clarke 1816: 172–179]. Иногда Милнер «творчески развивал» антирусские инвективы Кларка. Так, известная история с татарским конвоем, сопровождавшим Екатерину II в Крыму, и о радостной встрече императрицы местными жителями, превратилась в рассказ о грандиозном обмане, который придумал «князь плутов» Потемкин. *«Преданные мурзы, беи, имамы, аги и солдаты были цыганами, евреями, армянами и казаками, обряженными по случаю в костюмы татарской знати, чиновников и солдат»* [Milner 1855: 259–260]. Характерно, что анекдотичный характер этого рассказа, противоречащего всем доступным источникам, не мешает предубежденным современным историкам реконструировать события в сходном духе [например, Возгрин 2013: 417–420].

В годы Крымской войны англичане и французы, прикрываясь риторикой о необходимости «спасения» памятников археологии, очень напоминавшей Кларкову, вели раскопки в Херсонесе, на Керченском полуострове и на Тамани и вывозили находки на Родину [Шаманаев 2016: 163–173; Орехов 2017: 231–236]. Сожжение Керчи и уничтожение местного музея произвело тягостное впечатление даже на американ-

ского шкипера Джона Кодмана, командира зафрахтованного французами транспортного судна. По его словам, действия союзников ничем не отличались от Наполеона, ограбившего музеи Италии [Codman 1897: 76–77]. Сложнее пришлось британскому врачу Данкану Макферсону, занимавшемуся «раскопками» близ Керчи. С одной стороны, в свое оправдание, он повторил рассуждения о «русском вандализме», который якобы «стер с лица земли все следы величественных развалин, некогда здесь существовавших». С другой, не смог не согласиться с тем, что разграбление города и убийства жителей были варварством, а уничтожение музея и его уникальной коллекции – делом «почти святотатственным». Пришлось переключать ответственность на союзников британцев – турок и радостно встречавших их татар. В конце концов, заключил доктор, «вероятно даже к лучшему, что все это произошло», ведь город погиб в пожаре [McPherson 1857: 32, 40–43].

Таким образом, травелоги Кларка и Хебера представляют собой этап изучения и осмысления Крыма британской и, шире, западноевропейской культурой. Их суждения, иногда поверхностные, иногда пристрастные, зачастую диктовались стереотипами. Но широкий кругозор и обширные знания путешественников позволили создать целостный образ Крыма и способствовали его популяризации в культуре Запада. Они описали регион с богатым прошлым, в настоящее время пребывающий в упадке и запустении, отчасти в силу исторических обстоятельств, отчасти – из-за нерадения и злоупотреблений властей, действия которых не всегда подвластны английскому здравому смыслу. Анализируемые травелоги демонстрирует особенности мышления на переходе от эпохи Просвещения к эпохе Романтизма, когда наука еще не вполне отделилась от литературы. Показательно, что взгляды двух британцев на исторические и этнические процессы в целом совпадают. Но когда речь заходила о современности, их мнения расходились. Это объясняется спецификой характера, восприятия и вкусов авторов. Кларк куда более эмоционален, склонен к скоропалительным суждениям, а его политизированные записки написаны с позиций британского превосходства и имеют выраженные черты ориентализма и ксенофобии. Хебер гораздо более сдержан, рационален, ориентирован на практические вопросы. Кларк консервативен, и потому его представления об идеальном будущем Крыма сводились к возвращению полуострова в состояние до 1783 г. Хебер считал необходимым развивать экономику и инфраструктуру региона, встраивать их в общероссийскую и общеевропей-

скую систему. Читатель травелогов мог задуматься об эффективности российского правления и, следовательно, о том, выполняла ли Россия прогрессивную историческую миссию. Травелог Кларка подразумевал отрицательный ответ на оба вопроса; записки Хебера – сдержанно-пессимистический. Некоторые заложенные на рубеже XVIII–XIX вв. стереотипы, к сожалению, сохранились в Западном сознании до наших дней.

ЛИТЕРАТУРА

- Ададуrow В. В. «Наполеоніда» на сході Європи: уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних країн Російської імперії на початку XIX століття. Львів, 2007.
- Ададуrow В. В. Война цивилизаций. Социокультурная история русского похода Наполеона. Т. 1. Киев, 2017.
- Байрон Дж. Г. Сочинения в трех томах. Т. 1. М., 1974.
- Белов М. В. Открытие «братьев-славян»: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века. СПб., 2018.
- Бертъе-Делагард А. Л. Древности Южной России. Раскопки Херсонеса // МАР. 1893. № 12.
- Богданов К. А. О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М., 2006.
- Возгрин В. Е. История крымских татар. Т. II. 3-е изд. Симферополь, 2013.
- Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. с англ. И. И. Федюкин. М., 2003.
- Гибадуллин М. З., Аюпов А. А., Нуриева А. Р., Шагимарданов А. Р. Предпринимательство и ислам: российский исторический опыт. Казань, 2016.
- Дружинина Е. И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М., 1959.
- Езерник Б. Дикая Европа. Балканы глазами западных путешественников / пер. со словен. Л. А. Кириллина. М., 2017.
- Зелић Г. Житіє сирѣчь рождениє, воспитаніє, странствованія, и разлчина по свѣту и у отечеству приключенія и страданія. Будим, 1823.
- История внешней политики России. Первая половина XIX века (от войн против Наполеона до Парижского мира 1856 г.) / ред. О. В. Орлик, Н. В. Пономарев. М., 1999.
- Конкин Д. В. Российские помещики в Крыму (конец XVIII – начало XIX вв.): новые люди со старыми взглядами // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII.
- Конкин Д. В. Крым в наполеоновскую эпоху: «французский след» в региональной политике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 3.
- Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах [в одной книге]. 2е изд. / пер. с лат. А. С. Бобович. СПб., 1993.
- Корф М. Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования. Рождение и первые двадцать лет жизни (1796–1817 гг.) // СИРИО. 1896. Т. 98.
- Монтескье Ш. Л. О духе законов / пер. с франц. А. В. Матешук. М., 1999.

- О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева* / ред. М. В. Нечкина, Е. Л. Рудницкая. М., 1985.
- Орехов В. В.* В лабиринте крымского мифа. Великий Новгород; Симферополь; Нижний Новгород, 2017.
- Паллас П. С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / пер. с нем. А. Л. Бертье-Делагард, С. Л. Белявская. М., 1999.
- Прусская Е. А.* Французская экспедиция в Египет 1798–1801 гг.: взаимное восприятие двух цивилизаций. М., 2016.
- Ржеуцкий В. С.* Французы на русских дорогах: иммиграционная полика Екатерины II и формирование французских землячеств в России // Европейское просвещение и цивилизация России. М., 2004.
- Руссо Ж.-Ж.* Трактаты / пер. с франц. А. Д. Хаютин, В. С. Алексеева-Попова. М., 1969.
- Саид Э. В.* Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. А. В. Говорунов. М., 2006.
- Таньшина Н. П.* Самодержавие и либерализм: эпоха Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского. М., 2018.
- Толочко А. П.* Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. Киев, 2012.
- Храпунов Н. И.* Крым в описаниях Реджинальда Хебера (1806 г.) // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV.
- Храпунов Н. И.* Херсонес в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX в. // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII.
- Храпунов Н. И.* Бахчисарай Эдварда-Даньела Кларка: Восток, Россия и Крым // ПИФК. 2014. № 4.
- Храпунов Н. И.* Взгляд извне: британский поэт и путешественник Реджинальд Хебер о состоянии Крыма в 1806 г. // Крымское историческое обозрение. 2015. № 3.
- Храпунов Н. И.* Крымские древности глазами Эдварда-Даньела Кларка: от археологии к идеологии // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 3.
- Храпунов Н. И.* «Место, богатое воспоминаниями и иллюзиями»: образы Тавриды в сочинениях путешественников // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825. Севастополь, 2017а.
- Храпунов Н. И.* Зарубежные путешественники о будущем Крыма // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825. Севастополь, 2017б.
- Храпунов Н. И.* Крымские древности глазами западноевропейских путешественников конца XVIII – начала XIX в. // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2.
- Шаманаев А. В.* Вывоз из Крыма археологических находок за рубеж в XVIII – начале XX века: перспективы исследования проблемы // Ученые записки Крымского федерального университета. Исторические науки. 2016. Т. 2. № 2.
- Шатне М. дю.* Жан Батист де Траверсе, министр флота российского / пер. с франц. М. Л. Андреева. М., 2003.
- Янницы Ф.* Греческий мир в конце XVIII – начале XX в. по российским источникам (к вопросу об изучении самосознания греков). СПб., 2005.
- Alexander J. E.* Travels to the Seat of War in the East through Russia and the Crimea in 1829. Vol. II. London, 1830.

- [Byron G. G.] *The Works of Lord Byron. Complete in One Volume.* London, 1842.
- Clarke É.-D. *Voyages en Russie, en Tartarie, et en Turquie.* T. 2. Paris, 1813.
- Clarke E. D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa.* Pt. 1. 4th ed. Vol. 2. London, 1816.
- Clarke E. D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa.* Pt. 2. Sect. 2. 4th ed. Vol. 6. London, 1818.
- Codman J. *An American Transport in the Crimean War.* New York, 1897.
- Cross A. G. *From the Assassination of Paul I to Tilsit: The British in Russia and Their Travel Writings (1801–1807)* // *Journal of European Studies.* 2012. Vol. 42/1.
- Eisner R. *Travelers to an Antique Land: The History and Literature of Travel to Greece.* Ann Arbor, 1993.
- Grant A. *An Historical Sketch of the Crimea.* London, 1855.
- [Heber R.] *The Life of Reginald Heber, D.D., Lord Bishop of Calcutta* / ed. A.Heber. Vol. I. New York, 1830.
- Kozelsky M. *Crimea in War and Transformation.* Oxford, 2019.
- Ligne Ch.-J. de. *Lettres et pensées.* Paris; Genève, 1809.
- Lyall R. *Travels in Russia, the Krimea, the Caucasus, and Georgia.* Vol. I. London, 1825.
- McPherson D. *Antiquities of Kertch, and Researches in the Cimmerian Bosphorus.* London, 1857.
- Milner Th. *The Crimea, Its Ancient and Modern History: The Khans, the Sultans, and the Czars.* London, 1855.
- Observations on the first volume of Dr. Clarke's Travels in Russia, Tartary and Turkey* // *The American Review of History and Politics.* 1812. Vol. III.
- O'Neill K. *Constructing Imperial Identity in the Borderland: Architecture, Islam, and the Renovation of the Crimean Landscape* // *Ab imperio.* 2006. Vol. 2.
- Otter W. *The Life and Remains of Edward Daniel Clarke; Professor of Mineralogy in the University of Cambridge.* New York, 1827.
- Pepys H. *The Remains of the Late Viscount Royston, with a Memoir of His Life.* London, 1838.
- Review of: Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa, Pt. 1* // *The Edinburgh Review.* 1810. Vol. XVI,.
- Ročko A. *Polski Grand Tour 'dam modnych'* // *Polski Grand Tour w XVIII i początkach XIX wieku.* Warszawa, 2014.
- Svinine P. *Sketches of Russia.* 2nd ed. London, 1843.
- The Cambridge Companion to Travel Writing* / ed. P. Hulme, T. Youngs. Cambridge, 2002.
- Webster J. *Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt.* Vol. I. London, 1830.
- Williams B. G. *The Crimean Tatars: The Diaspora Experience and the Forging of a Nation.* Leiden; Boston; Köln, 2001.

КРЫМСКИЕ ДРЕВНОСТИ ГЛАЗАМИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX В.

Н. И. Храпунов

После присоединения Крыма к России в 1783 г. полуостров стал в буквальном смысле местом паломничества путешественников, большей частью иностранцев [см. каталоги: Маркевич 1894–1902; Cross 2014]. Прежде о Крыме европейцы почти ничего не знали. Не случайно Монтеस्कье использовал его имя как синоним «белого пятна» на карте [Монтеस्कье 1999: 122]. В западной культуре путешествие понималось как поиск знаний, способ образования и совершенствования личности, а публикация путевых заметок считалась хорошим тоном [Chaney 1998: 30]. В Европе античность стала модной, а Древнюю Грецию и Рим начали воспринимать как колыбель европейской цивилизации [Eisner 1993: 63–88].

Однако Балканский полуостров оставался относительно закрытым для европейцев, поскольку находился под властью Османской империи. Отсюда их большой интерес к памятникам античности в Крыму, где также можно было познакомиться с наследием других культур – средневековой геноуэзской, золотоордынской и Крымского ханства. Путешественники уделили немало внимания прошлому Тавриды. Они собрали обширную информацию, создали текстуальные описания, рисунки и интерпретации. С их трудами связан начальный этап научного изучения прошлого Крыма как особого историко-культурного региона. В сочинениях путешественников сохранились описания и зарисовки памятников культурного наследия, впоследствии пострадавших от антропогенных и природных факторов, что очень важно для современных научно-реставрационных проектов. Записки путешественников широко используются при изучении научных исследований, в том числе в Крыму [Эрнст 1929; Равдоникас 1932; Формозов 1986; Формозов 2000; Тункина 2002; Тункина, 2011; Герцен 2008; Герцен, Могаричев 2015; Храпунов 2011; Храпунов 2015; Храпунов 2016b; Храпунов 2017a; Репников 2019]. Однако ряд вопросов остается не до конца раскрытыми, прежде всего те, что связаны с влиянием (прото)научных представлений конца эпохи Просвещения – начала Романтизма на путешествующих интеллектуа-

лов, воздействием на них европейского Ориентализма и разнообразных культурных стереотипов.

Путешественники осмыслили отдельные памятники как туристические достопримечательности, обратив на них внимание многочисленных читателей. В эпоху, когда не было современных средств массовой информации, именно травелоги рассказывали широкой публике о дальних странах. Так был создан образ Крыма в зарубежной культуре. Наконец, некоторые путешественники использовали описания крымских памятников как «идеологическое оружие», иногда направленное против России, а иногда – призванное обосновать необходимость совместных с Россией экономических проектов. Всё это и обуславливает актуальность изучения травелогов как особой группы источников.

Отметим жанровое разнообразие путевых записок, среди которых – энциклопедические описания, дневники, подборки писем, литературные проекты и даже рассказы о никогда не совершавшихся поездках. Понятно, что эти сочинения имеют различную информативность и нередко больше говорят об авторе, чем о наблюдаемых им объектах и явлениях. Некоторые путешественники приезжали в Крым лишь на несколько дней, другие проводили здесь годы как частные лица или находясь на государственной службе. Определяющим фактором представляется позиция авторов как внешних по отношению к региону наблюдателей.

Изучая записки путешественников, приходится иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, их рассуждения и интерпретации всегда сочетали эмпирические наблюдения с привезёнными с собой стереотипами, шаблонами мышления и предубеждениями, подтверждения которым искали и зачастую находили в дальних странах. Во-вторых, любые путевые записки субъективны, и, как правило, степень этой субъективности определить невозможно. Методический инструментарий исследования записок травелогов успешно разрабатывается современными гуманитарными дисциплинами [The Cambridge Companion 2002: 261–273; Толочко 2012: 50–76; Белов 2018: 519–531].

Благодаря путешественникам удалось получить информацию об открытии в 1827 г. одного из ключевых памятников крымской археологии – столицы государства поздних скифов (предполагаемого Неаполя) на окраине Симферополя. Известия об этом сохранились в периодической печати и у первого раскопщика памятника И. П. Бларамберга [Тункина 2002: 538–542; Тункина 2014]. Рассказ шотландца Джеймса Уэбстера раскрыл прежде неизвестные подробности. Через несколько месяцев после открытия

памятника путешественник общался в Симферополе с местным помещиком Александром Султан-Крым-Гиреем, который прекрасно говорил по-английски. Он показал шотландцу *«грубо исполненный рельеф скифского воина верхом на коне. Возле него была надпись, где упоминался царь Скилур. По словам Султана, её нашли в миле от Симферополя. Он полагает, что соседний холм – это место, где была третья крепость Скилура. Там есть много очень древних и интересных развалин, которым, однако, русские выказывают немного уважения, употребляя рельефы и камни с надписями для ремонта дорог. Чтобы убедить нас в этом, Султан выехал на участок дороги и, указывая на камни, сказал: “Они лежали там”. Можно ли вообразить что-то более варварское?»* [Webster 1830: 94].

Судя по этому рассказу, Султан-Крым-Гирей обнаружил в дорожном полотне строящейся трассы Симферополь – Алушта рельеф с изображением всадника и греческую надпись. Сопоставив её со словами античного географа Страбона о крепостях скифского царя Скилура, он пришёл к выводу, что камни взяли из скифского Неаполя. Явно гордясь находкой, он не только сообщил о ней директору Одесского музея древностей Бларамбергу, но и рассказывал приезжающим в Крым иностранцам. Бларамберг же никогда не упоминал имени первооткрывателя крепости. Возможно, дело в ревности учёного мужа к дилетанту, случайно совершившему блестящее открытие [подробнее: Храпунов 2015].

Записки путешественников доказывают, что к XVIII в. уже забыли, где именно находился древнегреческий город Херсонес, который в византийское время, уже под именем Херсона, стал местом крещения Руси. Некоторые думали, что Херсон был тождественен средневековой Кафе (Феодосии), и что крещение Руси произошло в юго-восточном Крыму. Например, по словам француза Шарля де Бара, уже в 1784 г. ему показали феодосийские памятники, которые местные жители связывали с крещением древнерусского князя: *«Две достопримечательности Кафы – церковь, где крестился Владимир, великий князь русский, которую турки обратили в мечеть»* [Vaert 1798: 23]. Прославленный фельдмаршал Бурхард-Кристоф (Христофор Антонович) Миних, в 1736 г. возглавлявший российскую армию, успешно вторгнувшуюся в Крым, полагал, что крещение Владимира произошло в Козлове (ныне Евпатория). Автор примечаний к Копенгагенскому изданию его записок 1774 г. отметил, что, по мнению каких-то авторитетов, Херсонес *«был там, где нынче находится город Керчь»* [Миних 2017: 71]. Аналогичную мысль высказал сербский историк Захария Орфелин [Орфелин 1772: 73–74].

Источником могла быть польская хроника Мацея Стрыйковского (вторая половина XVI в.), где Корсунь однажды назван «Korschim», а читатели могли понять это название как «Керчь»; сам же поляк пояснил, что Корсунь находился «в Таврике где ныне татарский Киркель (*Kirkiel*)» [Maciej Strykowski 1846: (Ks. 5. Rozd. X) 129]. Киркель – это искаженное «Кырк-Ор», другое название Чуфут-Кале, средневековой крепости на окраине нынешнего Бахчисарая. Итальянский исследователь второй половины XVIII в. Франческо Бекаттини поместил Херсон в Арабате, османской крепости в северо-западной части Керченского полуострова [Becattini 1785: 11]. В 1786 г. капеллан британской колонии в Петербурге Уильям Тук (1744–1820) отправил в английский журнал «Gentleman's Magazine» серию писем, рассказавших читателям о своем путешествии по России. До Крыма он, правда, так и не добрался, но описал полуостров, используя сведения, собранные русским путешественником Василием Федоровичем Зуевым (1782 г.). Перечисляя «достопримечательные места» полуострова, Тук отнес к их числу «Мангуп – древний Херсонес» [Тооке 1786: 648]. Речь идет о крепости на вершине горы – центре средневековой крымской Готии. В этом отрывке англичанин, очевидно, неверно понял слова Зуева, который Мангуп от Херсонеса, конечно же, отличал [Зуев 1790: 281]. Вопрос о местоположении древнего города интересовал Екатерину II. Доверившись мнению Василия Никитича Татищева, императрица решила, что Херсон (Херсонес) находился в низовьях Днепра [Екатерина II 1801: 124–125, прим. 9; Татищев 1995: 60–62, 232, прим. 182], а потому «передала» его имя вновь основанному городу – ныне областному центру Украины [подробнее: Храпунов 2016а; Храпунов 2016 с].

Историческое местоположение Херсонеса-Херсона было установлено после присоединения Крыма, причём важную роль в этом сыграли ездившие по Тавриде по поручению российского правительства таврический вице-губернатор Карл-Людвиг (Карл Иванович) Габлиц и член Российской академии наук Петер-Симон Паллас. Правда, Габлиц решил, что город Херсонес занимал все пространство к западу от линии Балаклава–Инкерман площадью около 100 км². Разбросанные по этой огромной территории развалины он считал развалинами древних городских построек [Габлиц 1803: 11; Габлиц 1822: 158–159].

Другу Габлица – Палласу удалось установить, что этот полуостров занимала хора, то есть сельская территория Херсонеса, а упомянутые развалины построек были сельскими усадьбами и остатками агротех-

нических и оборонительных сооружений. Сам древний город находился на берегу современной Карантинной бухты (Габлиц принимал его стены за остатки цитадели) [Паллас 1999: 40–49]. Но точно определив местоположение Херсонеса, Паллас, кажется, сам того не желая, создал новый топоним, до сих пор украшающий карту Крыма. Разбирая известия античного географа Страбона об этих местах, немецкий ученый понял фразу о «*городе гераклейцев, их колонии на Понте, также именуемом Херсонесом*» («*πόλις Ἡρακλεωτῶν ἄλοικος τῶν ἐν τῷ Πόντῳ, αὐτὸ τοῦτο καλούμενη Χερρόνησος*») [Strabo 1877: 423] в том смысле, что здесь речь идет о полуострове, образующем юго-западную оконечность Крыма [Pallas 1801: 55; ср.: Паллас 1999: 40]. Отсюда, по-видимому, и возник современный топоним «Гераклеийский полуостров», определяющий юго-западную оконечность Крыма.

Бывало и так, что травелогии фиксировали местные предания, возникшие вокруг необычных архитектурных и археологических объектов. Конечно, авторами подобных интерпретаций были не неграмотные местные крестьяне, но образованные «люди империи», офицеры и чиновники, интересовавшиеся историей. Путешественники же интересовались прошлым Крыма, о котором знали из книг и даже театральных постановок. Вот что писал, например, знаменитый остро слов и придворный принц Шарль де Линь, уроженец южных Нидерландов (ныне Бельгия), оказавшийся в Крыму в 1787 г. в свите Екатерины II. «*Приехав в Тавриду, я намеревался возвысить свою душу через те великие вещи, истинные и ложные, что здесь произошли. Мой разум был готов обратиться к героическому – с Митридатом, к сказочному – с Ифигенией, к воинскому – с римлянами, к изящным искусствам – с греками, к разбойному – с татарами, и торговому – с генуэзцами. Все эти народы мне хорошо знакомы; но, правда, вот дела! все они исчезли в “Тысячи и одной ночи”*» [Ligne 1809: 51].

Царь Митридат VI Евпатор (ок. 120–63 гг. до н. э.) правил государством Понт в Малой Азии. Ему удалось подчинить своей власти значительную часть Крымского полуострова, в том числе занимавшее берега Керченского пролива Боспорское царство. Его история вдохновила знаменитого французского драматурга Жана Расина на создание трагедии «Митридат» (1673), которая, в свою очередь, была использована Вольфгангом-Амадеем Моцартом для оперы «Митридат, царь понтийский» (1770). Расин использовал сведения древних авторов – Аппиана и Плутарха. Место действия пьесы он определил как «*Нимфей, мор-*

ской порт на Киммерийском Боспоре, в Таврическом Херсонесе» [Racine 1825: 8]. Ввязавшись в войну с могущественной Римской империей, понтийский царь потерпел поражение. Последний акт разворачивается в царском дворце: не желая попасть в руки врагов, Митридат кончает с собой [Racine 1825: 112–115]. Зритель (или читатель) мог заключить, что великий царь был погребен где-то поблизости – хотя, как известно из древних авторов, римляне решили похоронить своего благородного противника в семейном склепе в Синопе, на противоположном берегу моря. Но в конце XVIII в. жители Керчи неоднократно пытались отыскать могилу Митридата в окрестностях современного города. Очевидно, с древним царем пытались связать один из курганов, которых у Керчи было множество. Французский путешественник, гувернер и секретный агент Жильбер Ромм, ездивший из Киева в Крым в 1786 г., записал, что такие работы велись на восточном берегу пролива. *«Я узнал, что какие-то люди предприняли безрезультатные раскопки на острове Тамань в надежде найти гробницу Митридата. Не знаю, у какого историка вычитали, будто этот князь там погребен, но какая-то гробница там была; об этом свидетельствует мраморная крышка [саркофага] под фонтаном в Еникале»* [Romme 2016: 105]. Писатель говорит здесь о крышке мраморного античного саркофага, которую он видел прежде. Ее превратили в бассейн для сбора воды в фонтане на территории бывшей османской крепости Еникале. По словам собеседников француза, ее привезли с Тамани, *«где он[а] служил[а] тому же назначению»* [Romme 2016: 97]. Очевидно, такие находки стимулировали фантазию кладоискателей.

Англичанин Эдвард-Даньел Кларк, осматривавший Крым в 1800 г. и имевший особый интерес к античности, рассказал о другом местном поверье, также касавшимся Митридата VI. Со ссылкой на знакомых греков, он писал: *«Керченские предания прямо противоположны истории – они утверждают не просто что здесь умер Митридата, но что его похоронили на небольшом расстоянии от города, где до сих пор показывают его якобы могилу <...> Среди живущих в Керчи греков она носит имя “гробницы Митридата” <...> Татары называют ее Алтын-Оба»* [Clarke 1816: 111]. По современным представлениям, величественный Золотой курган (по-тюркски «Алтын-Оба») насыпан над каменной гробницей, которая гораздо древнее понтийского царя (IV – начало III в. до н. э.) и, вероятно, принадлежала членам правившей на Боспоре династии [Виноградов 2007: 5–17]. О «народной молве», называющей Золотой курган могилой

Митридата, упомянул и французский врач Руа, участник русского похода Наполеоновской армии в 1812 г., оказавшийся в плену и вернувшийся на родину два года спустя, через Крым [Французы 1912: 201].

Таких примеров переосмысления древних памятников в Крыму довольно много. Например, величественные мечети в Феодосии, Бахчисарае и Евпатории иногда считали перестроенными христианскими храмами. Очевидно, в этом проявлялся особый взгляд на восточную культуру, которую считали неспособной создать подобные памятники [подробнее: Храпунов 2019: 414–416]. Другим примером могут быть легенды, возникшие вокруг церкви Иоанна Предтечи в Керчи. Эту византийскую постройку (рубеж IX–X вв.) стали связывать с деятельностью первых христиан. Известный писатель и журналист Павел Свиньин, побывавший в городе в 1825 г., писал: *«Великое множество надписей, барельефов, отломков от колонн, вмазанных в стены церкви и находимых вокруг ея, заставляют полагать, что она построена была первыми пришедшими сюда христианами, из развалин храма знаменитого Эскулапа Пантикапейского, о коем упоминают древние писатели. Есть еще предание, что церковь сия воздвигнута одним из св. апостолов, притекшим к берегам Черного моря проповедовать святое Евангелие...»* [Свиньин 1828: 11–12]. Основанием для возникновения легенды был, в частности, постамент античной статуи, очевидно найденный в окрестностях и принесенный в церковь. Его стали связывать с чудом – якобы некий святой (апостол Андрей или, в другом варианте, Иоанн Предтеча) оставил здесь отпечатки своих ног [подробнее: Храпунов 2019: 410–414].

Иногда записки путешественников позволяют разоблачить некоторые мифы, сохраняющие актуальность до наших дней. Одной из достопримечательностей Крыма считался город Чуфут-Кале, расположенный на безводной вершине горы близ Бахчисарая. Здесь жили караимы – неталмудические иудаисты, говорившие на тюркском языке. В долине под стенами города лежало живописное караимское кладбище. В национальной караимской историографии фигурируют надгробия с датами, относящимися к первому тысячелетию н. э., свидетельствующие о долгой истории крымских караимов. По мнению же большинства современных исследователей, эти даты подделаны во второй половине XIX в. [см. подробнее: Федорчук 2008]. Путешественники с удовольствием общались с лидерами караимской общины. Жан Рёйи, Роберт Пинкертон и Эбенезер Хендерсон свидетельствуют, что в 1-й четверти XIX в. сами караимы считали, что древнейшие надгробия кладбища Чу-

фут-Кале относятся к XIII–XIV вв., и именно тогда их предки прибыли в Крым [Reuilly 1806: 133, n. I; Pinkerton 1817: 75; Henderson 1836: 313–315]. Впрочем, другие авторы зафиксировали караимские предания, согласно которым их история в Крыму была куда более древней [Campenhausen 1807: 108; Pepys 1838: 171; Grellet 1860: 464; Webster 1830: 81].

Записки путешественников зачастую проиллюстрированы собственноручными рисунками. Здесь представлены памятники, впоследствии полностью или частично разрушенные. Выделяется альбом чертежей архитектурных объектов, выполненный шотландским архитектором на русской службе Уильямом Хейсти (Василием Гесте) в 1798 г. Служивший тогда архитектором Екатеринославского наместничества, в состав которого входил и Крым, он выполнил изображения ханского дворца в Бахчисарае, мечетей и церквей в Феодосии, «мечети хана Узбека» в Старом Крыму, мечетей и фонтана в Евпатории [РНБ. Отдел рукописей. Ф. 550, ОСРК. Ф. XIII. № 6]. Частично эти чертежи отражают текущее состояние памятников, частично – планы их реконструкции. Из-за отсутствия поясняющих надписей разделить их на две группы не всегда возможно. В любом случае они свидетельствуют о том, что российское правительство было заинтересовано в сохранении исламского культурного наследия и рассматривало варианты его реставрации [Храпунов 2017b]. Публикация этих и других визуальных источников должна стать предметом новых проектов, в которых будут заинтересованы не только археологи и историки архитектуры, но и реставраторы.

Путешественники превратили некоторые памятники в туристические достопримечательности, описав их как чрезвычайно любопытные объекты, требующие обязательного осмотра. Благодаря их текстам воплощением исламской культуры в Крыму стали считать Бахчисарай с ханским дворцом, а не менее впечатляющие мусульманские постройки Евпатории или Феодосии. Путешественник, обладавший литературным талантом, нередко оказывал куда большее влияние на ехавших по его следам или читавших его труд в тишине кабинета, чем тот, кто отличался наблюдательностью и научными знаниями. Например, сделанные де Линем описания ханского дворца в Бахчисарае очень неконкретны, но зато невероятно привлекательны благодаря изобилию романтических деталей. *«Я нахожусь в гареме последнего крымского хана, который был совсем неправ, сняв лагерь свой и передав русским четыре года назад прекраснейшую страну на свете. Судьба назначила мне комнату милейшей из его султанш <...> В нашем дворце, где есть место мавританскому,*

арабскому, китайскому и турецкому, повсюду фонтаны, небольшие сады, картины, позолота и надписи; среди прочего, в диковиннейшем и великолепнейшем зале суда кругом по карнизу идут золотые буквы, гласящие по-турецки: “К досаде зависти, да будет известно всему миру, что ни в Исфахане, ни в Дамаске, ни в Стамбуле нет такого богатства, как здесь”» [Ligne 1807: 51–52]. Труд де Линя оказал большее влияние на русскую культуру. К примеру, Александр Сергеевич Пушкин, работая над поэмой «Бахчисарайский фонтан», ориентировался не только на свои воспоминания о Крыме, но и на романтические образы из сочинения бельгийца [Dickinson 2002: 17–18, note 55; Пушкин 1910: 274–275, №№ 1102–1103].

Сочинение де Линя показывает, какую власть мог иметь дискурс, иногда подменявший собой реальность. Читавшие его путешественники повторяли мысль бельгийца, что в Старом Крыму можно увидеть не только множество памятников мусульманской эпохи, но и пейзаж на фоне трёх «морей» – Черного, Азовского и залива Сиваш [Ligne 1807: 844–846; Sestrenczewicz de Bohusz 1800: 22]. В реальности город лежит в ложбине между горами, а потому если оттуда и можно увидеть море, то одно – Черное. Как писал по другому поводу (хотя также в крымском контексте) Пушкин: «Видно, мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических» [Пушкин 1996: 250–252]. Записки де Линя, наряду с другими рассказами, заложили представления о Старом Крыме как о достопримечательности, которую просто необходимо увидеть туристам – ведь здесь можно почувствовать дух ушедшей в прошлое эпохи.

В сочинениях путешественников нередки ошибочные суждения, которые могут показаться нам забавными, но на самом деле показывают, как далека от современной была научная мысль эпохи Просвещения – начала Романтизма. Исторической лингвистики ещё не существовало, и потому простое созвучие названий представлялось важнейшим обстоятельством. Не была выработана современная этнологическая классификация народов, основанная, прежде всего, на языковых признаках. Потому думали, что в ходе исторического процесса народы не исчезают бесследно, а как бы перетекают друг в друга, меняя только имена. Важнейшим – хотя и не единственным – свойством народа полагалось его название [Слёзкин 2005: 124–128], а потому этнология эпохи Просвещения фактически сводилась к поиску современных соответствий древним этнонимам. Символом подобных представлений является известная картина Петера-Пауля Рубенса «Царица Томирис с головой Кира».

На этом полотне скифская правительница VI в. до н. э. и ее приближенные одеты как польские шляхтичи Нового времени [Шевченко 2014: 5].

Множество примеров такого рода находим в описаниях Крыма. Так, связав название полуострова с городом Эски-Крым (Старый Крым), пытались отыскать его предшественника в античности. Для этого подбирали известные греческим и римским географам города с похожими названиями – Карею, Кермны или Киммерик (игнорируя, что те должны были находиться на берегу моря, а не в глубине полуострова, как Старый Крым). На основании такого же созвучия «обнаруживали» связь между городом и древними народами – киммерийцами и кимврами [Храпунов 2016b: 837–841].

Одним из тех, кто увлекался подобными построениями, был шотландец Маттью Гатри, много лет служивший врачом в Петербурге. После безвременной смерти любимой жены, он решил почтить ее память экстравагантным образом, издав отдельной книгой описание Крыма, и его прошлого и археологических памятников, якобы представляющую собой письма мадам Гатри к мужу, отправленные из путешествия на юг. В реальности автором текста был сам доктор Гатри [Храпунов, Гинькут 2015: 159–161]. Гатри построил сложную, основанную на созвучии цепочку «киммерийцы – кимвры – кельты (галлы)», так что крымские жители оказались предками и шотландца Гатри, и его супруги – француженки [Guthrie 1802: 406, 193–195]. В другой раз Гатри заинтересовался караимами Чуфут-Кале. Народная этимология переводила их самоназвание как «чёрные евреи», по одежде чёрного цвета. Гатри вспомнил о древних меланхленах («черных плащах»), которые во времена Геродота жили где-то в Северном Причерноморье. Отсюда – предположение о родстве меланхленов и караимов: *«Не может ли это изолированное племя чёрных евреев быть остатком древнего народа, называвшегося “меланхленами” и упомянутого античными авторами среди жителей Меотиды, или Азовского моря, но ныне утраченном, который отличались от всех остальных наций в этих краях тем, что они носили черный наряд даже во времена Геродота, бывший равным образом необычным в этой части мира как тогда, так и сейчас?»* [Guthrie 1802: 84].

Путешественники нередко «обнаруживали» в Крыму следы всемирного потопа. Прежде всего, речь идёт о высеченных в камне кольцах, обычно связанных со средневековыми «пещерными городами», которые находились на вершинах гор. По современным представлениям, эти кольца использовались для привязывания скота или крепления деревянных

конструкций в искусственных пещерах. В описываемую эпоху у местных жителей были распространены предания о том, что к этим кольцам привязывали лодки в стародавние времена, когда море покрывало весь Крым, и лишь вершины гор возвышались над волнами. Отсутствие известных источников о «пещерных городах» способствовало популярности этой версии у путешественников. В подтверждение её привлекали свидетельство античного историка Диодора о водах, некогда переполнивших Чёрное море и вызвавших наводнение в Малой Азии, и рассуждения о всемирном потопе французского естествоиспытателя Жоржа-Луи де Бюффона [Храпунов 2014: 81–82; Храпунов 2017: 421–422].

Маттью Гатри, рассказывая о Севастопольской бухте, писал: *«Нам показывали какие-то железные кольца на значительной высоте, в скалах, которые, как говорит традиция, некогда служили для привязывания кораблей. Если это правда, то доказывает, что некогда Эвксин [Чёрное море – Н. Х.] был много выше, чем сейчас, и заставляет нас доверять свидетельствам древних относительно того, что он пробил проход через Боспор Фракийский и понизился до уровня Средиземного [моря]»* [Guthrie 1802: 92]. Француз Ромм не раз обращался к теме всемирных потопов, соотнося собственные наблюдения над географией увиденных мест и сделанными там находками с рассказами местных жителей. Подводя итоги своему путешествию, он даже составил хронологическую табличку разных событий из античной мифологии, включая три всемирных потопа [Romme 2016: 144]. Внимание путешественников к подобным сюжетам демонстрирует особенности мышления европейцев на рубеже XVIII–XIX вв.

Мало кто из путешественников избежал соблазна отыскать храм таврической Дианы (херсонесской Девы), который античные авторы помещали где-то на южных берегах Крыма. Здесь дочь царя Агамемнона – предводителя греков в Троянской войне – по имени Ифигения служила жрицей богини Артемиды, в жертву которой местное племя тавров приносило попавших в их руки чужестранцев. Как и в случае с Митридатом VI, об этом сюжете узнавали, как правило, не из первоисточника (трагедии Еврипида), а из французских и немецких переложений Нового времени [Формозов 2000: 48–51]. Поиски храма вели на всём южном побережье Крыма, а самой популярной локализацией была местность в окрестностях Георгиевского монастыря близ Балаклавы.

Античный миф, вероятно, не стоит понимать буквально, и вряд ли имеет смысл искать остатки описанного поэтом храма на крымской

земле [Скржинская 1991: 122–129; Иванчик 2005: 85–97; Подосинов, Джексон, Коновалова 2016: 50]. Но связав легенду с современным монастырём на мысе Фиолент, в местности дикой и очень живописной, путешественники превратили её в важнейшую крымскую достопримечательность. Не случайно Пушкин решил возразить скептицизму автора популярного описания Крыма Ивана Матвеевича Муравьева-Апостола, изучавшего Крым и его древности в 1820 г. По словам путешественника, *«Я <...> вывожу то заключение, что хотя бы и не совсем отвергать баснь о Ифигении, так по крайней мере признать должно в ней такую темноту и противоречие, что стараться извлечь из оной какую-нибудь историческую истину, в отношении к нашей Тавриде есть дело совершенно невозможное»* [Муравьев-Апостол 1823: 88]. Поэт, видевший Крым в том же году, не согласился с этой оценкой: *«К чему холодные сомненья? / Я верю: здесь был грозный храм, / Где крови жаждущим богам / Дымилась жертвоприношенья...»* [Пушкин 1994: 323].

Немцу Пирсу-Балтазару фон Кампенгаузену, состоявшему секретарем при Григории Александровиче Потёмкине, удалось даже обнаружить на берегу какие-то развалины, а среди них – кусок мрамора. Эту находку он интерпретировал как часть алтаря, украшенного резными изображениями, *«и к нему ещё крепится большое бронзовое кольцо, к которому приковывали несчастных, предназначенных в жертву»* [Camperhausen 1807: 112]. Сегодня невозможно установить, что это был за артефакт и какова его последующая судьба.

Иногда возникали фантазии негативные, стимулировавшие межэтнические конфликты. Археологические и архитектурные памятники, прошлое которых забылось, открывали простор для фантазии как местных жителей, так и приезжих. В Бахчисарае напротив ханского дворца находилась мечеть Ешиль-джами. Построенный в третьей четверти XVIII в. храм вскоре перестали использовать [Свод 2016: 102–106]. Кларк рассказал шокирующую историю о развлечениях русских солдат, ради забавы стрелявших из ружей по мулле, который призывал правоверных к молитве, и убивших его. *«Когда мурлы, то есть татарские священники, в полдень поднимались на минареты, чтобы, по обычаю, возгласить час молитвы, русские солдаты развлекались, стреляя в них из мушкетов; при одном из таких случаев был убит священник. Отвращение, который всякий английский читатель питает к подобным преступлениям, может заставить его усомниться в достоверности этого*

рассказа, но он приведен здесь в том виде, как был услышан от свидетеля этого факта» [Clarke 1816: 173].

Позднее другой британский подданный, Уэбстер, опроверг эту историю со ссылкой на своих крымских знакомых. Он записал в дневник свой разговор с генералом Андреем Михайловичем Бороздиным. *«Генерал сильно жаловался на Кларка, который, на протяжении шести недель, пока был в Симферополе, усвоил привычку едва ли не ежедневно у него обедать. Бороздин был тогда командующим войсками в Крыму. Кларк часто делал опрометчивые высказывания, но, поскольку он был приятным молодым человеком, еще и переполненным информацией, то единственной реакцией на его излишне резкую манеру выражаться был легкий укор. Генерал заявил нам, что Кларк сообщил ложные сведения о многих обстоятельствах, среди которых – история о русском, стрелявшем в муллу, то есть священника» [Webster 1830: 60].*

К концу XIX в. эту легенду приурочили к визиту Екатерины II в Бахчисарай. Местные жители рассказали французу Луи-Алексису Бертрену следующее: *«25 мая 1787 года, в то время как Екатерина Великая, въехав в Бахчисарай ближе к полудню, пересекала главную улицу по направлению к Ханскому дворцу, муэдзин мечети Потоцкой, как обычно, с вершины минарета созывал верующих на молитву. Один из казаков эскорта императрицы принял это за выражение неповиновения со стороны святого человека. Он выстрелил ему в рот, сразив наповал. В тот же день вершина минарета обвалилась, и двери оскверненной мечети закрылись навсегда» [Судак, Мели, Рамбо 2014: 198].* Это, конечно, совершенно невероятно, учитывая отсутствие подобного эпизода в обширном корпусе документов, связанных с пребыванием императрицы в городе. Сегодня невозможно установить, основан ли рассмотренный сюжет на каком-то реальном событии или же является фантазией, порождённой конфликтами, межнациональными стереотипами и политической пропагандой. Очевидно, смена политического статуса Крыма и перестройка жизни на полуострове нанесли местным мусульманам психологическую травму, которая порождала доверие к подобным рассказам. Дурно настроенные по отношению к России путешественники тиражировали эту историю в своих трудах.

Иногда историю использовали как аргумент при обсуждении политических и экономических проектов в Крыму. Жан Рёйи собирал информацию о полуострове по заданию наполеоновского правительства. Под влиянием Монтескье он рассматривал историю Крыма как противостояние двух начал – творческого западного, которое представляли греки

и генуэзцы, приносившего цивилизацию, технологии, торговлю, и разрушительного, воинственного восточного, которое воплощали скифы и татары [Reuilly 1806: 71–106, 152; ср. Монтескье 1999: 241–242]. По этой причине, констатируя безрадостное экономическое положение Крыма в 1803 г., француз предложил воспользоваться опытом средневековых генуэзцев. *«Крым расположен выгодно для торговли. Этот полуостров, окружённый Чёрным морем и Азовским морем, в которое впадает Дон, мог бы принимать в своих портах, особенно в Керчи и Каффе, товары из Индии, Персии и Сибири. При генуэзцах товары из Индии, Персии и Аравии шли в Астрахань, затем вверх по Волге, оттуда двигались по суше до Дона, отстоящего на шестьдесят вёрст, и далее по этой реке спускались до Азова, откуда их на судах везли в Каффу»* [Reuilly 1806: 189–190, et n. 1]. По его мысли, Крым должен был стать звеном в торговой системе, которая связала бы Францию и её заморские колонии с внутренними губерниями России, Сибирью и странами Востока, а также обеспечила бы доставку европейских и колониальных товаров на рынки Османской империи [Reuilly 1806: 198]. К реализации этого амбициозного проекта так и не приступили, но в данном случае любопытно именно использование исторических аргументов в интересах современной политики.

По-другому действовал Кларк. Для него судьба памятников археологии стала аргументом, доказывающим «нецивилизованность» России и русских, а также необходимость их изгнания из Крыма. По его мнению, русские повсеместно занимались целенаправленным уничтожением памятников археологии. В письме к другу он сожалел о том, что Крым остается совсем неизвестным на Западе. *«Почему же образованные путешественники не едут в эти места, где земля вымощена мраморными надписями, где историю можно поднять из могилы, и где скифы [т. е. русские – Н. Х.], более варварские, чем их предки-атропофаги [людоеды – Н. Х.], погребают ценнейшие свидетельства в фундаментах своих крепостей? О, если бы турки и татары снова стали хозяевами этой земли!»* [Otter 1827: 293]. Подобные обвинения, очевидно, должно было шокировать читателей, которые считали античность колыбелью европейской цивилизации.

Отдельным проявлением «варварства» Кларк считал то обстоятельство, что русские власти не позволяли путешественникам скупать по дешевке и вывозить за рубеж античные статуи, надгробия и надписи – разумеется, ради их «спасения» [Clarke 1806: 119, 149, 207, 208]. Например, увидев в Херсонесе надгробие Феагена (II в. н. э.) и восхитившись им, Кларк писал другу: *«Гробница Феагена, что посреди развалин города Херсонеса <...> взломана и*

разграблена войсками скифов [т. е. русских – Н. Х.], искавших строительные материалы. Я сделал это открытие случайно, заметив мраморную плиту, [некогда] закрывавшую устье гробницы, среди камней и раствора, предназначенных для ремонта греческой [т. е. православной – Н. Х.] церкви в Севастополе. Этот прекрасный барельеф изображает философа или историка с рукописным свитком в руке, а рядом с ним – его жена, <оба> в прекраснейшей драпировке, <свойственной> греческой скульптуре. Его мне продали за пустячную цену, но, когда скифские генералы узнали, что я получил нечто для себя ценное, то его отобрали. Я надеялся поместить его в публичной библиотеке с вместе другими [камнями], которые ранее отправил в Константинополь» [Otter 1827: 298]. Тем не менее, Кларку удалось вывезти в Англию группу надписей и рельефов, в том числе несколько находок из Крыма [Clarke 1809]. Те же памятники, что ему не удалось захватить с собой, вопреки прогнозам путешественника, и ныне хранятся в собраниях российских музеев. В частности, надгробие Феагена и его жены Ульпии находится в Государственном Эрмитаже.

Таковы были различные пути, которыми западные путешественники собирали, изучали и осмысливали информацию о прошлом и археологических памятниках Крыма. Их труды способствовали популяризации Крыма, создав привлекательный образ этого небольшого полуострова, где можно было наблюдать различные археологические памятники, которые становились туристическими достопримечательностями. Записки путешественников имели важное значение для первого этапа научного изучения Крыма. Наконец, именно благодаря им мы знаем о начале исследований таких важных объектов археологии, как Керменчик (скифский Неаполь) и Херсонес (византийский Херсон), а отдельные описания и рисунки, сохранившие ныне утраченные элементы памятников, имеют ценность для современных исследований и реставрационных проектов.

ЛИТЕРАТУРА

- Белов М. В. Открытие «братьев-славян»: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века. СПб., 2018.
- Виноградов Ю. А. Золотой курган (Алтын-Оба) // БИ. 2007. Вып. XVII.
- [Габлиц К.] Географические известия, служащие к объяснению прежнего состояния нынешней Таврической губернии, собранные из разных древних времен писателей, с тремя картами. СПб., 1803.
- [Габлиц К.] Изъяснение плана развалин древнего Херсона // Отечественные записки. 1822. № 22: февраль.

- Герцен А. Г.* Мангуп глазами исследователей и путешественников (XVI – начало XX вв.) // БИАС. 2008. Вып. 3.
- Герцен А. Г., Могаричев Ю. М.* Херсон и его округа в конце X–XI вв. «Пещерные города» // Русский исторический сборник: Средневековый Херсон X–XI вв. М.: Киммерийский центр, 2015.
- Екатерина II.* Записки касательно российской истории. Ч. I. СПб., 1801.
- [*Зуев В. Ф.*] Выписка из путешественных записок Василья Зуева, касающихся до полуострова Крыма. 1782 года // Собрание сочинений, выбранных из Месяцесловов на разные годы. СПб.: Императорская академия наук, 1790.
- Иванчик А. И.* Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М.; Берлин, 2005.
- Маркевич А. И.* Тауріса: опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще // ИТУАК. 1894. № 20; 1898. № 28; 1902. № 32–33.
- Миних Б. Х.* Записки. М., 2017.
- Монтескье Ш. Л.* О духе законов / пер. с фр. А. В. Матешук. М., 1999.
- [*Муравьев-Апостол И. М.*] Путешествие по Тавриде. В 1820 год. СПб., 1823.
- Орфелин З.* Житие и славные дела государя императора Петра Великого, самодержца всероссийского. Ч. I. Венеция, 1772.
- Паллас П. С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / пер. с нем. А. Л. Бертье-Делагард, С. Л. Белявская. М., 1999.
- Подосинов А. В., Джаксон Т. Н., Коновалова И. Г.* Скифия в историко-географической традиции Античности и Средних веков. М., 2016.
- Пушкин и его современники.* Материалы и исследования. Вып. IX–X. СПб., 1910.
- Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений в 17 т. Т. 2. М., 1994.
- Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений в 17 т. Т. 13. М., 1996.
- Равдоникас В. И.* Пещерные города Крыма и Готская проблема // ИГАИМК. 1932. Т. XII. Вып. 1–8 (Готский сборник).
- Репников Н. И.* Археологические памятники Гераклеяского полуострова. Обзор описаний и исследований памятников Гераклеяского полуострова с конца XVIII столетия до наших дней // Гераклеяский сборник. Вып. I. СПб., 2019.
- [*Свиньин П. П.*] Керчь, древняя Пантикапея (из живописного путешествия по России издателя «Отечественных записок») // ОЗ. 1828. Вып. 34. № 96 (апрель).
- Свод памятников истории, археологии и культуры крымских татар.* Т. I: г. Бахчисарай. Симферополь, 2016.
- Скржинская М. В.* Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев, 1991.
- Слѣзкин Ю.* Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005.
- Судак Л. де, Мели Ф. де, Рамбо А.* Французские путешественники в Крыму. XIX век / пер. с фр. Г. И. Беднарчик. Симферополь, 2014.
- Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. II–III: История российская. Часть вторая. М., 1995.

- Толочко А. Киевская Русь и Малороссия в XIX в. Киев, 2012.
- Тункина И. В. Открытие Феодосии. Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальный этапы истории Феодосийского музея древностей, 1771–1871. Киев, 2011.
- Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002.
- Тункина И. В. Позднескифские памятники Симферополя (открытия на Керменчике в 1784–1831 гг.) и их интерпретация в современной археологии // Грани гуманитарного знания. Сборник статей к 60-летию профессора Сергея Павловича Щавелева. Курск, 2014.
- Федорчук А. Еврейские некрополи Крыма: история исследования и современное состояние // Евразийский еврейский ежегодник 5768 (2007/2008). М., 2008.
- Формозов А. А. Страницы истории русской археологии. М., 1986.
- Формозов А. А. Пушкин и древности. Наблюдения археолога. М., 2000.
- Французы в России. Воспоминания о кампании 1812 г. и о двух годах плена в России / пер. с франц. А. Ельницкий. СПб., 1912.
- Храпунов Н. И. Херсонес в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX в. // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII.
- Храпунов Н. И. Записки Жильбера Ромма о Крыме: археологический комментарий // ФЕ. 2014. Т. 2: Франция и Восток.
- Храпунов Н. И. Некоторые новые данные о начале исследований городища Керменчик – предполагаемого скифского Неаполя // Археология и история Крыма. Вып. 2. Симферополь, 2015.
- Храпунов Н. И. Как Херсонес стал центром русского православия // МАИЭТ. 2016а. Вып. XXI.
- Храпунов Н. И. Старый Крым и его памятники глазами путешественников конца XVIII – начала XIX века // ЗО. 2016b. Т. 4. № 4.
- Храпунов Н. И. Византийский Херсон и Екатерина Великая // АДСВ. 2016с. Вып. 44.
- Храпунов Н. И. Мангупское городище в трудах путешественников конца XVIII – начала XIX в.: исследования и иллюзии // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII.
- Храпунов Н. И. Археологические и архитектурные памятники Крыма на рисунках Уильяма Хейсти (1798 г.) // Археология Северо-Западного Крыма. Симферополь, 2017b.
- Храпунов Н. И. Новые времена, новая святость: о переосмыслении археологических памятников Крыма в начале российской эпохи // Chersonos themata. Вып. 2: Миры Византии. Симферополь, 2019.
- Храпунов Н. И., Гинькут Н. В. Маттью Гатри и его «путешествие» в историю Крыма // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015. № 4.
- Шевченко І. Україна між Сходом і Заходом. Нариси з історії культури до початку 18 століття / пер. М. Габлевич. Львів, 2014.
- Эрнст Н. Л. Эски-Кермен и пещерные города Крыма // ИТОИАЭ. 1929. Т. III.
- [Baert Ch.-A. de]. Mémoire extrait du journal d'un voyage fait, au printemps de 1784, dans la partie méridionale de la Russie // Voyages historiques et géographiques dans les pays situés entre la Mer Noire et la Mer Caspienne. Paris, 1798. [Partie 3].

- Becattini F.* Storia della Crimea piccola Tartaria. Venezia, 1785.
- Campenhause[n] [B.] von.* Bemerkungen über Rußland. Leipzig, 1807.
- Chaney E.* The Evolution of the Grand Tour: Anglo-Italian Cultural Relations since the Renaissance. 2nd ed. London; New York, 1998.
- Clarke E. D.* Greek Marbles Brought from the Shores of the Euxine, Archipelago, and Mediterranean, and Deposited in the Vestibule of the Public Library of the University of Cambridge. Cambridge, 1809.
- Clarke E. D.* Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2. London, 1816.
- Cross A. G.* In the Lands of the Romanovs: An Annotated Bibliography of First-hand English-language Accounts of the Russian Empire (1613–1917). Cambridge (UK), 2014.
- Dickinson S.* Russia's First «Orient»: Characterizing the Crimea in 1787 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2002. Vol. 3. № 1.
- Eisner R.* Travelers to an Antique Land: The History and Literature of Travel to Greece. Ann Arbor, 1993.
- [Grellet S.]* Memoirs of the Life and Gospel Labours of Stephen Grellet / ed. B. Seebohm. Vol. I. Philadelphia, 1860.
- Guthrie M.* A Tour, Performed in the Years 1795-6, Through the Taurida, Or Crimea... London, 1802.
- Henderson E.* Biblical Researches and Travels in Russia... London, 1836.
- [Ligne Ch. J. de]* Lettres et pensées du maréchal prince de Ligne. 4me éd. Paris; Genève, 1809.
- Maciej Strykowski.* Kronika polska, litewska, żmódska i wszystkiój rusi. T. 1. Warszawa, 1846.
- Otter W.* The Life and Remains of Edward Daniel Clarke; Professor of Mineralogy in the University of Cambridge. New York: J. & J. Harper, 1827.
- Pallas P. S.* Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Bd. 2. Leipzig, 1801.
- Pepys H.* The Remains of the Late Viscount Royston. London, 1838.
- [Pinkerton R.]* Rev. R. Pinkerton's Letters on His Late Tour in Russia, Poland, and Germany // The Thirteenth Report of the British and Foreign Bible Society. London, 1817.
- [Racine J.]* Oeuvres complètes de J. Racine / éd. L. Aimé-Martin. T. III. Paris, 1825.
- Reuilly J.* Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire pendant l'année 1803. Paris, 1806.
- Romme Ch.-G.* Voyage en Crimée en 1786 / présenté par M. Deschanet et G. Bekirova. Paris, 2016.
- Sestrenczewicz de Bohusz S.* Histoire de la Tauride. T. 1. Brunswick, 1800.
- Strabo.* Geographica / ed. A. Meineke. Leipzig, 1877.
- The Cambridge Companion to Travel Writing.* Cambridge (UK), 2002.
- [Tooke W.]* Original Correspondence from Russia // *The Gentleman's Magazine: and Historical Chronicle*. 1786. Vol. LVI. Pt. 2.
- Trease G.* The Grand Tour. London, 1967.
- Webster J.* Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt. Vol. I. London, 1830.

**ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ
КОНФЛИКТЫ XIX В.**

КРЫМСКАЯ ВОЙНА 1853–1856 гг.: АСПЕКТЫ ТЫЛОВОЙ ЖИЗНИ НА ПЕРИФЕРИИ ТЕАТРА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

А. Е. Катюшин

Крымская (или, как её принято называть в отечественной историографии, Восточная) война 1853–1856 гг. развернулась на нескольких театрах: Дунайском, Кавказском, Балтийском, Беломорском, Дальневосточном, Крымском и Азово-Черноморском. Главной точкой приложения усилий противника (англичан, французов, турок и примкнувших к ним позже сардинцев) стал Крымский полуостров с Севастополем в самом центре событий. Основные сухопутные сражения велись именно здесь. За прошедшие полтора века об этой войне написано огромное количество книг и статей, причём большая часть публикаций концентрируется на военных аспектах. Несколько меньше внимания уделено в современных обзорных работах периферии театра боевых действий Крымской кампании 1854–1856 гг. [из последних работ: История 2019: 105–159; Kozelsky 2018; Baumgart 2020; Ченнык 2004; 2010; 2011a; 2011b; 2014a; 2014b]. Цель предлагаемого исследования – отчасти восполнить этот пробел, сделав краткий обзор событий, происходивших в это время в Крыму за пределами окрестностей осаждённого Севастополя, придерживаясь при этом общего контекста истории Крымской войны.

Повод к войне. Эскалация конфликта

В мае 1850 г. по инициативе президента Франции Шарля Луи Наполеона Бонапарта завязалась очередная дискуссия по вопросу о правах христианских конфессий на Святые места. Католичество и православие уже много лет с переменным успехом соперничали за доступ к церкви Рождества Христова в Вифлееме. Арбитром в этих спорах выступал обычно турецкий султан, издавая фирманы о правах той или иной стороны сообразно с политической ситуацией. К середине XIX в. Иерусалимская православная церковь контролировала основные святыни. Теперь же французский посол в Константинополе (Стамбуле) требовал восстановить католическое духовенство в правах на главные Святые места. Эти действия вызвали протест российского посланника. Султан Абдул-Мед-

жид I, оказавшись в сложной ситуации, пытался угодить обеим сторонам, издавая противоречивые документы. Спор дипломатов довольно вяло шёл на протяжении двух лет, пока Шарль Луи Наполеон не сделал себя императором Наполеоном III. Новоиспечённый император вновь обострил ситуацию, потребовав от султана конкретных объяснений по поводу неудовлетворения претензий католичества и прислав, в качестве весомого подкрепления своих требований, к стенам Стамбула тяжёлый многопушечный корабль «Шарлемань».

Эта мера возымела действие: в декабре 1852 г. султан вручил ключи от Вифлеемского храма и Пещеры Рождества латинскому патриарху [История 2019: 117–119; Трубецкой 2010: 107–117]. В ответ в Стамбул с дипломатической миссией из России отправился человек, ставший немного позже главнокомандующим отечественными войсками в Крымской войне. Этим дипломатом был морской министр Российской империи, князь А. С. Меншиков. Он привёз с собой проекты особой конвенции с Турцией, целью которой было сохранение позиций православия в Палестине, и секретного оборонительного договора против Франции, которые султан при поддержке и под давлением Англии отверг.

9 мая 1853 г. Меншиков отплыл из Стамбула в Россию. Тем временем у входа в Дарданеллы появились английские и французские эскадры. 1 июня 1853 г. русское правительство издало меморандум о разрыве дипломатических отношений с Турцией, а 22 июня русские войска, как уже неоднократно бывало при прежних демаршах Порты, вступили в Дунайские княжества [История 2019: 120–122]. Порты сразу заявила протест, а дипломаты Англии, Франции, Австрии и Пруссии попытались разрешить ситуацию, выпустив компромиссную Венскую ноту. Однако документ не удовлетворил ни одну из противоборствующих сторон [Богданович 1876/I: 116–120; Трубецкой 2010: 155 слл.]. Султан Абдул-Меджид I объявил войну России 4 октября 1853 г. Император Николай I ответил симметрично. Так колесо Крымской войны сделало первые обороты.

Начало боевых действий. Проблема тыловых коммуникаций русской армии

Первые выстрелы Крымской войны прозвучали в октябре 1853 г. на Дунае и на Кавказе. Манифест России о войне с Турцией был объявлен 20 октября 1853 г. [Крым 2018: 331–332]. Но ещё до его обнародования – 11 октября – в Чёрное море из Севастополя вышла русская эскадра из шести военных судов под командованием вице-адмирала П. С. Нахимова. Вслед

за ней – 23 октября – из главной крымской гавани выдвинулся небольшой отряд вице-адмирала В. А. Корнилова. В задачи этих морских рейдов входила разведка черноморского бассейна с целью обнаружения кораблей противника. Немного позже Корнилов заметил выходящие из Босфора турецкие корабли, после чего вернулся в Севастополь, сформировал новую, более сильную, эскадру и снова вышел в море.

Главная цель неприятельского османского флота под командованием адмирала Осман-паши состояла в то время в поддержке и укреплении турецких сил на Кавказе. В поисках противника Корнилов направился к западнопричерноморскому городу Варна, тогда как Нахимов, борясь с осенними штормами, удерживался в море в виду северных берегов Малой Азии, периодически отправляя потрепанные бурей корабли на ремонт в Севастополь. Ноябрьская непогода, которую русская эскадра стойчески переносила в море, вынудила адмирала Осман-пашу укрыть свой флот в Синопской бухте на южном черноморском побережье. Воспользовавшись этим, Нахимов предпринял морскую блокаду Синопского рейда. А 18 ноября, получив подкрепления из Севастополя, русский флот атаковал турецкие корабли.

Синопское сражение закончилось абсолютной победой русского флота и практически полным уничтожением кораблей неприятеля. Осман-паша был взят в плен [Богданович 1876/І: 147–157; Дубровин 1900/І: 2–16]. С одной стороны, эта победа существенно облегчила положение русской армии на Кавказе, вызвав воодушевление в России; с другой – спровоцировала очередной всплеск русофобии в западном общественном мнении, целиком вставшем на сторону турок. Сражение при Синопе было признано в Европе вероломным, «с умыслом нанесенной обидой западным державам», и русско-турецкий вооружённый конфликт в бассейне Черного моря окончательно приобрёл международный характер [Богданович 1876/І: 160–163, 258, 262–263; Трубецкой 2010: 172–173; Чихачёв 1970: 38].

25 декабря 1853 г. в Севастополь прибыл английский пароход «Ретрибьюшн» с заявлением командующих соединённых флотов о готовности британской и французской эскадр войти в Чёрное море [Крым 2018: 332–333]. Фактически, их флот вступил в акваторию ещё раньше – 23 декабря. Несмотря на то, что поставленные командованием союзников задачи состояли лишь в охране турецких берегов и кораблей, южнороссийские порты фактически оказались в морской блокаде. Эскадры союзников крейсировали на середине черноморской акватории и пока ещё пропу-

скали торговые суда, идущие из Средиземного моря к русским берегам, но выпуск «купцов» из русских портов был прекращён. Более того, само появление английских и французских кораблей на торговых путях прекратило и каботажное судоходство. *«Опасаясь с выходом в море попасть в руки неприятеля, никто не решился заключать контракта с правительством на доставку различных потребностей для наших черноморских портов и крепостей, расположенных на Крымском полуострове»* [Дубровин 1900/І: 22–24]. Немаловажная для снабжения Крыма водная артерия – река Днепр – вскоре тоже лишилась главных преимуществ потому, что морская доставка грузов от его устья на полуостров также пресеклась. Теперь от её пристаней в Тавриду была возможна только сухопутная перевозка [Тотлебен 1863/1: 659]. Таким образом, в вопросах снабжения российские вооружённые силы сразу оказались в крайне уязвимом положении.

Крым середины XIX в. производил продукцию, предназначенную, в основном, для внутреннего потребления. По данной причине Симферопольская провиантская комиссия вынуждена была производить закупки для войск в Харьковской, Курской и Воронежской губерниях [Дубровин 1900/І: 34; Тотлебен 1863/1: 657, 664]. В этих условиях надёжная транспортная связь с материком приобретала особое значение. Между тем, благоустроенных сухопутных путей сообщения на территории Крымского полуострова практически не существовало. Единственная дорога, которая могла именоваться «шоссе» (в терминологии XIX в.; это была всесезонная гужевая дорога с щебневым или клинкерным покрытием), была построена по распоряжению новороссийского генерал-губернатора Михаила Семёновича Воронцова и начиналась от станции Таушан-Базар (ныне село Привольное, в 5 км к северу от Ангарского перевала), вела к Алуште и, вдоль взморья, продолжалась к западу до Байдарской долины. Эта дорога не имела серьёзного военного значения и была устроена *«только для оживления края»* [Дубровин 1900/І: 30]. Остальные пути представляли собой обычные степные грунтовые дороги.

Ещё хуже было то, что главнейшая дорога на уездный город Перекоп, соединявшая полуостров с материком, *«как и все остальные, проходившие по полуострову, была не в удовлетворительном состоянии и по характеру своему принадлежала к первобытным степным дорогам южной России»* [Дубровин 1900/І: 31]. Она была частично усовершенствована устройством нескольких мостов, укреплённых подъёмов и спусков, техническая исправность которых находилась в ведении местных органов

самоуправления. К тому же, на Перекопском перешейке не было достаточно пресной воды для войск и обозов. Водопой был возможен только из редко встречавшихся колодцев большой глубины и ограниченной производительности. Путь в Крым через Чонгарский перешеек был более богат водой. Имелась, конечно, ещё одна дорога на «большую землю» – через Арабатскую стрелку, но здесь вода на многие версты отсутствовала вовсе.

Дорога из Симферополя в Севастополь шла через Бахчисарай. Она была оснащена мостами на реках Альма, Кача, и Бельбек, но и на ней имелись практически непроезжие в распутицу участки. Грунтовки на Евпаторию, Ак-Мечеть (ныне посёлок городского типа Черноморское) и восток полуострова находились в ещё более плачевном состоянии, чем Перекопская [Богданович 1876/II: 247–249; Дубровин 1900/I: 30–32]. Военные и гражданские власти в течение Крымской кампании проводили определённые мероприятия по налаживанию коммуникаций в Таврической губернии, включавшие в себя прокладку новых маршрутов, организацию водопоев, разведение путей следования транспортов с частными землевладениями. Однако деятельность эта не могла радикально улучшить грунтовые дороги – в сырую погоду они, как и прежде, становились труднопроходимы [Маркевич 1994: 134–141].

19 января 1854 г. у Феодосии появились четыре союзнических парохода и, пробыв некоторое время в акватории города вне пушечных выстрелов береговых батарей, отправились на юг, в море. Эта, первая в таком роде, молчаливая демонстрация, вызвала панику в городе и отъезд жителей в ближайшие деревни и колонии [Дубровин 1900/I: 65; Маркевич 1994: 5]. Началось время тревожных ожиданий высадки противника на берег и открытия боевых действий. Главными вопросами, занявшими русское командование на ближайшие полгода, стали «где?» и «когда?».

Между тем, активные военные действия могли развернуться не только в Крыму, но и на любом из театров обширной территории от Дуная, – где австрийский император Франц-Иосиф вёл свою, опасную для России игру, – до Кавказа на фоне постоянно случавшихся там под прикрытием Турции стычек с горцами. Проблема выбора военной стратегии требовала учета всех особенностей сложившейся обстановки. Николай I прямо указывал на данное обстоятельство в своем наставлении от 25 февраля морскому министру, начальнику Главного Морского штаба Меншикову, которому с 19 ноября 1853 г. было временно поручено командование армией, флотом и укреплениями в Таврической и части Херсонской губерний, за исключением расквартированных там регу-

лярных частей [Меншиков 2018: 31, 77]: «Наперёд надо, чтобы двуличность Австрии проявилась, равномерно, чтобы открылось, куда будут направлены действия англичан и французов. Слухи разны, но наиболее упоминается о намерении сделать высадку у Сухум-Кале, у Анапы и в Крыму, в тыл Севастополю. Всё это возможно, но ежели всё это делать будут разом, то они нигде сильны не будут. Говорят, что будто и на устье Днестра и в Одессу есть намерение» [Дубровин 1900/I: 74].

Побережье Кавказа в это время охраняли всего лишь два фрегата и два корвета, но усиливать эту эскадру Меншиков не находил возможным. Вообще, с января 1854 г. почти весь Черноморский флот, построенный в боевой порядок, безвыходно находился в Севастопольской бухте. Меншиков справедливо опасался, что вышедшие в море русские корабли, в случае открытия активных боевых действий, не успеют отступить в Севастополь [Дубровин 1900/I: 74–76]. Конечно же, это было красноречивым подтверждением того факта, что Черноморский флот, способный успешно выступать против турецких флотоводцев, в случае морского боя с оснащёнными по последнему слову западной техники соединёнными морскими силами Англии и Франции имел бы немного шансов [Тотлебен 1863/1: 144–145]. Правда, несколько пароходов было направлено в феврале из Севастополя на Кавказ для исполнения приказа о ликвидации некоторых второстепенных русских укреплений и перевозки личного состава и материальных ценностей этих крепостей в Новороссийск, Геленджик и Крым [Меншиков 2018: 41–43]. В последующее время русские пароходы также выполняли различные рискованные задания в акватории Чёрного моря, но это были лишь отдельные редкие вылазки. [Богданович 1876/III: 41; Дубровин 1900/I: 79–82, 105; Тотлебен 186/1: 129–130].

9 февраля 1854 был издан манифест о прекращении дипломатических отношений России с Францией и Англией, возвещавший, что «против России, сражающейся за православие, рядом с врагами христианства становятся Англия и Франция...» [Материалы 1871: 272–273]. Немногим ранее был объявлен чрезвычайный рекрутский набор в западных губерниях России. С февраля на военное положение переводились все части Европейской России на севере, западе и юге. Одновременно происходила мобилизация запасных и резервных подразделений [Богданович 1876/I: 276–278].

Тем временем, объединённый экспедиционный корпус англичан и французов начал перемещение на восток. К концу февраля число прибывших к месту сбора на Мальту союзников доходило до 25 тысяч человек. В

течение весны 1854 г. они концентрировались сначала в Галлиполи (современный турецкий город Гелиболу на берегу пролива Дарданеллы), а потом в Варне и других населённых пунктах [Богданович 1876/II: 134–136]. Союзники потребовали от Николая I вывести русские войска из Дунайских княжеств и постановили считать отказ равносильным объявлению войны.

В России уже составили общее представление о возможном направлении дальнейших действий противника: высадка в Крыму, сухопутная атака Севастополя, захват и сильное укрепление Перекопа. Последнее означало бы блокаду Крымского полуострова со стороны материка. Не исключена была вероятность военных действий в Северном или Северо-Западном Причерноморье, а также на Северном Кавказе. В распоряжении Меншикова на всём полуострове было 17 батальонов пехоты и 16 эскадронов кавалерии, ещё 8 батальонов шли на усиление боевых средств – этих сил решительно не хватало, чтобы закрыть все опасные направления. Оставалось только концентрировать имеющиеся резервы на защите наиболее важного пункта – крымской военно-морской базы Черноморского флота [Дубровин 1900/I: 82–84]. К 1 сентября 1854 г. русская армия, вместе с ещё находившимися на марше подкреплениями, насчитывала наличных сил 38 597 человек в Юго-Западном Крыму и до 12 000 на востоке полуострова. Кроме того, численность флотских экипажей в то время доходила до 18 000, не считая занимавшихся береговой службой, и нестроевых, количество которых было немногим более 4 000 [Тотлебен 1863/1: 133–138].

Корабли союзников, пользуясь своим преимуществом в море, с весны 1854 г. появлялись периодически в разных районах Северного Причерноморья, упражнялись в артиллерийской стрельбе по береговым объектам, занимаясь промерами, рекогносцировкой и пиратствуя при случае. Так, в конце марта 1854 г. неизвестный пароход приблизился к Севастополю под нейтральным флагом, а затем, сменив флаг на британский, привалился к русскому торговому судну «Александр Невский». Попытка взять его на буксир и увести в качестве «приза» не удалась – неприятель был отогнан подоспевшими на помощь севастопольскими фрегатами «Кулевчи» и «Коварна» [Меншиков 2018: 44].

10 апреля 1854 г. союзники обстреляли Одессу [Богданович 1876/II: 125 сл.]. В Севастополе в тот день на боевое дежурство вышел пароход «Владимир». 15 апреля командир парохода увидел вдали вражескую эскадру, но в этот раз она ушла к Евпатории. У Севастополя она появилась на следующий день и провела всё время до вечера, маневрируя в

виду города и ничего не предпринимая. В последующие дни неприятельские корабли курсировали между Евпаторией и Севастополем. 24 апреля один из пароходов был замечен около Балаклавы. Рано утром 26 апреля два винтовых корабля и три больших парохода подошли на расстояние около 1 500 сажен к батареям Феодосии, но ушли в море после первых выстрелов с берега. В тот же день несколько пароходов появилось у мыса Такиль. 28 апреля шесть судов осуществляли рекогносцировку у Анапы. Вблизи Севастополя в то же время продолжал безнаказанно крейсировать основной союзнический флот, периодически посылавший отдельные пароходы на разведки [Дубровин 1900/I: 99–104].

В конце весны – начале лета 1854 г. по маршрутам морских разведчиков стало видно, что всё больший интерес у союзников вызывает мыс Херсонес [Дубровин 1900/I: 105]. Особенно дерзкими действиями было отмечено прибытие неприятельской флотилии из 14 кораблей и 7 пароходов под Севастополь 14 июля [Меншиков 2018: 49]. В течение всего этого дня союзники проводили учения в виду города, а русские боевые корабли, не имевшие паровых машин, не могли выйти им навстречу из гавани по причине штиля [Дубровин 1900/I: 143]. В течение следующих суток врагом была проведена рекогносцировка у мыса Лукулл, а также в виду Балаклавы. Кроме того, союзнические суда вновь несколько раз появлялись у Феодосии [Богданович 1876/II: 267–268].

События в западном Крыму

Евпаторией и её окрестностями союзники всерьёз заинтересовались после бомбардировки Одессы. 15 апреля 1854 г. неприятельский флот показался в виду города. Два парохода союзников вышли на евпаторийский рейд, взяли на буксир три русских каботажных судна, одну лодку и таможенный катер с бывшим на нём экипажем и чиновником, после чего ушли в море. На этот раз высадки не случилось, но, тем не менее, начальник таможни распорядился отправить в Перекоп казённую документацию, имущество и деньги. Присутствия и казначейство уезда, а также предводитель дворянства покинули Евпаторию. Множились панические слухи о многочисленном десанте неприятеля, которые достигли и Симферополя. Из Евпатории выехали многие жители, в том числе и хозяева хлебных складов, оставив в городе около 70 000 четвертей¹ хлеба [Дубровин 1900/I: 97–98; Раков 1904: 6–7].

¹ Четверть – традиционная русская мера объема сыпучих тел, составлявшая ок. 210 литров.

Пленённый 15 апреля таможенный корабельный смотритель Яшников, проделавший поневоле путь в Вену, был допрошен союзниками, освобождён и отправлен в Варшаву. По прибытии на родину он докладывал, что французы делали разведки берегов у Евпатории с большим вниманием и, не иначе, союзниками выбраны именно эти места для высадки [Дубровин 1900/I: 128–129]. В самом деле, факт обследования неприятелем всего побережья от м. Херсонес до Евпатории не оставлял сомнения в том, что десант произойдёт где-то здесь, что, разумеется не исключало возможность предприятия противником отвлекающих манёвров в других частях полуострова. Это понимал и Меншиков [Там же: 131].

28 августа 1854 г., через четыре с лишним месяца после посещения Евпаторийского рейда, весь союзный флот с десантом на борту (89 военных и 300 транспортных судов) собрался в Чёрном море, у расположенного недалеко от дельты Дуная острова Змеиный (Фидониси). На следующий день отсюда в направлении Крыма вышла небольшая эскадра с англо-французским командованием. По завершении заключительной рекогносцировки подле мыса Херсонес и Севастополя, она неспешно проследовала вдоль берега к Евпатории. После этого место десанта было определено окончательно [Богданович 1876/II: 269–271].

Основные силы неприятеля подошли к Севастополю и мысу Тарханкут 1 сентября [Дубровин 1900/I: 182–183]. В этот же день к Карантинной пристани Евпатории от них прибыли парламентёры, в письменной форме потребовавшие добровольной передачи города в свободное владение союзным войскам. Комендант Евпатории, в распоряжении которого было около 200 человек слабосильной команды, покинул город вместе со своим отрядом. Во второй половине дня, не встретив сопротивления, на евпаторийский берег сошло более 3 000 человек французской, английской и турецкой пехоты и саперов с 12 артиллерийскими орудиями. Тем временем в море у места будущей генеральной высадки к югу от Евпатории союзники расставили разноцветные буи для ориентирования. На следующее утро началась десантная операция, в результате которой на плацдарм между озерами Кызыл Яр и Богайлы к 6 сентября 1854 г. высадились неприятельские войска в количестве 62 223 человек [Богданович 1876/III: 3–4; Дубровин 1900/II: 190–193; Тотлебен 1863/1: 161–163; Ченных 2010: 246 слл.].

Оккупационным гражданским управляющим в Евпатории французы назначили польского эмигранта Токарского. Он сформировал из местных граждан городскую управу («диван»), назначив своим заме-

стителем («вице-губернатором») бывшего гласного думы Османа агу Чардачи-Оглу. По инициативе тех же французов, в город был привезён из Румелии Месуд-Гирей-Султан. Этот представитель крымско-татарского ханского рода выполнял функции связующего звена между союзным командованием и своими единоверцами, как уже проживавшими в Евпатории, так и в значительном количестве стекавшимися в неё из окрестностей. Правда, его деятельность на крымской земле была кратковременной. Уже в октябре того же года англо-французское командование предпочло отослать Месуд-Гирея в Варну. Тем не менее, он успел положить начало формированию подразделения *аскеров* из местных мусульман первоначальной численностью до 800 человек с евпаторийским муллой во главе, исполнявших гарнизонную службу, полицейские и патрульные функции [Дубровин 1900/I: 285 слл.; Кырымлы 2002: 300–301].

Захватив город и окрестности, союзники существенно укрепили собственную продовольственную безопасность. Непосредственно перед высадкой российским чиновникам удалось испортить казённый хлеб, но союзникам всё равно досталось до 28 000 (по другим данным, 60 000) четвертей зерна из частных запасов. Все мельницы города были заняты помолом этого хлеба. Татары ежедневно свозили с округи в город разнообразные припасы. Токарский издал воззвание ко всем помещикам, обязавшее их, под угрозой полной реквизиции, пригонять в Евпаторию скот на продажу [Богданович 1876/III: 3; Дубровин 1900/I: 285–290].

То, что Евпатория стала одной из союзнических баз и местом активного контакта местных мусульман с турками, не удивительно: по воспоминаниям очевидцев, население города перед войной было на три четверти татарским, а татарский язык использовали в общении абсолютно все горожане [Раков 1904: 3–4]. Бунтарские настроения ходили и за пределами Евпатории, однако в то же время даже в Евпаторийском уезде, в непосредственной близости от неприятеля, нашлось немало местных татар, оказывавших помощь русским военным [Маркевич 1994: 29–33; Раков 1904: 9–10]. Хотя по вине отдельных активных представителей крымских татар и случались грабежи и разбои, но в общей массе мусульманские жители города и уезда в это трудное время не выражали особенного озлобления к прежним властям и христианскому населению. Любители лёгкой наживы находились при этом и среди христиан: известны случаи мародёрства даже со стороны российского полицейского чиновника [Смирнов 1905: 68; Раков 1904: 13, 26–29]. Но, с другой стороны, необходимо помнить об огромной добровольной народной помощи

русским войскам и подвижничестве подданных Российской империи (и жителей Таврической губернии в том числе) в годы Крымской войны [Дубровин 1900/II: 349–352; Маркевич 1994: 90–105; Орехова и др. 2010: 431 слл.; Романюк 1904: 43–47].

Татарские аскеры нагоняли страх не только в окрестностях Евпатории, но и действовали на севере Крыма вплоть до Армянского Базара (ныне город Армянск). К бунту, который бы мог легко перерасти в восстание, татар склоняли турецкие эмиссары, обосновавшиеся в Евпатории и разъехавшиеся отсюда по всему Крыму. Проезд по дорогам стал небезопасен. Курьеры и почты, следовавшие из России, ездили в Севастополь через Ялту, но и это сообщение могло быть легко прервано в случае восстания на южном берегу Крыма [Дубровин 1900/I: 291, 367]. Положение казалось настолько серьёзным, что Меншиков предписал таврическому губернатору предпринять меры по выселению приморских крымских татар за Перекоп. Это указание, однако, было выполнено лишь частично [Дубровин 1900/II: 17].

К утверждению антироссийских настроений среди крымских татар, между тем, подводили и некоторые действия русских военных. Так, выполняя приказ, имевший цель обезопасить коммуникации, связывавшие север полуострова с югом и юго-западом, уланская дивизия под командованием генерал-лейтенанта Ф. Х. Корфа изолировала Евпаторию со стороны суши. Задача второго подразделения – донских казаков – состояла в наведении порядка на пути следования обозов, включая мятежные районы. С этой целью казачьи отряды прошли от Перекопа к Севастополю по землям Евпаторийского уезда и далее, вдоль моря, – к Северной стороне города, разделенного глубокой Севастопольской бухтой на две части. По пути, на северо-западе, в окрестностях Сарыбулата (ныне село Портовое), казаки обнаружили спешно покинутые крестьянами хозяйства, брошенные без присмотра припасы и бродящий по степи, издыхающий от голода и жажды, скот. Это добро, включая несколько сот голов рогатого скота, было реквизировано в пользу Императорской армии. Впоследствии уже уланы Корфа, не имевшие при себе обозов и потому вынужденные добывать фураж и пропитание на марше, подбирали остатки запасов местных сельчан. Те, абсолютно разорённые, при появлении улан массово уходили к неприятелю, невзирая на угрозы со стороны военных [Дубровин 1900/II: 16–19; Раков 1904: 28–29].

Какая-то часть имущества, спасенного хозяевами от изъятия и воровства, прежде всего – домашних животных, оседала в городе. Этот

скот пополнял и без того большое стадо, принадлежавшее ранее переселившимся в Евпаторию татарам. С началом блокады его стало негде выпасать. Большинство попыток выгнать его на поля, под город, заканчивались стычками с казачьими разъездами и последующей реквизицией животных [Тотлебен 1863/1: 604].

Таким образом, кроме идеологических причин, побуждавших крымских мусульман переходить на сторону врага, для того имелись ещё и сугубо материальные мотивы, а также опасения за собственную жизнь. Данное обстоятельство не ускользнуло от внимания современников. Один из участников событий прямо замечал: *«мы сами виноваты, бросив внезапно это племя, которое по религии и происхождению не может иметь к нам симпатии, без всякой военной и гражданской защиты от влияния образовавшейся шайки злодеев и фанатиков <...> следовало бы принять решительные меры, чтоб <...> население Евпаторийского уезда, разбежавшееся от страха, что казаки их перережут и лишившееся <...> всего своего имущества, не погибло от голода и стужи с приближением суровой зимы»* [Дубровин 1900/II: 19].

29 сентября русские уланы подошли к Евпатории и обложили город аванпостами. В это время в городе находились по одному батальону французов и англичан, два батальона турок и матросы, число которых не было постоянным. Разъезды и наблюдения в окрестностях осуществлялись силами башибузуков и крымско-татарских аскеров. Общее количество последних доходило в это время до 2 000 человек. Город был хорошо прикрыт корабельной артиллерией с рейда, укреплён земляными защитными сооружениями и уличными баррикадами. Его гарнизон располагал значительным количеством провианта.

Уланы генерала Корфа надёжно блокировали Евпаторию цепью постов и расквартированными по окрестным деревням подразделениями от морского берега, проходящего западнее города, до озера Сасык на востоке. Штаб блокирующих войск расположился в деревне Ораз (ныне село Колоски). Предпринятые меры оказались достаточно эффективными для того, чтобы волнения в уезде постепенно прекратились [Дубровин 1900/II: 20].

Во время бури 2 ноября 1854 г. на берега и мели, протянувшиеся от кургана Кара-Тобе-Оба (неподалёку от современного села Прибрежное) до деревни Аирчи (ныне село Витино в Сакском районе) стихия выбросила 17 вражеских кораблей, включая стопушечный французский линкор «Генрих IV» и девяностопушечный турецкий «Пеики-Мессерет».

Пользуясь тем, что большинство кораблей из-за непогоды были вынуждены уйти с рейда в море и внимание неприятеля было в значительной степени отвлечено на терпящих бедствие, Корф предпринял рекогносцировку окрестностей, которую в современной военной терминологии можно назвать «разведкой боем». Силами 22 эскадронов улан, 300 казаков и 16 орудий был произведен огневой налёт на евпаторийские позиции. Обстрел с российской стороны продолжался около часа, но, учитывая малый калибр используемых орудий, он вряд ли причинил существенный вред неприятелю. Вместе с тем, в ходе этой операции удалось уничтожить некоторое количество неприятельских кораблей из числа севших на мели, а также пленить несколько десятков членов их экипажей и турецких кавалеристов [Тотлебен 1863/1: 606–611]. После шторма противник стал усиливать оборону Евпатории, свозя на укрепления корабельную артиллерию с разбитых судов и строя новые батареи. Прочно севший на мель линкор «Генрих IV» с вооружением из нескольких оставленных на нём тяжёлых орудий был превращён в форт, прикрывавший Сакскую косу [Там же: 611].

В ноябре русское командование решило укрепить блокаду Евпатории в связи с предполагаемыми намерениями противника высадить в Западном Крыму десант с целью воздействия на пути сообщения с материком. Слухи о подобных планах неприятеля отчасти подтверждались конкретными фактами. Так, например, 26 ноября в Каркинитском заливе было зафиксировано появление вражеских пароходов, команда которых занималась промерами глубин. Евпаторийский отряд был усилен вдвое и перешёл под командование генерал-лейтенанта барона К. Е. Врангеля. Задачи соединения заключались теперь не только в блокаде города, но и контроле над Перекопской и Чонгарской дорогами [Дубровин 1900/II: 328–329].

Зима 1854–1855 гг. была тяжёлой для неприятеля. Скверная погода, установившаяся со времени шторма 2 ноября, усугубляла и так сложную зимнюю навигацию и затрудняла доставку необходимых припасов в Евпаторию, тогда как там остро ощущалась нехватка продовольствия и фуража. Тяготы быта, вообще присущие сезону, а теперь ещё и осложнённые прочной блокадой, побуждали горожан к бегству, несмотря на строжайшие запреты на выход из города. Тем не менее, в конце 1854 г. в Евпатории насчитывалось 10 000 турецких пехотинцев, 300 кавалеристов, 5 000 человек ополчения и около 700 человек англичан и французов. 7 января нового 1855 г. в город дополнительно прибыло подразделение

турецких солдат Омер-паши [Богданович 1876/III: 216–217; Дубровин 1900/II: 401–402]. Это подкрепление и слухи о планирующейся дальнейшей значительной концентрации войск в Евпатории вызвало беспокойство Николая I, закономерно видевшего в этом усилении опасность для недостаточно укрепленной Северной стороны Севастополя. В представлениях русского командования дальнейшие действия Императорской армии могли бы развиваться по двум сценариям: в первом случае необходимо было вывести из строя все переправы и пути, ведущие к Северной стороне, заблаговременно подготовившись к встрече с врагом в поле; во втором – штурмовать Евпаторию и закрепляться в ней. По поводу второго варианта среди военачальников не было единого мнения: командир блокирующих Евпаторию войск барон Врангель, которому Меншиков поручил разработку проекта атаки города, откровенно высказался против идеи штурма города. Врангель имел серьёзные основания считать эту атаку авантюрой: вражеский гарнизон насчитывал более 22 тысяч человек, все подступы к Евпатории, окруженной рвом и валом, простреливались с судов и городских батарей. В борьбе против находившихся на скрытых позициях крепостных и осадных пушек неприятеля у русской полевой артиллерии шансов было немного. Если бы даже удалось успешно преодолеть городские укрепления, а затем баррикады на тесных улицах города, подавив все огневые точки в строениях, удержать Евпаторию всё равно не представлялось возможным, поскольку атакующие, без сомнения, должны были сразу же подвергнуться убийственной бомбардировке со стороны моря. Положение усугубляла, как это часто случается в Крыму зимой, наступившая оттепель и распутица: грязь сделала невозможной не только доставку припасов, но и до крайних пределов усложнила даже пешее передвижение. Это затрудняло маневрирование, и, в случае неудачи и отступления, подвергало войска огромной опасности [Дубровин 1900/II: 408–411]. Все доводы Врангеля главнокомандующий, в конце концов, счёл неубедительными, и приказал брать Евпаторию штурмом. Командиром штурмующих войск был назначен генерал-лейтенант С. А. Хрулёв. Задача атакующих состояла в овладении укреплениями города, их разрушении, уничтожении припасов, материальных ценностей и скорейшем отступлении из-под выстрелов флота союзников [Богданович 1876/III: 215; Дубровин 1900/II: 416].

Бой начался на рассвете 5 февраля с артиллерийской перестрелки. На укреплениях врага имелось 34 крупнокалиберных орудия и 5 ракет-

ных станков. Со стороны моря по русским порядкам вели огонь четыре парохода. Несмотря на это, в начале атаки нападавшим удалось под прикрытием артиллерии и штуцерных стрелков вплотную приблизиться к передовым городским укреплениям. Встреченные картечью и плотным ружейным огнём, они были вынуждены укрыться за оградами, кладбищенскими камнями и в каменоломных выборках. Атака, продолжавшаяся всего несколько часов, захлебнулась. Предвидя значительные потери в случае её возобновления, Хрулёв в 10 утра приказал отступить. В 11 часов прекратилась оружейная перестрелка и подразделения заняли исходные позиции. Русские войска понесли потери более 700 человек убитыми и ранеными без достижения какого-либо тактического результата. Противник удержал Евпаторию в своих руках, оставив её, по сути, турецкой базой, где и позже концентрировались войска Омер-паши, и куда подвозились подкрепления из Египта [Богданович 1876/III: 216–224; Дубровин 1900/II: 429–435; Дубровин 1900/III: 39–40; Тарле 1943: 269–272].

Тем не менее, изначально принятое решение об изоляции Евпатории русскими войсками являлось в целом правильным. Будучи исполненным, оно позволило существенно обезопасить коммуникации юго-западного и центрального Крыма. И даже неудачный штурм евпаторийских укреплений, хотя и сопряженный с многочисленными жертвами, имел смысл демонстрации серьёзности намерений русского командования. Его пример принуждал врага держать в Евпатории значительные силы, которые, в ином случае, могли бы привлекаться к осаде Севастополя и вооружённым операциям в других местах, до конца войны [Кутайсов, Кутайсова 2007: 111; Тотлебен 1863/1: 650].

События на южном берегу Крыма

В Южном Крыму не было сколько-нибудь значительных военных соединений русской армии, если не считать две специальные подвижные пехотные колонны, которые летом 1854 г. периодически ходили на «военные прогулки» по кольцевому маршруту Севастополь – горный Крым – южный берег – Севастополь. Их задачи заключались, в основном, в предотвращении возмущений среди местных жителей [Дубровин 1900/I: 284]. Высадка неприятеля на берег полуострова это патрулирование пресекла – русскому командованию пришлось концентрировать силы в иных местах. Пользуясь абсолютным превосходством на морских путях, корабли союзников неоднократно посещали отдельные пун-

кты южного берега Крыма, высаживаясь на берег с целью пополнения запасов продовольствия и топлива.

22 сентября 1854 г. 10 неприятельских пароходов подошло к Ялте. С них на воду были спущены лодки с десантом по 50–70 человек на каждой. Появление врага спровоцировало выход из города присутствий и некоторых жителей, двинувшихся в Симферополь. Впрочем, работа в присутственных местах была приостановлена несколько ранее: многие чиновники выехали из Ялты сразу после того, как в город дошли слухи о взятии неприятелем Балаклавы. Так, ещё 16 сентября завершил свою деятельность уездный суд, а 21 сентября была отправлена в Симферополь и судебная документация. Небольшой гарнизон, пребывавший в городе вместе с казачьей командой, при появлении неприятеля на рейде отступил к Симферополю ввиду неравенства сил.

После высадки на ялтинский берег, несмотря на предварительные заявления неприятельского парламента о недопущении насилия над жителями, город был оцеплен часовыми, а затем начался обычный грабёж, продолжавшийся по 23 сентября включительно. Кроме домов горожан Ялты, союзники разорили Ливадию, дачу Дондукова-Корсакова и имение Воронцова. То, что нельзя было забрать с собой, неприятель выводил из строя или уничтожал. В ночь на 24 сентября пароходы с вернувшимся на них десантом покинули рейд Ялты [Дубровин 1900/II: 26–28; Маркевич 1994: 21–23; Ченнык 2014а: 24–28].

Это был не последний десант союзников на южный берег. В конце октября – ноябре 1854 г. неприятельские корабли в два захода доставляли туда жителей Балаклавы, которые попали к англичанам в плен при взятии гавани и окрестностей. В середине января 1855 г. неприятель разграбил имение князя Голицына в Форосе и побывал в Ласпинской бухте. Летом 1855 г. рейды на южнобережье возобновились: 6 июня французы попытались высадиться на берег в районе Мухалатки, но были отогнаны казаками. В это же время французы снова обобрали Форос и некоторые другие дачи в поисках вина. В июле были ограблены имения Мелас, Мшатка, Ай-Юри, снова Мухалатка и другие. Осенью грабежи продолжились. Известны также и случаи намеренного поджога врагом различных строений и жилых домов [Маркевич 1994: 23–28].

В отличие, например, от находившейся вблизи Балаклавы Байдарской долины, где противник устраивал грабежи при помощи пехоты и кавалерии [Маркевич 1994: 25], специфический горный ландшафт южного берега и слабая развитость коммуникаций не позволяли произво-

дить манёвры в этой части полуострова крупными соединениями войск. Однако от черноморского берега вглубь Крыма вели пути через горы и долины рек, теоретически позволявшие неприятелю выйти к Симферополью или Карасубазару. Князь М. Д. Горчаков, заменивший Меншикова на должности командующего Крымской армии ранней весной 1855 г., распорядился устроить на этих путях искусственные преграды из завалов и засек, а также приготовить в подходящих местах все необходимые материалы для быстрой установки фугасов в случае опасности. За эти мероприятия и охрану дорог отвечал командир 1-го конно-пионерного дивизиона полковник Е. О. Дуве, подразделения которого располагались на станции Таушан-Базар в начале Воронцовского южнобережного шоссе, а также в деревне Корбеклы – ныне село Изобильное Алуштинского городского округа [Тотлебен 1868/2. Отд. 1: 240–241].

События в восточном и юго-восточном Крыму

Плохая защищённость побережья Крыма от возможных десантов противника была очевидна задолго до начала боевых действий на его территории. Восточный и юго-восточный Крым в этом смысле не был исключением. Незамерзающий феодосийский рейд имел славу лучшей якорной стоянки после Севастополя, которая могла быть успешно использована неприятелем. Керчь, являвшаяся «ключом» к Азовскому морю, в те предвоенные годы стала значимой продовольственной перевалочной базой. К началу боевых действий на её складах скопилось значительное количество коммерческого и казённого хлеба. Помимо того, неподалёку от Керчи находился путь сообщения с материком через Арабатскую стрелку. Феодосия и Керчь нуждались в надёжной защите, хотя бы только в силу указанных причин [Богданович 1876/III: 319; Дубровин 1900/I: 99].

Меншиков ещё в конце 1853 г. считал необходимым прикрыть эти города артиллерийскими батареями. Поскольку все саперные подразделения были заняты на строительстве объектов в Севастополе, в Керчь и Феодосию направили лишь по одному военному инженеру. Им было поручено для работ на укреплениях использовать имевшиеся на месте рабочие руки – нижних чинов 1-й бригады 14-й пехотной дивизии в Феодосии и арестантов в Керчи. Благодаря поддержке местного населения и частным пожертвованиям, к февралю 1854 г. была отстроена береговая артиллерийская позиция в Феодосии и реконструирована Павловская батарея на одноименном мысу под Керчью [Дубровин 1900/I: 66].

Осуществлялись и другие мероприятия по защите восточного Крыма, но, проводимые в условиях хронического недостатка ресурсов, они оказались малоэффективными.

Наказной атаман Войска Донского генерал М. Г. Хомутов, на которого военными властями было возложено командование в Приазовье и Восточном Причерноморье, включая Керченский полуостров, хорошо понимал значение азово-донской навигации в деле снабжения Крыма продовольствием и резонно видел свою первоочередную задачу в защите Керчь-Еникальского (Керченского) пролива. Меры по восстановлению Павловской батареи и планы дополнительного вооружения устаревшей крепости Еникале (находящейся теперь в черте Керчи, к востоку от исторического центра города) казались ему недостаточными. Поэтому в апреле 1854 г. закладываются три новые батареи: Николаевская (на мысе Ак-Бурун, к югу от керченского центра), Городская (в центре города) и Георгиевская (на мысе Карантинном, к востоку от центра Керчи). Укрепление приморских фасов Еникале новыми орудиями началось в июле. Тогда же саперы приступили к возведению батареи на косе Ческе (ныне Чушка), которая могла обстреливать пролив с противоположной от Керчи стороны пролива.

Весной 1854 г. было принято решение перегородить фарватер пролива от косы Тузла затопленными судами, а с западной стороны, на входе в него, установить боновые заграждения в два или три ряда. Николай I разрешил использовать для этого несколько старых транспортов и распорядился отпустить из государственной казны на покупку дополнительных кораблей для затопления 75 000 рублей серебром. Ещё 29 427 рублей на заграждение пролива пожертвовали местные жители. В начале лета эти мероприятия были осуществлены, но вскоре отправленные на дно суда, как и боны, сильно разнесло течением. Несмотря на то, что попытки укрепления и совершенствования такой системы заграждения Керченского пролива продолжились и далее, в итоге она оказалась малоэффективной [Дубровин 1900/III: 145–147]. Летом 1854 г. Хомутов усиливает оборону Керченского полуострова, переведя сюда из Приазовья дополнительные войска. Укрепление Керчи и её окрестностей продолжалось. На Павловской батарее число орудий было доведено до 25, однако пороха не хватало даже на обучение комендоров и прислуги [Дубровин 1900/I: 108–110].

Когда в ожидании действий противника Феодосия была признана возможным местом для высадки союзников, войска Керченского по-

луострова пополнили до одиннадцати с четвертью батальонов пехоты, 1800 донских казаков и трёх артиллерийских батарей, не считая сборных команд, находившихся в Керчи и Феодосии и, частично, в селении Аргин (находилось западнее современного села Ленинское). Там расположились резерв и штаб командующего. Отдельные отряды были распределены в Арабат, Агиб-Эли (ныне село Луговое) и Кармыш-Келечи (ныне несуществующий пункт, находился близ села Фонтан). Разведывательные функции возлагались на казачьи разъезды. Они же через Карасубазар (ныне Белогорск) осуществляли связь с главным командованием русских войск [Дубровин 1900/1: 127, 160–161]. Керченский пролив защищала небольшая эскадра, в состав которой входили три парохода, четыре транспорта, одна шхуна и шесть казачьих баркасов с совокупным экипажем в 591 человек, вооружённых, в общей сложности, 77 орудиями различного калибра [Тотлебен 1868/2. Отд. 1: 245]. Таким образом, к началу осени Хомутов располагал некоторыми сухопутными и морскими силами в ключевых точках Керченского полуострова и имел возможность в случае необходимости совершить оперативный манёвр по защите какой-либо позиции.

Однако после 1 сентября 1854 г., с появлением неприятельского флота у берегов Крыма, Хомутову уже самому пришлось высылать подкрепления в Севастополь. После высадки противника, Альминского сражения и затопления боевых кораблей Черноморского флота в сентябре 1854 г. никакое подкрепление не казалось Меншикову достаточным. Он просил о немедленной помощи и командовавшего тогда Южной армией Горчакова, и новороссийского и бессарабского генерал-губернатора Н. Н. Анненкова, и даже Хомутова. С другой стороны, опасаясь дополнительного десанта у Феодосии, Военное министерство поручило Хомутову сконцентрировать до 10 батальонов у Керчи. Силы на это можно было взять только из войск, находившихся в стратегически важных пунктах Северного Кавказа. Охрана Анапы, Новороссийска и низовьев Кубани теперь, когда противник все свои силы бросил на Крым, представлялась делом второстепенным. Особенно ясно это подтвердилось началом с 5 октября 1854 г. отчаянных артобстрелов союзниками Севастополя, знаменитых бомбардировок, эхо которых, по свидетельствам очевидцев, разносилось над морем вплоть до Феодосии, Керчи и даже Анапы. В это время Меншиков, в соответствии с Высочайшим рескриптом от 30 сентября 1854 г., стал главнокомандующим Крымской армией официально, а за Хомутовым подтверждалась его зона ответственности в пределах

пространства от Феодосии и Арабата до Керченского пролива, Приазовья и северо-восточных берегов Чёрного моря [Меншиков 2018: 104; Дубровин 1900/I: 127, 186–187, 350, 351–352; Дубровин 1900/II: 75, 92].

К концу 1854 г. Хомутов оказался в положении даже более трудном, чем в начале подготовки Керченского полуострова к войне, поскольку должен был отвлечь значительную часть подчинённых ему сил на укрепление севастопольской обороны. В его распоряжении в Восточном Крыму осталось немногим более семи батальонов при дюжине полевых орудий, причём эти войска были растянуты в разных пропорциях по гарнизонам Феодосии, Арабата, Еникале и Керчи. Понимая уязвимость своих позиций на суше и важность азово-черноморской линии подвоза продовольствия для Крыма – *«острый русский штык без сухарей будет туп»* – Хомутов продолжал мероприятия по укреплению морской обороны Керченского и Еникальского проливов [Дубровин 1900/III: 151–152].

6 января 1855 г. пришедшие в Феодосию английский фрегат «Леопард» и французский корвет «Бертолет» прислали на берег парламентёров с объявлением о начинающейся с 1 февраля блокаде черноморских и азовских портов. На следующий день те же действия союзники повторили под Павловской батареей [Крым 2018: 337–338]. Этим, собственно, было ещё раз подтверждено полное господство противника на море.

Русским береговым батареям, и так слабым и разбросанным на значительном пространстве, не хватало ни боеприпасов, ни артиллеристов [Дубровин 1900/III: 152; Тотлебен 1868/2. Отд. 1: 246–247]. Пользуясь этим, неприятельские пароходы всю зиму 1854–1855 гг. безнаказанно осуществляли навигацию в проливе и, непосредственно, в виду Керчи, делая промеры глубин. Во время одного из таких рейдов 21 января 1855 г. неприятельская канонерская лодка застряла над затопленным судном. Между ней и Павловской батареей завязалась артиллерийская дуэль. При этом ядра, выпущенные русскими артиллеристами, до врага не долетали; и наоборот – ответные выстрелы легли за Павловскими позициями. В конце концов, неприятель снялся с мели и ушёл в море. Этот случай показал превосходство союзнической корабельной артиллерии и свободу маневра в проливе, которую имели вражеские суда даже под прицелом русских пушек.

Хомутов, исходя из случившихся событий, приказал приступить к возведению новых батарей. Кроме того, он отправил в Петербург поручика Кавказского сапёрного батальона фон Крита, которому было приказано изучить вопрос устройства и постановки морских мин на Крон-

штадтском рейде, а также приобрести там необходимые материалы. По его возвращении планировалось заминировать фарватер на участке между Павловской батареей и Тузлой, а также установить мины возле мысов Ак-Бурун, Чушка и крепости Еникале. При этом предполагалось применить взрывные устройства двух типов: плавучие мины и донные фугасы с электрическими запалами [Дубровин 1900/III: 150–154]. Весной 1855 г. этот проект был воплощён в жизнь: напротив Павловского мыса в две линии, в шахматном порядке, выставили 40 мин, у Еникале – ещё 40, и, наконец, между мысом Ак-Бурун и Новым карантинном – ещё 20 зарядов, предназначенных непосредственно для защиты керченского рейда [Тотлебен 1868/2. Отд. 1: 248].

Все упомянутые меры не могли компенсировать главных недостатков керченской обороны – откровенно слабого тыла возводимых позиций со стороны суши и недостаточного количества войск. Хомутов писал в частном письме от 10 февраля 1855 г.: *«Я едва ли имею 2 000 штыков, и то казачьих, так что, если придёт десант в 4 000, я со стыдом и без боя должен отступить и бросить Керчь со всеми батареями, госпиталями, заведениями и запасами»* [Дубровин 1900/III: 155]. Забегая вперёд, необходимо сказать, что горький урок был со временем усвоен: после окончания Крымской войны вопрос обороны сухопутных подступов к городу и проливу в Военном министерстве не стали откладывать в долгий ящик – в районе мыса Ак-Бурун были построены мощные укрепления, известные теперь как крепость Керчь или форт Тотлебен.

Хомутов, вскоре после вступления на пост командующего Крымской армией Горчакова, был переведён в Темрюк. Он по-прежнему командовал войсками Приазовья и Восточного Причерноморья, но восточный Крым теперь был исключен из его компетенции и 20 марта передан под руководство генерал-лейтенанту К. К. Врангелю-Баязетскому. В придачу к новому назначению, генерал-лейтенант получил гусарский полк из 8 эскадронов с донской легкоконной резервной батареей. Князь Горчаков поставил перед Врангелем следующие задачи: препятствовать прорыву неприятеля в Азовское море; охранять берега Чёрного моря от небольших высадок врага; в случае высадки большого десанта уничтожать связь врага, действуя у него в тылу [Дубровин 1900/III: 159–160].

Тем временем в Керчь-Еникальском проливе сошёл лёд, и командование предприняло новые отчаянные меры по преграждению фарватера, опять не закончившиеся каким-либо существенным результатом. На окончание строительства и вооружение батарей по-прежнему не хватало

ло ни рабочих рук, ни средств. Всего по проливам и керченскому рейду с берега могли вести огонь 62 орудия разных калибров. Керченская флотилия, если учитывать лишь корабли, бывшие на ходу и способные оказать хоть какое-то сопротивление неприятелю на море, насчитывала, на то время, два парохода с артиллерией значительного калибра и три транспорта с однопудовыми орудиями на сухопутных станках. При этом на них не хватало как офицеров, так и матросов. На суше в распоряжении Врангеля имелось семь с половиной батальонов пехоты, восемь эскадронов, шестнадцать сотен казаков и 20 полевых орудий. Эти силы были распределены между Феодосией и Керчью, дислоцировались в Арабате, а также у деревень Аргин и Парпач (ныне село Ячменное), в Камыш-Буруне (южная часть территории современного городского округа Керчь, микрорайон Аршинцево), у Павловской батареи и в Еникале. Отдельные казачьи полки традиционно обеспечивали почтовое сообщение и оперативную разведку [Дубровин 1900/III: 160–164].

Тревожные ожидания начала боевых действий в Восточном Крыму приобрели черты реальности с появлением на Феодосийском рейде утром 11 мая 1855 г. тринадцати пароходов союзников. На следующий день барон Врангель получил донесение от наблюдательного поста на мысе Такиль, что неприятельский флот в числе до 70-ти вымпелов направляется в Керченский пролив. В пределах самой Керчи на тот момент имелось до 300 человек карантинной и пограничной стражи, казаков и жандармов, оставленных с целью соблюдения внутреннего порядка. Остальные войска концентрировались в Камыш-Буруне, Султановке (ныне село Горностаевка) и в Еникале. Феодосийский отряд при этом оставался на своём прежнем месте [Дубровин 1900/III: 166–168]. Задача, поставленная командирам изначально, была такой: действовать по обстоятельствам, причинить врагу наибольший вред, отступить с наименьшими потерями, уничтожив на оставляемых позициях припасы и материальные ценности, если их невозможно вывезти. Для эвакуации казённых сумм, дел и архивов из Керчи были назначены пароходы «Бердянск» и «Донец», а также шхуна «Аргонавт» [Богданович 1876/III: 322; Дубровин 1900/III: 169].

12 мая 1855 г. союзники, после артподготовки с моря, успешно высадились в районе Камыш-Бурунского мыса и, под прикрытием корабельных пушек, двинулись на керченские береговые батареи. Теперь внимание командиров русской армии было целиком сосредоточено на организации отхода их подразделений. В соответствии с приказами

Врангеля, войска, концентрировавшиеся прежде вблизи Камыш-Буруна, спешно двинулись по Феодосийской дороге на запад, а личный состав артиллерийских батарей, уничтожив припасы и оборудование на своих позициях, присоединился к отступающим. В это время командир русской флотилии контр-адмирал Н. П. Вульф приказал выводить имевшие ход пароходы и транспорты в Азовское море, а неисправные суда уничтожить. Ликвидация Павловской батареи открыла практически полную свободу навигации в проливе для союзников. Линия затопленных кораблей была легко преодолена ими с помощью иностранных шкиперов, проходивших здесь прежде. Морские мины не сработали, боновые заграждения оказались неэффективными. Из всех батарей в этот день до самого вечера вела огонь только одна, из Еникале. Задачей её комендоров было прикрытие огнём отходящих в Азовское море пароходов Вульфа, которому удалось 13 мая привести эти суда в Бердянск на северном берегу Азова. Впрочем, флотилия Вульфа вскоре была также уничтожена своими экипажами [Богданович 1876/III: 322–324; Дубровин 1900/III: 170–174]. Спустя два часа после прохода последних русских кораблей через пролив, защитники Еникале зажгли свои провиантские склады, пороховые погреба и организованно ушли к деревне Аргин на соединение с отступившими войсками. Керчь была занята союзниками. [Тотлебен 1868/2. Отд. 1: 259–260, 271].

К вечеру 13 мая город пылал, разрушенный местами бомбардировкой противника, а где-то – подожжённый покидавшими его солдатами. На берегу горели запасы сена, провиантские склады, а на море – суда. Всё, что строилось и создавалось с большим напряжением сил для обороны Керчи в течение двух последних лет, пришлось уничтожить без всякой пользы.

Судьба захваченной неприятелем Керчи была печальна. В течение трёх суток в ней хозяйничали мародёры, обнося храмы, государственные учреждения, частные дома и лавки. Собрание Керченского музея древностей также подверглось разграблению [Богданович 1876/ III: 325–326]. Интервенты начали грабительские раскопки керченских памятников археологии [Воронов 1908: 419–420]. В дальнейшем англо-французское командование попыталось постепенно навести в городе возможный порядок, учредив в бывшем здании Адмиралтейства гауптвахту и даже сформировав городскую полицию из оставшихся местных жителей [Дубровин 1900/III: 179]. Отчасти это со временем удалось – к церквям была приставлена охрана из английских и фран-

цузских солдат, в городе, так или иначе, функционировали лечебные учреждения, столовая для обездоленных и две школы [Воронов 1908: 419]. Но многие обитатели Керчи, напуганные происходившим в первые дни, всё равно, бросив пожитки, бежали из города, часто – пешком, поскольку за проезд на расстояние в двадцать километров из Керчи до деревни Султановки (ныне не существует; находилась на территории современного села Горностаевка) требовали от 20 до 100 рублей серебром. Значительная часть беженцев пострадала от грабителей в пути.

В первой половине дня 13 мая керченские отступающие команды с присоединившимся к ним гарнизоном крепости Еникале перешли под управление полковника П. А. Антоновича. Бывший помощник Керчь-Еникальского градоначальника, а теперь – командир отступающего соединения, Антонович обращался к Врангелю: *«При войсках, за нами, с нами и впереди много обозов с семьями. Отряд мой – приводящая в отчаяние компиляция. Прикажите, ваше превосходительство, что с ними делать и куда их направить?..»* В деревне Аргин (ныне не существует; находилась на почтовом тракте в Феодосию) эти войска остановились на дневной постой с тем, чтобы дожидаться бегущих гражданских и взять их под свою защиту. В дальнейшем подразделения Антоновича, вместе с командующим Врангелем, переместились к деревне Парпач (ныне село Ячменное), находившейся на возвышенности, относительно обеспеченной водой и являвшейся сравнительно безопасным местом посередине Ак-Монайского перешейка. [Богданович 1876/III: 326; Дубровин 1900/III: 175–177, 182]. Впоследствии керчан перенаправили в Симферополь. Предписанием таврического генерал-губернатора от 4 июня 1855 г. управление Керчь-Еникальским градоначальством в эвакуации полностью передавалось Антоновичу. Теперь его заботой стало расселение и трудоустройство керченских жителей во внутренних городах Крыма и других населённых пунктах юга России. Активная деятельность Антоновича была направлена также на сохранение канцелярии Керчь-Еникальского градоначальства и керченской городской думы, расположившихся в городе Орехов (ныне Запорожская область Украины) с конца лета 1855 г. [Орехова и др. 2010: 472–473].

С падением Керчи путь в Азовское море, и прежде очень слабо защищённый, стал ещё более доступен союзникам. Воспользовавшись этим, англо-французская эскадра 14 мая подошла к Бердянску, вдруг оказавшемуся почти безлюдным, и, совершив там ряд поджогов, на следующий день появилась у крепости Арабат, подвергнув её сильному об-

стрелу. Старая турецкая крепость, которую русское командование попыталось привести в порядок перед вторжением врага, была вооружена теперь 17 орудиями. На небольшой её территории удавалось с трудом разместить лишь батальон пехоты с артиллерийской прислугой и незначительное количество припасов. Каменная защитная облицовка земляных валов Арабата была разрушена во многих местах. Вдобавок ко всем указанным недостаткам, там отсутствовали источники питьевой воды. Тем не менее, гарнизону этой небольшой и сильно устаревшей крепости удалось нанести урон двум неприятельским судам [Тотлебен 1868/2. Отд. 1: 248–249, 265].

Таким образом, зона активных действий англо-французской флотилии переместилась в Приазовье, за пределы Керченского полуострова. 16 мая начался налёт на Геническ. Князь Михаил Борисович Лобанов-Ростовский успел к тому времени заблокировать Генический пролив затопленными транспортами, а часть оставшихся судов – вывести в мелководный Сиваш. Хотя противнику и удалось сжечь значительное количество судов и уничтожить большую часть продовольствия, хранившегося на пристани Геническа, путь, пролежавший по стрелке со стороны материка в Крым, прерван не был [Богданович 1876/III: 327–329; Дубровин 1900/III: 183–187; Тотлебен 1868/2. Отд. 1: 265–267]. 22 мая был обстрелян Таганрог, 24 мая – Мариуполь. Эти города не имели противокорабельной артиллерии и охранялись, по большей части, немногочисленными казачьими отрядами. Противник не слишком стремился штурмовать эти пункты, а каждый раз, нанеся им по очереди определённый ущерб, уходил. 25 мая англо-французская флотилия подошла к Ейску. Учитывая отсутствие укреплений в городе, и без того расположенного на открытой местности, командир Ейского отряда согласился на требования неприятеля уничтожить своими собственными силами имевшийся у него казённый провиант и фураж. После исполнения этих приказаний, союзники ушли из-под города [Дубровин 1900/III: 192–194].

Англо-французские силы, с установлением своего господства в Азовском и Чёрном морях, теперь уже реально угрожали Анапе и Новороссийску. Подкреплений для противодействия врагу на Кубани взять было негде, поэтому русское командование решило упразднить крепости и опорные пункты обороны, а гарнизоны вывести в другие места. В соответствии с задуманным, укрепления Анапы были взорваны, орудия выведены из строя. Всё, что можно было поджечь, сгорело. Гарнизон

ушёл в Темрюк. Вместе с Анапской крепостью были сожжены ещё несколько станиц и укреплений.

С конца мая 1855 г. флотилия неприятеля обосновалась в Керчи. На горе Митридат, Павловском мысу и в Еникале были укреплены старые и возведены новые укрепления. А 3 июня, оставив в Керчи ограниченный контингент оккупационных войск, англо-французская эскадра в основном ушла назад, на Севастополь [Богданович 1876/III: 329–332; Дубровин 1900/III: 194–197]. Впрочем, на этом рейды противника в Азовское море не закончились: в течение лета и осени вражеские корабли неоднократно заходили в его акваторию и вновь подвергали обстрелам отдельные из располагавшихся там прибрежных населённых пунктов [Богданович 1876/III: 334 сл.].

Феодосия, вызывавшая острое беспокойство русского командования как пункт возможной высадки врага на протяжении всей Крымской войны [Дубровин 1900/I: 71], пережила этот конфликт без драматических потрясений, подобных тем, что случились в Керчи. Неприятельские корабли неоднократно, начиная с января 1854 г., показывались в виду города, но враждебных действий по большому счёту не производили. Однако даже просто одно их появление, как правило, вызывало выезд из города части мирного населения, эвакуацию казны, документов, и запасов продовольствия [Дубровин 1900/I: 65, 102, 123–125, 127–128]. Архиепископ Иннокентий (Иван Алексеевич Борисов), приехавший в Крым с началом военных действий с целью духовной поддержки войск и населения, упрекал феодосийцев в малодушии, отметив в проповеди: *«Пристань ваша славится всюду своим удобством и безопасностью от бурь; берег моря вашего на великое пространство крайне удобопрístupен для врагов; град ваш открыт и подвержен от края до края всем огням неприятельским: не здесь ли посему надлежало ожидать самых частых нападений от врага? Но <...> в город ваш не влетела ещё ни одна стрела вражия <...> ни один не пострадал ни от меча, ни от огня иноплеменников»*. Причину этого Иннокентий видел в защите города святым Стефаном Сурожским и сетовал на невнимательность феодосийцев к своему покровителю [Иннокентий 1908/II: 463–469].

Известно о двух случаях привоза союзниками в Феодосию попавших к ним в плен мирных жителей крымских городов: 2 июня 1855 г. – из Керчи, а в октябре – жителей Балаклавы и южнобережья [Маркевич 1994: 26, 29]. С начала войны и вплоть до послевоенного времени в городе действовал небольшой госпиталь [Богданович 1876/IV: 210].

События в центральном и северном Крыму

В начале сентября 1854 г., после прибытия неприятельского флота к берегам Тавриды, столица Крыма – Симферополь – представляла собой очень оживлённое место. Стоявшие в городе военные части отправлялись отсюда на Альму, на их место прибывали новые войска, которые вскоре тоже поднимались и шли дальше. В Симферополь стекались гражданские лица, бежавшие от войны из разных городов и деревень полуострова. При этом некоторые из симферопольцев сами покидали город и отправлялись на север с тем, чтобы выехать оттуда во внутренние губернии империи [Дубровин 1900/I: 187–188].

Альминское сражение, произошедшее 8 сентября 1854 г., вскоре после высадки противника на крымский берег, выявило губительную неорганизованность и несогласованность русских армейских подразделений: *«никто не знал, что предпринять в случае успеха и куда отступить в случае неудачи; полки не знали, где их патронные ящики, где лазаретные фуры <...> От командующего войсками никто не получал никаких приказаний; перевязочные пункты не были назначены, и госпитальная часть находилась в полном расстройстве»* [Дубровин 1900/I: 261]. Подобное положение вещей имело закономерные последствия: после проигранного сражения по большому счёту и речи не было об эвакуации раненых, организованном отступлении и прочих действиях, предписанных военной наукой. Отступающие части шли не руководимые никем и куда придётся, не зная ни дороги, ни пункта прибытия. Некоторые подразделения остались на Каче, другие вышли к Севастополю. Впрочем, были отдельные части русской армии, всё же не потерявшие порядка при отступлении [Ченнык 2004: 145–146; Ченнык 2011а: 258 слл.].

Предоставленные самим себе солдаты вынуждены были разыскивать пропитание, что влекло за собой множество случаев грабежей в окрестных селениях. Помещики Качинской и Бельбекской долин не выезжали из своих владений до тех пор, пока известие о поражении на Альме не дошло до них. Теперь же жителям пришлось спешно бежать, буквально отдавая свои хозяйства в руки мародёрам. Их имущество разграбляли и варварски уничтожали, сады обносили, а хлеб сжигали, чтобы им не смог воспользоваться враг. В отступавших обозах и артиллерии царила сумятица и неразбериха. Если бы неприятель тогда решился на их преследование, то имел бы полную возможность захватить и то, и другое [Дубровин 1900/I: 267–270, 364].

Трагической была судьба солдат, получивших ранения в Альминском деле. Часто не успевавшие за отходящими строевыми подразделениями, они оказались фактически брошенными на произвол случая [Тарле 1943/II: 28–29]. Тем, кто всё же попадал в лазареты, недоставало обычных перевязочных материалов. Такие средства первой важности в санитарном полевом деле как корпия и бинты, при лазаретах были в остром дефиците, тогда как на складе Симферопольской почты находилось значительное количество тюков с этими предметами, лежавших там без дела. Некоторые из раненых позже смогли найти бивуаки своих частей, или добраться до Симферополя и Бахчисарая. Участь изувеченных солдат, у которых не было возможности самостоятельно покинуть поле битвы, оказалась ещё более тяжкой. Многие из них попали в руки неприятеля и были отправлены кто в Константинополь, кто в Одессу. Других – от 120 до 250 тяжелораненых, по разным данным – всё же удалось эвакуировать в Симферополь на специальном обозе, сформированном таврическим губернатором В. И. Пестелем из добровольно предоставленного немецкими колонистами транспорта. Однако это случилось только 18 сентября, то есть спустя полторы недели после сражения [Богданович 1876/III: 201–202; Дубровин 1900/I: 272–273; Маркевич 1994: 39; Ченнык, 2011а: 283–284; Ченнык 2011b: 9 слл.].

Тяжёлые впечатления от поражения Императорской армии под Альмой вместе с известиями об отступлении войск в Севастополь, слухами о разбое на дорогах и отсутствием сколь-нибудь внятных распоряжений военного командования подтолкнули Пестеля к эвакуации присутственных мест и горожан из Симферополя на его собственный страх и риск. Необходимо заметить, что губернатор поступил, по сути, в соответствии с общими указаниями Меншикова, высланными немного ранее [Маркевич 1994: 19].

После спешного совещания с городскими чиновниками, Пестель утром 9 сентября объявил, что все должностные лица обязаны быть готовыми срочно покинуть город. Планировалось вывезти все присутствия с казной и делами, включая городскую и земскую полицию, почтовую контору и жандармов. Пансионеры Симферопольской гимназии вместе с архивом учреждения также подлежали вывозу из города [Шпигель 1904: 48–49]. Губернатор послал одного за другим несколько вестовых к Меншикову за разрешением на эвакуацию, но ответа не дождался. В Симферополе началась паника: жители стали второпях собирать самое ценное и готовиться к бегству. Разумеется, как

это всегда бывает в подобных ситуациях, перевозочные средства оказались в остром дефиците, и цены на извоз очень сильно поднялись. Малоимущее население, решаясь на переезд, должно было разориться окончательно, так как для того, чтобы просто выехать из Симферополя, требовались значительные денежные средства. В городе бумажные ассигнации очень быстро обесценились вдвое, а звонкую монету люди стали припрятывать.

На следующий день, 10 сентября, так и не дождавшись вестовых, посланных к Меншикову, Пестель распорядился выезжать из города. Обоз в количестве более 2 500 подвод, конвоируемый 60 солдатами внутреннего гарнизона, выдвинулся из Симферополя в 9 часов утра. В городе из гражданских лиц остались только те, кто не смог собрать достаточно денег на выезд. Сам Симферополь охраняли несколько рот гарнизонного батальона, инвалидная команда, отряд рекрутов и полсотни казаков (общая численность до 2 000, из них вооружены – 1 085 человек). Благодаря грамотным действиям командира гарнизона в городе был сохранён порядок. В Симферополе так же осталась Симферопольская провиантская комиссия. Однако уже во второй половине того же дня всё же пришло несколько запоздалое распоряжение Меншикова: все присутственные места оставить в Симферополе, провиантской комиссии продолжать свою обычную деятельность. Пестель приказал уже удалившемуся на 20 вёрст поезду возвращаться обратно в город [Давыдов 1895: 119–120; Дубровин 1900/1: 292–296; Маркевич 1994: 19–20].

Тем временем, паника нарастала и на севере полуострова: через Перекоп проезжали бегущие от войны жители Евпатории, Симферополя и Севастополя, распространяя неутешительные новости о происходящем в западном Крыму. Это, в свою очередь, провоцировало отъезд населения из самого Перекопа. Руководство Соляного правления, беспокоясь о безопасности своих соляных промыслов, учредило собственные разведывательные посты в селении Каланчак (ныне посёлок городского типа Херсонской области Украины) для наблюдения за берегом от Джарылгачского залива до Тендры и Кинбурнской косы, и в деревне Кенегёз (ныне село Вересаево) для сбора информации по состоянию пунктов добычи соли Евпаторийского уезда.

Вести, распространявшиеся по всему Крыму, изобиловали сведениями о татарских возмущениях, грабежах и нападениях не только на обозы, но и на опорные пункты пограничной стражи. Так, ещё 7 сентября 1854 г., казаки, под давлением бунтующих татар, были вынуждены поки-

нуть кордон Шейх-Лар (юго-восточная часть современного поселка Черноморское) и отступить к Армянскому Базару. Вместе с ними прибыли семьи чиновников, бежавших из Евпатории. Крымские пути сообщения из-за беспорядков и паники той осенью с каждым днём становились всё ненадёжнее. Существовала опасность, что ямщики, вконец напуганные лихими временами, просто разбегутся со своих станций – тогда сообщению между Перекопом и крымскими центрами пришёл бы неизбежный конец. В сложившейся ситуации Соляное правление решило свернуть свою деятельность, отправив казну в Херсон и переехав в Каховку. Это, по сути, единственное крупное промышленное предприятие в Крыму прекратило свою деятельность – вывозка и продажа соли прекратилась. Таврическая губерния потеряла, таким образом, главную статью доходов, а казённая палата лишилась значительной части источников финансирования края. Вместе с Соляным правлением из Перекопа в Мелитополь перебрались перекопское и евпаторийское казначейства.

В Перекопе прекратилась торговля, перестали функционировать власти. К городу по старой памяти продолжали съезжаться фурщики. Не найдя здесь ни рынка, ни корма для волов, они бросали свой транспорт и уходили, усугубля сумятицу и беспорядок, сопровождавшие передвижение повозок беглецов из Крыма, равно как и почти непрерывное перемещение войск и обозов армейских подразделений навстречу этим беженцам [Дубровин 1900/1: 296–299].

Состояние безначалия в Перекопе было ликвидировано во второй половине сентября – Горчаков, ещё командовавший тогда Южной армией, прислал в Северный Крым генерала Василия Дмитриевича Богушевского для наведения порядка [Дубровин 1900/1: 301]. С этого момента, а также после взятия Евпатории в блокаду, относительное спокойствие в Центральном и Северном Крыму было постепенно восстановлено. Главнокомандующий Южной армией также существенно усилил продовольственное снабжение двигавшихся в Крым войск организацией дополнительных складов и подвижных магазинов [Дубровин 1900/1: 360].

После высадки неприятеля на берег Крыма в сентябре, интендантство Черноморского флота доставило в Перекоп 16 000 пудов сухарей, в результате чего в городе произошло переполнение всех складов и казённых зданий запасами. Вывести их дальше в Крым было не на чем, и провиантское ведомство арендовало частные помещения. Местные жители передавали под склады свои дома и загородные дачи. Но и этих помещений оказалось недостаточно, поскольку, кроме провианта, в Перекопе

хранилось имущество многих, проходивших в Крым, войсковых частей, стремившихся максимально облегчить подразделения на марше с тем, чтобы увеличить их скорость перемещения. В результате сухари нередко приходили в негодность из-за ненадлежащих условий хранения, тогда как действующая на полуострове армия сильно в них нуждалась. Недостаток в провианте в начале войны приводил к насильственному изъятию военными фуража и продовольствия у гражданских. Реквизиция эта, производимая безо всякой законной процедуры, являлась, по сути, грабежом, разорившим многие хозяйства [Богданович/III: 197; Дубровин 1900/I: 362–364; Маркевич 1994: 151].

В Симферополе с середины сентября 1854 г. началась в прямом смысле тыловая жизнь. Город был переполнен бежавшими из опасных районов полуострова крымчанами, приезжими торговцами, откомандированными сюда военными, множеством больных людей и раненых солдат. Перед вторжением неприятеля на полуостров госпитали в Симферополе, Феодосии, Керчи и Перекопе были рассчитаны в совокупности на немногим более 800 человек [Тотлебен 1863/1: 144]. Но теперь, после открытия крымского театра боевых действий, счёт раненым вёлся на тысячи. Госпитали в упомянутых выше городах, а также Бахчисарае, Карасубазаре, Херсоне, Николаеве, Вознесенске, Новой Одессе и других пунктах очень скоро стали переполнены.

Симферополь стал как бы перевалочным городом-госпиталем, где прибывающая масса раненых порой значительно превышала количество покидавших его, и, вследствие этого, город был очень часто катастрофически переполнен. В то время, как симферопольские власти приспособляли к приёму больных общественные помещения и здания учебных заведений города [Маркевич 1994: 40, 63], жители Симферополя, как и многие другие гражданские лица Таврической губернии, снабжали раненых необходимым и добровольно размещали их в частных владениях. Это очень усложняло медицинский уход, поскольку при мизерном количестве практикующих медиков огромное число их пациентов было сильно рассеяно по разным домовладениям [Дубровин 1900/II: 340–341]. Большая часть казённых домов Симферополя стала лазаретами: в зданиях гимназии, уездного училища, дворянского собрания, городского пансиона, татарского училища теперь находились раненые. Не хватало не только врачей, но и элементарных вещей больничного обихода. Вопросы нехватки медицинского персонала отчасти решились с прибытием командированных специалистов и добровольцев из других

городов России, в числе которых были знаменитые своей подвижнической деятельностью сестры Крестовоздвиженской общины, а также медиков и волонтеров-иностранцев, прибывших сюда из Берлина и даже США. Однако всё равно, на одного врача в начале 1855 г. приходилось 250 и более пациентов, в то время как количество медиков продолжало сокращаться вследствие тяжёлых бытовых условий и инфекционных болезней: тиф и холера были обычными спутниками большого скопления людей на ограниченном пространстве [Маркевич 1994: 71–74; Пирогов 1907: 31–33; Пономарёв 1993: 86; Орехова и др. 2010: 436–437, 444–445].

В начале ноября 1854 г. в Симферополе находилось до 8 000 больных и раненых. Командование пыталось по возможности вывозить этих людей на материк, но, ввиду отсутствия транспортных средств и измождённости тягловых животных, это было проблематично [Маркевич 1994: 74 сл.]. Ситуация в перенаселённом «городе-лазарете» изменилась в лучшую сторону, когда в Крым 26 ноября 1854 г. приехал знаменитый Николай Иванович Пирогов, уже успевший до этого применить свои таланты в военно-полевой хирургии на Кавказе. Получивший несколько позже признание и благодарность соотечественников как главный хирург Севастопольской обороны, по прибытию в Симферополь он, хотя и не имея каких-либо чётких полномочий, сумел фактически возглавить военно-медицинскую службу. Пирогов показал себя блестящим организатором, существенно упорядочив и облегчив своими энергичными действиями ситуацию с больными и ранеными в городе [История 2019: 150]. Тем не менее, обстановка всё равно оставалась напряженной: Симферополь действительно представлял собой сплошной огромный госпиталь, где число пациентов к марту 1855 г., по некоторым данным, превысило количество городских обывателей [Богданович 1876/III: 204–205; Дубровин 1900/II: 342, 345–346]. Сложное, исполненное формализма управление медицинской частью не помогало делу: в бытность на посту главнокомандующего Крымской армией Меншикова отсутствовало единство администрации, а, со времени назначения на эту должность Горчакова, усилилась бюрократия и умножились бесконечные инструкции для персонала, на исполнение которых не было ни средств, ни возможностей [Богданович 1876/IV: 162].

Гражданская администрация и горожане содействовали армии не только в размещении раненых, но и в заготовке и доставке провианта. Острый дефицит транспорта, разумеется, имелся и здесь. В городе не хватало топлива, дрова рубили в окрестных лесах, уже не заботясь о

правилах вырубки [Орехова и др. 2010: 437]. Для перевозки собирали все подводы, которые можно было достать. Любая телега, появлявшаяся в городе, могла быть тут же реквизирована властями [Дубровин 1900/I: 364–365].

Транспортное сообщение вообще представляло собой серьёзнейшую проблему этой войны. Отсутствие дорог с твёрдым покрытием критически осложняло положение Крыма и Севастополя. Зимой 1854 г. все пути в Крым были покрыты повозками, движение которых затруднялось всё больше, чем ближе они подъезжали к Перекопу. Санный путь заканчивался перед Белгородом, дальше дорога становилась только хуже. Обозы из Москвы, Киева и других городов Российской империи собирались в огромный затор у переправы через Днепр в районе Берислава, а навести там порядок было некому по причине плохого взаимодействия властей. Перевоз осуществлялся при помощи паромов, часто прекращавших хождение из-за обледенения берегов [Дубровин 1900/II: 352–354].

От Перекопа в центральный Крым вели уже не дороги, а абсолютные раскисшие от избытка влаги колеи. В этой грязи буквально утопали повозки, запряжённые не то что лошадьми, но и воловьими упряжи. Множество грузов, остро необходимых в действующих подразделениях армии и с большим трудом доставленных в Симферополь, не доходили до места назначения вовремя, поскольку дорога непосредственно к Севастополю была в ещё более худшем, разъезженном и раскисшем состоянии, чем все остальные. На преодоление небольших расстояний между пунктами полуострова теперь уходили сутки и недели. Даже имея курьерскую подорожную, Пирогов ехал от Симферополя в Севастополь около двух суток. Курьерской и почтовой службам не хватало ямщиков, в постоянном дефиците находились средства передвижения, фураж и расходные материалы [Дубровин 1900/II: 354–358; Пирогов 1907: 66]. Проблемы с почтами в Таврической губернии, начавшиеся за несколько лет до войны, закономерно усугубились с началом кампании, в условиях ненастья и усиленного разъезда лошадей [Маркевич 1994: 139–147].

Воинским подкреплениям, двигавшимся в Крым в пеших порядках, так же приходилось нелегко. *«Когда железные дороги и пароходы перебросили на далёкие земли России огромное число неприятельских войск, свежих и бодрых, как будто только что покинувших казармы, длинные вереницы русских войск с трудом тянулись со всех концов обширной империи на помощь захваченному Крыму, истощая в тщетной борьбе с грязью, снегом, а зачастую и голодом силы и мужество, достойные*

более благородной борьбе», – писал современник Крымской войны [Чихачёв 1970: 88].

Сотни павших животных у дорог стали на это время обыденным зрелищем. Многие хозяева-частники стремились теперь заранее избавиться от истощенного скота, продав его в войска для пропитания, чтобы уклониться таким образом от натурального чрезвычайного транспортного налога – подводной повинности. У этих людей, и в самом деле, зачастую не было другого выхода. Рост цен на товары и услуги делал почти невозможным какой-либо наем транспорта за договорную плату, а назначенное твёрдое жалование ямщикам не окупало даже корм для волов. Сено же, кроме того, что стоило очень дорого, было в большом дефиците [Дубровин 1900/II: 325–326; 357–362].

Крымская армия, по состоянию на осень 1854 г., теоретически была обеспечена продовольствием в достатке. Зерновой хлеб, сухари и крупы для войск собирались и хранились на складах Южной Украины и Приазовья. Проблема заключалась не в количестве провианта, а в своевременности его доставки [Богданович 1876/III: 191 сл.]. Симферопольская провиантская комиссия считала возможным держать в крымских складах запасы на несколько месяцев, а остальное, по мере необходимости, пополнять из резервов, хранившихся в Перекопе и Геническе, при помощи трёх полубригад подвижного магазина в Симферополь. Однако к наступлению осенней распутицы сопроводительная инфраструктура для перевозок ещё не была подготовлена. Подобное положение явилось следствием организационной неразберихи, поскольку продовольственным снабжением войск занимались сразу три ведомства, фактически независимые друг от друга: Симферопольская провиантская комиссия, Комиссионерство главных сил и Канцелярия главнокомандующего. В результате такой схемы управления дела по обеспечению армии шли медленно – и не по причине отсутствия средств, а от нехватки чёткой скоординированной распорядительности и отсутствия опытного генерал-интенданта, способного её проявить [Дубровин 1900/II: 362–365, 367, 375].

Имевшиеся три полубригады подвижного магазина, с 1 000 подвод в каждой, в начале ноября 1854 г. пополнились ещё двумя полубригадами, сформированными в Херсонской и Екатеринославской губерниях. Позднее ещё одна полубригада была направлена Горчаковым в Крым, после чего общая численность подвод, обеспечивавших Крымскую армию, доходило после этого до 6 000. Но перевозка по плохим дорогам

всё равно была слишком медленной, а частый падёж тяглового скота и лошадей привёл к тому, что уже к концу того же года из 6 000 осталось рабочих только 2 000 повозок. Предпринятые по этому поводу чрезвычайные меры позволили собрать к весне дополнительно ещё четыре полубригады с обозами. [Тотлебен 1863/1: 667–669].

Значительное количество подвод из числа прибывавших в Крым войсковых обозов постоянно скапливалась в Бахчисарае. Это представлялось нежелательным по двум причинам: во-первых, город находился в опасной близости от передовой, а во-вторых, в окрестностях Бахчисарая невозможно было найти достаточно фуража для прокорма множества лошадей и волов. В связи с этим Меншиков распорядился построить укрепленный временный городок – вагенбург, и обустроить провиантский склад на берегах Салгира у деревни Бакшай (близ современного села Пятихатка, к северо-востоку от поселка Октябрьское). Вагенбург должен был стать опорным пунктом в сообщениях с материком по Чонгарскому перешейку в случае прекращения движения через Перекоп. Работы по возведению укреплений производились с декабря 1854 г. по июнь 1855 г. Сюда были перемещены все обозы, находившиеся не при своих частях, и полевые орудия, оставшиеся без лошадей [Тотлебен 1868/2. Отд. 1: 238–239].

Некоторое улучшение условий передвижения по дорогам Южной России и Крыма принесло учреждение от Берислава до Севастополя зимой 1854–55 гг. специальных пунктов «ускорения движения». Там служили чиновники, в обязанности которых входило решение насущных дорожных проблем, включая починку мостов и дорожного полотна. Они располагали необходимыми для этого специальными денежными средствами и могли привлекать к работам земства.

Меншиков рекомендовал, с учётом плачевного состояния крымских дорог, грузить телеги от половины до двух третей их грузоподъёмности. Действительно, дороги были так плохи, что даже с половинной кладью обозы редко доходили до места назначения без поломок и случаев падежа лошадей. Продовольственные транспорты из-за чрезвычайных ситуаций нередко использовались не по запланированному назначению. Так или иначе, в середине декабря, предупреждая проблемы с провиантом, Меншиков был вынужден обратиться к военному командованию Восточного Крыма с приказом поставить дополнительно продовольствие из Керчи и Арабата. Крупы и сухари поступали, как уже указывалось, из Геническа и Перекопа. Запасов, сосредоточенных в Крыму и на юге

России к 1 января 1855 г., в общем-то должно было хватить до 1 июня 1855 г., хотя и с небольшим дефицитом отдельных категорий продуктов, но основная их масса хранилась на значительном отдалении от театра военных действий [Дубровин 1900/II: 368–375; Тотлебен 1863/1: 664–665].

На момент фактического вступления Горчакова в должность главнокомандующего Крымской армией в начале марта 1855 г., на полуострове находилось более 16 000 раненых и больных, размещённых, как правило, в плохих бытовых и санитарных условиях, в войсках наблюдался дефицит одежды и обуви, на фураж не хватало средств [Дубровин 1900/III: 25]. Горчаков получил «в наследство» от Меншикова транспортную и продовольственную часть армии с прежними проблемами, даже, в некоторой степени, обострившимися. К началу весны постоянные поставки больших партий мяса для военных уже привели к тому, что стадо рогатого скота на полуострове убыло втрое. Сено было в дефиците и обходилось дорого, а до нового сенокоса оставалось два с половиной месяца. В связи с этими обстоятельствами пришлось запретить покупать скот для пропитания внутри Крыма, в то время как для перегона животных к войскам с материка, не хватало того же сена. Поэтому мясные рационы солдат часто заменялись солёным салом, крупами и другими продуктами.

Цену на сено удалось несколько понизить в течение 1855 г., усовершенствовав методы его поставок на полуостров извне, но попытки заготовить его в больших количествах по всей Таврической губернии и доставить к армии, не увенчались успехом. Командование рассчитывало получить сено в объёме до 11 миллионов пудов, что приблизительно соответствовало годовым потребностям, но выходило только около миллиона. Было совершенно понятно, что, при отсутствии фуража, погибнет кавалерия, прекратится доставка провианта и припасов к войскам. В таком случае судьба Севастополя очень скоро решилась бы совсем не в пользу русского оружия. Сено превратилось на полуострове в запас стратегического значения. Частным лицам запрещалась перепродажа и сокрытие его излишков, их обязали поставлять фураж только армейским закупщикам по твёрдым ценам. Эти запреты не решились ничего: так, например, в Симферопольском уезде, несмотря на фиксированные цены, помещики продавали корм для животных гораздо дороже. Летом 1855 г. проблема с фуражом несколько сгладилась с появлением новой травы и назрела вновь к августу, когда растительность стала выгорать под солнцем [Богданович 1876/IV: 151–157; Маркевич 1994: 159 слл.].

В августе 1855 г. в Крыму было собрано около 200 тысяч русских военных, отделённых от остальной России обширной степью и узким перешейком, через который проходили две грунтовые дороги. Захват неприятелем Керчи и его последующие рейды в Азовское море лишили армию приазовских провиантских баз и сделали опасным подвоз припасов по Арабатской стрелке. На оставшихся коммуникациях нельзя было найти достаточно ни воды, ни дров, ни даже кизяка для отопления. В Крыму вообще и в Симферополе в частности очень поднялись цены на предметы первой необходимости [Богданович 1876/IV: 158–159].

Завершающий этап Крымской войны. Проблемы тылового обеспечения и коммуникаций

Непосредственно в Севастополе, начиная с весны 1855 г. дела шли всё хуже. Главные силы защитников города были истощены, резервов почти не осталось. Противник, и сам переживший очень тяжёлую зиму в сложных бытовых условиях, с наступлением тепла значительно активизировался. Этому способствовала возобновившаяся весенняя навигация – союзники стали снова получать большие количества боеприпасов. В Балаклаву и Камышовую бухту часто приходили транспорты со свежими отрядами английских и французских солдат. В Евпатории турецкая армия также усилилась до 30 000 человек. Это происходило в то время, когда на дорогах Крыма ещё царила распутица и русские обозы с продовольствием и другими припасами по-прежнему передвигались очень медленно. Ситуацию усугубляли злоупотребления в интендантских службах. Защитникам Севастополя приходилось, насколько это было возможно, экономить порох, который не успевали подвозить [Дубровин 1900/III: 3–4, 12, 25, 39–40; Крым 2018: 347–348; Ченнык 2014b: 39–40].

28 марта 1855 г. начался второй массированный обстрел Севастополя, продолжавшийся десять дней. Число убитых и раненых защитников города непрерывно росло. Севастопольская артиллерия вынужденно вела в два раза менее плотный огонь, чем орудия союзников, так как был велик риск остаться совсем без пороха, случись внезапный штурм русских позиций. Чтобы ликвидировать этот дефицит, были предприняты экстренные меры по его скорейшей доставке. Шостенский пороховой завод теперь работал исключительно на Севастополь. Но пороха всё равно не хватало и русским воинам порой приходилось разбирать ружейные патроны, чтобы из их содержимого делать артиллерийские заряды. На случай возможной задержки транспортов с по-

рохом, Горчаков был уже готов совсем прекратить стрельбу и просто ждать штурма.

Обозы с порохом, прибывавшие к театру боевых действий, покрывали лишь ежедневные расходы артиллерии. Главнокомандующий непрерывно требовал значительного и срочного увеличения объёмов этих поступлений, а также просил о дополнительных подкреплениях людьми, поскольку ежедневная убыль личного состава, который приходилось держать на позициях под орудийным обстрелом в ожидании вражеской атаки, была значительной. Постепенно главнокомандующий Крымской армией Горчаков приходит к мысли, что Севастополь, возможно, всё же придётся оставить, и сообщает об этом Александру II [Дубровин 1900/III: 68–69, 74–76].

Второй массированный артиллерийский обстрел Севастополя прекратился 7 апреля. При этом прочие осадные действия противника только активизировались. Они включали в себя новые обстрелы, попытки штурма русских укреплений, обширные инженерные работы, выполнявшиеся, в том числе, и в целях ведения минной войны, и продолжались остаток весны и всё лето 1855 г.

Русская армия, пытаясь переломить ход войны, атаковала неприятеля 4 августа 1855 г. у реки Чёрной, но потерпела сокрушительное поражение [Ченнык 2014b: 202 слл.]. В течение всего этого месяца в дальнейшем Севастополь ожесточённо обстреливался неприятелем. В ночь с 27 на 28 августа враг занял господствующую на Корабельной стороне высоту – Малахов курган, сделав дальнейшую оборону Севастополя с точки зрения военной науки бессмысленной. Отступление основного количества защитников города через Севастопольскую бухту на Северную сторону по специально наведённым мостам и на уцелевших судах началось вечером 28 августа и продолжалось до утра следующего дня. 349-дневная оборона закончилась, и 30 августа союзники вошли в совершенно разрушенный и сгоревший город [Богданович 1876/IV: 127 слл.; Ченнык 2014b: 307–309].

Перейдя на Северную сторону, русские войска стали укреплять там береговые оборонительные позиции, готовясь продолжать боевые действия. Прежде всего, необходимо было организовать артиллерийские батареи для обстрела позиций неприятеля на оставленной Южной стороне. Нужные места под эти батареи были выбраны, спроектированы и размечены заранее, ещё до отступления русской армии из города, что позволило привести их в боеспособное состояние в кратчайшие сроки.

К концу 1855 г. оборона Северной стороны, вместе с Инкерманскими позициями, была укомплектована орудиями в количестве около 700. На Мекензиевых высотах русские батареи были укомплектованы морской и крепостной артиллерией из 62 орудий. Как и ожидалось, противник открыл артиллерийскую стрельбу со своих новых позиций на Южной стороне уже 31 августа. Завязавшаяся через Севастопольскую бухту перестрелка продолжалась в течение осени и зимы с разной интенсивностью, которую, по сравнению с прежними бомбардировками, можно было считать довольно низкой [Тотлебен 1872/2. Отд. 2: 272–276, 292].

После отхода русских войск из Севастополя фокус внимания русско-го военного командования снова переместился на Евпаторийский уезд. С 8 сентября 1855 г. в Евпаторию начинают прибывать новые воинские подразделения противника. 11 сентября на Евпаторийском рейде наблюдали 11 кораблей, 22 парохода и 33 транспорта, на которых прибыла кавалерийская дивизия генерала д'Аллонвиля. Усиление врага в уезде снова ставило под угрозу коммуникации русской армии от Перекопа к Северной стороне. В то время блокаду Евпатории осуществляло соединение русских войск под управлением генерала И. П. Шабельского, состоявшее исключительно из кавалерии и двух легкоконных батарей. В сентябре он получил подкрепления в виде одной бригады гренадер, переведённых с Качи в деревню Колумбет-Эли (находилась в восточной части современного села Пожарское, в 20 километрах к западу от Симферополя), а также трех пеших батальонов и одного гусарского сводного полка, выдвинутых к деревне Кучук-Бузав (южная окраина современного села Сусанино) с целью защиты дороги на Перекоп.

13 сентября противник начал широкие рекогносцировочные манёвры в сторону Перекопской дороги и, одновременно, к Сакам, что заставило русское командование срочно перебросить ближе к Евпатории драгун из Колумбет-Эли. Рекогносцировка вражеских подразделений сопровождалась эпизодическими перестрелками с нашими войсками. С наступлением вечера противник отступил в Евпаторию. Подобные вылазки «для пробы сил», сопровождавшиеся разорением деревень уезда и порчей колодцев, а также отдельными стычками с русскими войсками, неприятель устраивал впоследствии 17 и 26 сентября, 10 и 21 октября. Но поскольку как раз в этот короткий период численность русских войск, способных существенно укрепить блокаду Евпатории, было снова значительно увеличена, союзники в конце осени прекратили свои «разведки боем» и перешли к пассивной обороне. В дальнейшем несколько

тысяч английских и турецких военных было отправлено из Евпатории на зимовку в Малую Азию, после чего в осаждённом городе осталось 12 000 французов и 5 000 турок [Тотлебен 1872/2. Отд. 2: 279–288].

В свою очередь, для охраны транспортной связи с материком осенью 1855 г. укрепляется Перекопский перешеек. Особый Перекопский отряд, в который входили подразделения, располагавшиеся, кроме Перекопа, в Сарыбулате, Колончаке и Геническе, был сформирован ещё в начале июля 1855 г. и пополнен в конце августа двумя гренадерскими дивизиями с артиллерией под командованием генерал-адъютанта Н. Ф. Плаутина. Впоследствии гренадерами были построены защищавшие дорогу на материк полевые укрепления между берегами Черного моря и Сиваша по линии солёных озёр Старое, Красное и Круглое. Была усилена оборона у Геническа и Чонгарского моста [Тотлебен 1868/2. Отд. 1: 240; Тотлебен 1872/2. Отд. 2: 297].

В это же время на Керченском полуострове происходили незначительные сухопутные вылазки союзников и мелкие стычки их с казачьими разъездами. 12 сентября 1855 г. противник высадил десант на кавказский берег Керченского пролива и, не встретив сопротивления, разорил Тамань и Фанагорию. С целью пресечения вражеских набегов, русские войска на Керченском полуострове и в Геническе получили в начале октября значительные подкрепления отрядами Калужского и Тульского ополчений [Тотлебен 1872/2. Отд. 2: 288–289].

С захватом Севастополя главная цель союзников в Крыму была, кажется, достигнута: вооружённые силы России были основательно подорваны, её главная южная военно-морская база уничтожена вместе с Черноморским флотом. Дальнейшее ослабление евразийской империи было не в интересах Франции, поскольку нарушило бы сложившееся равновесие в регионе в пользу англичан, а для Великобритании сражаться с Россией без участия французов было бы слишком накладно и рискованно. Ещё продолжалась в неприятельских лагерях ротация войск, производились манёвры, ещё случались локальные боевые стычки и морские набеги союзников на отдельные береговые пункты, но всё это не имело каких-то важных последствий. Наступившая зима принесла в войска противника прежние бытовые неудобства и болезни, причём на этот раз, в отличие от зимы 1854–55 гг., эпидемии особенно ударили по французам [Богданович 1876/IV: 197–203, 421].

Хоть русская армия теперь и не подвергалась сокрушительным бомбардировкам, потери личного состава осенью-зимой 1855 г. продолжа-

лись, теперь уже, по большей части, от болезней. Если заболеваемость и вызванная ей смертность в регулярных войсках была на обычном уровне, то у курских, орловских, калужских и тульских ополченцев, массово прибывавших в Крым в августе-сентябре 1855 г. [Тотлебен 1872/2. Отд. 2: 277], эти показатели были катастрофическими. Непривычный климат, бытовая неустроенность, плохие одежда и пища стали благоприятной почвой для распространения среди них болезней, как местных, так и привнесённых в Крым из внутренних российских губерний. В итоге дизентерия, тиф и лихорадка вывели из строя приблизительно половину личного состава ополчения. Хотя этих людей старались по возможности отправить на материк, значительная их часть оставалась на полуострове. Так, например, в Симферополе, где мест для раненых и больных было приблизительно 8 тысяч, постоянно скапливалось 10–11 тысяч, в Перекопе, где больных помещалось 2 000, находилось до 5 000 заболевших. Физическое состояние выздоравливавших нередко ухудшалось из-за того, что их стремились вывезти из Крыма, часто – в зимние морозы, на случайном транспорте по разбитым и раскисшим дорогам, в то время, как им лучше было бы восстанавливаться в покое [Богданович 1876/IV: 207–212].

Поиски приемлемого для Российской империи компромисса с западными державами начались в конце 1854 г. Пребывая в сильной позиции для начала переговоров, союзники не спешили идти на предложения русских дипломатов, а, напротив, ужесточали давление как на Россию, так и на страны, сохранявшие в это время нейтралитет. 2 декабря 1854 г. Австрийская империя подписала с Британией и Францией соглашение о союзе, предусматривавшем совместные действия против российского государства. Это означало, что в начинавшемся Венском конгрессе Россия оставалась одна против трёх, договорившихся между собой недружественных государств. Кроме того, теперь и Австрия могла вмешиваться в боевые действия, серьёзно осложняя тем самым и без того очень плохое положение русской армии. Венский конгресс, или Венская конференция послов (декабрь 1854 – апрель 1855 гг.) не принесла мира [Успенский 1997: 737–739], и боевые действия в Крыму разгорелись с новой силой. В процессе противоречивой и скандальной по своему характеру конференции французская дипломатия одержала несомненную победу, опять расширив антирусскую коалицию: к союзникам 10 января 1855 г. присоединилось Сардинское королевство. Сардинские солдаты вскоре приняли непосредственное участие в боевых действиях

на Крымском полуострове [Ченнык 2014b: 194–200]. Смерть Николая I, наступившая 18 февраля, ускорила провал конференции послов, а вторая массированная бомбардировка Севастополя, начавшаяся 28 марта 1855 г., фактически её завершила [Тарле 1943: 261–266, 298–311].

Падение Севастополя, как уже было отмечено, не прекратило войны. Различные по интенсивности и масштабу сражения и военные операции продолжались в 1855 г. в Крыму, на Кавказе, у Днепро-Бугского лимана, в Азовском море и других местах. Однако в коалиции союзников уже наметился раскол между Англией и Францией в отношении перспектив продолжения войны. Новый русский император Александр II с конца 1855 г. созывает в Зимний дворец высших сановников на заседания по насущным вопросам войны и мира. На них обсуждается австрийский ультиматум, призывавший Россию признать в срок до 6 января 1856 г. справедливость требования союзников, которое предусматривало в общей форме утверждение права западных держав на произвольные претензии к России *«в интересах прочности мира»*. Это требование пополняло несколько других, выдвинутых ещё весной 1854 г. и категорически не признанных Николаем I. Они состояли из четырёх пунктов, предполагавших: пересмотр трактата о проливах 1841 г.; замену русского протектората над Дунайскими княжествами общеевропейским контролем; обеспечение свободного плавания всех судов по Дунаю; уничтожение права покровительства отдельных держав своим единоверцам в Турции и введение, вместо того, неких коллективных гарантий прав всем турецким христианам. Большинство заседавших признали заключение мирного договора необходимым [Тарле 1943: 229–230, 503–504, 506–510].

В ходе продолжительных дипломатических прений, состоявшихся 20 января 1856 г., был создан протокол, где формулировались предварительные условия мира. 17 февраля в Крыму установилось перемирие, заключённое после дошедшей, наконец, на полуостров вести об открывшемся 13 февраля Парижском конгрессе. Трактат о мире был подписан 18 марта 1856 г. [Богданович 1876/IV: 409–439; Дубровин 1900/III: 445–446]. По его итогам Россия не должна была платить контрибуцию, однако шла на значительные уступки западным державам и Турции относительно территорий и протекторатов [Дебидур 1947: 144–146]. В обмен на это Россия получала назад Севастополь, Балаклаву, Камыш (посёлок в Камышовой бухте, бывший в годы войны французской базой), Керчь, Еникале, Кинбурн и прочие места, занятые союзниками в ходе войны.

Чёрное море объявлялось нейтральным и демилитаризованным [Богданович 1876/IV, Прил.: 64–71; Крым 2018: 367 слл.; Сборник 1952: 23–34].

Отвод войск неприятеля из Крыма начался той же весной. Русское командование в связи с этим издало ряд приказов, регламентировавших карантинные мероприятия и восстановление гражданского и полицейского порядка на полуострове. Все государственные учреждения, эвакуированные в ходе боевых действий, должны были вернуться к демаркационным линиям у прежних пунктов их пребывания и ожидать ухода союзников. В мае из Евпатории ушли сначала турецкие войска, потом французские отряды – 18 мая город был передан российскому уполномоченному лицу. В период с 8 по 10 июня неприятель оставил Еникале и Керчь, а с тем и восстановилось Керчь-Еникальское градоначальство. 23 июня в руки русских властей был передан Севастополь, 30 июня – Балаклава [Маркевич 1994: 214–218].

Говоря об итогах войны и глобальных причинах поражения русской армии, нужно отметить, что, несмотря на предпринятые при Николае I мероприятия во внутренней политике, направленные на изменение земельных отношений и модернизацию промышленности, в России всё ещё сохранялось крепостничество. Этот архаичный способ социально-экономических отношений в государстве, оберегаемый крупными землевладельцами, серьёзно тормозил развитие капитализма в России. В то же время промышленная революция, охватившая в первой половине XIX в. передовые страны Европы и США, создала благоприятные условия для появления современной техники в их вооруженных силах. В русской армии и флоте по-прежнему преобладали старые образцы вооружения. Война на море была проиграна Черноморским флотом из-за абсолютного количественного превосходства парусно-винтовых и паровых кораблей противника [Гребенщикова 2003: 68–70]. В пехоте, из-за слабой вооружённости отечественных стрелков дальнобойным и точным нарезным оружием, разыгралась так называемая «ружейная драма» [Смычников, Мавродин 1971: 235 слл.]. Стрелковые подразделения с гладкоствольными ружьями старого образца становились легкой мишенью для винтовок союзников, по дальнобойности превосходивших русские ружья в четыре раза. Русские солдаты, приученные чётко действовать в маневрирующих массах, теперь несли ощутимые потери от противника, обучавшего своих солдат на основе других принципов. В армиях Западной Европы главное внимание было уже направлено на одиночное образование пехотинца, предусматривавшее развитие

умения прицельной стрельбы, а также ловкости, сметливости и находчивости – то есть, личной инициативы [Тотлебен 1863/1: 194–196]. Севастополь был достаточно укреплен со стороны моря, но при этом практически беззащитен с суши. На фоне известной беспомощности остальной обороны Крыма и несовершенства флота, участь Черноморской военной базы была предрешена [Тотлебен 1872/2. Отд. 2: 321 сл.].

Был ещё один мощный негативный фактор, подтачивавший силы русской армии, да и империи в целом, на протяжении всего конфликта: отсутствие благоустроенных дорог, как внутри Крыма, так и связывающих полуостров с материком. Люди, вынесшие на своих плечах тяготы Крымской войны, как никто другой осознавали важность строительства качественных и современных путей сообщения. Так, русский государственный и общественный деятель В. М. Княжевич через два года после окончания войны выступил в печати с предложениями об учреждении железнодорожного сообщения с Крымом и обустройстве шоссейных дорог между важнейшими пунктами в Крыму и на Юге России [Орехова и др. 2010: 455]. Впрочем, нельзя сказать, что правительство Российской империи в середине XIX в. совсем не рассматривало возможность строительства железных дорог к Чёрному морю. Как раз с началом Крымской кампании вышли распоряжения о старте инженерных полевых исследований местностей и прокладке трасс по направлениям будущих путей по линиям: Москва – Харьков – Кременчуг – Елизаветград – Ольвиополь – Одесса и Харьков – Феодосия. Уже в 1855 г. к ним добавились изыскания на направлении Геническ – Симферополь – Бахчисарай – Севастополь. 26 января 1857 г. издан Высочайший указ о создании первой железнодорожной сети в Российской империи. Была заключена концессия на грандиозное строительство путей между столичными городами и провинциями, в число которых входило и крымское направление. Однако следование составов в Крым было налажено только в 70-х гг. XIX вв. [История 1994: 76–97]. И лишь начиная с 1882 г. Лозово-Севастопольская железная дорога начала приносить прибыль [История 2019: 201].

Отсутствие хороших дорог не было исключительным явлением в обширной России середины XIX в., но это обстоятельство обернулось катастрофой в уязвимом в военном отношении Крыму. Севастополь стал *«отдельным островом, окружённым враждебным ему морем, готовым поглотить его в свои волны»* [Дубровин 1900/I: 366]. Тем не менее, необходимо отметить, что командованию, русским солдатам и граждан-

ским патриотам всё же удалось на протяжении долгого времени заставить функционировать сложную и капризную систему обеспечения при всех сопутствовавших транспортных неурядицах. Очень верным решением было установление евпаторийской блокады, обезопасившей пути подвоза к Северной стороне Севастополя. За исключением некоторых эпизодов, аналогии которым можно найти в любой кампании, где были задействованы большие пехотные соединения, когда солдаты не могли получить продовольствия или им доставались испорченные продукты, снабжение съестными припасами в Крымской армии было неплохим [Богданович 1876/IV: 150]. Из-за трудностей перевозки случался дефицит пороха и прочих принадлежностей огневого боя, и севастопольские пушки временами вынуждены были стрелять гораздо реже, чем орудия противника; бывал недостаток в одежде и прочих материалах, но, всё же, в целом удавалось доставлять и их. Чего стоит только операция по доставке леса и принадлежностей с Днепра для постройки мостов через Севастопольскую бухту, по которым защитники города перешли потом на Северную сторону в ночь с 27 на 28 августа 1855 г. [Богданович 1876/III: 411; Дубровин 1900/III: 313–314]. Однако расходы на доставку грузов к войскам в условиях инфляции и поднявшихся цен, помимо прочих военных трат, оказались разорительными для страны [Богданович 1876/IV: 159, прим. 38].

Крымскому полуострову во время кампании 1854–1856 гг. был нанесён огромный вред. Экономика Крыма находилась в катастрофическом состоянии. Севастополь был уничтожен, многие города подверглись разорению. Значительная часть населения вынужденно покинула обжитые места. Массовая послевоенная эмиграция татар в Турцию имела значительные последствия в дальнейшем экономическом развитии Крыма. Численность жителей полуострова сократилось почти наполовину. Влияние послевоенной разрухи ощущалось в Крыму на протяжении нескольких последующих десятилетий [История 2019: 188 слл.]. И всё же, несмотря на то, что России пришлось противостоять нескольким технически более развитым европейским империям и странам, «великий колосс выдержал страшные удары в 1854–1855 гг. и не только не пал, но даже не покачнулся» [Тарле 1943: 572–573]. Спустя почти пятнадцать лет после окончания Крымской войны, окрепшая Россия, воспользовавшись сложной политической обстановкой в Европе, восстановила свои права в Черноморском бассейне. 19 октября 1870 г. была разослана «Циркулярная депеша министра иностранных дел России А. М. Горча-

кова к представителям России при дворах держав, подписавших Парижский трактат 1856 г.», в которой министрам указанных государств сообщалось об отказе России от выполнения положений Парижского мирного договора, касавшихся нейтрализации и демилитаризации Чёрного моря. Несмотря на первоначальное осуждение Великобританией и Австро-Венгрией этого меморандума, требования России были, в конце концов, узаконены Лондонской конвенцией 1871 г. [Дебидур 1947: 396–398, 408, 412; Крым 2018: 417–430; Сборник 1952: 103–110]. Таким образом, в истории становления Российской империи в Чёрном море была открыта очередная страница.

ЛИТЕРАТУРА

- Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 годов. Т. I–IV. СПб., 1876.
- Воронов И. Занятие Керчи неприятелем в Крымскую кампанию (эпизод) // РС. 1908. Т. 134. Вып. 4–6.
- Гребенщикова Г. А. Черноморский флот перед Крымской войной 1853–1856 годов. Геополитика и стратегия. СПб., 2003.
- Давыдов П. В. Письма управляющего имением Саблы Симферопольского уезда Якова Дахнова, писанные во время войны 1854–1856 гг. // ИТУАК. 1895. Вып. 22.
- Дебидур А. Дипломатическая история Европы. Т. II. М., 1947.
- Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. Т. I–III. СПб, 1900. [Иннокентий, архиепископ] Сочинения Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического. Т. II. СПб., 1908.
- История железнодорожного транспорта России. Т. I. СПб., 1994.
- История Крыма / ред. А. В. Юрасов. Т. II. М., 2019.
- Крым в развитии России: история, политика, дипломатия. Документы архивов МИД России. Ижевск, 2018.
- Кутайсов В. А., Кутайсова М. В. Евпатория: Древний мир. Средние века. Новое время. Киев, 2007.
- Кырымлы Х. О крымскотатарских войсках в составе османской армии в период Крымской войны // КНП. 2002. № 43.
- Маркевич А. И. Таврическая губерния во время Крымской войны. Симферополь, 1994.
- Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Вып. I. СПб., 1871. [Меншиков А. С.] А. С. Меншиков в Крымской войне. Дневники. Письма. Воспоминания. Ч. 1. Симферополь, 2018.
- Орехова Л. А., Орехов В. В., Первых Д. К., Орехов Д. В. Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса. Симферополь, 2010.
- [Пирогов Н. И.] Севастопольские письма Н. И. Пирогова 1854–1855. СПб., 1907.
- Пономарёв В. Н. Крымская война и русско-американские отношения. М., 1993.
- Раков В. С. Мои воспоминания о Евпатории в эпоху Крымской войны 1853–1856 // ИТУАК. 1904. Вып. 36.

- Романюк А. К.* Жертвы государственных крестьян Таврической губернии во время Крымской войны // ИТУАК. 1904. Вып. 36.
- Сборник договоров России с другими государствами.* 1856–1917. М., 1952.
- Смирнов В.* Из воспоминаний о Крымской войне // ИТУАК. 1905. Вып. 38.
- Смышников А. А., Мавродин В. В.* К вопросу о перевооружении Русской армии в середине XIX в. // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971.
- Тарле Е. В.* Крымская война. Т. II. М., 1943.
- Тотлебен Э. И.* Описание обороны г. Севастополя. Ч. 1–2. СПб, 1863–1872.
- Трубецкой А.* Крымская война. М., 2010.
- Успенский Ф. И.* История Византийской империи XI–XV вв. Восточный вопрос. М., 1997.
- Ченнык С. В.* Альма. 20 сентября 1854 г. Симферополь, 2004.
- Ченнык С. В.* Вторжение. Севастополь, 2010.
- Ченнык С. В.* Альма. Севастополь, 2011а.
- Ченнык С. В.* Противостояние. Севастополь, 2011б.
- Ченнык С. В.* От Балаклавы к Инкерману. Севастополь, 2014а.
- Ченнык С. В.* Последний штурм. Севастополь, 2014б.
- Чихачёв П. А.* Великие державы и Восточный вопрос. М., 1970.
- Kozelsky M.* Crimea in War and Transformation. Oxford (UK), 2018.
- Baumgart W.* The Crimean War: 1853–1856. 2nd ed. New York; London, 2020.

ЕВРЕЙСКИЕ ПОГРОМЫ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ

Д. А. Прохоров

Еврейские погромы как социально-политическое явление, характеризовавшееся «нападением окружающего населения на евреев с целью убийств, насилий над личностью, грабежей, уничтожения имущества, поджогов», в 1881–1883 гг. впервые приобрели массовый характер, охватив значительную часть территории Юга России [Погромы 1992]. Таврическая губерния, в состав которой, помимо Крымского полуострова, входило и несколько материковых уездов, также оказалась в эпицентре этих событий.

История еврейских погромов нашла отражение в публикациях И. С. Клейнершехта, В. И. Королева, В. В. Шполянского, В. В. Голубенко, А. М. Буровского, В. Г. Зарубина, В. Н. Кудряшева, А. А. Кохана, А. Безарова, М. Аронсона и др. [Буровский 2011; Безаров 2014: 86–96; Зарубин 2013: 177–182; Клейнершехт 1907; Королев 2004: 168–169; Кудряшев 2011: 92–96; Кохан 2006: 106–113; Шполянский 1997а: 38–43; Шполянский 1997б: 48–51; Голубенко 1997: 67–70; Погромы 2016; Прохоров 2017: 137–146]. В трудах вышеперечисленных авторов на основе архивных данных и многочисленных документальных свидетельств реконструированы многие эпизоды антиеврейских выступлений, вылившихся в итоге в погромное движение. Тем не менее, некоторые аспекты данной проблемы остались вне поля зрения исследователей. Здесь же будут проанализированы материалы периодической печати Таврической губернии, связанные с формированием в российском обществе конца XIX – начала XX в. общественно-го мнения о евреях, а также изучим то, как в них освещались резонансные события, вызванные ростом ксенофобской реакции и антиеврейских настроений в российском социуме на рубеже веков. Часть из этих материалов вводится в научный оборот впервые.

Кризис внутренней политики в отношении еврейского населения России, а также последовавшее в 1881 г. убийство народовольцами императора Александра II привели к тому, что по южным и юго-западным регионам страны прокатилась массовая волна погромов. Вызваны они были недовольством местного населения еврейским присутствием, а также распространявшимися слухами о том, что убийство царя было

инспирировано евреями. Антиеврейские настроения подогревались высказываниями ряда официальных лиц (например, министра внутренних дел графа Н. П. Игнатьева, обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева и др.), а также публикациями некоторых органов периодической печати различных направлений, утверждавших, что погромы происходят из-за «вредной» экономической деятельности евреев.

Например, во всеподданнейшем докладе от 21 августа 1881 г. графа Н. П. Игнатьева (утверждённом императором Александром III на следующий день, 22 августа 1881 г.), министр, в частности, заявил, что *«главная причина столь несвойственного русскому народу движения [погромов – Д. П.] заключается в обстоятельствах, имеющих исключительно экономический характер»*. Свою позицию Н. П. Игнатьев аргументировал тем, что, по его убеждению, *«евреи за последние 20 лет мало-помалу захватили в свои руки не только торговлю и промыслы, но приобрели посредством купли и арендования значительную поземельную собственность, причём благодаря своей сплочённости и солидарности они, за немногими исключениями, направили все свои усилия не к увеличению производительных сил государства, а к эксплуатации коренных жителей и преимущественно беднейших классов населения, чем и вызвали с его стороны протест, высказавшийся в прискорбной форме – в насилиях»*. Этот документ фактически стал началом пересмотра законодательства о евреях с последующим его ужесточением и принятием против еврейского населения России репрессивных мер [Гессен 2014: 292].

Погромы начались в ночь с 15 на 16 апреля 1881 г. в Елисаветграде (ныне Кропивницкий, Украина), причём происходили они во время празднования православной Пасхи. Погром был подавлен 17 апреля войсками. Затем погромы произошли в ряде окрестных деревень и местечек, а также в Херсонской губернии. 26 апреля 1881 г. погром начался в Киеве (было разгромлено более тысячи домов евреев, были убиты среди еврейского населения), а в конце апреля – начале мая 1881 г. погромы уже были в 50 местечках и сёлах Киевской губернии. В дальнейшем погромы вспыхнули в Подольской, Черниговской и Волынской губернии [Погромы 1992].

Таврическая губернская администрация старалась по мере сил предотвращать конфликты, возникавшие на этнической и религиозной почве. После еврейских погромов, имевших место в городах Юга России, на страницах газет, печатавшихся в Таврической губернии, был опубликован приказ таврического генерал-губернатора А. А. Кавелина

о недопустимости преследования лиц еврейской национальности по этническому признаку. *«Всем верноподданным государя, – говорилось в этом документе, – следует помнить, что для русского царя равно дорог русский, еврей, немец или татарин; все они подданные одного царя, все они жители России, и все пользуются одинаковым покровительством закона <...> Всякое насилие против евреев или кого бы то ни было, преследуется законом самым строгим образом, так как никому не предоставлено законом права распоряжаться по своему усмотрению, а тем менее прибегать к саморасправству и насилию»* [Приказ 1881]. А. А. Кавелиным предписывалось на сельских и мещанских сходах разъяснить населению губернии смысл данного приказа. В мае 1881 г. в симферопольской газете «Таврида» (редактором которой состоял известный караимский просветитель И. И. Казас, а издателем – мелитопольский купец еврей С. М. Спиро) напечатали обращение протоиерея С. Кучеревского, произнесённое на собрании 51-го Литовского пехотного полка, расквартированного в Симферополе, с призывом о поддержании порядка и о недопущении еврейских погромов. В частности, православный священнослужитель, обращаясь к присутствовавшим, констатировал, что сложившаяся критическая ситуация в Киевской, Черниговской, Полтавской и Херсонской губерниях не могла не вызывать тревогу, особенно в связи с активно циркулировавшими слухами о готовящемся еврейском погроме в Симферополе. С. Кучеревский с горечью замечал, что начавшиеся *«неистовства и грабёж еврейского имущества, к совершению которого подстрекателями простого народа являются такие же тёмные личности, как и в совершении Цареубийства»*, нарушили мирное течение жизни в регионе, что в итоге привело к человеческим жертвам. *«Нельзя без грустного чувства слышать и читать рассказы очевидцев о дикостях и неистовстве жалкой ослеплённой толпы, опозорившей пред лицом всего образованного света доброе русское имя теми буйными сценами, которые произошли на юге Богохранимой России»*, – заметил протоиерей. По его личному убеждению, в создавшейся ситуации *«звери дикие не ведут между собою такой ожесточённой вражды, какую вздумал вести, подстрекаемый богоотступниками, всегда прежде добрый, ласковый, гостеприимный, простой народ русский со своими же соотечественниками»*. О серьёзности угрозы погромов и их предполагаемом масштабе могут свидетельствовать слова, сказанные протоиереем в заключении его проповеди. В связи с потенциальной опасностью антиеврейских беспорядков в Таврической губернии С. Кучеревский об-

ращался к военным с призывом не допустить погромов, напомнив о безусловном повиновении начальству, *«хотя бы это сопряжено было с пожертвованием даже и собственной жизни»* [Кучеревский 1881].

Еврейские погромы, происходившие в Елисаветграде и Киеве (отметим, что власти смогли окончательно подавить вспыхнувшие беспорядки лишь в 1882 г.), серьёзно обеспокоили еврейское население близлежащего Мелитопольского уезда Таврической губернии, которое тоже едва не стало жертвой погромщиков. За несколько дней до православного праздника Троицы, отмечавшегося 3 мая 1881 г., по городу распространился слух о том, что *«будут бить жидов»*. Как сообщала пресса, из некоторых населённых пунктов округа *«понаехали бабы и девки к готовившейся дешёвой распродаже мануфактурных изделий»*, а из близлежащих деревень даже явилось около тысячи человек поглазеть на происходящее, однако полиция пресекла их попытку проникнуть в город [Нам пишут 1881а]. Некоторые предусмотрительные жители даже вынуждены были покинуть город вместе со своими семьями и имуществом, чтобы избежать опасности. Среди горожан имели хождение так называемые «подмётные письма», в которых утверждалось, что погром якобы начнётся в субботу, 3 мая 1881 г. Тем не менее, меры, предпринятые местной полицией, позволили взять ситуацию в городе под контроль: по распоряжению полицмейстера были закрыты все увеселительные, торговые и питейные заведения. На улицах разместили пикеты, состоявшие из полицейских и нижних воинских чинов; *«к 2–3 часам дня на улицах появилась масса разного народа, стоявшего кучками <...> малейший шум где-либо привлекал к месту происшествия огромную толпу народа, к счастью, трезвого и потому спокойного»* [Нам пишут 1881а]. Помимо всего прочего, известие о прибытии из губернской столицы – Симферополя двух рот солдат заметно охладило пыл потенциальных погромщиков. И хотя 4 мая в городе все же произошло несколько небольших стычек, они не смогли послужить поводом для более масштабных беспорядков.

В июне 1881 г. в газете «Таврида» было опубликовано письмо члена мелитопольской еврейской общины Моисея Лившица, в которой автор от имени евреев-жителей местечка Васильевки Мелитопольского уезда выражал *«искреннюю благодарность и вечную признательность»* православному причту в лице священнослужителей о. Гавриила Хорошилова и о. Ивана Станиславского за спасение от вероятного погрома. Как сообщал М. Лившиц, представители православного духовенства *«путём слова и увещаний в церкви и вне оной удержали народ от того гнус-*

ного преступления, насилия и грабежа, совершившегося вокруг нас над нашими единоверцами», и подчеркнул, что их спасители по достоинству носят звание духовных отцов и пастырей церкви [Лившиц 1881].

Однако не всем евреям Таврической губернии удалось избежать опасности. О катастрофических последствиях погрома в Орехове (защатный город в Бердянском уезде, бывший центр Мелитопольского уезда) в мае 1881 г. читателям крымских газет, обеспокоенным происходящими событиями, стало известно только в июне 1881 г. Антиеврейские беспорядки начались в ночь с 4 на 5 мая 1881 г. и продолжились до полудня следующего дня. Ночному нападению в своих домах подверглись более 120 семей евреев, члены которых после бесчинств грабителей остались без крова, хлеба и одежды. В ходе беспорядков, учинённых в городе, *«грабители расхитили имущество, уничтожили всё до последней нитки; что только попадало им в руки, уничтожалось или увозилось; дома разорили так, что буквально камня на камне не оставили; были даже посягательства на личность»*. Спасавшиеся от погрома евреи были вынуждены искать защиты у городских властей, которым удалось разместить пострадавших в сараях и под навесами городской управы. Городская дума Орехова смогла выделить лишь 250 рублей на помощь обездоленным людям; ещё 600 рублей было собрано жителями Токмака [Ното 1881]. Тем не менее, этой суммы было явно недостаточно, и поэтому на страницах газет печатались призывы об оказании помощи людям, попавшим в беду.

Так, газета «Таврида» опубликовала «Воззвание», адресованное учащейся еврейской молодёжи Таврической губернии с тем, чтобы её представители организовывали спектакли, концерты, литературные вечера, а средства от их проведения передавали пострадавшим от еврейских погромов в Елисаветграде, Мелитополе, Орехове и других городах Юга России. *«Русская, Моисеева закона, молодёжь Таврической губернии! – говорилось в тексте воззвания. – Обращаемся к вам, силам лучшего еврейского будущего, зная хорошо, что все вы отзоветесь на призыв к благородному делу всем усердием, и, всякий на своём месте, будете собирать пожертвования в пользу обездоленных евреев, хотя сколько-нибудь помочь в их неимоверной беде»* [Ното 1881].

Любопытно, как комментировали корреспонденты крымских газет те стихийные слухи, которые возникали относительно вероятности еврейских погромов в других городах губернии. Например, автор одной из заметок был убеждён, что *«в Ялте нет и никогда не было людей, спо-*

собных на такой безрассудный и ничем не вызываемый “подвиг”». Тем не менее, обеспокоенные возможными беспорядками, многие представители еврейской общины Ялты стали спешно приобретать в оружейных магазинах револьверы для самозащиты, несмотря на все уверения полиции о недопущении возможного «избиения евреев» (хотя очевидно, что подобный необдуманный шаг мог спровоцировать ещё более кровавые столкновения). Упорная молва всё же твердила, что погром начнётся 9 мая 1881 г. Очевидцы сообщали, что в этот день город неожиданно наполнился неизвестными лицами, приехавшими в Ялту под видом чернорабочих, причём внимание общественности и полиции акцентировалось на явно недоброжелательных намерениях прибывших. В свою очередь, местные полицейские чины держали ситуацию под контролем. Когда несколько человек из числа визитёров направились в винный магазин известного в Крыму купеческого семейства Бухштаб (родоначальник династии купец 2-й гильдии А. И. Бухштаб торговал винами из подвалов графа М. С. Воронцова), то хозяин сразу догадался о цели посещения непрошенными гостями, и превентивно, *«радушным образом предложил им несколько штофов водки и кое-чего для закуски»*, после чего полицейский пристав сумел увести мужчин из магазина, причём так *«повёл дело, что подобные визиты больше не повторялись»* [Нам пишут 1881b].

Хотя императора Александра III и министра внутренних дел графа Н. П. Игнатьева проблема погромов беспокоила, однако радикальных мер в этом направлении не предпринималось. Был лишь издан циркуляр, в котором всем губернаторам ставилась задача по предотвращению беспорядков. В 1881 г. циркуляром начальника Главного управления по делам печати князя П. П. Вяземского цензорам местных газет предписывалось изымать из печати те материалы, в которых критиковались действия правительства, предпринимавшиеся властями в связи с еврейскими погромами [ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 27564. Л. 2], но, тем не менее, в прессе то и дело появлялись статьи, посвящённые этой злободневной проблеме. Персональное распоряжение было сделано и в отношении редколлегии «Тавриды», поместившей на страницах газеты несколько статей на указанную тему [ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 27564. Л. 2]. Очевидно, что именно эти публикации стали причиной того, что впоследствии газета была закрыта под давлением некоторых представителей администрации Таврической губернии [ГАРК. Ф. 26. Оп. 2. Д. 1688. Л. 5].

Так, в мае 1881 г. в «Тавриде» была напечатана статья под заголовком «Кое-что об избииении евреев». Её автор, общественный деятель и краевед А. Г. Завадовский, возмущённый бездействием властей и полиции во время погромов, подчёркивал, что *«еврейский народ составляет нацию, исповедующую религию, называемую Ветхим Заветом, вовсе не чуждым христианской религии»*. При этом автор делал вывод о том, что *«наш простой народ этого не знает, он знает еврея под именем “жида”, который мучил Христа; к этому ещё примешана нелепая басня, что богатая жидовка подкупила злодеев убить нашего Царя»*, и что якобы само правительство приказало *«избивать и грабить жидов»* [Завадовский 1881]. Проблему частично могло решить прямое вмешательство высшей администрации, однако, хотя император Александр III и принял в 1881 г. депутацию еврейских представителей, тем не менее, выступить с публичным осуждением погромов он отказался.

Представители прогрессивно настроенной общественности, указывая на недопустимость погромов, отмечали, что *«народная злоба и ожесточение, возникшие на почве экономических отношений, до тех пор не перестанут волновать общественное мнение, пока не будут совершенно устранены вызывающие их причины»*; *«за неприятием необходимых в этом отношении мероприятий процесс нарастания народного недовольства <...> выразится в чем-нибудь несравненно более грандиозном, чем все еврейские погромы, бывшие до сих пор»* [Казас 1881]. Наконец 22 августа 1881 г. император Александр III объявил «Высочайшее повеление», в тексте которого говорилось о *«ненормальном отношении между коренным населением некоторых губерний и евреями»*. Документом предписывалось создать в губерниях «черты осёдлости» особые комиссии из представителей местных сословий и обществ под председательством губернаторов для изучения экономической деятельности евреев [Шполянский 1997b: 44]. В начале 80-х гг. XIX в. в ряде губерний (Бессарабской, Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Екатеринославской, Киевской, Ковенской, Минской, Могилёвской, Подольской, Полтавской, Таврической, Херсонской, Харьковской, Черниговской и в Одесском градоначальстве) были организованы Комиссии по еврейскому вопросу, организацию которых инициировали в рамках деятельности «Высшей Комиссии для пересмотра действующих о евреях в империи законах», созданной в феврале 1883 г.

Одной из задач комиссий являлся сбор сведений о *«нравственной и экономической деятельности евреев, вредно влияющей на быт коренного*

населения». Помимо всего прочего, члены комиссий собрали статистические сведения о еврейском населении страны. Так, например, по данным, представленным симферопольским городским головой для Таврической комиссии по еврейскому вопросу, в 1880 г. в городах губернии проживало 15 787 мужчин и женщин еврейской национальности. В Перекопе и Армянском Базаре (ныне Армянск) их насчитывалось 602 человека, в Керчи – 3 136, в Симферополе – 2 709; в Мелитополе – 2 021, в Карасубазаре – 1 618, в Орехове – 1 058, в Феодосии – 541, в Бердянске – 1 725; в остальных городах их число составляло от 13 до 786 человек [Труды 1884: 536]. При этом так называемых «иностранных евреев» (то есть тех, кто имел иное, не российское подданство) насчитывалось 443 человека. Всего же в Таврической губернии проживало 25 083 еврея, из которых 7 590 человек имели определённые занятия, а остальные 17 493 человек, *«исключая детей и неспособных к деятельности, помогали своим соплеменникам эксплуатировать коренное население»*. Среди основных занятий упоминалось ростовщичество, содержание публичных домов и питейная торговля – из 970 шинков и кабаков евреям принадлежало 690 [Труды 1884: 526; Шполянский 1997b: 40].

Тем не менее, выявить более серьёзные «преступления» евреев против русских жителей комиссии так и не смогли. Члены Таврической по еврейскому вопросу комиссии признавали факт недовольства населения экономической деятельностью евреев, однако даже ростовщичество, каким бы разорительным оно не являлось для населения губернии, не было признано самостоятельным видом эксплуатации ни в городах, ни в сёлах. *«Религия и нравственность не нарушается евреями через услужение»* христиан, а *«пьянству и распутству евреи не научат»*, – констатировали в своём заключении члены комиссии [Труды 1884: 512, 514, 517]. В декабре 1888 г. Таврическая комиссия по еврейскому вопросу, выполнив свои функции, была распущена.

Авторы публицистических материалов, размещённых в органах периодической печати, справедливо замечали, что обвинять одних только евреев в эксплуатации и содержании питейных заведений нельзя. *«Если содержание кабаков так безнравственно и опасно, – замечал один из корреспондентов “Тавриды”, – то при этой возможности, не чуждой никакой нации, является необходимость уничтожения кабаков повсеместно»*, а за отдельные недобросовестные поступки единиц обвинять всю нацию – по меньшей мере несправедливо [Завадовский 1881]. *«Оглядитесь вокруг себя – вопрошал другой автор. – Что вы видите? В самых*

коренных русских местностях, в восточной полосе России, где евреев нет, эксплуатация идёт тем же порядком, если не хуже: те же кабаки, с тем же спаиванием русского мужика» [Щира 1881a]. То же касалось обвинений евреев в хищениях в сферах промышленности и торговли, а в качестве примера приводилась ситуация в российской провинции. «Припомните хорошенько обыкновенного нашего провинциального купчика: каков он собою? <...> Теория у него одна: как-нибудь сбыть все скверное, негодное, пользуясь незнанием покупателя, его доверием или просто наглым обманом» [Щира 1881a]. Негативное отношение к евреям было вызвано, по мнению корреспондентов крымских газет, прежде всего, невежеством, этнической и религиозной нетерпимостью: «наибольшее презрение [к евреям] встречаешь в тех местностях, в тех обществах и, наконец, в тех субъектах, которые наименее знают еврея»; неуважение и неприязнь к этому народу, доходившие до крайних проявлений жестокости и злобы, основывалось на «предрассудках, дикой лжи и безобразных рассказах» [Щира 1881b].

На фоне ужесточения антисемитской политики и пропаганды, продолжившейся при императоре Николае II, в конце XIX – начале XX в. в России вновь произошли погромы: например, в Мелитополе в апреле 1905 г., в Екатеринославе 20 июля 1905 г., в Керчи 31 июля 1905 г., в Симферополе в апреле и октябре 1905 г., в Одессе в октябре 1905 г., в ходе которого погибло более 300 евреев, и т. д. [Клейнершехт 1907: 148; Королев 2004: 168, 169; Одесский погром 1906: 63; Зарубин 2013: 177–182; Зеленский 1905; Еврейский погром 1905; Кохан 2006: 106–113]. Последствия этих беспорядков ещё длительное время испытывало на себе все еврейское население региона.

3 мая 1882 г. правительством были разработаны «Временные правила» для евреев, которые создавались на основе рекомендаций губернских комиссий 1881 г. По «Временным правилам» евреям запрещалось: а) селиться в сельской местности, то есть вне городов и местечек в черте осёдлости; б) приобретать недвижимое имущество вне местечек и городов и арендовать земельные угодья; в) торговать в воскресенье и в христианские праздники. Ограничения, распространявшиеся на пятнадцать губерний черты осёдлости, не коснулись Царства Польского. И хотя эти правила назывались «временными», действовали они вплоть до 1917 г. [ПСЗРИ 2. Т. 2: 181].

Таким образом, можно констатировать, что определённое место в органах периодической печати (как реакционного, так и либерально-

го толка) отводилось проблеме еврейских погромов, происходивших в южных губерниях Российской империи в начале 1880-х гг. и в 1905 г. В этот же период наиболее явной становится и поляризация общественного мнения. Во многих российских печатных изданиях прогрессивной направленности антиеврейские настроения получают негативную оценку, а действия властей подвергаются резкой критике. Одним из таких передовых печатных органов в Таврической губернии стала газета «Таврида», издававшаяся И. И. Казасом и С. М. Спиро. По мнению А. Безарова, еврейские погромы поставили ассимилированную элиту российского еврейства (русско-еврейскую интеллигенцию) перед необходимостью выбора: либо измениться самим, либо погибнуть [Безаров 2014: 86]. Выходом в сложившейся ситуации для евреев стала необходимость революционных преобразований, которые позволили бы им сохранить свою этническую и конфессиональную идентичность. Именно в этой связи еврейский национализм (сионизм), а также участие евреев в российском революционном движении стали вполне прогнозируемым ответом в парадигме «свой-чужой», тем самым инициировав новые модели поведения русско-еврейской интеллигенции в условиях социально-экономического и политического кризиса в Российской империи в конце XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

- Безаров А. Еврейские погромы 1881–1882 гг. в Российской империи и кризис революционного народничества // Труды по еврейской истории и культуре: материалы XXI Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2014.
- Буровский А. М. Еврейские погромы: скорбь по двойным стандартам. М., 2011.
- Гессен Ю. Жизнь евреев в России. М., 2014.
- Голубенко В. В. О еврейских погромах // Евреи Крыма: очерки истории. Симферополь; Иерусалим, 1997.
- Еврейский погром в Екатеринославе. [Б. м., 1905].
- З[авадовский] А. [Г.] Кое-что об избиении евреев // Таврида. 1881. № 42. 28 мая.
- Зарубин В. Г. Караимская община и еврейский погром в Симферополе в 1905 году // Материалы XX Международной ежегодной конференции по иудаике. Т. II. М., 2013.
- [Зеленский Е. О.] Еврейские погромы. [Женева], 1903.
- [Казас И. И.] Народное недовольство против евреев // Таврида. 1881. № 72. 10 сентября.
- Клейнершехт И. С. Дело об октябрьском погроме в Симферополе. Судебный отчет. Симферополь, 1907.
- Королев В. И. Еврейский погром 1905 года в Симферополе // КНП. 2004. Т. 3.
- Кохан А. А. Еврейские погромы 1905 года в Крыму и полиция // КНП. 2006. № 97.

- Кудряшев В. Н.* «Чёрный передел», «Народная воля» и еврейский вопрос: реакция русского народничества на еврейские погромы 1881 года // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349.
- Кучеревский [С.]*. Слово, сказанное 17 мая в полковой церкви 51-го Литовского пехотного полка в Симферополе // Таврида. 1881. № 40. 21 мая.
- Лившиц М.* Письмо в редакцию // Таврида. 1881. № 46. 11 июня.
- Нам пишут.* Из Мелитополя // Таврида. 1881а. № 37. 10 мая.
- Нам пишут.* Из Ялты // Таврида. 1881б. № 40. 21 мая.
- Одесский погром* и самооборона. Paris, 1906.
- Погромы еврейские* // Электронная еврейская энциклопедия (репринт по: Краткая еврейская энциклопедия. Т. 6. Иерусалим, 1992) [Электронный ресурс; режим доступа: <https://eleven.co.il/jews-of-russia/government-society-jews/13251>].
- Погромы в российской истории Нового времени (1881–1921)*. М., 2016.
- Приказ г[осподина]* Таврического губернатора // Таврида. 1881. № 36. 7 мая.
- Прохоров Д. А.* Проблема еврейских погромов в Российской империи и общественное мнение (по материалам периодической печати Таврической губернии конца XIX века) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. 2017. Т. 3. № 2.
- Труды губернских комиссий по еврейскому вопросу Ч. 2:* Харьковская, Екатеринославская, Киевская, Таврическая, Волынская, Бессарабская, Полтавская, Херсонская, с Одесским градоначальством, и Подольская. СПб., 1884.
- Шполянский В. В.* Правовое положение евреев в Таврической губернии во второй половине XIX в. // Евреи Крыма: очерки истории. Симферополь; Иерусалим, 1997.
- Шполянский В. В.* О деятельности Комиссии по еврейскому вопросу в Крыму в 1881–1882 гг. // Евреи Крыма: очерки истории. Симферополь; Иерусалим, 1997.
- Щира В.* По поводу обвинений евреев в эксплуатации // Таврида. 1881. № 51. 28 июня.
- Щира.* Почему я презираю еврея? // Таврида. 1881. № 51. 28 июня.
- Ното.* Воззвание // Таврида. 1881. № 44. 4 июня.

КРИЗИСЫ НАЧАЛА XX В.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА И РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ 1905–1907 гг.

Д. А. Прохоров

Историография вопроса характеризуется значительным числом изданий Истпарта (комиссии Коммунистической партии по изучению русской Революции, действовавшей в межвоенное время), в которых революционные события 1905–1907 гг. получили «классовую» оценку. Среди авторов этих публикаций можно выделить труды советских историков Ю. И. Кирьянова, И. М. Пушкаревой, Э. Э. Крузе, Н. А. Ивановой, Л. М. Спирина, С. В. Тютюкина, Е. Д. Черменского. Из наиболее заметных публикаций постсоветского периода обращают на себя внимание работы В. В. Шелохаева, А. М. Белова, Н. Г. Королевой, И. Н. Ксенофонтова, а также ряда других авторов. Публикации данного периода отличаются кардинально иным подходом, пересмотром ранее принятой методологии и преодолением ряда ошибочных и излишне политизированных положений советской историографии [Иерусалимский, Марасанова 2006: 14, 15]. Что касается работ, в которых нашли отражение революционные события 1905–1907 гг. на территории Таврической губернии в целом и Крымского полуострова в частности, то следует указать на статьи и монографии О. В. Волобуева [Волобуев 2018: 255–264], В. И. Королева [Королев 1993а; Королев 1993б; Королев 2003: 148–152; Королев 2007: 151–154], А. В. Виноградовой [Виноградова 2003].

Обострение внутривнутриполитической ситуации в России в конце XIX – начале XX в. привело страну к серьёзному кризису. В этот период в государстве возникают разнообразные политические партии и движения. В Таврической губернии активную работу вели представители революционных организаций социал-демократов. Первый марксистский кружок был создан Б. Л. Вольфензоном в Симферополе в 1899 г. – он объединил около 10 еврейских ремесленников и рабочих табачной фабрики. «Симферопольский рабочий союз» состоял из 10 кружков, включавших в свои ряды около 50 членов. В один кружок входили русские рабочие (руководитель – студент В. А. Зборовский), остальные были из евреев. Многие кружки и рабочие союзы по составу были не только интернациональными, но и многопартийными. Вскоре подобные «Союзы» по-

явились в Севастополе, Керчи, Феодосии, Ялте, Мелитополе. Первый в Крыму городской комитет РСДРП был организован в 1902 г. в Симферополе. В январе 1901 г. в губернской столице в мастерских вспыхнула стачка. 50 рабочих столярных мастерских потребовали установления 10,5 часового рабочего дня с полуторачасовым перерывом на обед вместо 11,5 часового рабочего дня, введённого правительством в 1898 г. Спустя несколько дней требования забастовщиков удовлетворили, однако впоследствии часть организаторов – членов марксистского кружка была выслана за пределы губернии [Королев 1993а: 5].

5 мая 1901 г. в губернской столице прошла демонстрация, участники которой требовали политических свобод и 8-часового рабочего дня. Организаторами этой открытой политической акции выступили еврейские социал-демократы, активисты партии «Поалей-Цион» (А. Дискин, В. Громан, П. Терноуцкий, М. Седловский, Я. Камерс, М. Шухер и Х. Волович) [Королев 2007: 12]. *«Толпа рабочих и работниц местных портняжных, сапожных, столярных, слесарных мастерских, табачных фабрик, всего около 100 человек, впервые в Симферополе устроили публичную майскую демонстрацию, – сообщала в одном из номеров нелегальная революционная газета «Искра», – с пением рабочей марсельезы прошли по главной улице нашего города при громаднейшем скоплении публики, которой раздавались прокламации <...> Шествие, прошедшее в образцовейшем порядке, длилось, правда, не долго, минут 25–30, не больше, но впечатление произвело оно сильное <...> Затем началась настоящая охота на ремесленных, а отчасти и других рабочих нашего города»* [Симферополю 1984: 59]. Почти все организаторы рабочего движения, участвовавшие в демонстрации, были арестованы и высланы (В. Громан, Б. Л. Вольфензон); некоторым из них, по их собственным словам, пришлось *«удирать и тем спастись от ареста»* [Хинчук].

В начале 1901 г. первый социал-демократический кружок появился в Севастополе. Тогда же возникли социал-демократические кружки в 29-м и 31-м флотских экипажах. В мае 1902 г. эта организация получила название «Севастопольского рабочего союза», однако вскоре она была разгромлена жандармами. Тем не менее, уже в начале 1903 г. в городе появились восемь новых социал-демократических кружков – «портовый», «городской», «флотский», у солдат крепостной артиллерии, на крейсере «Очаков», на учебном крейсере «Березань», на учебном корабле «Прут» и др. [Ванеев 1983: 50, 51, 60]. В 1902 г. в Феодосии насчитывалось 10 социал-демократических кружков; летом того же года полицией были

выявлены следы деятельности социал-демократического кружка в Мелитополе, который его организаторы называли «Искоркой». К тому же периоду относится попытка организовать социал-демократический кружок и в Бердянске, однако успехом она не увенчалась [Королев 1993а: 7; Королев 2003: 148].

Одной из особенностей крымской социал-демократии начала XX в., по мнению В. И. Королёва, было отсутствие на полуострове большевистских организаций. Раскол РСДРП на умеренно-социалистическую (меньшевиков) и леворадикальную (большевиков) части произошёл в июле 1903 г. на II съезде РСДРП, но первая и вплоть до 1917 г. единственная ячейка большевиков в Крыму – Севастопольская военная организация – возникла только в апреле 1906 г. [Королев 2007: 151].

События первой русской революции не могли не затронуть и Крым. После Кровавого воскресенья революционные организации развернули активную агитационную и пропагандистскую деятельность. По некоторым данным, революционными организациями распространено около 50 тыс. прокламаций и гектографированных брошюр [Волобуев 2018: 255]. 17 января 1905 г. около 10 часов вечера в Севастополе, за Малаховым курганом, состоялась сходка, где присутствовало около 300 человек городских и портовых рабочих, матросов и солдат крепостной артиллерии. Выступавшие на сходке ораторы сообщили о кровавых событиях в Петербурге, и призывали к забастовке и вооружённому восстанию. Было принято решение провести 18 января всеобщую забастовку протеста. Утром рабочие различных мастерских города должны были оставить работу и направиться к порту, где в 10 часов 30 минут дать гудок – сигнал к забастовке. При выходе из порта портовые и городские рабочие планировали соединиться с нижними чинами флота и освободить матросов, преданных суду за участие в волнениях 3 ноября 1904 г. [Севастопольское 1957: 87, 88].

18 января рабочими была распространена листовка Севастопольского комитета РСДРП, призывающая рабочих порта к всеобщей политической забастовке. Объяснялось, что эта акция предпринималась в знак солидарности с бастующими рабочими Петербурга. *«Бросим всю работу и будем добиваться немедленного прекращения войны! Свержения самодержавия!»* – говорилось в ней [ГАРК. Ф. Р-483. Оп. 4. Д. 357. Л. 22].

В Симферополе служащие табачной фабрики Ашкинази (137 мужчин и женщин) утром 17 февраля, как сообщалось в рапорте полиции, *«без всякого повода, прекратив работы, собрались во дворе фабрики, и*

из толпы был выброшен пакет фабриканту Ашкинази, в котором на листе было изложено <...> требование увеличения платы за работу и других разных льгот». Когда хозяин фабрики ответил рабочим, что удовлетворить их требования не может, они разошлись по домам и, как докладывал полицейский исправник, «к работе большие не возвращаются» [Революционное 1955: 53].

Весной 1905 г. в Таврической губернии крестьянские волнения происходили в пяти уездах из восьми: Днепровском, Евпаторийском, Мелитопольском, Феодосийском и Симферопольском. 13 марта в Ялте прошла политическая демонстрация. Демонстранты разгромили полицейский участок, выпустили из тюрьмы заключённых и сожгли тюрьму [История 1960: 295]. 18 апреля под Инкерманом состоялась сходка рабочих, нижних чинов морского и сухопутного ведомств. На ней присутствовало около 300 человек. Вызванные войска окружили участников сходки и арестовали 81 участника [Севастопольское 1957: 92]. 8 мая забастовку устроили вагоновожатые и кондукторы севастопольского трамвая. В городе было приостановлено движение. Бастующие выдвинули требования акционерному обществу: установить 8-часовой рабочий день, увеличить подённую оплату, выдавать жалование в случае болезни [Революционное 1955: 59]. 1 мая 1905 г. крестьяне дер. Саблы Симферопольского уезда разгромили имение Давыдовых. Для подавления восстания в Саблы был послан взвод эскадронцев Крымского дивизиона [История 1960: 294].

Политические демонстрации прошли и в Евпатории. 14 мая 1905 г. в Евпатории началась забастовка, в которой приняли участие рабочие и служащие всех городских предприятий [История 1960: 295]. Первыми прекратили работу рабочие чугунолитейного завода. К ним присоединились рабочие мельниц Дувана и Айваза, а также пекари, приказчики, каменщики, портовики, чернорабочие, портные, наборщики, прачки, сапожники, дворники. Таврическим губернским жандармским управлением в Севастопольском градоначальстве сообщалось о вооружённой демонстрации, прошедшей 15 июня 1905 г. в Евпатории. В ней участвовало около тысячи человек. Выступавшие говорили о необходимости замены существующего политического строя, среди толпы разбрасывались листовки [ГАРФ. Ф. 102. Оп. 202. Д. 3604. Ч. 10. Л. 1, 2].

Под влиянием общего подъёма революционного движения в стране революционные настроения усилились и на Черноморском флоте, где готовилось вооружённое восстание. Оно было намечено на осень

1905 г., к концу летних манёвров. Однако последовавшие за этим стихийные события стремительно изменили расстановку сил.

14 июня восстали матросы броненосца «Князь Потёмкин-Таврический», который находился в районе Тендровской косы (остров вблизи юго-западного побережья Чёрного моря, в пределах нынешней Херсонской области Украины). Броненосец прибыл в Одессу, где в это время проходила всеобщая забастовка, вылившаяся в уличные баррикадные бои. В Крыму живо откликнулись на одесские события. 19 июня Севастопольский комитет РСДРП распространил среди рабочих порта листовку, призывающую поддержать восставших матросов броненосца «Князь Потёмкин-Таврический». В листовке говорилось: *«Присоединимся к ним и общими силами ударим на врага! Товарищи! Царское самодержавие, огражденное солдатскими штыками, начинает разлагаться <...> Ещё один приступ, и вековая тюрьма русского народа разлетится в прах...»* [Революционное 1955: 77–79]. Эту листовку тиражом 10 тысяч экземпляров отпечатали в типографии Севастопольского комитета Крымского союза РСДРП.

В ночь на 19 июня в Симферополе прошла сходка симферопольских рабочих в числе 200–250 человек. *«Дознанием установлено, – сообщалось в полицейском рапорте, – что сходка действительно была между 11 и 2 часами ночи, и имела своим предметом обсуждение способов произвести забастовку»*. В ночь на 17 сентября по улицам Симферополя были разбросаны прокламации издания «Крымского Союза»: «Кто за самодержавие царя», «К гражданам» и «Царский мир», «К протесту», «Они спешат», «Письмо солдата», «Подымайтесь солдаты» и «Солдатская памятка» (всего 147 экземпляров) [Симферополю 1984: 68, 69].

К восставшему броненосцу «Князь Потёмкин-Таврический» 30 июня присоединился броненосец «Георгий Победоносец», который также прибыл в Одессу. Однако среди членов его команды не было единодушия. Часть кондукторов и матросов выразили готовность идти в Севастополь. Чтобы не подчиняться приказам с «Потёмкина», они посадили свой корабль на мель, а затем сдались царским властям. Вскоре на минном заградителе Российского императорского флота «Прут» тоже вспыхнуло восстание матросов во главе с матросом-большевиком А. И. Петровым. «Прут» направился в Одессу для того, чтобы присоединиться к броненосцу «Потёмкин», однако мятежный корабль уже покинул одесский рейд.

Ошибки меньшевистского руководства Одесского комитета РСДРП и несогласованность действий руководителей восстания на броненос-

це «Потёмкин» помешали рабочим Одессы и морякам объединить свои усилия. Большевик М. И. Васильев-Южин, посланный в помощь восставшим, прибыл из Женевы в Одессу с опозданием, когда корабль уже ушёл в море. Не получив необходимой поддержки, «Потёмкин» сдался румынским властям. 9 июля румынские власти передали броненосец и команду русской эскадре, а те моряки, которые не пожелали остаться в Румынии, были немедленно арестованы для дальнейшего разбирательства. В 1907 г. арестовали, а затем расстреляли одного из руководителей восстания, анархиста А. Н. Матюшенко, нелегально вернувшегося в Россию [История 1960: 299–302, 304, 306].

«Прут» направился в Севастополь, чтобы поднять восстание на других кораблях эскадры. Однако его встретили два миноносца и отконвоировали на базу, где 42 членов экипажа «Прута» арестовали. В ночь на 24 августа на Константиновской батарее расстреляли приговорённых военно-морским судом к смертной казни руководителей восстания А. Петрова, Д. Титова, И. Черного, И. Адаменко. Несколько позже – 3 сентября – были казнены руководители восстания на броненосце «Георгий Победоносец» Семен Дейнега и Дорофей Кошуба. Остальных восставших (несколько десятков человек) приговорили к различным срокам каторги и тюремного заключения. После подавления восстания «Прут» некоторое время использовался в качестве плавучей тюрьмы в Севастополе [Севастопольское 1957: 70–72; История 1960: 307].

В ответ на эту карательную акцию Севастопольский комитет РСДРП распространил 25 августа в Севастополе, на кораблях и в частях листовку по поводу казни руководителей восстания на «Пруте». Листовка закапчивалась призывом: *«Смерть тиранам! – Свободу народу! Долой правительство палачей и убийц! Да здравствует Всенародное восстание! Вечная память товарищам, матросам, погибшим за святое дело народной свободы!»* [Севастопольское 1957: 9, 70–72].

Несмотря на репрессии, забастовочное движение не прекратилось. 10 октября забастовку начали железнодорожники на станции Джанкой и на Феодосийской железнодорожной линии, остановилась Николаевская железная дорога. 11 октября не вышли на работу железнодорожники станции Симферополь. 13 октября в Симферополе забастовали наборщики типографии, рабочие табачной фабрики. Но толпа, собравшаяся с целью заблокировать деятельность почты, была рассеяна эскадронам. Закрылись магазины, а общественный порядок поддерживали войска. 14 октября в Севастополе по Нахимовскому проспекту прошла демон-

страция, которую разогнали солдаты 50-го пехотного Белостокского полка. 17 октября в Ялте закрылись все учреждения и учебные заведения, магазины и банки. 18 октября в Симферополе бастовали работники типографий и табачных фабрик, служащие почтово-телеграфной конторы, закрылись магазины [Симферополю 1984: 69–71; Севастопольское 1957: 110, 111].

Всероссийская политическая стачка, начавшаяся в Москве в октябре 1905 г., вынудила Николая II обнародовать Манифест 17 октября о гражданских и политических свободах, в котором объявлялось о создании Государственной Думы с законодательными полномочиями и об амнистии политзаключённых. Манифест провозглашал и предоставлял политические права и свободы: свободу совести, свободу слова, свободу собраний, свободу союзов и неприкосновенность личности. Этим документом также учреждался парламент, без одобрения которого не мог вступать в силу ни один закон. В то же время, за императором сохранялось право роспуска Думы. Николай II также оставил за собой право блокировать её решения правом вето. Во всех церквях Российской империи в связи опубликованием манифеста были отслужены литургии и благодарственные молебны [ПСЗРИ 3. Т. 25. № 26803. С. 754–755; РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 36. Л. 3, 3 об., 4–7, 61–61 об.].

«Великий обет Царского служения повелевает Нам всеми силами разума и власти Нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для Государства смуты, – говорилось манифесте. – Повелев подлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий, в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга, Мы, для успешного выполнения общих намечаемых Нами к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым объединить деятельность высшего Правительства» [ПСЗРИ 3. Т. 25. № 26803. С. 754–755; РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 36. Л. 3]. Далее Николай II провозглашал: *«1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов. 2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив этим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку. 3. Установить,*

как неизблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы, и чтобы выбранным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей». Заканчивался манифест словами: «Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед Родиной, помочь прекращению этой неслыханной смуты и вместе с Нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле» [ПСЗРИ 3. Т. 25. № 26803. С. 754–755; РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 36. Л. 3 об.].

В период разрастания революционного движения в России в Таврической губернии наблюдается повышенная активность различных политических партий и движений. Партия социалистов-революционеров (ПСР, эсеры) относилась к леворадикальному крылу социал-демократических организаций, действовавших в Таврической губернии, и была наиболее многочисленной и самой влиятельной немарксистской социалистической партией. Первый кружок эсеров был создан в Севастополе ещё в 1900 г. врачом С. А. Никоновым; в 1903 г. кружки ПСР сформировались в Керчи, Феодосии, Ялте, в 1904 г. – в Симферополе, Евпатории; в 1905 г. – в Алушке, Старом Крыму и Бахчисарае; в 1906 г. – в Перекопе и Армянском Базаре. В июле 1905 г. создан Таврический союз партии эсеров, в рядах которого состояло не менее 1000 членов [Королев 2002: 66, 67, 75].

Центрами анархизма в России были Белосток, Екатеринослав и Одесса. Появление первой группы анархистов Таврической губернии зафиксировано 10 февраля 1905 г. в Ялте, когда в одной из пещер Ай-Никола (имение «Ореанда») полиция обнаружила гектограф, шрифты, листовки и печать «Комитета боевой дружины анархистов г. Ялты» [Королев 1993а: 13].

«Союз русского народа» (СРН), массовая черносотенная монархическая организация, образовавшаяся в России в 1905 г., имела свои отделения и в Таврической губернии, а именно – в Севастополе, Симферополе, Керчи, Феодосии, Ялте, Бердянске, Евпатории, Джанкое. В Евпатории действовал «Союз русских людей» (организатор – священник Василий Ващановский); в «Керченский союз», образованный в 1906 г., входило около 200 человек. Возглавлял организацию керченских черносотенцев Бескровный, а в её рядах состояли жандармский генерал в отставке С. В. Трубников и сын известного табачного фабриканта В. Месаксуди. «Феодосийский союз» организовался в 1906 г., и состоял из 150 чле-

нов. Отметим также, что севастопольский, керченский и феодосийский «Союзы» пользовались поддержкой среди портовых рабочих [Королев 2002: 62]. Программа и деятельность СРН базировались на монархических, шовинистических и антисемитских идеях, а также православном радикализме.

В «Основных положениях Союза русского народа» декларировалось восстановление *«исконной русской православной земско-государственной соборности»*, при этом отмечалось, что *«современный бюрократический строй, который заслонил светлую личность русского царя от народа и присвоил себе часть прав, составляющих исконную принадлежность Русской самодержавной власти <...> привёл Россию к тяжёлым бедствиям и потому подлежит коренному изменению»* [Волобуев 1997: 287; Устав 1906а: 4].

Уже после обнародования царского манифеста 17 октября 1905 г. с оживлением общественно-политического движения в Таврической губернии в октябре оформляется Симферопольская организация конституционных демократов (кадетов), центристской политической партии России, в состав которой вошли либерально настроенные землевладельцы, средняя городская буржуазия (промышленники, купцы, банкиры), учителя, врачи и служащие. Симферопольское отделение партии возглавили князь В. А. Оболенский, землевладелец М. К. Мурзаев, Б. В. Тыртов. Феодосийским отделом партии кадетов руководил караим С. С. Крым, Джанкойским (созданным 28 октября 1905 г.) – председатель земской управы П. Н. Толстов. Членами Перекопского отдела состояли: секретарь Перекопской городской управы Яковлев, податной инспектор Васильев, уездный врач Герцык, а также караим Синани, Добахов и др. Митинг кадетской партии в Ялте состоялся 12 ноября 1905 г., а местный комитет возглавили врачи П. Розанов и Волков (однако летом 1906 г. они были высланы из Ялты). Тогда ж, в ноябре кадетская организация была создана и в Севастополе (её возглавил отставной генерал П. Д. Лесевич). Керченский комитет кадетов находился под руководством помещика Д. Д. Посполитаки [Королев 1993а: 16, 17].

В конце ноября 1905 г. в Севастополе было учреждено отделение либерально-консервативной партии «Союз 17 октября» – умеренно правой политической партии крупных землевладельцев, предпринимателей и чиновников России. В конце 1905 – в начале 1906 г. отделы этой партии сформировались также в Симферополе, Феодосии, Перекопе, Мелитополе, Керчи. Всего на территории Таврической губернии насчитывалось

более 8 подобных организаций с общим числом членов 4700 чел. [Королев 1993а: 85]. «Октябристы», представлявшие правое крыло российского либерализма и придерживавшиеся умеренно-конституционных и антиреволюционных взглядов, своими основными задачами называли *«противодействие как революционной, так и реакционной пропаганде»*, а также стремились к объединению общественных сил на выборах в Государственную Думу с целью *«внести в страну умиротворение путём созидательной, законодательной деятельности и укрепления государственной власти»* [Устав 1906b: 1, 2].

К началу XX в. на полуострове насчитывалось более 20 мелкобуржуазных и националистических партий, основными из которых были крымско-татарская *Милли-Фирка* («Национальная партия»), армянские *Дашнакцутюн* («Союз армянских революционеров») и *Гнчак* («Колокол»), еврейские *Бунд* («Союз») и *СЕРП* («Социалистическая еврейская рабочая партия»). В 1901 г. в Симферополе организовался первый крымский кружок сионистской социал-демократической партии *Поалей-Цион* («Трудящиеся Сиона») [Прохоров, Сейдалиев 2017: 239–254]. Продолжали действовать представители революционных организаций социал-демократов. На Черноморском флоте усиленную агитацию вели подпольные революционные кружки (эсеровские, социал-демократические, анархистские). Агитаторы вели работу на кораблях, в береговых частях, среди рабочих приморских городов.

Текст манифеста 17 октября был получен в Севастополе вечером следующего дня. Около Военно-Морского музея собрался митинг, участники которого во главе с Н. И. Емельяновым, прошли по улицам до здания городской думы. К ним присоединились портовые рабочие и ремесленники [История 1960: 107; Севастопольское 1957: 110, 111]. Число демонстрантов достигало 8–10 тысяч; звучали радикальные лозунги, был разорван портрет Николая II. Демонстранты направились к тюрьме для освобождения политических заключённых; на митинге у тюрьмы выступил лейтенант Пётр Петрович Шмидт.

П. П. Шмидт родился 5 февраля 1867 г. в Одессе в семье дворянина. В 1880–1886 гг. учился в Петербургском морском училище, по окончании которого был произведён в мичманы и назначен на Балтийский флот. 17 июля 1888 г. приказом по Морскому ведомству переведён из Балтийского в Черноморский флот. По свидетельству источников, в том же году П. П. Шмидт проходил курс лечения в частной лечебнице доктора Ф. А. Савей-Могилевича для нервных и душевнобольных в Москве [Ви-

ноградова 2003: 25]. 22 июля 1892 г. был зачислен вахтенным офицером на крейсер 1-го ранга «Рюрик» Балтийского флота. В 1894 г. П. П. Шмидт перевёлся из Балтийского флота в Сибирский флотский экипаж, где получил назначение вахтенным начальником миноносца «Янчихе», затем – крейсера «Адмирал Корнилов»; также служил на транспорте «Алеут», портовом судне «Силач» и канонерках «Горностай» и «Бобр». Тогда же, в 1894 г., в связи с участвовавшими нервными припадками, П. П. Шмидта списали на берег Нагасаки для лечения [Виноградова 2003: 26]. В августе 1898 г. после конфликта с командующим эскадрой Тихого океана подал прошение об увольнении в запас. В 1900 г. перешёл на службу в Российское общество пароходства и торговли. После начала Русско-японской войны П. П. Шмидта, как офицера запаса флота, вновь призвали на действительную военную службу (12 апреля 1904 г.) и направили в распоряжение штаба Черноморского флота с зачислением в 33-й флотский экипаж [Виноградова 2003: 31].

В начале революции 1905 г. П. П. Шмидт организовал в Севастополе «Союз офицеров – друзей народа». Участвовал в создании «Одесского общества взаимопомощи моряков торгового флота». П. П. Шмидт вёл пропаганду среди матросов и офицеров, называл себя внепартийным социалистом. Во время стихийного митинга и демонстрации 18 октября 1905 г. толпу, требовавшую освобождения политических заключённых, разогнали солдаты 49-го пехотного Брестского полка – погибло восемь, и было ранено 50 участников митинга. На следующий день толпа собралась на очередной митинг. Родственникам погибших выдали тела убитых; в городе были сняты военные патрули. Организованная думой с согласия коменданта крепости севастопольская народная милиция просуществовала только три дня. По указанию премьер-министра С. Ю. Витте и министра внутренних дел П. Н. Дурново уже 21 октября её заменили прежней полицией [История 1960: 310, 311].

20 октября состоялись похороны жертв расстрела, собравшие около 10 000 демонстрантов. На похоронах П. П. Шмидт выступил с речью, получившей характеристику как «клятва Шмидта», которую за ним повторяли присутствовавшие. *«У гроба подобает творить одни молитвы, – заявлял он, – но да уподобятся молитве слова любви и святой клятвы, которую я хочу произнести здесь вместе с вами <...> Клянёмся им в том, что мы никогда не уступим ни одной пяди завоеванных нами человеческих прав. Клянусь... Клянёмся им в том, что всю работу, всю душу, самую жизнь мы положим за сохранение нашей*

свободы» [Лейтенант 1922: 23]. Вечером того же дня лейтенанта Шмидта арестовали, и заключили на флагманский эскадренный броненосец «Три святителя». Следствием было возобновлено дело «о потере им казённых денег» в сумме 2 500 рублей [Виноградова 2003: 60, 61]. 7 ноября приказом по Морскому ведомству лейтенант П. П. Шмидт был уволен от службы. За несколько дней до этого, 22 октября, командующий Черноморским флотом вице-адмирал Г. П. Чухнин приказал отвести войска с улиц города. 24 октября начались волнения в порту, а 27 октября к забастовке примкнули рабочие в портовых мастерских. 30 октября бастовали мастеровые жестяночного цеха, а 31 октября – каменщики и штукатуры [Севастопольское 1957: 15].

В газетах началась кампания в защиту П. П. Шмидта. Рабочие Севастопольского порта избрали его своим «пожизненным депутатом». Забастовки в Севастополе продолжались. 1 ноября бастовали каменщики, штукатуры, мраморщики и чернорабочие, занятые на строительных работах в городе. 6–9 ноября забастовку проводили приказчики торговых предприятий, работники гостиниц, ресторанов, трактиров, кофеен и кондитерских. А уже 11 ноября началось Севастопольское вооружённое восстание [Севастопольское 1957: 15].

Ранее военному командованию стало известно, что готовится большая сходка. Должны были состояться выборы в Совет рабочих, матросских и солдатских депутатов. Г. П. Чухнин распорядился, чтобы полицейские, жандармские и военные власти ни в коем случае не допустили митинга. Для этого были вооружены учебная команда 50-го пехотного Белостокского полка во главе с штабс-капитаном А. А. Штейном, и две роты, состоявшие из солдат гарнизона. К воротам черноморского флотского экипажа направили матросскую «боевую роту». Все эти вооружённые отряды возглавил начальник учебного отряда, старший флагман дивизии контр-адмирал С. П. Писаревский. Несмотря на принятые меры, сходку предотвратить не удалось. Около 16 часов 11 ноября на площади между казармами флотских экипажей и казармами 49-го пехотного Брестского полка собрались матросы и солдаты. К ним присоединились рабочие Севастопольского порта, жители Корабельной и Татарской слободок. Число митингующих насчитывало около 5 тыс. чел.

Для предотвращения дальнейших беспорядков полковник И. А. Думбадзе по телефону обратился в 50-й пехотный Белостокский полк с просьбой выделить ему отряд. Командир немедленно выслал учебную команду под командованием А. А. Штейна. По прибытии тот

оставил роту во дворе, а сам, по указанию И. А. Думбадзе, отправился к С. П. Писаревскому, которого нашёл во дворе флотских казарм. Опасаясь действовать открыто против многотысячной толпы, и чтобы не допустить неповиновения «боевых рот», С. П. Писаревский предпринял провокацию. Вместе с А. А. Штейном он направился во двор минной школы, где в засаде находилась рота матросов. Контр-адмирал приказал им дать залп по солдатам учебной команды, которой командовал А. А. Штейн. После этого Штейн должен был крикнуть своим солдатам: «В ружье, в нас стреляют!», и открыть огонь по митингующим. Матрос «боевой роты» К. П. Петров случайно услышал провокационные распоряжения С. П. Писаревского, после чего подошёл к забору казарм и начал стрелять в отверстие забора из винтовки, ранив при этом адмирала в спину двумя пулями. Штейн бросился на помощь контр-адмиралу, но сам получил два ранения – в ногу и живот. Из казарм попытались дать знать о раненых в госпиталь по телефону, однако кабель оказался перебитым, а нести офицеров через площадь было опасно. Поэтому тяжело раненные, истекающие кровью адмирал Писаревский и капитан Штейн длительное время оставались без помощи, пока лейтенант Сергеев не выпросил пропуск для раненых от зачинщиков бунта. 11 ноября 1905 года капитан Штейн скончался [Лейтенант 1922: 221, 222].

Матроса К. П. Петрова схватили и арестовали, однако его выстрелы послужили сигналом к восстанию. После этого К. П. Петров практически сразу был освобождён матросами. Дежурных офицеров арестовали, обезоружили и отвели в канцелярию. Утром их освободили, но они вынуждены были оставить казармы [Лейтенант 1922: 223, 224]. Г. П. Чухнин в панике отправил телеграмму морскому министру А. А. Бирилеву: *«арестовать тысячи нельзя, на действие оружием против их рассчитывать тоже нельзя, чувствую, что с арестами и при действии оружием восстанет весь флот. Необходимо, не медля ни одного дня, усилить войска, так как на здешние положиться нельзя <...> Матросы, вероятно, поставят какие-нибудь условия, которым придётся подчиниться или распустить флот»*. Вечером этого же дня Г. П. Чухнин вынужден был признаться Николаю II, что «положение безвыходное» и, трезво оценив обстановку, отдать приказ о запрещении стрелять по митингующим [Виноградова 2003: 79].

В городе, где после создания «Народного совета» из представителей революционных партий и матросов Черноморского флота фактически установилось двоевластие, 10 ноября вновь состоялся большой митинг,

вылившийся в мощную демонстрацию. 12 ноября в Севастополе началась всеобщая забастовка. Утром в матросских казармах собралось около 40 депутатов, представлявших матросские экипажи, команды некоторых кораблей, а также несколько рот 49-го пехотного Брестского полка и крепостной артиллерии. Вскоре сюда же прибыли депутаты от портовых рабочих. Фактически был избран Совет флотских депутатов. Исполнительным органом, непосредственно руководившим движением, стала «Матросская комиссия». В её состав вошли представители Севастопольского комитета РСДРП, военной социал-демократической организации и рабочие порта. В тот же день началась забастовка среди рабочих порта. Объединившись с матросами, находившимися на берегу, и 49-м запасным пехотным батальоном, они направились в казармы Брестского полка. Офицеры полка были обезоружены и отпущены по домам, а комендант крепости и начальник 13-й пехотной дивизии – арестованы [Севастопольское 1955: 209; Волобуев 2018: 258, 259]. 13 ноября депутатская комиссия, состоявшая из матросов и солдат (в том числе от семи судов флота), пригласила для военного руководства восстанием отставного флотского лейтенанта П. П. Шмидта, завоевавшего большую популярность во время октябрьских митингов. Совет флотских депутатов принял меры по охране города, взял под свой контроль запасы угля, продовольствия, вещевые склады и денежные средства экипажей.

В тот же день началось восстание на крейсере «Очаков». Возглавил его комендор корабля, член военной социал-демократической организации большевик И. Г. Антоненко. Команда отказалась выдать оружие офицерам, и они были вынуждены покинуть крейсер. Руководство восстанием взяла в свои руки группа большевиков корабля: И. Г. Антоненко, А. И. Гладков, С. П. Частник. Вскоре присоединившийся к восстанию лейтенант П. П. Шмидт объявил себя командующим Черноморским флотом, дав сигнал: *«Командую флотом. Шмидт»*. Он отправил телеграмму императору Николаю II: *«Его Императорскому Величеству. Славный Черноморский Флот, свято храня верность своему народу, требует от Вас, Государь, немедленного созыва Учредительного Собрания и перестаёт повиноваться Вашим министрам. Командующий Черноморским Флотом гражданин Шмидт»* [Виноградова 2003: 92].

Узнав о восстании, Николай II объявил крепость Севастополь на военном положении. Главное командование всеми войсками, сосредоточенными в Севастополе для подавления восстания, император поручил командиру 7-го армейского корпуса генерал-лейтенанту барону

А. Н. Меллер-Закомельскому [Виноградова 2003: 81]. В ночь на 15 ноября ударные отряды восставших овладели минным крейсером «Гридень», миноносцем «Свирепый», тремя миноносцами и несколькими мелкими судами, захватили в порту оружие. Тогда же к восставшим присоединились экипажи канонерской лодки «Уралец», миноносцев «Заветный», «Зоркий» и учебного корабля «Днестр», минного транспорта «Буг».

Утром на всех мятежных кораблях подняли красные флаги. П. П. Шмидт на миноносце «Свирепый» направился вдоль эскадры, чтобы привлечь на свою сторону другие корабли. Рейд вдоль боевых судов эскадры стал скорее эмоциональным шагом, чем продуманным действием. У броненосца «Пантелеймон» миноносец застопорил машины, и П. П. Шмидт обратился к команде: *«С нами Бог и весь русский народ, а с вами кто? Ура!»*. С палубы «Пантелеймона» в ответ прозвучало лишь несколько голосов. Единодушной поддержки восставших не было. На других судах, к командам которых обратился мятежный офицер, слышались проклятья и угрозы офицеров. Затем миноносец «Свирепый» направился к учебному судну «Прут», служившему плавучей тюрьмой. Вооружённый отряд матросов во главе с П. П. Шмидтом арестовал офицеров и освободил находившихся здесь матросов с «Потемкина». Офицеров с «Прута» увезли на «Очаков», а потёмкинцы присоединились к восставшим [Севастопольское 1957: 143, 144; Виноградова 2003: 91].

Тем не менее, основной контингент Черноморского флота восстание не поддержал. 15 ноября 1905 г. восставшим был предъявлен ультиматум о сдаче, однако он остался без ответа. По приказанию А. Н. Меллер-Закомельского, верные правительству части (береговые батареи, полевая артиллерия и некоторые корабли) открыли огонь по «Очакову» и другим кораблям мятежников, а также по морским казармам. В 16 часов с броненосца «Ростислав» прозвучали первые выстрелы по «Очакову». Снаряды серьёзно повредили борта крейсера, а орудия береговой батареи разворотили палубу. «Очаков» почти не оказал сопротивления. Начавшийся на крейсере пожар охватил деревянные настилы, переборки, мебель. Оставшиеся в живых члены команды, в том числе и раненые, прыгали за борт [Лейтенант 1960: 228, 229].

Хотя матросы в казармах ещё продолжали сопротивление, восстание было подавлено. Сражение продолжилось в Лазаревских флотских казармах, где находились две с половиной тысячи человек. Только к 6 часам утра 16 ноября бой прекратился. Большая часть оборонявшихся была арестована; под стражу взяли 1611 человек. В личном докладе

А. Н. Меллер-Закомельского, предназначавшемся императору, указывалось, что только 15 ноября со стороны бунтовщиков было убито 95 человек, причём 15 из них заживо сгорели на крейсере «Очаков» [Лейтенант 1960: 230]. Комендант крепости генерал-лейтенант В. С. Неплюев издал приказ о запрещении митингов в Севастополе его окрестностях. *«Восп्रेщаются, – говорилось в приказе, – на все время состояния крепости в осадном положении всякие сборища в пределах города Севастополя на 25-верстном районе крепости»* [Севастопольское 1957: 161, 162].

Тем не менее, забастовочное движение только набирало силу. Вечером 13 декабря стачечный комитет распространил свои воззвания, в которых приглашал начать забастовку 14 декабря. Ровно в 12 часов в Симферополе закрылись все магазины, земские и городская управы, типографии, фабрики, заводы, школы, библиотеки. Хлебопекарни, бойни, мясные лавки, водопровод и водовозы освобождались стачечным комитетом от забастовки. К забастовке присоединились и учащиеся старших классов средних школ и других учебных заведений. В городе в течение целого дня шли митинги. Вечером того же дня состоялся митинг в зале земского собрания [Революционное 1955: 124, 125; Волобуев 2018: 260].

14 декабря магазины и фабрики не открывались в течение дня; с 12 часов были закрыты конторы и банки. В городе вновь прошли митинги, на которых стачечным комитетом выдавались деньги для продовольствия. В этот день не обошлось без столкновений. В винный погреб купца и винооторговца Г. Н. Христофорова рабочие пришли пригласить революционно настроенных товарищей присоединиться к забастовке. Находившееся в том же доме жандармское управление вызвало эскадронцев, которые избили забастовщиков. Аналогичные столкновения произошли и в некоторых других местах Симферополя [Революционное 1955: 125]. Вечером 15 декабря стачечный комитет распространил воззвание, в котором на 12 часов следующего дня объявлялось окончание забастовки. В пятницу, 16 декабря, забастовка была прекращена. Вскоре в Симферополе учредили Совет рабочих депутатов, состоялись первые выборы.

С 7 по 18 февраля 1906 г. в Очакове прошёл военно-морской суд по делу участников Севастопольского вооружённого восстания в ноябре 1905 г., который приговорил П. П. Шмидта к смертной казни через повешение. Других участников восстания – Н. Г. Антоненко, А. И. Гладкова, С. П. Частника – приговорили к смертной казни через расстрел. *«Отставного лейтенанта Петра Шмидта, – говорилось в документе, – ли-*

шить прав состояния и подвергнуть смертной казни через повешение. Старшего баталера Сергея Частника, комендора Никиту Антоненко и машиниста Александра Гладкова исключить из службы, с лишением воинского звания, лишить всех прав состояния и подвергнуть смертной казни через расстреляние» [Виноградова 2003: 192]. 27 человек осудили на каторгу и ссылку, десятерых оправдали. В деле фигурировали 180 матросов других судов, 127 солдат сапёрной роты, 25 солдат 49-го Брестского полка, а также 20 солдат и гражданских лиц. Семерых приговорили к смертной казни, позже заменённой двадцатью годами каторги. Остальных осудили на разные сроки каторжных работ, отправили в арестантские роты [Севастопольское 1957: 286–294, 310–313].

Приговор представили главному командиру Черноморского флота Г. П. Чухнину. Несмотря на кассационные жалобы, приговор в итоге утвердили и привели в исполнение 6 марта на острове Березань, близ Очакова. П. П. Шмидту, как *«учинившему посягательство и руководившего действиями других мятежников»*, смертную казнь через повешение заменили расстрелом. По некоторым сведениям, это произошло потому, что для осуществления приговора не могли найти палача, так как в этот же период произошло несколько убийств лиц, приводивших приговоры в исполнение. Палач, ехавший для казни П. П. Шмидта, также был ранен [Виноградова 2003: 193]. Когда руководитель подавленного восстания произносил своё последнее слово, конвоиры отставили ружья, за что впоследствии их предали суду. П. П. Шмидт говорил: *«Я встречу приговор ваш без горечи, и ни на минуту не шевельнётся во мне упрёк вам. Я знаю, что вы, господа судьи, страдаете не меньше нас, вы так же, как и мы, жертвы переживаемых потрясений народных»* [Последнее 1917: 3–14; Виноградова 2003: 191]. Спустя 11 лет, в мае 1917 г., прах казнённых перевезли в Севастополь и поместили в Покровском соборе. А в ноябре 1923 г. Севастопольский городской совет решил перезахоронить останки в соответствии с просьбой П. П. Шмидта, высказанной им в письме от 26 декабря 1905 г. *«Если когда-нибудь в будущем город даст деньги на памятник, – писал П. П. Шмидт, – то положить скалу, вырезать на ней мою клятву. На скале бросить якорь (корабельный, настоящий) не сломанный, как это принято делать на памятниках, а целый якорь, и воткнуть в скалу флажок с красным флагом из жести. Я поднял знамя революции русского флота, оставшегося верным народу, и пусть этот флаг свободы развевается на моей могиле»* [Виноградова 2003: 214].

С подавлением восстания в Севастополе революционное движение, тем не менее, не стихало. Под напором революционных событий царское правительство вынуждено было приступить к разработке законодательного акта о профсоюзах. Закон, принятый 4 марта 1906 г., получил название «Временных правил о профессиональных обществах, учреждаемых для лиц, занятых в торговых и промышленных предприятиях, или для владельцев этих предприятий» [ПСЗРИ 3. 1906. Т. 26. Отд. 1. № 27479: 201–207]. Целью его являлась попытка сдержать дальнейшее развитие массового революционного движения и поставить профсоюзы под контроль государственной власти.

В именном указе, направленном Николаем II правительствующему Сенату, говорилось, что *«впредь до издания, в соответствии с Манифестом 17-го октября 1905 года, общего закона о союзах и обществах, Мы признали за благо ввести в действие временные, по этому предмету, правила. Соответственные предложения были выработаны Советом министров и затем, по предуказанию нашему, внесены на обсуждение Государственного совета»*. Данный документ предполагал следующие временные правила об обществах и союзах: *«...1. Обществом, по смыслу настоящего узаконения, почитается соединение нескольких лиц, которые, не имея задачи получения для себя прибыли от ведения какого-либо предприятия, избрали предметом своей совокупной деятельности определенную цель, а союзом – соединение двух или нескольких таких обществ, хотя бы через посредство их уполномоченных»*. Кроме того, указом регламентировалось, что *«действие настоящего узаконения не распространяется: а) на союзы и общества, преследующие религиозные цели, и б) на общества, образуемые с разрешения учебного начальства учащимися в учебных заведениях из своей среды»*. Также устанавливалось правило, что *«...воспринимаются общества: а) преследующие цели, противные общественной нравственности или воспрещённые уголовным законом, или же угрожающие общественному спокойствию и безопасности; и б) управляемые учреждениями или лицами, находящимися за границей, если общества эти преследуют политические цели»*. Таким образом, пресекалась деятельность революционных партий и организаций, несущих угрозу режиму [Там же: 201].

Помимо всего прочего, указом запрещалась участие в обществах и союзах несовершеннолетних: *«...7. Несовершеннолетние, а также учащиеся в низших и средних: учебных заведениях не допускаются ни к образованию общества, ни к участию в них. Учащиеся в высших учебных*

заведениях могут быть допускаемы к образованию обществ, действующих вне учебных заведений, а равно к участию в таких обществах, лишь на основаниях, особо определяемых в уставах подлежащих учебных заведений» [Там же]. Статьёй 10-й регламентировалось, что «общества не могут в своей деятельности преследовать цели политические или же несовместные с требованиями служебного долга, с служебными отношениями и с существующим порядком и условиями службы. Соединение указанных обществ в союзы воспрещается» [Там же: 202]. Таким образом, законопроект определил и разграничил понятия профессионального общества и профессионального союза. «Обществом» теперь именовалось соединение нескольких лиц, которые, не ставя перед собой задачу получения прибыли от ведения какого-либо предприятия, избрали предметом своей совокупной деятельности определённую цель. Союзом же называлось соединение двух или нескольких таких обществ. При этом профсоюзные общества имели целью выяснение и согласование экономических интересов и улучшение условий труда своих членов. Законопроект ставил профсоюзы под контроль государственной власти и полиции.

В губернской столице 24 апреля 1906 г. открылась конференция, созванная временным центральным бюро профессиональных союзов Симферополя. На первом собрании присутствовали представители союзов: рабочие и работницы табачных фабрик, сапожники и заготовщики, фармацевты, рабочие и работницы прачечных, портные, приказчики и др. Кроме того, были двое докладчиков с совещательными голосами. Конференция единогласно приняла следующую резолюцию: «Принимая во внимание, что рабочие профессиональных союзов только тогда могут успешно вести борьбу с капиталом, когда они являются массовыми организациями рабочего класса». Далее в документе указывалось, что «закон 4 марта хотя и является крепостным законом и имеет своей целью установить бдительную полицейскую и предпринимательскую опеку над рабочими, тем не менее, даёт все-таки возможность массам легально организовываться <...> и вопрос легализации является таким образом для союзов вопросом жизни и смерти» [Революционное 1955: 144, 145].

Несмотря на то, что Севастопольское восстание было жестоко подавлено властями, полностью нейтрализовать революционное движение не удалось. В мае 1906 г. Севастопольский военный комитет РСДРП издал листовку, призывающую к организации нового вооружённого восстания.

В 1906 и 1907 гг. в Крыму вновь проходили сходки рабочих, распространялась нелегальная литература и листовки [Волобуев 2018: 261]. Спад революционных протестов и забастовочного движения, а также роспуск Николаем II 2-й Государственной думы с параллельным изменением избирательного закона в 1907 г., означали конец революции.

Тем не менее, в стране осуществляли преобразования в системе государственного управления, началась аграрная реформа, легализовали деятельность партий и профессиональных союзов, отменили предварительную цензуру печати. Одним из важных итогов революции 1905–1907 гг. стало создание первой в истории Российской империи Государственной думы; начали формироваться политические партии различного толка и идеологии. Был подписан документ о свободе собраний, слова и совести. Рабочие получили право на 8-часовой рабочий день (реально он уменьшился до 9–10 часов), у них появилась возможность создавать профсоюзы, кооперативы, страховые компании, защищающие их права. Крестьянство также наделили определёнными свободами: были отменены выкупные платежи крестьян, расширена свобода их передвижения, плата за аренду земли сократилась в несколько раз; земским начальникам запрещалось их штрафовать или же причинять телесные наказания.

Революционное движение в Крыму имело свои особенности. Так, по заключению О. В. Волобуева, крестьянское движение почти не затронуло крымско-татарское сельское население, хотя среди татар в ряде уездов процент малоземельных и безземельных крестьян был довольно высоким. То же касается и немецких, болгарских греческих переселенцев, которые не были задействованы в крестьянском движении. Одним из основных для крестьян Таврической губернии стало требование оставлять не треть помещичьей доли в урожае, как это было ранее, а только пятую часть [Волобуев 2018: 261, 262].

В период первой российской революции численность политических партий и движений существенно возросла. К 1907 г. в Российской империи действовали различные по направленности партийные организации. Характерной чертой революции в Крыму стало то, что в конце 1905 г. здесь сложилась многопартийная система, просуществовавшая вплоть до 1917 г. Как полагает В. И. Королев, в Таврической губернии политическими выступлениями в 1901–1907 гг. были охвачены около 150 тысяч человек, а забастовочным движением – 40 тысяч человек, то есть 14 и 3,8 % населения Таврической губернии соответственно [Королев 1993b: 58, 61].

ЛИТЕРАТУРА

- Ванев Г. И.* Севастополь. Страницы истории. 1783–1983. Симферополь, 1983.
- Виноградова А. В.* Расстрелянная мечта. Хроника жизни лейтенанта П. П. Шмидта. Письма, воспоминания родных, близких, сослуживцев, современников, документы, материалы. Николаев, 2003.
- Волобуев О. В.* К вопросу о классификации национальных партий // История национальных политических партий России. Материалы международной конференции. М., 1997.
- Волобуев О. В.* Таврическая губерния в годы Первой российской революции. Севастопольское восстание в ноябре 1905 г. // История Крыма / ред. А. В. Юрасов. Т. 2. М., 2019.
- Иерусалимский Ю. Ю., Марасанова В. М.* Первая российская революция 1905–1907 годов: учебное пособие. Ярославль, 2006.
- История города-героя Севастополя, 1783–1917.* Киев, 1960.
- Королев В. И.* Возникновение политических партий в Таврической губернии. Симферополь, 1993а.
- Королев В. И.* Бунт на коленях (политические партии в Таврической губернии 1905–1907). Симферополь, 1993б.
- Королев В. И.* Политические партии Украины и Крыма. История и современность. Симферополь, 2002.
- Королев В. И.* Организации политических партий Северной Таврии в начале XX столетия (численность и размещение) // КНП. 2003. № 46.
- Королев В. И.* Первые шаги крымской социал-демократии: типичное и особенное // ИНК. 2007. № 19.
- Лейтенант П. П. Шмидт: письма, воспоминания, документы.* М., 1922.
- Последнее слово лейтенанта П. П. Шмидта к судьям.* Одесса, [1917].
- Прохоров Д. А., Сейдалиев Э. И.* Национальные движения и политические партии в Крыму // История Крыма / ред. А. В. Юрасов. Т. 2. М., 2019.
- Революционное движение в Таврической губернии в 1905–1907 гг.: сборник документов и материалов.* Симферополь, 1955.
- Севастопольское восстание в ноябре 1905 года: документы и материалы.* М., 1957.
- Симферополю 200 лет, 1784–1984: сборник документов и материалов.* Киев, 1984.
- Устав общества под названием «Союз русского народа».* СПб., [1906а].
- Устав общества под названием «Союз 17-го Октября».* М., 1906б.
- Хинчук Лев Михайлович (автобиография) // Большая биографическая энциклопедия. [Электронный ресурс; режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/42113/Хинчук].*

КРЫМ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Д. А. Прохоров

В отечественной исторической литературе советского периода Первая мировая война 1914–1918 гг. получила характеристику «империалистической», а внешнеполитические интересы России и её союзников рассматривались как захватнические. Важнейшими направлениями этой проблемы в советской историографии стали военно-исторические и внешнеполитические исследования, а также вопросы, связанные с изучением истории Первой мировой войны в контексте развития мирового рабочего и социалистического движения [Емец 1956: 52–90; Емец 1968: 23–57; Вержховский и др. 1964: 86–93; Мокшина и др. 2015: 27–32]. Постсоветский период характеризуется тем, что данная проблематика уточнялась новыми фактами, дополнялась ранее неизвестными материалами, рассекреченными архивными документами и пр. [Исламов 1998: 44–48; Миллер 1998: 58–61]. Общие и региональные исследования истории Первой мировой войны в отечественной историографии в последние годы представлены несколькими фундаментальными работами [Первая мировая 1998; Шацилло 2003; Шацилло 2010; Белова 2011; Олейников 2016; Пылькин 2018]. Свой вклад в изучение событий Первой мировой войны на Юге России в целом и в Таврической губернии в частности внесли В. В. Крестьянников, Е. В. Макаренко, Ю. Н. Лаптев, А. И. Григоров, А. А. Зубарев, Н. М. Терещук, А. В. Мальгин и др. [Крестьянников 2007: 57–74; Крестьянников 2011: 103–116; Макаренко 2018: 265–272; Лаптев 1997: 428–434; Крымская 2014; Первая мировая 2015; Прохоров 2007: 128–135; Прохоров 2010: 366–385; Прохоров 2014: 463–508; Прохоров 2015: 117–128].

Несмотря на то, что в существующей научной и научно-краеведческой литературе имеются разрозненные сведения относительно участия жителей Таврической губернии в Первой мировой войне, следует отметить, что не все они отличаются полнотой; в ряде случаев встречаются фактические ошибки и неточности. В этой связи здесь будут проанализированы доступные на сегодняшний день данные о ситуации, складывавшейся на Крымском полуострове во время Первой мировой войны, а также сведения о боевых действиях на Чёрном море и наибо-

лее отличившихся участниках войны из числа крымчан. Помимо этого, внимание будет обращено на историю повседневности в Таврической губернии в годы войны, представляющую несомненный интерес с точки зрения социальных и политических трансформаций, произошедших в правовой и политической сферах, бытовой культуре и менталитете жителей Таврической губернии в указанный период.

Противоречия между великими державами (империями) – Россией, Францией, Великобританией с одной стороны и Германией, Австро-Венгрией, Италией с другой – накапливались на протяжении десятилетий: их интересы сталкивались как в Европе, так и на заморских территориях, в колониях. В 1891 г. Россия и Франция заключили военный союз, получивший название «Сердечное согласие» (фр. *Entente cordiale* – Антанта), к которому в 1907 г. присоединилась Англия. Целью этого союза являлось стремление держав не допустить усиления Германии, боровшейся за гегемонию в Европе и стремившейся отнять у «старых империй» заморские колонии. В 1879 г. Германия заключила пакт с Австро-Венгрией, а в 1882 г. они образовали Тройственный союз с Италией. Уже после начала войны союз стал Четверным – к нему присоединились Османская империя и Болгария, тогда как Италия в 1915 г. перешла на сторону Антанты. Австро-Венгрия, Болгария и Османская империя опасались усиления России на Балканах и (в случае османов) в Закавказье [Всемирная история 2017: 253 слл.].

По данным Управления по делам о воинской повинности МВД Российской империи, в 1911 г. общее число новобранцев в российскую армию и флот составляло 1 176 996 человек. После поражения в Русско-японской войне, ситуация в армии и флоте требовала кардинальных изменений. В 1913 г. была принята военная программа, в соответствии с которой русская армия увеличивалась на 480 тысяч человек: на 273 600 человек возрастала численность пехоты, на 38 400 – кавалерии, на 129 600 – артиллерии. Состав судовых команд составлял 59 500 человек. В целом армия в России увеличивалась на 11 772 офицера и 468 200 солдат. Авиация России состояла из 216 самолётов и по численности самолетов находилась на втором месте после Германии [Куль 1922: 63, 64; Зайончковский 1926: 92–94; Китанина 2003: 73]. Непосредственно к началу войны (по данным на 18 июля 1914 г.) численность российской армии составляла 1 423 000 человек [Россия и СССР 2003: 91]. Однако по объёму вооружений и снабжения техникой русская армия занимала одно из последних место в Европе. Принятая Россией программа уве-

личения и переоснащения вооружённых сил, рассчитанная на четыре года, была приведена в действие только в 1914 г.

Поводом к началу Первой мировой войны послужил теракт в Сараево, в Боснии 15 июня 1914 г., в результате которого были убиты австрийский эрцгерцог (наследник престола) Франц Фердинанд и его супруга София. Убийца, Гаврило Принцип, был сербом по национальности; возникли подозрения, что за ним стояла Сербия, стремившаяся оторгнуть Боснию от Австро-Венгрии. Потому австрийское правительство предъявило Сербии ультиматум, включавший ряд очень тяжелых, унижительных условий, связанных с расследованием убийства и прекращением антиавстрийской деятельности. 10 июля посланник России в Сербии Н. Г. Гартвиг скончался от инфаркта после беседы с австро-венгерским посланником бароном Гизлем, причем сербская пресса обвинила персонал австрийской миссии в отравлении дипломата. 13 июля Австро-Венгрия объявила мобилизацию и начала сосредотачивать войска на границах с Сербией и Россией; 15 июля, заявив, что требования ультиматума не выполнены, она объявила Сербии войну. Россия, в свою очередь, ответила, что не допустит оккупации Сербии. 16 июля российский император Николай II отправил немецкому императору Вильгельму II телеграмму с предложением передать австро-сербский вопрос в международный третейский суд в Гааге (Гаагскую конференцию), однако Вильгельм II не ответил. Во французской армии были прекращены отпуска, и началась частичная мобилизация. Наконец, 19 июля (1 августа по новому стилю) Германия объявила войну Российской империи, и в тот же день немецкие войска вторглись в Люксембург.

Первая мировая война потребовала от России максимального использования человеческих и материальных ресурсов. Начальник Генерального штаба российской армии генерал Н. Н. Янушкевич выступил с предложением, что если вероятность войны весьма высока, то следует подготовиться к ней наилучшим образом, и потому нельзя медлить с началом всеобщей мобилизации. Ему удалось убедить Николая II, который первоначально склонялся к варианту частичной мобилизации [Шамбров 2003: 85]. После принятого российским императором решения о переводе страны на военное положение, мобилизации подлежала половина русских вооружённых сил, исключая войска, дислоцировавшиеся близ германской границы (в Польше, Белоруссии и Прибалтике). 18 июля 1914 г. в России объявили всеобщую мобилизацию. Соответствующий приказ 15 июля 1914 г. получили команду-

ющие Московским, Варшавским, Кавказским, Виленским, Киевским, Одесским и Иркутским военными округами, а также главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа. 20 июля 1914 г. обнародовали манифест императора Николая II об объявлении войны с Австро-Венгрией.

«Следуя историческим своим заветам, – говорилось в манифесте, – Россия, единая по вере и крови со славянскими народами, никогда не взирала на их судьбу безучастно. С полным единодушием и особой силой пробудились братские чувства русского народа к славянам в последние дни, когда Австро-Венгрия предъявила Сербии заведомо неприемлемые для державного государства требования. Презрев уступчивый и миролюбивый ответ сербского правительства, отвергнув доброжелательное посредничество России, Австрия поспешно перешла в вооружённое нападение, открыв бомбардировку беззащитного Белграда». Далее император сообщал, что *«вынужденные в силу создавшихся условий принять необходимые меры предосторожности, Мы повелели привести армию и флот на военное положение, но, дорожа кровью и достоянием Наших подданных, прилагая все усилия к мирному исходу начавшихся переговоров <...> Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную Нам страну, но оградить честь, достоинство, целостность России и положение её среди великих держав.*

Мы непоколебимо верим, что на защиту Русской земли дружно и самоотверженно станут все верные наши подданные. В грозный час испытаний да будут забыты внутренние распри, да укрепится ещё теснее единение Царя с Его народом и да отразит Россия, поднявшаяся, как один человек, дерзкий натиск врага.

С глубокой верой в правоту нашего дела и смиренным упованием на Всемогущий Промысел, Мы молитвенно призываем на Святую Русь и доблестные войска Наши Божие благословение» [РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 1005. Л. 250, 250 об.].

В течение августа и сентября 1914 г. в России в первую мобилизацию призвали 3 915 000 человек, контингент которых представляли различные категории населения. Среди них числились нижние чины армии и флота, офицеры, врачи и средний медперсонал, классные чины (военные чиновники, казаки) – всего 3 115 000 человек. Были призваны ратники ополчения запаса 1-го разряда в возрасте 40–43 лет, уже отслужившие действительную службу – 400 000 человек, и ратники ополчения запаса 1-го разряда, не служившие в армии, в возрасте 22–25 лет – 400 000

человек. В течение октября-ноября призвали 1 215 000 человек, из них 500 000 – ратники ополчения запаса 1-го разряда, не служившие в армии, в возрасте 22–32 лет, и 715 000 новобранцев в возрасте 21 года. Призыву подлежали все отставные офицеры, не перешедшие «предельный» возраст: для генералов, адмиралов, штаб-офицеров он устанавливался в 55 лет, а для обер-офицеров – в 50 лет. В ополчение зачислялись также офицеры, достигшие предельного призывного возраста, но, тем не менее, годные по состоянию здоровья для службы и пожелавшие служить добровольно. Мобилизованная русская армия насчитывала 1 816 полков, 1 110 эскадронов и 7 088 орудий, причём 75% армии дислоцировались на Западном фронте [Россия и СССР 2003: 91, 92].

На Крымском полуострове до 1914 г. были расквартированы части 13-й пехотной дивизии в составе: 49-го Брестского, 50-го Белостокского, 51-го Литовского, 52-го Виленского полков, 13-й артиллерийской бригады. На фронт отправились 49-й Брестский и 50-й Белостокский пехотный полк вместе с 13-й артиллерийской бригадой. Дополнительно на полуострове сформировали 246-й Бахчисарайский пехотный полк и мобилизовали ещё 15 тыс. чел. Солдаты и офицеры этих частей, значительная часть из которых являлись жителями Таврической губернии, принимали участие в крупнейших сражениях войны: Галицийской битве (1914), Карпатской операции Юго-Западного фронта (1915), Луцком прорыве (1916).

В Крыму развернули 30 баз для гидросамолётов. Ранее, в ноябре 1910 г., по высочайшему соизволению Николая II великим князем Александром Михайловичем Романовым было основано Качинское лётное училище, получившее название «Севастопольская офицерская школа авиации». На это пошла часть средств, собранных среди граждан России Комитетом по восстановлению флота после Русско-японской войны (900 000 рублей). Первые пять лет работа школы оплачивалась из добровольных пожертвований россиян [Манцуров и др. 2009: 133, 134]. В Симферополе и Карасубазаре работали аэропланые заводы, действовал бромный завод в Саках. После начала войны многие промышленные предприятия из-за недостатка сырья и топлива сократили производство, а некоторые закрылись. Тем не менее, в годы войны Крым продолжал оставаться базой снабжения армий Кавказского фронта.

В соответствии с высочайшим указом, отданным императором Николаем II Правительствующему Сенату в Петергофе 20 июля 1914 г., Таврическая губерния объявлялась на военном положении. Уже 27 июля

таврический губернатор Н. Н. Лавриновский подписал обращение ко всем жителям Таврической губернии. В этом документе, в частности, говорилось: *«Все силы нашего отечества напряжены для борьбы с врагами. По призыву царя народ русский встал как один человек, и наши доблестные войска пошли в бой с германцами и австрийцами на защиту Престола и Родины. Святое дело народной войны потребует от нас многих жертв. Свою жизнь и кровь принесут на алтарь Отечества наши воины»*. Обращалось внимание и на те цели и задачи, которые с началом войны ставились перед мирным населением. *«Мы же, все те, кого не коснулись непосредственно тяготы войны, – продолжал губернатор, – обязаны исполнить свой первый и священный долг – оказать посильную помощь больным и раненым воинам»* [От таврического 1914а].

Н. Н. Лавриновский объявил о создании из представителей всех сословий губернского комитета для организации указанной помощи и сбора пожертвований, которые должны были направляться через должностных лиц в Таврическое губернское казначейство. Следует сказать, что работа комитета была весьма плодотворной. Лишь за месяц с небольшим со дня начала войны в его адрес для нужд русской армии и флота поступило пожертвований на сумму более 126 000 рублей (из них на расходование средств по устройству лазарета для раненых воинов – 76 000 рублей). Комитет, помимо сбора денежных средств, осуществлял заготовку и отправку на фронт тёплых вещей, а также всего самого необходимого для воевавших там солдат и офицеров. Члены «Дамского кружка», организованного при Таврическом губернском земском собрании и состоявшего из жён дворян Таврической губернии, а также «сочувствующих лиц», лично занимались изготовлением тёплых вещей и белья [От Таврического 1914b; Воззвание 1915].

Кроме материальной и моральной поддержки, оказывавшейся армии и флоту, в Таврической губернии формировались специальные медицинские подразделения. Например, «Таврический лазарет имени Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Фёдоровны», рассчитанный на 200 коек, 12 сентября 1914 г. отправили к театру военных действий. Одним из санитаров военно-санитарного поезда, перевозившего в апреле 1916 г. раненых из Царского Села в Евпаторию, был поэт Сергей Есенин. Помимо этого, в Симферополе организовали «Таврический лазарет» для оказания помощи раненым воинам, рассчитанный на 500 коек. Активно действовала на полуострове и «Общедворянская организация помощи больным и раненым во-

инам». В этот период во всех слоях общества наблюдается небывалый патриотический подъем. Помимо лиц, призванных по мобилизации, в русскую армию устремился поток добровольцев. Россия выражала своё единение с царём и русской армией [От Таврического 1914b; Таврический 1915].

Военные действия, которые велись на территории западных губерний России, вынудили значительную часть населения этого региона покинуть места постоянного проживания. Из Турции, спасаясь от организованного младотурками геноцида, бежали армяне и понтийские греки. Многие беженцы из западных губерний России смогли найти себе убежище в Киеве, Одессе, Нежине, Сумах, Харькове, а также в Крыму. Посильную помощь им оказывали не только власти губернии, но и местные национальные общины – армянская, еврейская, караимская и другие.

В то время, как гражданское население материально и морально поддерживало русские войска, воюющие с неприятелем на западных границах империи, российский флот успешно вёл военные действия на Чёрном море. 28 июля 1914 г. в Дарданеллы вошли германские корабли «Гёбен» (линейный крейсер типа «Мольтке», введён в строй 2 июля 1912 г.), и «Бреслау» (легкий крейсер типа «Магдебург», введён в строй 10 мая 1912 г.), спасавшиеся от преследования британского флота в Средиземном море. 16 августа 1914 г. корабли были переданы Турции: первый получил имя «Султан Явуз Селим» в честь османского правителя начала XVI в., второй – «Мидилли», от турецкого названия острова Лесбос. Старший начальник германских кораблей вице-адмирал Вильгельм Сушон был назначен командующим турецким флотом [Макаренко 2018: 265]. В свою очередь, Турция объявила «джихад» (священную войну) странам Антанты. 29–30 октября 1914 г. турецкий флот под командованием В. Сушона обстрелял Севастополь, Одессу, Феодосию и Новороссийск. На рассвете 29 октября линейный крейсер «Гёбен», который сопровождали два миноносца, подверг орудиному обстрелу Севастополь. В ответ орудия крепостной артиллерии и броненосца «Георгий Победоносец» открыли стрельбу. Позже один из офицеров крейсера вспоминал: *«Всё время русские снаряды падали очень близко, вокруг “Гёбена” – частокол всплесков от падающих снарядов. Стальной град осколков сыплется в воду. Когда перед нами встают фонтаны воды – временно буквально пропадает всякая видимость, и “Гёбен” исчезает за пенной стеной воды и огня»* [Кооп 2002: 70; Макаренко 2018: 266, 267; Больных 2002: 231, 232].

29 октября 1914 г. минный заградитель Российского императорского флота «Прут» встретил в море недалеко от Севастополя линейный крейсер «Гёбен». Командир «Прута» капитан 2-го ранга Г. А. Быков отдал приказ готовить корабль к затоплению. «Гёбен» обстрелял «Прут», после чего на минном заградителе вспыхнул пожар. Команда «Прута» открыла кингстоны и начала высаживаться на шлюпки. Когда судно стало погружаться, судовой священник иеромонах Антоний (Смирнов) уступил своё место на шлюпке матросу, а сам с тонущего корабля благословлял отплывающих матросов. За этот подвиг иеромонах Антоний посмертно награждён орденом Св. Георгия 4-й степени [Катков 2008: 480, 653].

2 ноября Николай II подписал манифест об объявлении войны Турции. *«В безуспешной доселе борьбе с Россией, стремясь всеми способами умножить свои силы, Германия и Австро-Венгрия прибегли к помощи оттоманского правительства и вовлекли в войну с нами ослеплённую ими Турцию. Предводимый германцами турецкий флот осмелился напасть на наше Черноморское побережье <...> С полным спокойствием и упованием на помощь Божию примет Россия это новое против неё выступление старого угнетателя христианской веры и всех славянских народов. Не впервые доблестному русскому оружию одолевать турецкие полчища – покарает он и на сей раз дерзкого врага нашей Родины. Вместе со всем народом русским Мы непреклонно верим, что нынешнее безрассудное вмешательство Турции в военные действия только ускорит роковой для неё исход событий и откроет России путь к разрешению завещанных ей предками исторических задач на берегах Чёрного моря»* [Айрапетов 2014: 372, 373]. А 5 и 6 ноября войну Турции объявили Англия и Франция.

5 ноября 1914 г. между «Гёбеном» и русской эскадрой из 5 линкоров под командованием адмирала А. А. Эбергарда юго-западнее Ялты у мыса Сарыч состоялся бой, длившийся всего 11 минут. В этом сражении «Гёбен» получил 14 точных попаданий, на крейсере вспыхнул пожар. Первый же двухорудийный залп российского флагманского линкора «Евстафий» накрыл «Гёбен». В. Сушон, не дожидаясь вступления в бой остальных российских кораблей, дал приказ уходить в Константинополь. Для «Гёбена» этот бой обернулся двухнедельным выводом из строя. Вскоре германо-турецкий флот прекратил активные действия у российского побережья. Корабли Черноморского флота (5 линкоров, 3 крейсера, 9 миноносцев, 1 авиатранспорт с 5 гидросамолетами) имели

подавляющее превосходство над противником. Это стало возможным благодаря тому, что с осени 1914 г. на вооружении появились два современных линкора – «Императрица Мария» и «Императрица Екатерина Великая», превосходившие по боевой мощи немецкие корабли. Российские линкоры принимали участие в обстреле турецкого побережья. В течение 1916 г. противник потерял 3 миноносца, 3 канонерские лодки, 4 подлодки, 6 транспортов, 16 пароходов и буксиров, 865 парусных судов. Таким образом, на этом этапе планы Германии по установлению господства на Черном море провалились [Макаренко 2018: 266–268; Олейников 2016: 157].

24 апреля 1916 г. Евпаторию обстрелял крейсер «Бреслау». Сначала он выставил мины возле мыса Тарханкут, а затем, подняв российский флаг, крейсер подошёл к Евпатории, где, кстати, не было никаких военных объектов, и открыл по городу огонь. «Бреслау» выпустил 50 снарядов, которые разрушили портовые сооружения, причалы, здания в Старом и Новом городе, *«создав суету, моральное недоразумение и неудобство населению города»*. Некоторые снаряды попали в здания гимназии и земского училища. очевидцы этих событий сообщали, что *«началась бомбардировка Евпатории <...> На бульваре масса публики; все взволнованные <...> Никогда не ожидали <...> была жертва от испуга»* [Первая мировая]. Опасаясь новых бомбардировок, многие жители города вместе с семьями покидали Евпаторию, уезжая на материк. 7 октября 1916 г. произошёл взрыв линкора «Императрица Мария», стоявшего в порту Севастополя. Вместе с кораблём погибли 229 офицеров и матросов, было много раненых. Высказывались предположения, что этот взрыв подготовила и осуществила германская разведка. В конце 1916 – начале 1917 гг. новый командующий Черноморским флотом вице-адмирал А. В. Колчак провёл операцию по минированию Босфора, тем самым, положив конец набегам «Гёбена» и «Бреслау» [Макаренко 2018: 270–272].

Крымский полуостров был объявлен прифронтовой зоной. Уже сточался полицейский режим, пресекались любые беспорядки и антиправительственная агитация, устанавливался жёсткий контроль за ценами на предметы первой необходимости, вглубь страны высылались подданные воюющих с Россией государств. Вводился строгий контроль внутри Таврической губернии. В Севастополе объявили о вступлении в силу комендантского часа, на Южном берегу ввели светомаскировку. Министр внутренних дел Н. А. Маклаков в телеграмме на имя таври-

ческого губернатора предписывал *«следить за настроением населения и за деятельностью злонамеренных лиц, сеющих в его среде ложные и возбуждающие слухи <...> пресекать в зародыше все аграрные и погромные движения, нарушающие общественный порядок»*. Сообщения же *«в речах или докладах, произносимых в публичных собраниях, касающихся внешней безопасности России или вооружённых её сил»* местной администрации предписывалось не допускать; в случае подобного разглашения виновные должны были быть подвергнуты заключению в тюрьму на срок от двух до восьми месяцев [Распоряжение 1915].

Пресекались всяческие попытки спекуляции: обязательным постановлением по Одесскому военному округу (ОдВО) от 16 июля 1915 г. запрещалась скупка и перепродажа *«золотых, серебряных и бронзовых вещей и монет лицами, не имеющими торговых документов»* [Обязательное 1915а]. Предметы и продукты питания первой необходимости (мясо, хлеб, сахар, соль, чай, кофе, молоко, масло, сыр, яйца, рис, крупа, овощи, а также свечи, спички, мыло, керосин, дрова, уголь, писчая и обёрточная бумага и пр.) нельзя было продавать выше установленных городскими или земскими властями цен. Отдельно указывалось, что *«пекари, умышленно прекращающие выпечку хлеба всякого рода, следствием чего является поднятие цен на хлеб, а также торговцы, умышленно задерживающие выпуск муки в пекарни»*, будут преследоваться по закону. Виновные в спекуляциях и сокрытии продуктов первой необходимости подлежали тюремному заключению или высылке [Обязательное 1915с]. То же касалось и повышения арендной платы за жилые помещения, квартирного налога [Обязательное 1915b]. Вывоз из Херсонской и Таврической губерний зерновых (пшеницы, овса и ржи) за пределы ОдВО строго воспрещался. В городах губернии и в сельской местности ужесточался санитарный, ветеринарный и эпидемиологический контроль [Обязательные 1915а; Обязательные 1915b; Обязательное 1915с].

Вводился строгий контроль за «нравственным состоянием» – например, строго воспрещалось содержание публичных домов, или «домов свиданий». Лица, виновные в нарушении данного постановления главного начальника ОдВО генерала от инфантерии М. И. Эбелова могли быть подвергнуты тюремному заключению на срок до трёх месяцев или же денежному штрафу (до трёх тысяч рублей); при повторном нарушении применялась высылка за пределы губерний и градоначальств округа [Обязательное 1915b]. Отпуск спиртосодержащих жидкостей (к их числу были отнесены водка, коньяк и ликёры), а также крепких ви-

ноградных вин (марсалы, хереса, портвейнов) запрещался постановлением М. И. Эбелова от 29 октября 1915 г. [Обязательное 1915с].

Несмотря на ограничительные меры и постановления губернского начальства, на территории Таврической губернии фиксировались случаи их неисполнения. В связи с этим таврический губернатор Н. А. Княжевич обратился 12 декабря 1915 г. через официальные органы печати к населению губернии. В документе, в частности, указывалось, что установленные цены на продукты первой необходимости в ряде случаев не соблюдались: *«некоторая часть покупателей, в эгоистичном стремлении более надёжно обеспечить себя предметами потребления, добровольно уплачивает торговцам цены, очень часто значительно превышающие установленные»*. При этом малоимущие слои населения *«изнемогают под бременем ничем не вызываемого искусственного повышения цен на предметы потребления, создаваемого алчно и преступно спекулирующими на народном бедствии и нужде некоторыми производителями и торговцами»* [Обращение 1915]. Н. А. Княжевич выступил с призывом соблюдать установленные администрацией губернии цены – как на предметы потребления, так и расценки на автомобильное сообщение. Губернатор подчеркнул, что без содействия самого населения *«никакая борьба с дороговизной и преступной спекуляцией предметами потребления невозможна»* [Обращение 1915].

Военные действия, которые велись на территории западных губерний России, привели к тому, что значительная часть населения этого региона покинула места постоянного проживания. Вынужденные мигранты и беженцы смогли найти убежище в Киеве, Одессе, Нежине, Сумах, Харькове, а также в Крыму, где местными властями, общественными организациями и национальными обществами им оказывалась необходимая помощь. Например, непосредственное участие в судьбе беженцев из числа караимов приняли члены караимских общин из Сум В. Е. Туршу и С. А. Тынфович, а также Харькова – И. М. Илик и М. М. Кальфа. Они не только оказали всем нуждавшимся семьям из числа беженцев необходимую помощь (в буквальном смысле спасая их от голодной смерти), но и информировали караимские общины крымских городов о тяжёлом положении единоверцев. Ещё 8 ноября 1915 г. на собрании евпаторийской караимской общины была организована «Комиссия по оказанию помощи караимам-беженцам», в состав которой были избраны старший газзан севастопольской кенасы Т. С. Леви-Бабович, старший феодосийский газзан А. И. Катък, а также И. С. Кушуль, А. М. Телал. Члены комиссии,

посетив беженцев, находившихся в Сумах, так описывали их положение: «Эти лица сами были солидными хозяевами и сами помогали нуждающимся, а теперь сами нуждаются в куске хлеба»; «столько неподдельного горя, столько неутешной боли душевной <...> среди беженцев семьи земледельцев, кузнецов, парикмахеров, механиков – все народ, живший упорным трудом»; «ужасная, ничем не прикрытая нужда». Но, несмотря на всестороннюю помощь, условия, в которые попали караимы-беженцы, были далеки от приемлемых: «...на окраине города, утопающей в грязи, в маленькой комнате ютится от 6 до 10 чел. Стены покрыты сыростью; холодно, нет воздуха. Спят на голом полу» [Пилецкий 1917: 24; Харьков 1918: 33, 34]. Беженцы, обратившись за помощью в Таврическое и Одесское караимское духовное правление (ТОКДП), сообщали караимскому гахаму С. М. Шапшалу, что «денег хватает только на хлеб. Из нас три четверти старики и дети, которые не в состоянии что-нибудь заработать <...> С ужасом ждём морозов». Всего же в пользу беженцев было собрано 3 213 рублей [Лебедева 2004: 58, 59].

Многие из беженцев получили возможность обосноваться и начать новую жизнь на земле трудового посёлка «Имдат-Пигит» («Помощь Пигита»). В соответствии с завещанием одного из владельцев крупнейшей московской табачной фабрики «Дукат» караима И. Д. Пигита (1851–1915), распорядившегося направить 3 500 000 рублей на благотворительные цели, его душеприказчиками и уполномоченными от ТОКДП для организации трудового посёлка под Евпаторией был приобретён земельный участок с паровой мельницей (3 200 десятин пахотной земли). Для вступления в эту своеобразную коммуну всего подали более 200 заявлений: в основном, это были караимы-беженцы из западных губерний России, ранее нашедшие временное пристанище в Нежине, Сумах, Харькове, Екатеринославе, Мелитополе, Евпатории, Симферополе, Москве [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1344. Л. 1–140; ГАРК, Ф. 241. Оп. 2. Д. 30. Л. 1–125].

Российские власти и администрация на местах старались вникать во многие проблемы беженцев. Так, в феврале и марте 1916 г. Н. А. Княжевич подписал несколько постановлений, направленных на оказание помощи перемещённым лицам. «Особое совещание по устройству беженцев, – говорилось в постановлении таврического губернатора от 15 марта 1916 г., – придавая делу обсеменения полей и последующим сельскохозяйственным работам значение первостепенной государственной важности, так как от размера засеваемой площади и урожая хлебов

зависит благополучие населения империи, признало действительно необходимым для пополнения убыли рабочих рук, в виду призыва большинства мужского населения на войну, привлечь к сельскохозяйственным работам всех трудоспособных беженцев обоего пола». В случае отказа от участия в сельхоз работах администрация оставляла за собой право лишать таковых лиц вместе с семьями казённого продовольственного и квартирного пайка, поскольку тем самым они «оказывали несомненную помощь врагу» [От таврического 1916].

Помимо принятия и обеспечения беженцев всем необходимым власти вынуждены были решать ещё одну непростую проблему. В июле-августе 1914 г. в соответствии с императорским указом началась высылка в заволжские губернии немцев и австрийцев. Выселению также подлежали подданные враждебных России государств славянского, французского, венгерского и итальянского происхождения. 2 февраля 1915 г. Николай II издал закон о принудительном отчуждении земель у выходцев из Германии и Австро-Венгрии в западных губерниях. Закрывались немецкие школы и газеты в России; было дано распоряжение о закрытии всех торгово-промышленных, технических, акционерных и кредитных предприятий. С 12 августа по 22 декабря 1914 г. из Крыма было выслано 353 германских подданных и 3 410 подданных Турции [Лаптев 1997: 431].

После принятия в 1915 г. «Положения Совета Министров о прекращении землевладения и землепользования австрийских, венгерских или германских выходцев в приграничных местностях», и согласно определению, принятому Таврическим губернским правлением на заседании 27 февраля 1916 г., на полуострове началась ликвидация немецкого землевладения. Например, только в уездах Таврической губернии (Бердянском, Перекопском, Симферопольском, Феодосийском, Мелитопольском) по состоянию на конец марта 1916 г. подлежало ликвидации и продаже с публичных торгов более 1 200 земельных участков. Всего же в 1915 г. в Симферопольском уезде немецкое, преимущественно крупновладельческое, землевладение составляло 100 347 десятин. Ликвидации подверглось 243 хозяйства площадью 78 199 десятин. Из этой площади 8 504 десятины принадлежало 10 сельским обществам, 45 708 десятин – 24 крупным землевладельцам. В Феодосийском уезде немцам принадлежало 152 970 десятин, распределённых между 491 владельцем. Ликвидации подлежали земельные участки общей площадью 73 000 десятин, принадлежавшие 260 владельцам, причём из этой площади шесть лиц владели 13 697 десятинами, 12 сельских обществ – 21 169 десятинами, а осталь-

ные 242 мелкие собственника – 38 140 десятинами. В Евпаторийском уезде землевладение составляло 140 985 десятин, принадлежавших 573 владельцам. Ликвидации подверглось 480 владений площадью 88 687 десятин (то есть 68% от общего числа). В уезде ликвидации подлежали в основном мелкие владения: 463 частным владельцам принадлежало 63 734 десятин, а также 12 крупным – 17 291 десятин; сельским обществам принадлежало 3 662 десятин. В Перекопском уезде ликвидационный фонд составлял 140 000 десятин, без учёта наделной земли [Лаптев 1997: 431–433].

Ограничительные меры привели к резкому снижению уровня промышленности и сельского хозяйства в Таврической губернии. Вводились санкции и непосредственно против австро-венгерских, германских и турецких подданных. Они подлежали выдворению за пределы страны, также, как и *«подданные враждебных государств славянского, французского и итальянского происхождения»*. Последним трём категориям лиц предлагалось вступить в русское подданство. В противном случае их ожидал арест, штраф в размере 3 000 рублей с последующей высылкой из России. Всего иностранных подданных в Таврической губернии, в соответствии с данными первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., насчитывалось до 32 000, из них подданных Турции, Германии, Австро-Венгрии, Болгарии – 28 533 человека [Подданные 1915; Меры 1915].

У многих общественных деятелей и духовных лидеров национальных общин Таврической губернии эта сложная внутриполитическая ситуация вызывала справедливые опасения. Например, на территории Российской империи проживало около 50 семей караимов, принявших подданство Османской империи и осуществлявших в Крыму и за его пределами торговые и промышленные операции. Поэтому ТОКДП 18 мая 1915 г. направило телеграфное ходатайство высшим сановникам Российской империи – министру внутренних дел Н. А. Маклакову, председателю Совета министров И. Л. Горемыкину, министру финансов П. Л. Барку – с тем, чтобы уравнивать караимов в правах жительствова и торгово-промышленной деятельности с греками и армянами – подданными Османского государства, а также со славянами союзных с Россией государств. В качестве аргумента караимский лидер С. М. Нейман приводил сведения о том, что эти караимы издавна проживали в России; многие из них состояли в браках с русскими: некоторые не владели *«даже другим языком, кроме русского <...> все эти лица связаны материальными и*

духовными узами только с нашей родиной, а главное, все они безусловно лояльны и никогда ни в чем предосудительном замечены не были. В противном случае, как утверждал С. М. Нейман, всем этим семьям грозило полное разорение. Поддержать это ходатайство он уполномочил членов петроградской караимской общины и её предводителя М. С. Мангуби. Однако ДДДИИ МВД в отношении от 22 июня 1915 г. сообщил, что ходатайство С. М. Неймана Советом министров было *«оставлено без последствий»* [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1274. Л. 8–12].

В свою очередь, 27 февраля и 13 марта 1915 г. таврический губернатор Н. А. Княжевич представил министру внутренних дел Н. А. Маклакову два рапорта, в которых сообщал о сложившейся в губернии ситуации. В частности, в этих документах шла речь о том, что экономическое положение региона в связи с санкциями, применявшимися в отношении вышеперечисленных категорий населения, существенно изменилось. По словам Н. А. Княжевича, немецкие поселения занимали пятую часть вверенной его управлению территории, и составляли весомый экономический потенциал губернии. Соглашаясь с доводами правительства, стремившегося обезопасить внутренние пределы государства от потенциальной угрозы, ставившего целью *«освобождение России от немецкого засилья»* и заселение пограничных территорий *«коренным русским крестьянством»*, тем не менее, таврический губернатор заметил, что этот процесс будет *«гораздо продолжительнее, глубже и упорнее»*, чем это могли предвидеть в высших эшелонах власти [РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 777. Л. 1, 2, 2 об.].

Кроме того, Н. А. Княжевич докладывал министру о том, что, вынужденные покидать насиженные места, многие немецкие колонисты прилагали все усилия к тому, чтобы отчуждаемые у них землевладения перешли к тем категориям австрийских и германских подданных, которые сохранили за собой право на приобретение земли, а также к лицам *«не русской национальности, по теории вероятности наиболее дружественных немцам»*. Таврический губернатор подчёркивал, что ещё до обнародования указа от 2 февраля 1915 г. внимание многих *«спекулянтов и капиталистов, по преимуществу караимов»*, было обращено на возможность скупки немецких земель в южной части Крымского полуострова. Со вступлением в силу закона о ликвидации немецких землевладений эти сделки активизировались, и по имевшимся у Н. А. Княжевича сведениям, подобные торговые операции осуществлялись в довольно крупном масштабе [РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 777. Л. 3]. По-

мимо этого, подлежащие ликвидации земельные владения их хозяева в спешном порядке пытались обменивать на городские имущества, несмотря на значительные убытки, которые им приходилось при этом нести. Губернатор замечал, что в связи с такой финансовой деятельностью в некоторых городах даже появились немецкие кварталы, а в качестве примера он приводил Мелитополь, где одна из центральных улиц носила название Немецкой. Опасения губернатора вызывал и тот факт, что и *«немецкие земли попадают в руки совершенно с государственной точки зрения нежелательного элемента, а именно к коммерсантам инородцам, владеющим в настоящее время большинством городских недвижимых имуществ в Тавриде»* [РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 777. Л. 4 об.].

В качестве меры противодействия губернатор называл необходимость скорейшего принятия решения о приобретении земель государством, для чего предлагал использовать средства Крестьянского банка с целью создания национального земельного фонда для предотвращения возможных спекуляций. Далее следовал аргумент, который можно назвать «ксенофобским»: с осуществлением такой инициативы правительства *«будет сделан крупный шаг к тому светлому будущему, когда на нашей родной земле навсегда прекратятся стоны русского населения, экономически закабалённого пришлыми иноплеменниками, и русский человек окажется у себя дома полным хозяином»* [РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 777. Л. 3 об.]. Как можно убедиться, начавшая война вызывала в российском обществе не только патриотические чувства и стремление к самопожертвованию, но и стала катализатором усиления шовинистических и ксенофобских настроений, причём как среди некоторых слоёв населения, так и у представителей власти.

В итоге до 1 февраля 1917 г. в губернии с публичных торгов было продано 156 владений общей площадью 63 081 десятина 988 квадратных сажень. Крестьянский банк приобрёл 99% всей продаваемой земли, то есть 62 460 десятин, которая принадлежала 141 имению. Прошли торги и земель «иностранно-поданных» (всего 2 294 десятины 1 350 квадратных сажень), которых в Таврической губернии оказалось 136 человек, причём было продано 62 владения в 839 десятин 767 квадратных сажень. Крестьянский банк приобрёл 15 владений – 713 десятин 1 369 квадратных сажень [Лаптев 1997: 434].

Война крайне негативно отразилась на экономике России, и в частности на внешней торговле. Объем экспорта за август 1914 г. составил 23 500 000 рублей по сравнению со 159 000 000 за тот же месяц в 1913 г.

Сократился импорт – соответственно, 31 000 000 и 106 000 000 рублей в 1914 и 1913 г. Вывоз хлеба и муки снизился до 10 000 000 пудов против 159 000 000 пудов за август 1913 г., масла – до 253 000 пудов против 633 000; яиц – до 8 000 000 штук против 379 000 000 (до войны они в основном вывозились в Германию и Австро-Венгрию), леса – до 14 000 000 пудов против 69 000 000, льна и пеньки – до 12 000 пудов против 932 000, марганцевой руды – до 279 000 пудов против 4 960 000, нефти и нефтепродуктов – до 573 000 пудов против 5 706 000 [Айрапетов 2013: 174, 175].

Тем не менее, промышленность Таврической губернии продолжала работать, ориентируясь на военные нужды. В 1914 г. одесский банкир и миллионер А. А. Анатра приобрёл пустырь на окраине Симферополя. На участке площадью 4,3 га возле пруда на речке Славянка началось строительство филиала одесского авиазавода, которое велось при частичном финансировании Главным Военно-техническим управлением (ГВТУ). В 1915 г. «Анатра» выпустила первую продукцию – истребитель «Ньюпор-4». Позже появился более совершенный «Ньюпор-17». С 1914 г. до начала 1918 г. в Симферополе было произведено 100 самолётов. С началом гражданской войны авиастроительная деятельность завода прекратилась. В 1922 г., несмотря на усилия коллектива сохранить производство, завод ликвидировали [Поляков 2011: 188, 189].

Многие предприятия Таврической губернии были переориентированы в своей работе с учётом требований военного времени. Например, в марте 1916 г. фабричный инспектор Таврической губернии В. Демикели после осмотра производственных мощностей симферопольской консервной фабрики братьев М. Я. и И. Я. Шишманов резюмировал, что она *«при работе днём и ночью может довести производительность своего жестяночного отделения до количества не менее сорока тысяч жестянок в сутки»* [ГАРК. Ф. 367. Оп. 1. Д. 7. Л. 41]. А в январе 1918 г. Таврическая губернская продовольственная управа, на фоне углублявшегося в стране экономического кризиса, обратилась к владельцам фабрики с запросом о том, какое количество подсолнечного и горчичного масла потребуется для производства *«возможно большего количества овощных консервов»* с целью обеспечения населения продовольствием [ГАРК. Ф. 367. Оп. 1. Д. 4. Л. 3].

В марте 1917 г. М. Я. и И. Я. Шишманы направили в созданный при Министерстве торговли и промышленности (МТиП) «Отдел Военного времени» отчёт, в котором указывали, что по состоянию на 1 марта 1917 г. на предприятии для работы исключительно «на оборону» было

переведено 330 человек; кроме того, там же трудилось 34 военнопленных (в основном, это были чернорабочие и столярные мастера). По национальному составу статистика была следующей: большинство служащих фабрики являлись русскими (375 человек), остальные – представителями других национальностей; отдельно владельцами сообщалось в МТиП, что *«китайцы у нас не работают»*. Указанные сведения должны были быть предоставлены в Министерство торговли и промышленности: *«ввиду решения снабжать рабочих, работающих на оборону, мясом, заготовленным распоряжением Министерства Земледелия»* [ГАРК. Ф. 367. Оп. 1. Д. 7. Л. 1, 18, 19, 26].

Для рабочих и чернорабочих, занятых на предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности, с 1916 по 1918 г. для всех местностей Таврической губернии была установлена средняя заработная плата, составившая: для взрослых старше 17 лет мужского пола – 1 рубль 75 копеек в день, женского пола – 1 рубль 25 копеек; для подростков 15–17 лет мужского пола – 1 рубль, женского пола – 75 копеек; для малолетних обоего пола от 12 до 15 лет – 60 копеек [Постановление 1916]. Впрочем, нужно учитывать, что война привела к инфляции и значительному росту цен.

Рекреационный и бальнеологический потенциал курортов Крымского полуострова использовался для лечения и реабилитации раненых. Как уже говорилось выше, в Таврической губернии действовало несколько госпиталей и лазаретов. 16 мая 1916 г. Евпаторию, где базировался «Таврический лазарет имени Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Фёдоровны», посетил император Николай II вместе с семьёй. В лазарете он вручил выздоравливающим воинам награды. В своих мемуарах городской голова Евпатории Симха Эзрович Дуван так описывал это визит: *«Среди тяжело больных солдат находился татарин Мустафа. Узнав о посещении Царя, он пришёл в возбуждение, молил доктора употребить все средства, чтобы он мог дожить до этого момента. Он лежал в палате второго этажа. Пока Высокие гости обходили больных в первом этаже, он так разволновался, что с минуты на минуту могла наступить смерть. Заведующей лазаретом, доктор Б. И. Казас, счёл необходимым доложить об этом Государю. Немедленно все поднялись наверх. Государь обласкал несчастного и прицепил ему на грудь георгиевский крест. Императрица его обняла, и он скончался буквально у неё на руках, окружённый всей Семьёй и шепча молитвы»* [Прохоров 2019а: 134; Прохоров 2019б: 91, 92].

Затем Николай II спустился пешком по Дувановской улице к морю, где живо интересовался способами лечения на пляже и применения песочных ванн. Посетили августейшие гости и земскую больницу, где ознакомились с условиями лечения пациентов. По воспоминаниям генерала Александра Спиридовича, состоявшего в свите императора, *«перед обедом Их Величества покинули Евпаторию <...> Восторженная толпа преимущественно простого народа с энтузиазмом провожала редких дорогих гостей. И вновь плавно, осторожно, потихоньку покатился царский поезд по новой железной дороге»* [Спиридович 1960]. Так закончился последний визит российского императора в Крым. В ходе Февральской революции 1917 г. Николай II отрёкся от престола.

Среди солдат и офицеров российской армии и флота, отличившихся в боях Первой мировой войны, насчитывалось немало крымчан. За выдающиеся подвиги они были награждены орденами св. Георгия, Георгиевским оружием, Георгиевскими крестами. Всего с 1914 по 1917 гг. в судовых и береговых частях Черноморского флота удостоились Георгиевских наград 119 офицеров. Первым в морской авиации Георгиевское оружие в мае 1915 г. получил лейтенант Евгений Егорович Коведяев. 4 июля 1915 г. лейтенант Черноморского флотского экипажа Виктор Викторович Утгоф стал первым среди авиаторов флота кавалером ордена св. Георгия 4-й степени. А старший лейтенант Виктор Владимирович Дыбовский удостоился св. Георгия 4-й степени в декабре 1915 г. [Шабанов 2004: 801; Нешкин и др. 2006: 291, 292; Мартиролог 2001: 73; Крестьянников 2011: 106, 108, 114].

Капитан I ранга Михаил Александрович Кितिцын окончил Морской кадетский корпус, офицерский класс подводного плавания. После Русско-японской войны служил на транспорте «Бакан», служил командиром подводной лодки «Судак» на Чёрном море. В годы Первой мировой войны командовал подводной лодкой «Тюлень». 16 сентября 1916 г. в подводном положении вступил в бой с вооружённым пароходом «Родосто», захватил его и привёл в Севастополь. М. А. Кितिцын награжден Георгиевским оружием, орденом св. Георгия 4-й степени; мечами и бантом к ордену св. Анны 3-й степени; орденом св. Станислава 2-й степени с мечами; орденом св. Владимира 4-й степени; а также досрочным производством в чины старшего лейтенанта и капитана 2-го ранга *«за отличие в делах против неприятеля»* [Крестьянников 2007: 61, 62].

Старший лейтенант Николай Николаевич Гипарис окончил Морской кадетский корпус и офицерский класс Подводного плавания. Первую

мировую войну встретил в должности флаг-офицера 4-го дивизиона миноносцев. 16 октября 1914 г., во время атаки миноносцами «Лейтенант Пуцин», «Живучий» и «Жаркий» германского крейсера «Гёбен» в районе мыса Херсонес был выброшен взрывом с мостика миноносца в море. Награждён орденом св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». С 1915 г. служил в Подводной бригаде минным офицером на подводной лодке «Морж». В 1915 г. награждён Георгиевским оружием [Крестьянников 2007: 59].

Старший лейтенант, морской лётчик Всеволод Михайлович Марченко окончил Морской кадетский корпус. В Первую мировую войну стал лётчиком 2-го корабельного авиаотряда. Единственный российский морской лётчик, которому в феврале 1916 г. удалось потопить пароход противника. В кампании 1917 г. В. М. Марченко – командир 4-го авиаотряда 2-го воздушного дивизиона 1-й воздушной бригады, затем командир 8-го авиаотряда 2-й воздушной бригады Черноморской Воздушной дивизии. Награждён Георгиевским оружием. В гражданскую войну – начальник гидроавиации Восточного фронта [Крестьянников 2007: 64].

Лейтенант Борис Алексеевич Орлин в годы Первой мировой войны служил в Подводной бригаде старшим офицером подводной лодки «Кит». В 1917 г. награждён Георгиевским оружием. В представлении Государственной Думы указывалось, что Б. А. Орлин представлен к награде *«за то, что при потоплении таранным ударом парохода, когда нос подводной лодки застрял в пробоине к высвободить его не удавалось, под сильным и действительным огнём неприятеля пошёл на нос лодки и, будучи ранен, всё же выяснил необходимые для спасения лодки меры и донёс о них командиру, после чего и лишь по приказанию командира ушёл на перевязку»*. Командовал подводными лодками «Пеликан» и «Скат». В годы гражданской войны служил в белом Черноморском флоте [Крестьянников 2007: 66].

Илья Соломонович Гаммал – уроженец Евпатории, старший унтер-офицер, находился в действующей армии, в 3-м Кавказском армейском корпусе, 21-й пехотной дивизии, 83-м пехотном Самурском полку, в 10-й роте. Впоследствии назначен командиром 3-й роты этого же полка. В апреле 1915 г. был контужен, попал в германский плен. Бежал, произведён в прапорщики, а затем – в штабс-капитаны. За боевые заслуги И. С. Гаммал награждён двумя Георгиевскими крестами, орденами св. Станислава 2-й и 3-й степени, св. Анны 3-й и 4-й степени, св. Владимира

4-й степени с мечами, а также боевыми медалями [Волков; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1287. Л. 23].

Подполковник 49-го пехотного Брестского полка Авраам Вениаминович Хаджи во время боев 21–26 февраля 1915 года у деревни Быстра в ходе Карпатской операции, когда 3-я и 8-я армии российских войск отражали австрийское наступление на Днестре, командуя участком позиции в составе пяти рот, сумел отбить более десяти атак двух австрийских полков, потерявших, в свою очередь, более тысячи человек убитыми. *«Лично руководя обороной участка, с потерей которого дивизия должна была бы отступить, и находясь под не прекращавшимся ружейным, пулемётным и артиллерийским огнями тяжёлых батарей противника, перешёл в контратаку и окончательно отбросил атаковавшего противника, захватив при этом 158 пленных и пулемёт»*. За этот подвиг А. В. Хаджи высочайшим приказом от 21 августа 1916 г. удостоен Георгиевского оружия с формулировкой *«за отличие в делах против неприятеля»*. После гражданской войны эмигрировал во Францию [Высочайшим приказом; Прохоров 2014: 475, 476].

Видимое уменьшение населения Таврической губернии также повлияло на социально-экономическую ситуацию. По сведениям за 1917 г., население полуострова составляло всего 749 800 человек (41,2% русских, 28,7% крымских татар, 8,6% украинцев, 6,4% евреев, 4,9% немцев, 2,9% греков, 1,6% армян, 1,4% болгар, 0,8% поляков, 0,7% турок). В то же самое время вырос процент городского населения. В конце XIX – начале XX в. в Симферополе проживало 91 400 человек, в Евпатории 27 200 человек, в Севастополе 87 500 человек [Водарский и др. 2003: 109].

Таким образом, с началом Первой мировой войны Таврическая губерния оказалась на военном положении, а непосредственно Крымский полуостров был объявлен прифронтовой зоной. На территории губернии вводился жёсткий контроль над ценами на продукты первой необходимости и на сырьё; властями пресекались любые попытки спекуляции. Промышленные предприятия Крымского полуострова и материковых уездов губернии работали для нужд фронта, а сельскохозяйственная продукция отправлялась в действующую армию. Местная администрация предпринимала все необходимые меры для того, чтобы обеспечить нормальное функционирование всех отраслей экономики. Тем не менее, высылка немецкого, венгерского, итальянского, австрийского, турецкого населения, принудительное отчуждение земель у выходцев из Германии и Австро-Венгрии крайне негативно отразились на состоянии

промышленности и сельского хозяйства России в целом и Таврической губернии в частности. Общее число «перемещённых лиц» по всей России за годы Первой мировой войны составило около 7 400 000 человек (по состоянию на 1 июля 1917 г.), из них 6 400 000 – беженцы, а остальные (около 1 000 000) – депортированные [Михалев и др. 2015: 100, 101; Лор 2012: 9, 145, 159].

Итак, начало Первой мировой войны вызвало по всей стране и в Крыму в частности патриотический подъем. В ряде городов Таврической губернии были созданы благотворительные организации, госпитали и санатории, оказывавшие посильную помощь армии, больным и раненым воинам. В ряды русской армии и военно-морского флота было призвано значительное число крымчан; многие записывались добровольцами. Среди жителей Таврической губернии, принимавших участие в Первой мировой войне, были выдающиеся военачальники, командиры подразделений, военные инженеры, офицеры и рядовые. В составе врачебного, санитарного и вспомогательного медицинского персонала в русской армии начитывалось немало выходцев из Крыма. Непосредственно на территории полуострова военных действий не велось, но акватория Черного моря стала зоной действия Черноморского флота, базировавшегося в Севастополе. По заключению Е. В. Макаренко, флоту удалось добиться господства на театре военных действий и успешно выполнять поставленные перед ним задачи [Макаренко 2018: 272].

ЛИТЕРАТУРА

- Айрапетов О. Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). 1914 год. Начало. М., 2014.
- Айрапетов О.* Закрытие черноморских проливов в Первую мировую войну // Проблемы национальной стратегии. 2013. № 3.
- Белова И. Б.* Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. М., 2011.
- Больных А. Г.* Морские битвы Первой мировой: трагедия ошибок. М., 2002.
- Вержховский Д., Ляхов В.* Советская историческая литература о первой мировой войне // Военно-исторический журнал. 1964. № 12.
- Водарский Я. Е., Елисеева О. И., Кабузан В. М.* Население Крыма в конце XVIII – конце XX веков (численность, размещение этнический состав). М., 2003.
- Воззвание от Таврического Губернского комитета помощи больным и раненым воинам* // Таврические губернские ведомости. 1915. № 88. 13 ноября.
- Волков С. В.* Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Персоналии: А–Я. [Электронный ресурс; режим доступа: http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/2_baza_beloe_dvizhenie_abc-21.htm].

- Всемирная история* / ред. А. О. Чубарьян. Т. 6. Мир в XX веке. Эпоха глобальных трансформаций. Кн. 1. М., 2017.
- Высочайшим приказом...* [о награждении Авраама Хаджи Георгиевским оружием] // Крымский вестник. 1916. № 234. 11 сентября.
- Емец В. А. Противоречия между Россией и союзниками по вопросу о вступлении Румынии в войну (1915–1916 гг.) // Исторические записки. 1956. Вып. 56.
- Емец В. А. Советская историография происхождения первой мировой войны // Первая мировая война. М., 1968.
- Зайончковский А. Подготовка России к Мировой войне (Планы войны). М., 1926.
- Исламов Т. М. Восточноевропейский фактор в исторической перспективе // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998.
- Капков К. Г. Памятная книга российского военного и морского духовенства XIX – начала XX веков. Справочные материалы. М., 2008.
- Китанина Т. М. Россия в Первой мировой войне 1914–1917 гг. Экономика и экономическая политика. Ч. I: Экономическая политика царского правительства в первые годы войны. 1914 – середина 1916 г. СПб., 2003.
- Кооп Г. На линейном крейсере «Гебен». СПб., 2002.
- Крестьянников В. В. Офицеры Черноморского флота – Георгиевские кавалеры 1-й Мировой войны // Память о прошлом. Севастополь, 2007.
- Крестьянников В. В. Летчики Черноморского флота (1914–1918) // Прошлое Севастополя в архивных документах. Севастополь, 2011.
- Крымская Книга Памяти* Великой войны 1914–1918 годов / сост. А. И. Григоров. Т. 1: Преимущественно уроженцы и жители города Симферополя, Симферопольского и Феодосийского уездов Таврической губернии. М., 2014.
- Куль Г. Германский генеральный штаб. М., 1922.
- Лаптев Ю. Н. К вопросу о положении немцев Крыма в годы первой мировой войны // БИАС. 1997. Вып. 1.
- Лебедева Э. И. Крымская война и караимы. Симферополь, 2004.
- Лор Э. Русский национализм и Российская империя: кампания против «Вражеских подданных» в годы первой мировой войны. М., 2012.
- Макаренко Е. В. Черноморский флот в Первой мировой войне // История Крыма / ред. А. В. Юрасов. Т. 2. М., 2019.
- Маницуров Ю. А., Доронин Ю. П. Качинское высшее военное училище летчиков // Энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009.
- Мартиролог* русской военно-морской эмиграции по изданиям 1920–2000 гг. М., 2001.
- Меры против подданных враждебных государств* // Крымский вестник. 1915. 10 февраля.
- Миллер В. И. Первая мировая война: к анализу современной историографической ситуации // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998.
- Михалев Н. А., Пьянков С. А. Беженцы Первой Мировой войны в Российской Империи: численность, размещение, состав // Уральский исторический вестник. 2015. № 4.
- Мокшина Е. Н., Фадеев Б. С. Об историографии первой мировой войны // Социально-политические науки. 2015. № 2.
- Нешкин М. С., Шабанов В. М. Авиаторы – кавалеры ордена св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914–1918 годов: биографический справочник. М., 2006.

- Обращение* таврического губернатора к населению // Таврические губернские ведомости. Симферополь, 1915. № 99. 22 декабря.
- Обязательное постановление* по Одесскому военному округу // Таврические губернские ведомости. Симферополь, 1915а. № 58. 31 июля.
- Обязательное постановление* по Одесскому военному округу // Таврические губернские ведомости. Симферополь, 1915b. № 68. 4 сентября.
- Обязательное постановление* по Одесскому военному округу // Таврические губернские ведомости. Симферополь, 1915с. № 88. 13 ноября.
- Обязательные постановления* для городов Таврической губернии // Таврические губернские ведомости. Симферополь, 1915d. № 58. 31 июля.
- Обязательные постановления* для сельского населения Таврической губернии // Таврические губернские ведомости. Симферополь, 1915. № 58. 31 июля.
- Олейников А. В. Турецкий фронт России. 1914–1917. М., 2016.
- От таврического губернатора* // Таврические губернские ведомости. Симферополь, 1914. № 59. 1 августа.
- От таврического губернатора* // Таврические губернские ведомости. Симферополь, 1916. № 24. 22 марта
- От Таврического Губернского Комитета* по оказанию помощи больным и раненым воинам губернатора // Таврические губернские ведомости. Симферополь, 1914. № 74. 23 сентября.
- Первая мировая война и Крым*: сб. ст. Симферополь, 2016.
- Первая мировая война у берегов Евпатории* // Евпатория. От Керкинитиды до наших дней. История города-курорта. [Электронный ресурс; режим доступа: <http://история-евпатории.рф/history/05-nineteenth-age/pervaya-mirovaya-voyna-i-evpatoriya.php>].
- Первая мировая война: пролог XX века*. М., 1998.
- Пилецкий О. И. О караимах-беженцах Литвы // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. Евпатория, 5 августа 1917 г. № 4.
- Подданные враждебных держав. Отсрочка высылки* // Русское слово. 1915. 25 февраля.
- Поляков В. Е. История уничтожения авиационного завода № 15 («Анатра») в Симферополе // История и современность. 2011. № 1.
- Постановление* Таврического губернского фабричным и горнозаводским делам Присутствия от 19 декабря 1915 г. // Таврические губернские ведомости. Симферополь, 1916. № 24. 22 марта.
- Прохоров Д. А. Вклад крымских караимов в развитие военно-полевой медицины: к вопросу об участии врачей-караимов в Русско-японской и Первой мировой войне // Вестник морского врача. Материалы V Международной научно-практической конференции. Севастополь, 2007. № 4.
- Прохоров Д. А. Участие представителей караимских общин Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917 гг.) // Научные труды по иудаике: Материалы XVII ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2010. Т. 1.
- Прохоров Д. А. Караимы Севастополя в составе российской армии в 1914–1917 гг.: биографии участников Первой мировой войны // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX.
- Прохоров Д. А. Караимы Симферополя в рядах Российской армии в Первую мировую войну // Первая мировая война и Крым. Симферополь, 2015.

- Прохоров Д. А.* Воспоминания городского головы Евпатории Симхи Эзровича Дувана как источник по истории Крыма начала XX века // Историческое наследие Крыма 2018: сборник статей. Симферополь, 2019а.
- Прохоров Д. А.* Мемуары городского головы Евпатории С. Э. Дувана // Проблемы истории и археологии средневекового Крыма: материалы конференции. Симферополь, 2019б.
- Пылькин В. А.* Подозрительные иностранцы в русской глубинке в годы Первой мировой войны и после ее окончания. М., 2018. Ч. 1–2.
- Распоряжение правительства* // Таврические губернские ведомости. 1914. № 57. 25 июля.
- Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование* / ред. Г. Ф. Кривошеев. М., 2001.
- Спиридович А. И.* Великая Война и Февральская Революция 1914–1917 гг. Нью-Йорк, 1960–1962 // Militaria. Военная литература. [Электронный ресурс; режим доступа: http://militera.lib.ru/memo/russian/spiridovich_ai/02.html].
- Таврический губернский предводитель дворянства...* // Таврические губернские ведомости. Симферополь, 1915. № 58. 31 июля.
- Харьков* // Известия Караимского Духовного Правления. Евпатория, 1918. Июль. № 1.
- Хроника текущей жизни. Общие известия. Караимы и воинская повинность* // Караимская жизнь. М., 1912. Кн. 8–9 (январь–февраль).
- Шабанов В. М.* Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. Биобиблиографический справочник. М., 2004.
- Шамбров В. Е.* За веру, царя и Отечество! М., 2003.
- Шацилло В. К.* Первая мировая война 1914–1918. Факты. Документы. М., 2003.
- Шацилло В. К.* Последняя война царской России. М., 2010.

ПРИЛОЖЕНИЕ
НОВЫЕ СТАРЫЕ ИСТОЧНИКИ

ОТРЫВОК ИЗ БИОГРАФИИ ШАРЛЯ НАССАУ-ЗИГЕНА (1786–1787 гг.)

И. А. Гринь, А. О. Третьякова

Принц Шарль Анри (или в немецком написании – Карл Генрих) Нассау-Зиген (1743–1808) – адмирал российского флота и маршал французской армии, испанский гранд и андреевский кавалер, русский помещик и польский магнат. Его женой была Каролина (Шарлотта) Гоздзская (по первому мужу – Сангушко; 1751–1804), знатная польская дама, имеющая обширные владения в Речи Посполитой. Француз по культуре, но немецкий князь по происхождению, Нассау-Зиген прожил жизнь, богатую приключениями – принимал участие в первой кругосветной французской экспедиции под командованием Луи Антуана де Бугенвиля (1766–1769), во вторжении на английский остров Джерси (1779) и в осаде британской крепости Гибралтар (1780–1782). Вторую половину жизни он посвятил России, которая стала для него вторым отечеством, – сражался с турками на Чёрном море и со шведами на Балтийском, был одним из приближённых Екатерины II и близким другом князя Григория Александровича Потёмкина [Бильбасов 1901: 525].

В России Нассау-Зиген оказался по двум причинам. Первая – стремление принца реализовать собственный проект по организации торговли между Польшей с одной стороны и Францией и Испанией с другой. Для этого он предполагал, в частности, использовать путь по Днестру и добиться разрешения на использование российского флага на торговых судах. Таким образом, польские товары, особенно лес, нашли бы заморские рынки сбыта. Эти планы соответствовали интересам наместника Юга России князя Г. А. Потёмкина [см. Кулишер 2016: 222–223]. Вторая причина заключалась в том, что Нассау-Зиген должен был выполнить дипломатическое поручение польского короля Станислава-Августа (Понятовского; 1732–1798) и наладить отношения с Екатериной II и Г. А. Потемкиным. В это время Польшу охватил внутривосточный кризис, в котором одним из соперников польского короля оказался Франциск-Ксаверий Браницкий (1731–1819), женатый на племяннице Потёмкина [Бильбасов 1901: 529–530].

В 1787 г. принц Нассау-Зиген сопровождал Екатерину II во время её знаменитого путешествия в Тавриду. Ежедневно он писал длин-

ные письма своей супруге Каролине, оставшейся в Варшаве. В письмах он подробно описывал всё то, что его поразило в течение дня. Разумеется, супруги общались на французском – языке европейской элиты. По прибытии в Крым у Нассау-Зигена не было возможности ежедневно отправлять письма жене, и тогда он начал вести дневник, который при первой же возможности пересылал ей. Принц детально описывал свое путешествие и впечатления от него [Императрица 1893: 283].

Особенностью «крымских писем» Шарля Анри Нассау-Зигена является то, что предназначались они исключительно для супруги принца. Поэтому они представляют собой искренний, порой многословный, но всегда правдивый рассказ, написанный наскоро, под непосредственным впечатлением от только что увиденного и пережитого. Благодаря записям Нассау-Зигена историки имеют возможность частично восстановить подлинные сведения о той эпохе из первоисточника [Императрица 1893: 283].

В 1893 г. в журнале «Русская старина» появилась публикация, рассказывающая о пребывании Нассау-Зигена в России [Императрица 1893]. Следует отметить, что перевод «крымских писем», приведённый в этом журнале, является неполным. Значительные фрагменты источника даны в кратком пересказе. Это, конечно, снижает значение русской публикации.

В том же году, но на несколько месяцев раньше, в Париже была опубликована биография принца Нассау-Зигена, подготовленная французским дипломатом и историком маркизом Луи Альбером д'Арагоном (1844–1896) [Aragon 1893]. В нее вошли обширные цитаты из переписки принца, включая отдельные письма целиком. Именно это издание, очевидно, и стало источником для публикации в «Русской старине».

Перевод отрывка из книги д'Арагона предлагается вниманию читателей. Автор биографии Нассау-Зигена отмечал кавычками цитаты из первоисточника, перемежая их собственными комментариями. Для удобства читателя в тексте русского перевода авторские вставки д'Арагона выделены курсивом. Если в письмах Нассау-Зигена, разумеется, речь идет от первого лица, то рассуждения д'Арагона говорят о принце в третьем лице. Следует отметить, что некоторые из писем Нассау-Зигена были сокращены издателем, о чем можно судить по троеточиям в тексте книги.

Избранный для перевода отрывок начинается с письма, написанного Нассау-Зигеном в Бахчисарае 31 декабря 1786 г. (10 января 1787 г. по новому стилю), где он стал очевидцем подготовки к приезду российской императрицы. Далее рассказывается о поездке принца из Крыма в Киев, встрече с Екатериной II и возвращении в Крым в ее свите. Последние переведенные строки рассказывают о повторном пребывании в Бахчисарае 30 мая 1787 г. [Aragon 1893: 117–157].

Необходимые краткие комментарии вынесены в подстрочные примечания.

При переводе оригинального текста мы столкнулись с рядом трудностей. В первую очередь, они связаны с тем, как принц передавал имена собственные и топонимы. Некоторые славянские и тюркские географические названия, упомянутые в письмах, на современных картах обозначены другими именами или уже не существуют. К примеру, название «Каудас» – это Новые Кайдаки, ныне часть города Днепра (Днепропетровска), «Kimburn» – Кинбурн, крепость на одноименной косе, которая ограничивает с юга Днепро-Бугский лиман, а город «Kloastoff» – нынешний Фастов. Следует отметить, что принц Нассау передал название города Симферополь как «Saint-Féropol». Это можно объяснить тем, что французский звуковой образ слова «Simféropol» вызвал у него ассоциации с неким (неизвестным агиографии) «святым Ферополем».

Ещё одна трудность в переводе лексических единиц касалась терминов польского происхождения, которые принц Нассау-Зиген интерпретировал на французский лад: слово «protarostes», скорее всего, происходит от польского «starosta», а «grand-général de Pologne» – это попытка передать польский титул «гетман коронный» (главнокомандующий).

Кроме того, синтаксис французского языка конца XVIII в. достаточно сильно отличается от синтаксиса современного французского языка. Стоит обратить внимание на очень длинные описательные предложения, которые могли занимать целую страницу книги, а также на сбивчивость повествования. Принц Нассау-Зиген датировал свои письма как по старому стилю, принятому в России, так и по новому, которым пользовались в Европе. Разница между ними в XVIII веке составляла 11 дней.

Подстрочные комментарии и тексты в квадратных скобках выполнены переводчиками.

**Паладин XVIII века. Принц Шарль де Нассау-Зиген по данным его оригинальной, неизданной переписки 1784–1789 гг.
(отрывок)**

*§ III. Принц Потёмкин – Первое путешествие в Тавриду
[...]*

«Бахчисарай, 31 декабря [1786 г. по старому стилю] –
10 января [1787 г. по новому стилю]

Я вам пишу из дворца в Бахчисарае, в котором некогда жил Крым-Гирей¹. Здесь мы остаёмся на ночь, а завтра мы отужинаем в Севастополе. Я расположился в очаровательной комнате, которая принадлежала хану, но в ней дьявольски холодно. Она со всех сторон продувается сквозняками, и здесь холоднее, чем на улице, даже несмотря на сильный огонь в моём маленьком камине. Но комната князя Потёмкина, находящаяся рядом с моей, не намного теплее. Следует полагать, что ханы, жившие в этом дворце, не жаловались на холод. Будь я на их месте, я бы заимел дом потеплее, с толстыми стенами и с добротными печами, вместо того, чтобы полагаться на турецкую служанку, что вполне обычно для Константинополя, где не бывает холодно. Но даже там может простудиться какой-то несчастный христианин, у которого, в отличие от господ, не хватает средств, чтобы согреться ночью. Впрочем, это замечательная и довольно разнообразная страна. Уже давно здесь не видели такой холодной зимы, однако первый снег выпал три дня назад, в день нашего приезда в Ак-Мечеть², а сегодня солнце светит так сильно, что все растаяло. Дворец починили просто великолепно. В его планировке ещё ничего не поменяли, но для Императрицы подготовят отдельную комнату, прорубив всего несколько дверей, да ещё и не в самых интересных комнатах дворца. Таким образом, она будет иметь удовольствие занимать дворец таким, каким он был при Крым-Гирее, последнем хане, который там жил. Дворец очень большой, и гарем довольно красивый. Князь Потёмкин отдал приказ обустроить его для себя. Если бы не было так холодно, мне бы действительно очень понравился этот дворец; он, как и дома в Константинополе, выполнен в стиле барокко. А вы ведь знаете, что мне

¹ Крым-Гирей – крымский хан в 1758–1764 и 1768–1769 гг., известный на Западе благодаря мемуарам барона де Тотта, французского посланника в Крыму [Tott 1785].

² Ак-Мечеть — название татарского селения, рядом с которым в 1784 г. был основан город Симферополь; последний иногда также именовали «Ак-Мечетью».

по нраву всё диковинное. Мне очень нравится моё путешествие. Князь Потёмкин всё тот же, его невозможно не любить. Здесь слышны высокие ноты деревянных дудок и доносится гул больших барабанов, а весь город освещён огнями. Татары выглядят счастливыми, да и почему им не быть такими? Их щедро одаривают. Их религию уважают, и они уверены в том, что их головы и владения останутся нетронутыми. Вчера турки пришли жаловаться на то, что австрийцы разорили их тем, что взяли у них товара на две тысячи рублей и не заплатили. Князь возместил их убытки из своей казны. Он не выглядел расстроенным, когда ему приходилось помогать другим; сумма денег, которую он раздавал, была огромна. Таким образом, невозможно, чтобы Таврида, которая является одним из самых прекрасных уголков мира сейчас, не стала также одной из самых процветающих территорий в ближайшие десять лет. Я вас прошу, моя принцесса, предоставить мне трёх старост³. Я бы хотел, чтобы вы отправили их в Херсон и каждому дали по дюжине слуг, которые будут строить мои фермы, пока я вербую молдавские семьи. Мне нужно будет выделить три сотни.⁴ Нам нужны смекалистые служащие, которые работают в Молдавии. Начните этим заниматься, я вас прошу, так как мне страсть как хочется выполнить свои обязательства даже раньше, чем другие подумают об этом; я берусь за это только из-за своего самолюбия. Но как же холодно, чёрт возьми, я сейчас же иду спать. А завтра я вам напишу, если у меня будет время перед отъездом.

Симферополь⁵, 14/23 января [17]87 г.

Мы вернулись сюда вчера вечером. Сегодня мы остановимся здесь, а завтра мы поедem во владения князя, окрестности которых он мне также покажет. Я был поражён, увидев Севастополь. Это один из самых красивых портов, которые я когда-либо видел. Удивительно, сколько всего здесь успели сделать за два года с того момента, как там начали работать. Этот порт был основан как центр русского морского флота, и он должен внести большой вклад в то, чтобы этот флот стал очень сильным. Вы знаете, какое мнение у меня всегда

³ В оригинале – «protarostes». Вероятно, автор имел в виду старост (от польского *starosta*).

⁴ Значение этого места становится понятно в дальнейшем, когда автор говорит о трехстах молдавских семьях, которые он хотел поселить в Крыму [Aragon 1893: 122].

⁵ В оригинале – «Saint-Féropol». Видимо, Нассау-Зиген решил, что город назван в честь «святого Ферополя».

было насчёт Крыма. Что ж! Я мало что знал о его значении. Только через шесть лет Крым должен стать одним из самых процветающих регионов в мире, и армия, которая будет расположена в Севастополе, должна увеличить вдвое влияние русского флота в Европе. Это уже достаточно ощутимо, так как над этим усиленно работают. В Севастополе я видел три 66-пушечных корабля, два 50-пушечных корабля, и двенадцать 40-пушечных, а также другие маленькие корабли. Ещё четыре 40-пушечных корабля отправятся сюда из Азовского моря, где они были построены. Весной из Херсона сюда прибудет один 66-пушечный корабль и один 50-пушечный. В течение лета сюда также придут 80-пушечный и 66-пушечный корабли, и 50-пушечный корабль, все построенные в Херсоне. Также, в Севастополе в это время появится два корабля: 100-пушечный и 50-пушечный. По моему мнению, в сентябре севастопольский порт будет вооружен лучше, чем порт в Константинополе. Вы понимаете, что это должно мне нравиться, иначе для чего это всё, и, если война не грянет этим летом, то мы отступим лишь для того, чтобы лучше подготовиться, и, конечно, я тоже пойду в бой, а если что-то пойдет не так, то тогда будет командовать князь Потемкин. Вчера я получил письмо от Сегюра⁶; я вам его отправляю, так как то, что он говорит мне о князе Потёмкине, настолько правдиво, что это даст вам правильное представление о нём. Вот список инструментов, о которых меня спрашивают, и которые здесь стоили бы очень дорого. Прикажите купить их в Украине и прислать вместе с ними две сотни быков, так как это последнее, что осталось для того, чтобы начать обработку земли. Скажите де Линю, что князь приказал начертить план владения его отца⁷, где оно отмечено – это мыс Таурус, самая южная точка Тавриды. Скажите ему поспешить в Киев, и скажите, что Императрица туда скоро приедет, так как она определённо выезжает 8 числа этого месяца.

Отправьте мне туда по этому же случаю чулки и рубашки, потому что я уехал легко одевшись. Обнимаю вас и прощаюсь».

⁶ Луи-Филипп де Сегюр (1753–1830) – французский дипломат, был послом Франции при дворе российской императрицы Екатерины II.

⁷ Принц Шарль-Жозеф де Линь (1735–1814) – австрийский военачальник и писатель, одно время служил в российской армии, был в дружеских отношениях с Екатериной II и Г. А. Потёмкиным, получил от императрицы в подарок поместье в Крыму. Его старший сын, также Шарль-Жозеф (1759–1792), в описываемое время находился в Польше – он был женат на польской княжне Елене Аполонии Массальской (1763–1815).

Но ни одна остановка во время этой краткой экскурсии не показалась ему более соблазнительной, чем Судак. Мы увидим его через несколько месяцев, когда он вернётся туда, сопровождая Императрицу, и с восторгом выразит пожелание однажды, после своей смерти, покоиться в этой дивной стране.

«Старый Крым, 13/24 января. – Если когда-либо я захочу покинуть этот мир, я бы хотел покоиться именно в Судаке. Я не знаю края прекраснее и лучше. Этот кантон очень сильно походит на окрестности Валенсии, и, как вы знаете, королевство Валенсия – один из самых красивых регионов Испании, вы можете сами оценить его красоту. На севере, востоке и западе Судакской долины расположены высокие горы; она открыта только для южных ветров, что полностью изменяет климат этого очаровательного места. В пятнадцати верстах⁸ от Судака было морозно, но к обеду стало так тепло, что, сидя в палатках, мы сняли шубы и сюртуки. Море, обрывистые горы, скалы, старый замок, леса... Казалось, что богатство этой долины не могло быть создано природой. Всё это должно вызывать желание навсегда остаться здесь у тех, кто увидит это великолепие. Я выбрал лучшее место, чтобы обосноваться; я нахожусь рядом с князем Потемкиным, и, так как это лучшее место для выращивания винограда, тутовых деревьев и оливок, я напишу в Константинополь, чтобы этой осенью мне прислали корабль, гружённый саженцами оливы и виноградными лозами. Также я напишу мадам Ренье, чтобы она прислала из Шампани винодела, так как в Тавриде не хватает умельцев, чтобы изготавливать вино высокого качества. Мы переночевали здесь. Сейчас мы уезжаем, чтобы отобедать в Каффе⁹...

...По возвращении из Каффы, князь захотел подарить мне ещё одно владение в кантоне, который, как говорят, красивее, чем Судак. Кажется, что если я привезу сюда только три сотни молдавских семей, то эта земля будет приносить мне более чем пятнадцать тысяч рублей каждый год, настолько выгодно ее расположение. Местоположение Каффы и Неаполя несколько похоже. Также там можно увидеть генуэзские оборонительные сооружения. Впрочем, город разрушен; там преследуют всех татар, чтобы жителями города были только христи-

⁸ Верста – старинная русская единица измерения расстояния, равная пятистам сажням или тысяче пятистам аршинам, что соответствует нынешним 1 066,8 метра.

⁹ Каффа (Кафа, Кефе) — средневековое название Феодосии, которое некоторое время неофициально использовалось в российскую эпоху.

ане. Я думаю, что Каффа станет одним из самых успешных торговых городов России. Самое интересное, что я там увидел – это монетный двор, который недавно был построен на том же месте, где некогда стоял монетный двор хана. Там я увидел чеканку самых первых монет. Я запечатаю своё письмо монетой в двадцать су, самой первой из выпущенных в Тавриде.¹⁰ В Каффе находились красивая мечеть и деревянные дома¹¹, которые, к сожалению, были уничтожены. Завтра мы возвращаемся в Карасубазар¹², откуда мы отправимся в Херсон. Я вам напишу из Карасубазара, так как моё письмо будет отправлено оттуда.

Генерал Розенберг¹³ подарил мне прекрасную борзую. Один мурза подарил мне лучшую борзую, которую я видел в этом краю. Я должен найти ещё одну, ожидающую меня в Перекопе. С этими тремя собаками я рассчитываю бросить вызов князю Казимиру и послу. Сегодня пятница, и я подумал, что пока мы были в пути сюда, вы играли на сцене. Я бы очень хотел там быть, но зачастую я не делаю того, что хочу. Не знаю, когда снова вас увижу; однако думаю, что после того, как я проведу несколько дней в Киеве, сопровождая Императрицу, я к вам присоединюсь, только если точно буду знать, что не будет использована сильная армия, которую стягивают на границу. Сегодня князь отправляет гонца, чтобы тот передал приказ подготовить лошадей. Завтра мы будем обедать у командира казаков.

Также я считаю, что в воскресенье или понедельник мы отправимся в Херсон, где мы будем через двадцать четыре часа. Мы там останемся, по меньшей мере, на два дня. Нужно два дня, чтобы доехать до Кременчуга; там мы останемся на день или два. Кроме того, в Киеве раньше 27 мы не будем. Императрица должна была выехать 5, судя по тому, что мне сказал князь Потёмкин».

¹⁰ Речь идет о монете в 20 копеек, выпущенных феодосийским монетным двором к приезду Екатерины II. Видимо, Нассау-Зиген использовал слово «су» (sols; мелкая французская монета) как более понятное. Оттиск этой монеты на воске, запечатывающий письмо, стал бы оригинальным крымским сувениром для его супруги.

¹¹ В оригинале – «un bois». Наиболее уместный вариант перевода на русский язык – «деревянные постройки» (во множественном числе), так как вокруг мечети находились полуразрушенные дома местных жителей.

¹² Карасубазар – название современного города Белогорска в ханскую эпоху.

¹³ В оригинале – «Rosemberg». Вероятно, речь идет об Андрее Григорьевиче Розенберге (1739–1813), в описываемое время – генерал-майоре, командире Таврического егерского полка

Но, по прибытию в Херсон, Потёмкин узнает, что путешествие Императрицы было более быстрым, чем он ожидал. Тогда он тотчас же возвращается в Кременчуг и оттуда, отдохнув лишь день, едет в Киев.

«Кременчуг

Экипаж, на котором мы приехали сюда, производил адский шум. Мы преодолели триста три версты за двадцать один час. Мы оставили нашу большую карету в Херсоне и оттуда продолжили свой путь на санных. Императрица будет в Киеве 15 числа этого месяца. Моя пивоварня в Херсоне едва не сгорела, но я почти ничего не потерял, потому что помощь подоспела быстро. Было бы досадно, если бы она сгорела, так и не начав работать; мы ждём только пивовара, отправьте его скорее, и желательно, чтобы это был хороший пивовар.

Говорят, что Диллон¹⁴ прибудет в Киев вместе с Лафайетом¹⁵. На случай, если они поедут через Варшаву, даю им свои рекомендации. Надеюсь, что Линь скоро будет в Киеве. Как только я прибуду туда, то отправлю вам посланника. Князь выезжает завтра, я же отправлюсь только через двадцать четыре часа после него для того, чтобы у него было время попросить разрешения у Императрицы уделить мне время. Князь сказал мне, что господин де Лафайет и все, кто приедет, уже спрашивали разрешения, и нужно, чтобы я сделал то же самое, и к тому же я должен уехать после него, чтобы он увидел Императрицу. Я очень этому рад, так как быть представленным им будет для меня только выгодней».

Это первое путешествие, так хорошо начавшееся, закончилось как нельзя лучше для принца Нассау. Потёмкин щедро его одарил, и сердечное радушие его поступков не изменилось ни на мгновение. Долго общаясь с глазу на глаз, они могли поговорить между собой и утопить на дне бокала много разных тем. Всё, чего желал польский король, как смог ему написать конфиденциально принц Нассау по прибытию в Киев, было по-

¹⁴ Артур Диллон (Дийон; 1750–1794) – ирландец по происхождению, генерал французской армии, воевал против Британии во время войны североамериканских колоний за независимость, казнен во время французской Революции по обвинению в роялистском заговоре.

¹⁵ Мари-Жозеф Жильбер де Лафайет (Ла Файет; 1757–1834) — французский политический деятель, участник войны североамериканских колоний за независимость и французской Революции.

лучено. *Вожди оппозиции*¹⁶, собравшиеся в Белой Церкви и заранее очень рассчитывавшие на результаты обещанного им визита Потёмкина, тщетно питали надежды. «В Бахчисарае к нам прибыл гонец, который проехал через Белую Церковь, никого там не встретив, так как была ночь; но он узнал, что русское воеводство¹⁷ собралось там в ожидании князя. Я воспользовался этим моментом, чтобы вновь поговорить о Польше и о том, какое впечатление произведёт там приезд Потёмкина. Он найдет в Белой Церкви лидеров партии, которые будут считать его своим покровителем. И так как на каждого господина найдутся слуги, то все сказанное или сделанное князем и что может им послужить, они будут распространять по всей Польше, говоря о том, что политика обязывает князя Потёмкина скрываться, но, несмотря на это, он захотел их увидеть и внушить им свою волю. И вскоре, когда всё будет так, как он захочет, он покажет себя. Он дал мне лишь один ответ: я им покажу, что они ошибаются. С этого момента он остановился на три-четыре дня в местах, которые он должен был посетить в одиночку, даже если никаких дел у него там не было; и, в конце концов, это путешествие в Белую Церковь, которое уже было обговорено, всё-таки не состоялось».¹⁸

Даже успех русской армии, присутствовавшей в Польше, вызывал обиду у короля и у народа, что вполне объяснимо. Армия переправится через границу, и Потёмкин побеспокоился о том, чтобы отправить распорядителя по этому поводу до своего приезда в Киев, – «Для того, чтобы господа из оппозиции, которые там будут, не сказали, что городом завладели они, а не король».

¹⁶ То есть противники польского короля Станислава-Августа.

¹⁷ В источнике – «la palatine de Russie». Этот термин не вполне ясен. В другом случае Нассау-Зиген под «la palatine de Volhynie» имел в виду Волынское воеводство – административно-территориальную единицу Польского королевства [Aragon 1893: 56]. Русское воеводство с центром во Львове также существовало, но его ликвидировали в 1772 г. в ходе первого раздела Польши – большая часть досталась Австрии, меньшая России. Возможно, под «русским воеводством» Нассау-Зиген подразумевал дворян из восточно-польских земель, тем более что собрались они в городе Белая Церковь на правом берегу Днепра, который тогда принадлежал Польше.

¹⁸ В данном отрывке речь идет о внутривосточной борьбе в Польше, где разные партии стремились получить поддержку России и Г. А. Потемкина, предлагая альтернативные проекты будущего устройства своего государства. В конце концов, последний предпочел партию короля Станислава-Августа, а оппозиция (с Ф. Браницким и И. Потоцким во главе) осталась разочарована [Елисеева 2018: 220–228]. Автор писем, а вслед за ним и д'Арагон, очевидно, считали, что принцу Нассау-Зигену удалось повлиять на Потемкина в интересах польского короля.

Но тем не менее, какой бы искренней не была его благодарность Потёмкину, из всех удовольствий, которые принц Нассау испытал на протяжении столь счастливого путешествия, одним из самых ярких его воспоминаний – можно ли в это поверить? – было, вероятно, знакомство с князем.

«...Мысли о смерти очень часто докучали мне», – признается он своей жене. Когда он обосновался в Киеве, он был уверен в том, что его письмо, доверенное курьеру, никем не будет перехвачено. – «Представьте, как я себя чувствовал, будучи среди людей, которые практически всегда говорили по-русски. Если бы я только мог остаться дома, но это было невозможно. Как только я отлучался на 5 минут, князь под разными предлогами посылал за мной, и с одиннадцати часов утра вплоть до часу после полуночи я, по сути, был вынужден притворяться глухим, которому время от времени что-то кричат. По крайней мере, здесь можно поговорить по-французски!..»

«И это к лучшему», – смог он добавить, поскольку долго находился в компании графа Сегюра и принца Линя.

§ IV. Императрица Екатерина в Киеве

Долгая остановка в Киеве, – остановка вынужденная, поскольку Днепр был покрыт льдом, который не таял как минимум два с половиной месяца, – составляла наименее интересную часть знаменитого путешествия Екатерины. Одна только польская оппозиция радовалась этому, в первую очередь из-за того, что у них была возможность по-своему подготовить встречу Императрицы с королём, прежде чем она вновь отправится в путешествие. Для государыни и её двора, как и для послов из Франции, Англии и Австрии, которые следовали за ней из Царского Села, – графа Сегюра, лорда Фицхерберта¹⁹ и графа Кобенцля²⁰, – всё было задумано так, чтобы они как можно меньше насладились этой непредвиденной и нескончаемой остановкой в провинциальном городке. У принца Нассау сложилось такое же впечатление, хотя благодаря князю Потёмкину ничто не помешало радушному приёму, который ему оказала Императрица.

¹⁹ Аллен Фицхерберт (1753–1839) – британский дипломат, посол при дворе Екатерины II в 1783–1787 гг.

²⁰ Граф Людвиг фон Кобенцль (1753–1809) – австрийский дипломат, посол при российском дворе в 1784–1800 гг.

«Я здесь с утра воскресенья», – пишет он 9/20 февраля. – «Князь Потёмкин, опередивший меня на двадцать четыре часа, отправил мне письмо с предложением остановиться у него. Там он предоставил мне жилище, что, как вы себе прекрасно представляете, доставило мне большое удовольствие, поскольку я всё время находился рядом с ним, и это нравилось мне всё больше и больше. Я прибыл в десять часов утра, а в полдень я уже был представлен Её Величеству, и всё благодаря ему. Я бы хотел, чтобы все художники, написавшие её портрет, были наказаны за то, что все портреты были лишь бледным отражением её красоты. Её лицо было настолько величественным, что лишь один взгляд на неё привел меня в смущение. Также, я думаю, что выглядел очень неловко, целуя её руку. Она сказала мне, что должно быть, я ехал по плохим дорогам, и прошла мимо... Моё смущение исчезло так же быстро, как появилось, так как её лицо, с этим величественным видом, этими очаровательными глазами, казалось, выражало всю возможную доброту и свежесть. Она разговаривала со мной о моих путешествиях и о путешествиях Бугенвиля²¹, и за ужином князь Потёмкин заговорил со мной о некоторых обстоятельствах нашей поездки, которые он обсуждал ранее с Императрицей. Звук её голоса ласкал слух, а её мягкий взгляд внушал доверие. Здесь я встретил многих своих знакомых из Парижа, что меня очень обрадовало. Сегюр всё тот же, то есть, крайне любезен. Князь Потёмкин сказал, что я должен буду вернуться с ним в Тавриду, что представляет для меня уникальную возможность. Я не думаю, что война начнется в этом году, но я надеюсь, что сюда она придет быстрее, чем в остальной части Европы, и это как раз то, что мне нужно, так как я бы хотел здесь повоевать. Прощайте, моя принцесса, сегодня я ужинаю у графа Браницкого²². Я думаю, что он и его сторонники не очень рады меня видеть вместе с князем; они сильно ошибаются, ведь я не желаю им зла. Я всего лишь хотел, чтобы они не беспокоили короля. Я думаю, что его путешествие по здешним местам принесет ему то счастье, которого он заслуживает. Напомните королю, что я не могу быть ему более преданным, чем сейчас».

Если это письмо, – возможно одно из тех, которые могли быть перлюстрированными, – может показаться нам немного наигранным, оно

²¹ Луи Антуан де Бугенвиль (1729–1811) – знаменитый французский путешественник и исследователь, руководитель первой французской кругосветной экспедиции, в которой участвовал Нассау-Зиген.

²² Граф Франциск Ксаверий (Ксаверий Петрович) Браницкий (1731–1819) – крупный военный и государственный деятель Речи Посполитой.

не содержит в себе меньше искренних чувств принца. Действительно, мы испытываем то же впечатление от прочтения другого письма, написанного им в тот же день, – в котором он признался, что иногда во время путешествия он испытывал скуку, – и которое прибывает в Варшаву в целостности и сохранности. «...Я бесконечно счастлив; я вдребезги разбил армию Браницкого²³, и я, как вы увидите в моем письме к королю, живу у князя Потёмкина и у военачальника. Я выхожу от него. Мы с ним смеялись целый час над князем Х...²⁴, который всё ещё пьян. Наконец я сделал намного больше, чем мог бы надеяться. В день, когда я должен был предстать перед Императрицей, князь приказал одеть меня в испанский мундир, что пришлось не по нраву Сегюру, так как именно князь организовал нашу встречу. У Императрицы не очень много доверенных лиц. Сегюр попросил, чтобы меня приняли в их число, но князь сам захотел поговорить об этом с Императрицей. Выйдя из-за стола, он направился к ней, а затем вернулся, чтобы сказать Сегюру, что меня примут, когда закончится пост. Он не говорил со мной об этом. Я ни о чем не спрашивал, так как не было веской причины для того, чтобы я вошёл в узкий круг подчинённых Императрицы. Впрочем, будучи близким другом князя Потёмкина, можно быть уверенным в том, что с тобой будут хорошо обращаться. Князь предложил мне вновь отправиться с ним в путешествие по Тавриде только после того, как я встретился с Императрицей. Это доказывает то, что он хотел поговорить с ней обо всём заранее. Но он сказал мне об этом с таким добродушием, что я просто не смог отказаться. Впрочем, я думаю, что это путешествие окажется мне полезным.

Не забудьте о Вене, и отправьте как можно скорее всё, что необходимо для моих предприятий в этой стране. Я считаю, что больше всего мне понравился оказанный теплый прием. Вчера князь Потёмкин разговаривал с графом Шуваловым²⁵, чьи земли находятся рядом с моими. Он сказал ему: «Не делайте ничего с вашими владениями, у вас их купит принц Нассау, который знает им цену, и который за год сделает больше,

²³ Очевидно, не вооруженный отряд, но сторонников Ф. Браницкого при российском дворе – противников патрона Нассау-Зигена, польского короля Станислава-Августа.

²⁴ В оригинале – «grinse X» (князь Икс), что может быть как аналогом «господина N» в художественной литературе, так и первой буквой имени или фамилии этого лица.

²⁵ Граф Андрей Петрович Шувалов (1744–1789) – яркий деятель екатерининской эпохи: сенатор, действительный тайный советник, управляющий банками, санкт-петербургский губернский предводитель дворянства, любитель истории, писатель и переводчик. Сопровождал Екатерину II в путешествии на юг России.

нежели вы за десять. – Но деньги такая ужасная вещь! Я промотал целое состояние, пока был молод!».

Но в ожидании момента, когда его примут в близкий круг Императрицы, Киев, где всё можно увидеть за несколько часов, стал казаться ему немного отталкивающим. К тому же, в первые дни там еще не было принца де Линь, а господин Сегюр был болен.

«Я не могу проводить с Императрицей столько времени, сколько я хотел бы. Во время поста она принимает иностранцев только по воскресеньям. Она была очень добра ко мне в прошлое воскресенье. Мы с ней поговорили до ужина. Несмотря на скудное меню, на вкус блюда были отменные. И вечером за игрой, она также не отказала мне в удовольствии поговорить с ней. Она ужинает у госпожи Браницкой²⁶, я тоже там буду и надеюсь составить ей компанию. Дни в Киеве кажутся мне довольно долгими, когда меня не приглашают ко двору. Но чтобы занять своё время, я много читаю.

Надеюсь, что встреча с королём пройдёт хорошо; по крайней мере, те господа, которые называют себя патриотами, больше не смогут распускать дурные слухи в тех провинциях, которые находятся во власти князя Потёмкина. Но я не знаю, зачем я это всё вам повторяю, наверное, потому, что мне не с кем об этом поговорить...»

В остальном же, барьер, возведенный правилами этикета, довольно быстро ослаб, так как начиная с 28 февраля принц уже пишет принцессе.

«Императрица только что передала через господина Мамонова²⁷, что отныне я могу ужинать с ней всякий раз, когда захочу, и тотчас же гофмаршал²⁸ пришел сообщить мне, что Её Величество посчитала за честь каждый день ужинать со мной за её скромным столом. Я был этому очень рад, ведь это позволит мне даже лучше узнать Императрицу, и потом, это ещё больше развеселит всех этих господ».

Но они не могли веселиться, ведь все их планы были расстроены.

«Господа из оппозиции действительно имеют печальный вид. То, как они со мной обращаются, когда я выступил против них, в их глазах показывает то влияние, которое они имеют. Князь Потёмкин грубо общается даже с Браницким, как только речь заходит о Польше. Поза-

²⁶ Вероятно, графиня Александра Васильевна Браницкая (в девичестве Энгельгардт; 1754–1838), племянница Г. А. Потёмкина и супруга Ф. Браницкого.

²⁷ Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов (1758–1803) — генерал-адъютант, один из фаворитов Екатерины II.

²⁸ В оригинале – «maréchal de la cour» («придворный маршал»); в России гофмаршал ведал довольствием императорского двора, приёмами и путешествиями.

вчера разразился ужасный скандал: князь был в гневе и довольно грубо высказался о поведении Браницкого. Там была его жена. Этот скандал сильно отразился на её хрупком здоровье. Вчера они ни разу здесь не появились. Я ужасен; но это всё ради вас одной...

Всё, что касается Браницких, расстраивает меня. Особенно госпожа Браницкая: она не в силах сдержаться, когда мы сталкиваемся лицом к лицу. Так что она больше не смущается в моем присутствии, да и я тоже. Что касается ее мужа, так как весь удар он принимает на себя, он все же очень учтив, продолжая ходить с очень нелепым выражением лица».

Принуждённый считаться с явным покровительством своего дяди²⁹ по отношению к принцу Нассау, граф Браницкий, на самом деле, притворялся, что постоянно поддерживает их отношения хотя бы для вида. Принц же, со своей стороны, тоже не оставался в долгу, поскольку они оба заботились о мелочах, которые поддерживают дружбу.

«Коронному гетману³⁰, – граф Браницкий носил также этот титул, – я подарил арабского скакуна, которому я приказал отрезать хвост, так как он ему мешал. Генерал очень расхваливал его, поэтому я подумал, что должен подарить ему этого скакуна. Он согласился. Его вдруг его решать продать, выкупите его за столько, сколько попросят. Его кличка – Араб. Во время моего последнего путешествия в Колхиду именно он обошёлся мне дороже всего. Позаботьтесь о нем до тех пор, пока кто-то из приближенных генерала не передаст вам письмо от меня».

Также он не рассчитывал на то, что мелкие хлопоты принца Нассау смогут сгладить обиды второй племянницы Потёмкина, графини Скавронской.³¹ В этом вопросе он прилагал даже больше усилий, так как речь шла об «очень красивой женщине». «Благодаря ее приветливому выражению лица, ее почерку и ангельской нежности, в воспоминаниях мадам Виже-Лебрён³², с которой они были знакомы, эта женщина обладала неотразимым очарованием.

²⁹ то есть Г. А. Потемкина, дяди жены Ф. Браницкого.

³⁰ В оригинале – «Grand-Général» (буквально «главный генерал»); Нассау-Зиген, очевидно, пытался передать по-французски польское звание.

³¹ Екатерина Васильевна Скавронская (в девичестве – Энгельгардт; 1761–1829) – племянница Г. А. Потёмкина. В 1787 г. вместе с сестрой А. В. Браницкой находилась в свите императрицы Екатерины II, отправившейся в путешествие в Тавриду.

³² Мари-Элизабет-Луиза Виже-Лебрён (1755–1842) – придворная художница французской королевы Марии-Антуанетты, мастер портретной живописи. После начала Революции несколько лет провела в России.

Моя принцесса, мне нужны румяна от мадмуазель Мартин, для ангела! Так князь Потёмкин называет свою племянницу, графиню Скарронскую. И ничто ещё не было названо так точно. Она очень красива и очаровательна. Отужинав с Императрицей, князь послал за своей племянницей и спросил, какие румяна она хотела бы получить. Я пошлю к вам за румянами гонца. У нее светлые волосы, поэтому отправьте самые бледные из тех румян, которые у вас есть.

Если вы также пришлёте прекрасный букет свежих цветов, так как я слышан об их красоте, то это будет очень мило с вашей стороны».

Но эти искусные знаки внимания, бесспорно, вызывали только большую досаду у оппозиции, чувствовавшей себя восставшей против всех, в тот момент, когда она кичилась своим оглушительным триумфом. Уже было известно, что Станислав³³ покинул Варшаву и направляется в Канев, где должна была состояться встреча государя и Императрицы. Польская оппозиция больше не в силах была сдержать свой пыл по мере приближения этой встречи, которой они так хотели помешать. «...В Херсоне мы встретили испанского американца, – господина де Миранду³⁴, – человека исключительного и обладающего блестящим умом; он сразу понравился князю Потёмкину. Он был с нами на протяжении всего путешествия. Несколько дней назад он разговаривал с маршалом Потоцким³⁵ о Риме. Каждый говорил о том, что из увиденного ему больше всего понравилось. Маршал утверждал, что его восхитили статуи связанных царей на Капитолийском холме³⁶, и что он желал бы видеть их именно в таком положении».

Таким образом, можно представить чувства врагов Станислава, когда они вдруг узнают, что, не дожидаясь прибытия польского короля в Канев, князь Потёмкин, сопровождаемый принцем Нассау и несчаст-

³³ Имеется в виду польский король Станислав-Август Понятовский.

³⁴ Себастьян Франсиско де Миранда-и-Родригес (1750–1816) – один из лидеров борьбы за независимость испанских колоний в Южной Америке, национальный герой Венесуэлы. В Россию прибыл в поисках поддержки и денег.

³⁵ Игнатий (Игнацы) Потоцкий (1750–1809) – крупный польский помещик и государственный деятель.

³⁶ Неясное место. На Капитолийском холме в центре Рима есть несколько статуй, но вряд ли их можно назвать «связанными царями» (*rois liés*). По мнению О. И. Елисеевой, имелось в виду изображение пленных царей Дакии [Елисеева 2018: 227]. В таком случае, речь идет о мемориальной колонне древнеримского императора Траяна (53–117), украшенной рельефами, показывающими его войну с племенем даков. Находится она на форуме Траяна, у подножия Капитолийского холма. Шутка Потоцкого должна была польстить республиканцу Миранде, но, вероятно, обидела бы Потемкина как представителя Екатерины II.

ным Браницким, только что выехал для того, чтобы опередить короля и первым поприветствовать его. «Я пишу вам из Фастова³⁷, – с радостью сообщает принц Нассау своей жене, столь же удивленный, сколь очарованный. – Представьте, насколько я рад тому, что нахожусь рядом с королем и с князем Потемкиным. Вот как всё произошло...

В понедельник, в полдень, мне принесли письмо от короля. У меня был сильный приступ кашля. Я покинул свою комнату только чтобы посетить бал, который давал посол Императора³⁸, и куда Императрица должна была приехать. Едва я туда прибыл, как явился князь Потёмкин.

Я от своего имени выразил ему благодарность, которую поручил передать король. Я сделал так, рассчитывая получить хвалебное письмо от короля. В конце концов, я спросил у него, есть ли для меня какие-либо поручения, так как на следующий день я хотел уехать с господином Штакельбергом³⁹ на встречу с польским государем. Он ответил: «Нет, но я не думаю, что вы можете уехать просто так». Он отвёл меня в угол и сказал, что тоже хотел бы поехать в Фастов. Но для начала нужно удостовериться, что король точно будет там. Кроме того, князю нужно спросить разрешения о встрече с польским государем у Императрицы. Он попросил меня не рассказывать никому о своём намерении, а также о том, что он хотел бы взять с собой Штакельберга, Браницкого и меня. Князь не хотел остаться незамеченным для короля, когда будет возможность с ним встретиться. Прибыла Императрица. Мы отужинали. Во время трапезы князь Потёмкин, сидевший рядом с ней, спросил у нее разрешения и затем объявил о своей поездке.

Вы представить себе не можете, какие кислые лица состроили ваши дорогие соотечественники, услышав об этом. Племянниц князя это удивило, они начали перешептываться, но ничего не добились. Князь сказал нам, что мы уедем завтра в 8 часов утра. Я написал в четырех строчках польскому королю о нашем приезде, и князь Станислав⁴⁰ вызвался передать мою записку.

Ранним утром следующего дня, как только я прибыл к князю Потёмкину, он сообщил мне о вчерашнем вечере и о переговорах с этими господами.

³⁷ Город в Киевской области на правом берегу Днепра (в 1787 г. принадлежал Польше). В документах XVIII в. иногда именовался «Хвостов».

³⁸ Иосиф II (1741–1790) – император Священной римской империи, который должен был прибыть на юг России для встречи с Екатериной II.

³⁹ Граф Отто Магнус фон Штакельберг (1736–1800) – русский дипломат, в описываемое время посланник в Речи Посполитой.

⁴⁰ Вероятно, Станислав Понятовский (1754–1833), польский государственный деятель, племянник короля Станислава-Августа.

Затем прибыл посол. Он был убежден, что поездка, в которую мы отправимся, сразу напавал не только их, но и всю партию. Князь ответил, что он это сделал нарочно и хотел им таким образом показать, что он не тот человек, которого можно так легко провести. Этот разговор заставил меня судить о том, что сказанное ему мной дало ростки, и что я нащупал его слабую струну, убеждая князя в том, что их план заключался в том, чтобы сопровождать короля. Наконец мы сели в экипаж, чтобы заехать за генералом, которого мы предупредили о нашем отъезде. Он спросил, не остановится ли князь Потёмкин у своей племянницы. Тот ответил, что нет. Поэтому ей пришлось выглянуть из окна, чтобы попрощаться, после чего мы уехали.

Я думаю, что польская партия из последних сил пыталась помешать нашей поездке, так как, едва мы проехали одну версту, Браницкий выразил свои мысли о том, что мы не застанем короля. Он добавил, что к нему только что прибыли два поляка, которые сообщили ему, что король прибудет в Фастов только через три дня. То, что мы совершили такую бесполезную поездку, немного обеспокоило нас (в большей степени меня). Но князь Потёмкин сказал, что не откажется от своей идеи. Позже мы встретили господина Жозефа, который уверил нас в том, что мы найдем короля. P. S. Князь Потёмкин восхищён королём. Я ночевал в его комнате, и когда мы остались одни, он сказал мне об этом. Я надеюсь, что король будет им доволен. Мы ждём приезда Линя, чтобы отправиться в путь. До свидания, обнимаю вас от всего сердца. Передайте мои наилучшие пожелания госпоже Краковской и князю-примасу⁴¹: надеюсь, они будут им рады.

Среда

Станиславу больше нечего было бояться, по меньшей мере, сейчас. Как только он прибыл в Канев, то отправил посыльных, чтобы поприветствовать Императрицу, а приём, который был им оказан, предвещал то, как примут его самого.

Мадам Мнишек приняли очень благосклонно. Она вместе с мужем⁴² ужинала с Императрицей в день их знакомства, что ещё больше раздосадовало и без того взволнованную оппозицию. В воскресенье она по-

⁴¹ Примас Польши – католический архиепископ Гнезненский, первый среди польских архиепископов. В описываемое время этот пост занимал Михаил Ежи Понятовский (1736–1794), младший брат короля Станислава-Августа.

⁴² Михал Ежи Вандалин Мнишек (1748–1806) – государственный деятель Речи Посполитой, крупный помещик. Его жена Урсула (в девичестве Замоиская; 1750–1808) была племянницей короля Станислава-Августа.

лучила орден Святой Екатерины. Ранее его вручили мадам Браницкой, о чем давно ходатайствовал князь Потёмкин. Князь Станислав и граф Мнишек, послы короля, получили превосходные шкатулки с портретом Императрицы, а епископ – перстень и пансион в пятьсот дукатов. Всё, что делалось королём, принималось за чудо».

В Каневе, как вы понимаете, прием, оказанный королём посылным Екатерины, был ещё более впечатляющим. «Граф Румянцев⁴³, которого отправили поприветствовать короля, вернулся в восхищении. Императрица отправила графа Шувалова с письмом к королю, так как он прислал маршала Мнишека. Министр Безбородко⁴⁴ прибыл туда с послом, а затем и остальные господа, находящиеся здесь, последовали за ним. Я же буду в Каневе на Страстной неделе: выезжаю завтра. Надеюсь, что после встречи с Императрицей король вернётся оттуда счастливым, ибо только от нее зависит то, каким будет его впечатление. Невозможно, чтобы она не желала видеть его таким. Что же касается меня, я здесь очень счастлив, ещё с тех пор, как Императрица согласилась на встречу со мной. Здесь я не терял ни дня, с шести утра и до девяти вечера. Мы ужинали вместе четыре или пять раз в неделю. И, знаете, я бы проводил здесь все дни, если бы не боялся быть навязчивым. Конечно, чем чаще я ее видел, тем больше к ней привязывался, так как невозможно быть ещё более любезной. Не проходило и дня, чтобы мы не заводили долгих разговоров. Иногда, когда я не играл сам, она приглашала меня понаблюдать за ее игрой. Она говорит много и красиво, а также она весела и даже смешлива».

*В тот день, когда Императрица приняла его в круг своих приближенных, ему пришлось заново представить себя. На этот раз его облачили в таврический костюм, принятый для всех, кто получил от Её Величества там земли во владение.*⁴⁵

«Вчера и сегодня я ужинал у Императрицы. Никогда у меня ещё не было такого веселого ужина, как вчера. Посудите, насколько я счастлив сидеть за этим маленьким круглым столом, где никогда не находится более десяти-двенадцати человек. Счастлив, что она так хорошо меня

⁴³ Пётр Александрович Румянцев (1725–1796) – знаменитый русский полководец, за победы над турками получивший почетное прозвание «Задунайский». В описываемой время был генерал-губернатором Малороссии.

⁴⁴ Граф Александр Андреевич Безбородко (1747–1799) – российский государственный деятель, дипломат, статс-секретарь Екатерины II, фактический руководивший внешней политикой империи.

⁴⁵ Возможно, речь идет о мундире, утвержденном для чиновников и дворян Таврической области [ПСЗРИ 1. Т. 22. № 15975. С. 90].

приняла, ведь я так желал с ней познакомиться. Но кто-то, не знаю кто, настроил ее против меня ещё до нашего знакомства, это факт. Благодаря князю Потёмкину, ко мне отнеслись так же хорошо, как до этого относились только к Линю (хотя мы оба иностранцы). Всё потому, что я не выгляжу, как иностранец, у которого есть орден святого Андрея⁴⁶. Я часто вижу генерала Мамонова, фаворита Императрицы. Своей удачей он обязан князю Потёмкину, и он ему очень за это признателен. У него привлекательное лицо, он очень учтив, остроумен и, надо признать, очень нравится Императрице. Вчера я ужинал у него. Императрица знала об этом, и позаботилась о том, чтобы он непременно угостил меня апельсинами. Вист довольно дорогая игра: ставка за роббер составляла двести рублей».

И несколькими днями позже: «Я столько дней прожил у князя Потёмкина, что я действительно начал считать его своим другом. Вчера, когда я прибыл на ужин к Императрице, она сказала: “Я с удовольствием послушала вашу вчерашнюю беседу с князем Потёмкиным. Мне очень нравятся люди, которые, подобно вам, обладают множеством неоченимых достоинств. Этот разговор был о войне; я убеждала его в том, что, как только она начнется, мы будем сражаться вместе. Принц, вероятно, тотчас же был готов присоединиться. Не говорите об этом никому. Когда я рассказала об этом Сегюру, он заявил, что моё положение в Польше, и ныне в России, вынуждает меня добиться согласия Франции. Что касается Испании, я убеждена, что нужно бороться с неверными”».

Так же, как он был доволен своим путешествием по Крыму, несмотря на несколько часов скуки, он все же может быть доволен этим вынужденным пребыванием в Киеве, и он имеет полное право написать Принцессе: «Дела короля идут хорошо. В лице князя Потёмкина я обрёл настоящего друга. Если бы я не познакомился с ним и не высказал свое истинное мнение и даже предубеждение по поводу партии оппозиции, то короля, я думаю, постигла бы печальная участь. Императрица действительно любит Браницкого и его жену. Посудите сами, как он хвалился тем, что, к тому же, располагает доверием своего дяди! Представьте себе, если бы он остановился на две недели в Белой Церкви, окружённый единомышленниками, не питающими большой любви к послу; и вдруг, без его согласия, туда прибыл бы король! Посудите, как бы с ним обошлись! Я вам клянусь, что если бы я занимался своими делами, то не сделал бы ничего

⁴⁶ Орден святого апостола Андрея Первозванного – первый по времени учреждения, высший орден Российской империи.

из того, что совершил. Может быть, однажды представится случай, когда это окажется для меня полезным».

Но, несмотря на успех, ему, как и в Крыму, иногда казалось, что время идёт очень медленно. Он уже в этом признался. Это был человек действия, которого можно было увидеть полностью удовлетворенным лишь во время его сражений и побед. Кроме этого, ни интриги, ни милости не могли совсем уберечь его от скуки, которая для него связана была с отдыхом в мирное время, и даже тёплый приём Екатерины не смог этого излечить.

«Очень редко в моей жизни, – пишет он из Киева, – мне бывает настолько скучно, как здесь. Но здесь со мной так хорошо обращаются, что я вынужден скрывать то, что я на самом деле думаю». *Вот почему, когда лёд на Днепре наконец растает, он с радостью сможет сказать: «Определенно, мы уезжаем 22 (по старому стилю), на следующий день после дня рождения Императрицы. Сегодня я отпустил всех своих слуг, оставив только камердинера; ведь я отправлюсь на корабль князя Потёмкина, а там довольно тесно. С нами будут господа Браницкий и Скавронский⁴⁷ с женами. Но я бы предпочел быть менее любезным с князем (который меня действительно любит), несмотря на то, что остальные меня явно ненавидят». И на следующий день: «Мы уезжаем 3 мая (по новому стилю), теперь это точно. А пятого, вероятно, мы будем в Каневе. Ещё не решено, в котором часу мы туда прибудем, но я не думаю, что это займет много времени. Императрица очень смущена встречей, но всё пройдёт хорошо.*

§ V. Путешествие Императрицы Екатерины в Крым

21⁴⁸/2 мая 1787 г.

Мы уезжаем завтра, моя Принцесса. У меня есть время написать вам всего пару слов, ведь сегодня день рождения Императрицы и нужно отдохнуть от маршала Румянцева и от всего, что остаётся здесь. Прощайте, целую вас и люблю всем сердцем.

Киев, 3 мая. В полдень Императрица будет на корабле. Она не жалеет о том, что остановилась в Киеве. Я же скучаю по тому круглому столу, где мне посчастливилось познакомиться с Императрицей, ведь мне ни-

⁴⁷ Павел Мартынович Скавронский (1757–1793) – русский дипломат, богат и коллекционер, муж Е. В. Скавронской.

⁴⁸ апреля.

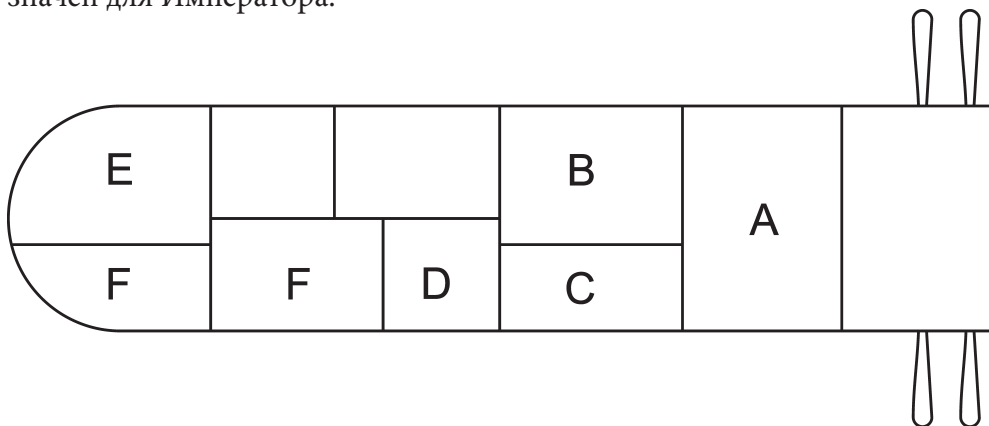
когда бы не удалось сделать это где-нибудь ещё. И, по правде говоря, я каждый день восхищаюсь ею всё больше и больше, так как она является воплощением простоты во всех её проявлениях. Её речь чарующа, и когда разговор заходит о серьезных вещах, она, сама того не желая, всегда демонстрирует широту ума и верность суждений. И это только одна из тех очаровательных особенностей, которыми она обладала.

Князь Потёмкин покинет нас в Каневе для того, чтобы встретиться с Императором в Кременчуге. Итак, нам пора отправляться. Прощайте, моя Принцесса, я напишу вам из Канева, где я увижусь с королем. Он наверняка будет очень доволен, так как эта встреча должна его убедить в том, что его царствование будет счастливее, чем раньше. Для него все сложилось благополучно; я не смею в этом сомневаться.

8 часов утра, 4 мая. Я только что встал, чтобы написать вам, пока все ещё заняты: князь спит, Браницкий и Скавронский, вероятно, тоже, а Штакельберг размышляет о том, как всё причудливо и странно в этом мире.

Это правда, что наши встречи на корабле редки. Но если мы вместе, то нам нужно поддерживать хорошие отношения, чтобы не мешать друг другу. Вот рисунок с расположением наших кают. Вы увидите, что для того, чтобы попасть к себе, всем нужно было пройти через мою каюту и каюту князя, и что Браницкий с женой были вынуждены проходить через мои апартаменты, чтобы пообщаться. Поэтому, на данный момент, мы лучшие друзья в мире. Князь – А, я – В, Браницкий – С, Штакельберг – D, Браницкая – E, Скавронская и ее муж – F.

На нашем корабле, самом большом и украшенном красивее прочих, должна была плыть Императрица, но по её повелению он был предназначен для Императора.

Вчера в полдень мы отправились в путь, до этого посетив три церкви. Мы пришли в столовую и увидели там стол, накрытый на пятьдесят человек. Ужин был очень хорош. Он сопровождался великолепной игрой духового оркестра, который Императрица пригласила из Петербурга. Всё слилось для нас в одно превосходное зрелище: пушка на площади, возгласы людей на берегу, женщины, доносившаяся с других кораблей музыка... Это было лучшим временем для всех. В три часа мы подняли якорь, а в шесть сделали остановку. Мы прибыли на корабль к Императрице, где остались до девяти вечера, пока она не отправилась спать, а затем мы пошли в столовую, где ели то же самое, что было у нас на ужин. Отсюда мы вернулись к себе, чтобы побеседовать и лечь спать. Завтра утром я расскажу вам подробнее, как прошел день. Князь ещё не спит, я вернусь к нему, пока там никого нет. Мы с ним очень интересно беседовали, впрочем, как и всегда.

Корабль двинулся в путь в четыре часа утра, пока мы спали, и, так как позади нас было несколько кораблей, в 9 часов мы встали на якорь, будучи в 23 верстах от Киева. Я вошёл к князю в десять часов. Едва я ступил на порог, как нам подали знак явиться к Императрице. Князь быстро завершил свой утренний туалет, во время которого он говорил о Польше и короле так, как нам хотелось. Штакельберг был там. Мы прибыли к Императрице, она была очень весела. В полдень мы сели в лодку, чтобы отобедать у себя на корабле. Позже, Императрица вернулась в свои покои, и я отправился вместе с Линем и Сегюром на их судно, где Линь нам прочитал его беседу с покойным прусским королём. Также мы прочитали “Диалог между Юпитером и Киником” Лукиана⁴⁹. В шесть часов нас опять позвали к Императрице, но повара отстали, и пришлось отправлять все корабли, чтобы привести их на буксире. Мы простояли на якоре до восьми часов, когда смогли попасть к Императрице, которая была немного не в духе, поскольку повара отстали, и это помешало подать ужин.

В девять часов она вернулась к себе. Все отправились к князю Потёмкину, за исключением Браницкого, Кобенцеля и меня. Мамонов предложил мне остаться, чтобы сыграть партию в вист и худо-бедно поужинать тем, что он раздобудет. Едва мы начали играть в маленькой гостиной Императрицы, как вошла она, в домашнем платье, с растрёпанными волосами, готовая надеть свой ночной чепчик. Она спросила, не будет ли она нас смущать. Она села рядом с нами, и была

⁴⁹ Лукиан Самосатский (около 120 – после 180 гг. н. э.) – древнегреческий писатель.

очень весела и очаровательно любезна. Она извинилась за своё домашнее платье, которое, однако, было одним из самых элегантных, сделанное из тафты цвета абрикоса с синими лентами. Отсутствие какого бы то ни было головного убора делало её моложе. Она выглядела свежо. Я сказал ей, что ещё не видел никакого одеяния, которое бы сидело на ней настолько хорошо, как это домашнее платье. Нас известили о том, что прибыла лодка с ужином господина Мамонова. Это привело ее в восторг. Она осталась с нами до половины одиннадцатого, пока мы не сели за стол, чтобы хорошенько отужинать. Я вернулся к себе в половину второго; сейчас уже девять. Сейчас я буду вставать, так как мы снимаемся с якоря. Я хочу увидиться с князем наедине, ведь этим вечером мы уже будем в Каневе. Я сообщил королю, что приеду раньше других, чтобы лично сказать ему то, что не успел написать. Хотя у него было предостаточно писем от меня, и во всех было написано то, что он хотел знать, так как у меня для него были только хорошие новости. Он сделает всё, что пожелает. Прощайте, моя Принцесса, до завтра.

Сейчас пять часов утра. Я одеваюсь, чтобы отправиться в Канев на небольшом корабле; остаток пути займет у меня на три часа меньше, чем если бы я доплыл на большом судне. Со мной туда едет Линь. Я желаю, чтобы Императрица не смогла приехать отужинать в Канев, ведь тогда она бы провела там весь завтрашний день. Князь Потёмкин вчера вечером сообщил мне это и высказал те же пожелания, что и я. Но посол Императора целый день говорил, что его господин сегодня уезжает из Львова, и это заставляет Императрицу поспешить, ведь она ждала его уже очень долго. Она хочет добраться до Херсона по воде, преодолев пороги; она не рассчитывала, что пробудет в пути так долго. На ее месте, я бы сделал так же, так как я не видел ничего более чарующего, чем такого рода путешествия. Это бесконечный и, по правде говоря, один из самых превосходных праздников. Очаровательное общество, благодаря добру Линя и Сегюра, путешествовало, замечая это только по смене пейзажа, по богатому столу, по Императрице, более любезной, чем когда-либо, проводя с ней время с одиннадцати часов до ужина, и с шести часов до девяти...

Вчера я не пошел к Мамонову, потому что я хотел побеседовать с князем относительно короля, с которым я вскоре увижусь. Он будет принят в соответствие со всеми правилами вежливости. Галеры будут в боевой готовности и поприветствуют его пушечным залпом.

Лучшие офицеры поплывут к нему навстречу на лодках. Для всей его свиты велели накрыть на стол. Все господа, прибывшие с ним, также отобедают с Императрицей. Для этого свиту Императрицы посадят за другой стол, и, в отличие от посла Императора, я не отчаиваюсь, ведь даже если они придут сегодня к обеду, до завтра они не останутся. Это зависит от того, сколько свободы он предоставит своей свите. Впрочем, для достижения своих целей он почти всегда делает то, что захочет. Я напишу вам после встречи. Прощайте, я уже причесан; мне нужно быстро уходить.

Хотя Императрица встретила короля с большим удовольствием, она несколько не была этим смущена. Требования этикета ее утомляют, и поэтому они расстаются уже сегодня. Но король себя прекрасно чувствует. В князе Потемкине он видит друга, он в этом не сомневается. Сейчас два часа утра, мы уезжаем из Канева, где накануне ужинали. Князь Потёмкин уже уехал в Кременчуг, мы же отправимся в четыре часа утра. Я же, в таком случае, отправлюсь спать, потому что уже валюсь с ног от усталости. Доброй ночи, время спать, я очень устал. У меня остались силы только на то, чтобы поцеловать вас.

Р. С. Императрица отправила орден святого Андрея королю Польши так же, как ранее вручила его королю Швеции, когда тот был в Санкт-Петербурге».

Столь детальные письма принца Нассау на этом моменте резко прерываются, и продолжаются только с момента приезда Екатерины в Крым.

Больше ничего о встрече в Каневе, подготовленной с таким усердием, где, в конечном итоге, [польский король] Станислав (как отмечает принц де Линь, который, по крайней мере, оказал ему услугу передать будущим поколениям его прекрасные слова) потратил три месяца и три миллиона на встречу с Императрицей, продлившуюся лишь три часа.

Вблизи Кременчуга заканчиваются владения маршала Румянцева и начинаются владения князя Потёмкина. По мнению организатора этого странного путешествия, с этого момента не было ничего особенного, что стоило бы отметить.

И также, нечего было написать о неожиданном прибытии Иосифа II, или, скорее, о графе Фалькенштейне⁵⁰. И здесь ещё более прискорбно молчание принца Нассау, ведь он мог бы предоставить нам об этом пикантные подробности.

⁵⁰ Граф Фалькенштейн – вымышленное имя, под которым в Россию прибыл император Священной Римской империи Иосиф II.

Не застав Екатерину в Херсоне, Иосиф II почти в одиночку пересек степь, рассчитывая застать её в Новых Кайдаках⁵¹; но, вовремя предупрежденная, Императрица покинула свою флотилию, и, поспешно сев в карету, в которой вместе с ней находились лишь князь Потёмкин, граф Браницкий и принц Нассау, она успела раньше. Вот уединённая хижина какого-то казака; именно здесь, посреди пустыни, встретились два великих Государя. Затем, вернувшись в Новые Кайдаки, они вынуждены были бы, по словам Сегюра, обойтись без ужина из-за непредвиденных обстоятельств, которые помешали их эскорту присоединиться к ним раньше следующего утра: «Потёмкин, Браницкий и Нассау старались, как смогли, и приготовили ужин – было весело, но невкусно, хотя чего следовало бы ожидать от столь именитых поваров».

В остальном, при желании восстановить полную картину всего, что происходило в этом знаменитом путешествии, или даже просто отразить впечатления принца Нассау, следовало бы обратиться к воспоминаниям господина де Сегюра или попросить согласия принца де Линя до конца заполнить другие пропуски. Таким образом, обеспокоенный лишь тем, чтобы отправить своей жене те подробности путешествия, которые бы ее позабавили, принц систематически избегает упоминаний о политике. Однако вполне вероятно, что в ходе личных бесед трёх друзей эти серьезные вопросы должны были возникать намного чаще, чем обсуждение красоты пейзажей Тавриды.

Когда господин де Сегюр покинул Царское Село вместе с Императрицей, он подписал торговый договор между Францией и Россией; неожиданный успех был в его мыслях лишь предвестием союза между двумя нациями. Вероятно, это было началом нового пути для политики нашего государства. Поскольку в Версале было решено никоим образом не вмешиваться в войну между Россией и Турцией, расцененную как неизбежную, и поскольку победа русских не казалась сомнительной, не были ли этот союз, впрочем, выгодный во всех отношениях и уверяющий нас в праве быть услышанными в Петербурге (тотчас после успешной кампании и советов проявить сдержанность), одним из немногих способов, с помощью которого мы бы смогли, по меньшей мере, сохранить основные интересы Османской империи? Иосиф II, как бы он и сам не желал немного расширить свои владения за счёт турок, говорил о готовности помочь нам, априори не будучи против того, чтобы Россия присоеди-

⁵¹ Новые Кайдаки – место, где Екатерина II впервые встретила с Иосифом II; ныне часть города Днепра (Днепропетровска).

нила некоторые территории, например, Очаков, к своим недавним и окончательным завоеваниям в Крыму; мы же всё-таки рассчитывали помешать слишком близко подойти к Константинополю. К сожалению, Версальский кабинет, погрязший во внутренних сложностях, хоть это и ободряло господина Сегюра, был на данный момент не в состоянии без колебаний принять какое-либо решение, если только это не будет решением, которое позволит событиям идти своим чередом. И отсюда появляются сомнения, явные противоречия, которые осложняют работу посла, и у которого нет, в отличие от наших дней, телеграфа для того, чтобы быть в курсе изменений в правительстве.

Господин де Сегюр получил не самый приятный опыт пребывания в Херсоне. Они пробыли там уже несколько дней, когда Императрица во всеуслышание объявила о своих планах продвинуться вплоть до Кинбурна⁵², пересекая залив Лиман⁵³, чтобы добраться до самого Очакова. Это, в каком-то роде, способствовало ознакомлению с территорией турков в компании Императора и посла Франции, который от этого не отказывался. Но вдруг они узнают, вероятно, от другого французского посланника, господина Шуазэль-Гуфье⁵⁴, что эскадра османов – которые, стоит признать, имели основания для недовольства – ночью пришла в залив и, таким образом, помешала переправе Екатерины.

Предоставим принцу де Линю, свидетелю этой задержки, которая могла обернуться трагедией, описать нам ситуацию с его стороны: «Императрица позволила нам с принцем Нассау, как любителям, а может быть и знатокам, осмотреть Очаков и десять турецких кораблей, которые бесчестно расположились в устье Борисфена⁵⁵, как будто чтобы помешать нашему плаванию в случае, если Их Императорские Величества захотят добраться до Кинбурна по воде. Когда Императрица увидела расположение этого флота на маленькой карте, которую ей подали, принц Нассау тотчас же предложил свои услуги, чтобы избавиться от турецких кораблей. Императрица щёлкнула по бумаге и улыбнулась.

⁵² Кинбурн — крепость на одноименной косе, которая ограничивает с юга Днепро-Бугский лиман. Это было стратегическое место, но Екатерина II до него не доехала из-за опасности со стороны турок, которым принадлежала крепость Очаков на противоположной стороне лимана.

⁵³ Д'Арагон (по примеру Нассау-Зигена?) воспринял слово «лиман» как имя собственное, название места, где Днепр и Южный Буг впадают в Черное море.

⁵⁴ Огюст де Шуазэль-Гуфье (1752–1817) – французский дипломат, в описываемое время бывший послом в Османской империи.

⁵⁵ Борисфен – античное название реки Днепр.

Я смотрел на это словно на прекрасное предвестие прекрасной войны, которая, надеюсь, вот-вот разразится. На другой день я догадался, что именно для этого в кабинет Императрицы, куда только что прибыл Император, были приглашены офицер артиллерии, офицер инженерных войск и князь Потёмкин.

«Вы знаете, – сказала Императрица, – что ваша Франция, непонятно почему, всегда защищает мусульман?» Сегюр побледнел, Нассау покраснел, Фицхерберт зевнул, Кобенцль засуетился, а я засмеялся... Когда я рассказал Сегюру о своих надеждах по поводу войны, он сказал: мы потеряем левантийские⁵⁶ порты; а я ему ответил: стоит судить о том по министерской глупости, только что совершенной через признание всеобщей бедности на нелепой ассамблее знатных лиц...»

Но поскольку переписка принца Нассау возобновляется только после его приезда в Крым, – или, скорее, в Тавриду, как тогда говорили, чтобы угодить Екатерине, также как Днепр в ее окружении называли Борисфеном; принц де Линь даже называл Киев “Киовией”,⁵⁷ – давайте перейдем к этому моменту.

«Так как Таврическая губерния является самой интересной частью нашего путешествия, я опишу ее в дневнике, чтобы вы, моя Принцесса, знали, чем мы занимаемся в этом прекрасном краю.

Мы пообедали с Императрицей, и я уехал с князем Потемкиным. Переплыв Борисфен, мы встретили детей татарской знати, прибывших чтобы приветствовать Её Величество. Мы поговорили с ними; затем мы преодолели ещё тридцать вёрст до каменного моста, где мы должны были переночевать. Нас ждали там три тысячи донских казаков во главе с атаманом. Сначала мы проехали перед первой шеренгой, которая была очень длинной, их боевой строй был представлен лишь одним рядом. Как только мы дошли до конца шеренги, эти три тысячи человек разъехались во всех направлениях, обогнали нашу карету, выкрикивая что-то на своём языке. Равнина мгновенно оказалась заполненной ими и явила собой такое яркое зрелище, походящее на настоящее поле битвы, которого я прежде никогда не видел. Они проводили нас до места, где можно было сменить

⁵⁶ Левант – французское название Восточного Средиземноморья.

⁵⁷ Речь идет о том, что Екатерина II широко использовала старинные, греческие, византийские и славянские названия южных земель, чтобы подчеркнуть право России на овладение ими как преемника древней Греции, Византии и Руси. Отсюда и переименование Крыма в Тавриду. Желая польстить своей покровительнице, де Линь вместо традиционного в ту эпоху написания Киева как *Kioff* выдумал новый, «архаизированный» вариант – *Kiovie*.

лошадей (за дюжину вёрст), и ринулись в бой. Среди них были калмыки, которые как две капли воды похожи на китайцев. Мы прибыли к каменному мосту и обнаружили там красивый дом, сооружённый на малом форте на земле, расположенный на краю моста, построенного греками, и тридцать шатров, один красивее другого, в которых мы будем ночевать. Императрицу, так же, как и нас, сопровождали казаки. О её приближении мы узнали ещё за шесть вёрст, когда эта равнина, как муравейник переполненная людьми, которые скакали во весь опор, сохраняя в этом беспорядке свой способ атаки и защиты, стала ещё более похожей на поле боя. Императрица не ожидавшая их там увидеть, сказала князю: “Вот одна из ваших башен”. Он захотел описать им то, что мы увидели. Казаки, уже преодолевшие галопом тридцать вёрст, вновь вступили в небольшое сражение перед Императрицей и Императором, которые подошли к насыпи, чтобы их увидеть. Этим вечером все вопросы были адресованы казакам. Император задавал много вопросов атаману, который ему отвечал, помимо прочего, что обычно они преодолевают по шестьдесят вёрст в день, что соответствует пятнадцати французским льё⁵⁸. В Европе не существует другой кавалерии, способной на это.

В девять часов Императрица и Император вернулись к себе, а мы отправились ужинать. Император был очарован князем Потемкиным, и отметил, что тот заслуживает всего, о чем говорит. Но мне пришлось бы слишком много писать, если бы я захотел передать вам всё в подробностях. Уже поздно, и вы знаете, что я об этом думаю. Князь Потёмкин на минуту зашёл в шатер, где устроились мы с Линем, и после этого мы ещё час беседовали в его шатре.

Сегодня утром я встал в шесть часов, а в семь часов мы отправились в салон Императрицы, где уже были командиры казаков. Жена атамана появилась вслед за своей невесткой и дочкой, которая была очень красива. Они были одеты в золотую и серебряную парчу. Это одеяние очень длинное и похоже на сутану наших священников, которая запахивается, вместо того, чтобы застёгиваться. Шапочка изготовлена из меха соболя, а внизу она отделана жемчугом. Три дюйма жемчуга на лбу и полоска шириной в четыре дюйма, которая тянется по щекам до уровня губ; всё это создаёт один из самых необычных головных уборов, которые я когда-либо видел. Ещё на них были браслеты и длинные жемчужные ожерелья, которые тянулись до самого пояса и крепились к той

⁵⁸ Льё – старинная французская единица измерения расстояния; сухопутное льё равно 4444,4 м (длина дуги 1/25 градуса земного меридиана).

части одежды, которая закрывала ворот. Гости были представлены нам мадам Браницкой. Затем казацьи командиры и две сотни ветеранов с белыми бородами поцеловали руку Императрицы, и мы ушли. По дороге мы встретили казаков с взъерошенными волосами, а затем с князем отправились вперёд.

Мы остановились в Перекопе, в доме комиссара по поставке соли, где нас ждал уже готовый обед. Туда приехал Император. Он уехал в три часа ночи, чтобы осмотреть границы. Он ехал вдоль границ: от Чёрного моря до части Азовского моря, названного Гнилым. Там он нашел то самое место, где со своей кавалерией прошёл маршал Ласси⁵⁹, когда он прибыл в Крым в [17]37 г. Он вернулся из своего путешествия очень довольным и беседовал с нами со своей привычной лёгкостью до того момента, как пришла Императрица. Ей пришлось смотреть на все виды соли, один из которых имел аромат малины. После этого мы сели в карету и отправились на ужин, для которого уже установили замечательные шатры. Затем мы тут же отправились спать в очень красивые татарские шатры. Императрица была очень довольна своим роскошным шатром. У каждого было своё место для ночлега; однако, мы с Линею жили в одном шатре, и мне очень нравилось с ним беседовать. За ужином к нам присоединился Сегюр. Мой повар приготовил для нас несколько деликатесных блюд. Князь Потёмкин, не увидев нас во время ужина, пришел сюда нас искать. Мы собирались ещё немного побеседовать у него, а затем отправиться спать.

Там, где мы сейчас находимся, видно горы, и завтра мы въедем в этот прекрасный край.

30 [мая], Бахчисарай

Я вышел из своего шатра в половину седьмого. Император, прогуливающийся с четырех часов утра, был с князем Потёмкиным. Он ходил между запряженными верблюдами и тележками, на которых ездили татары. Я гулял с Императором час, посмотрев на татар, приехавших, чтобы встретиться с Императрицей, и поговорив с ними. В половине девятого мы, то есть князь Потёмкин и Браницкий, уехали. Шатры для трапезы поставили в прелестном месте; там мы и позавтракали. Императрица прибыла, когда мы уже собирались уезжать. Мы оставались с

⁵⁹ Пётр Петрович Ласси (1678–1751) – русский полководец ирландского происхождения, в 1737 г. в ходе очередной русско-турецкой войны совершил успешный поход на Крым.

нею четверть часа, и вновь отправились в путь, который шаг за шагом становился всё более приятным. Мы встретили татарский отряд, назначенный для сопровождения и охраны Императрицы. Я ещё никогда не видел лучших всадников. За ними следовал сильный татарский полк. Это были те же самые татары, которые восстали против Шагин-Гирея⁶⁰, потому что он хотел создать из них полк со строгой дисциплиной. И именно им вверяют охрану Императрицы; и вот она среди тысячи татар, готовых ее защитить! Дворец показался мне намного более приятным, чем когда я там замерзал. Цветы и зелень – всё это придавало дворцу более необыкновенный и чарующий вид. Императрица прибыла через два часа после нас. Она была очарована увиденным, и те же и собственным дворцом. Мы осмотрели сераль⁶¹, где она будет жить. Затем Император захотел осмотреть гарем, где расположились я, князь Потёмкин и Линь. Поскольку я знал каждый уголок этого дворца, я его туда отвёл, а затем я сопровождал в его покои. Он занимает дом брата хана, где расположился с удобством. Я не мог не заметить, насколько необычным было то, что я привел Римского Императора в гарем татарского хана. Это и вправду очень необычно. Немного приведя себя в порядок, мы отправились посмотреть на крикунов⁶², собравшихся в мечети. Императрица была очень уставшей, но Император всё же пришел туда. Всё это показалось нам довольно сумасбродным. И затем мы вернулись в покои Императрицы, она была очень весела.

Она сидела в большом богато украшенном зале, по кругу которого шла арабская надпись золотыми буквами: “Те, кто ревнует и завидует, будут напрасно расточать слова, ведь ни в Исфахане, ни в Дамаске, ни в Стамбуле им не сыскать подобного”. Этот зал украшают фрукты и цветы, сделанные из воска господином де Тоттом⁶³, когда тот жил в Крыму, у Крым-Гирея. Он описывает это в своей книге. Императрица, которой я их показал, сказала Императору: «Удивительно, что всему, сделанному господином де Тоттом, суждено было стать моим. В Константинополе он изготовил две сотни пушек – все они принадлежат мне. Он украсил цветами этот дворец, и теперь они тоже мои. Так было суждено”. Вошёл

⁶⁰ Шагин Гирей (1745–1787) – последний крымский хан, правил с 1777 по 1783 гг.

⁶¹ Сераль – дворец мусульманского правителя.

⁶² В тексте – «hurleurs»; этим словом Нассау-Зиген называл дервишей. Далее он говорит об их религиозном обряде.

⁶³ Барон Франсуа де Тотт (1733–1797) – французский дипломат, инженер и писатель, по происхождению венгерский дворянин. Французский посол в 1767–1769 гг. при крымском хане. Описал свои приключения в Турции и Крымском ханстве в мемуарах.

Сегюр, она умолкла, засмеялась, и, повернувшись ко мне, сказала: “Я занималась любимым делом”.

Император много говорил о мужественном характере, который нужно иметь, чтобы оказавшейся посреди тысячного войска татар, и о том, как это должно было поспособствовать развитию цивилизации в этом краю. Конечно, нужно проявить смелость, когда тебя сопровождают люди, которые некогда воевали с русской армией и были побеждены с большим трудом.

Наступила ночь; горы, окружающие город, и дома, стоящие на склонах, были озарены множеством огней – всё это являло собой прекрасное зрелище. Мы поужинали, и, стоя рядом с губернатором, я рассказал ему о происшествии, которое задержало прибытие Императрицы, и о котором мне рассказал Император. Не смогли остановить экипаж, и лошади, которых больше ничего не сдерживало, так рванули вперёд, что кучер тут же кубарем полетел вниз. Так как в этой коляске находилось восемь человек, всем им в итоге грозила смерть или сильные увечья. Губернатор сказал мне, что никогда в жизни он так не боялся. Татары, считавшие, что гибель кареты неизбежна, кричали: “Спаси ее Бог! Спаси её Бог!”. Когда Императрица об этом узнает, это компенсирует беспокойство, которое она, должно быть, испытала, хотя говорят, что её лицо осталось бесстрастным. Завтра, в день святого Константина, мы останемся здесь. Я буду ночевать в одной из самых красивых комнат гарема, которую занимаю вместе с Линем. Я думаю, что мы немного поговорим о тех, которые, должно быть, занимали эти комнаты до нас».

[...]

ЛИТЕРАТУРА

Бильбасов В. А. Исторические монографии. Т. 4. СПб., 1901.

Елисеева О. И. Граница России – Черное море. Геополитические проекты Григория Потемкина. М., 2018.

Императрица Екатерина II в Крыму. 1787 г. // РС. 1893. Т. 80. № 11 (ноябрь).

Кулишер И. М. История русской торговли и промышленности. М., 2016.

Aragon [A] d'. Un paladin au XIIIe siècle. Le prince Charles de Nassau-Siegen. D'après sa correspondance originale inédite de 1784 à 1789. Paris, 1893.

[*Tott F. de*] Mémoires du baron de Tott, sur les Turcs et les Tartares. Pt. 1–2. Maestricht, 1785.

«ОБЩИЙ ОБЗОР ПЕРЕСЕЛЕНИЯ КРЫМСКИХ ТАТАР» (1860–1861 гг.). ЗАПИСКА ДЛЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II О ПОЛОЖЕНИИ ДЕЛ В КРЫМУ

Д. В. Конкин

События Крымской войны спровоцировали во многом противоречивый и трагичный процесс массовой эмиграции крымско-татарских жителей в Турцию. Основной поток переселения пришелся на 1860–1861 гг. [Маркевич 1928: 392–405; Водарский, Елисеева, Кабузан 2003: 100–106]. Император Александр II получал информацию о положении дел в Крыму из разных источников. Среди прочих негласные сведения из Крыма поступали монарху через главу III-го Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, шефа жандармов князя В. А. Долгорукова.

27 июня 1861 г. Долгоруков по распоряжению императора передал «для прочтения» недавно назначенному министром внутренних дел В. А. Валуеву копию записки под названием «Общий обзор переселения крымских татар», в которой описывались экономические и политические риски тотальной эмиграции крымских татар. В сопроводительной документации находилась собственноручная запись Долгорукова: *«Прилагаемую записку, которую я уже сообщал Г[осподину] ст[атс] с[екр]етарю Валуеву, иметь в виду. – Она получена мною от Его Величества»* [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 35. Д. 94. Л. 25]. Автор записки не указан ни в начале, ни в конце хранящегося в ГАРФ документа.

Но изучив все рукописи, сведенные в одном архивном деле, можно предположить, что автором документа мог быть прославленный военный инженер, герой обороны Севастополя Э. И. Тотлебен. Известно, что в июле 1860 г. к отправлявшемуся в Таврическую губернию по делам службы Тотлебену письменно «с Высочайшего разрешения» обратился все тот же Долгоруков с просьбой «частным образом» изучить ситуацию в Крыму. На обороте оригинала данного послания находится следующая приписка, сделанная 15 декабря 1860 года: *«Полученное в ответ на это, письмо Г[енерал] А[дъютанта] Тотлебена и приложенная к оному записка о Крыме представлена Государю императору и передана Его Величеством Министру Государственных Имуществ. 15 декабря 1860»* [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 35. Д. 94. Л. 6 об.]. Таким образом, Тотлебен выпол-

нил поручение и подготовил особую записку для прочтения императором со своими впечатлениями о ситуации в Крыму. Именно эта записка позднее могла быть передана Валуеву для ознакомления и размещена в конце подшивки тематического архивного дела.

Следует отметить, что существует хорошо известная специалистам давняя публикация в журнале «Русская Старина» за 1893 г. другой записки графа Тотлебена «О выселении татар из Крыма в 1860 г.» [Тотлебен 1893: 531–550], в которой также описаны причины и последствия татарской эмиграции. Этот опубликованный документ, как комментировал редактор журнала и автор биографии Тотлебена Н. К. Шильдер, был передан впоследствии самим графом своему помощнику С. П. Зыкову и якобы являлся той самой запиской, поступившей на «Высочайшее рассмотрение», которая *«создала защитнику Севастополя немалое число новых врагов и поколебала <...> в руководящих сферах веру в его политическую проницательность и понимание русских государственных интересов»* [Там же: 531]. При этом следует заметить, что в монографии посвященной Тотлебену Шильдер события с командировкой графа в Крым и запиской для императора ошибочно отнёс к 1861 г. [Шильдер 1886: 599], когда Александр II сам впервые прибыл на полуостров, а основная масса крымско-татарского населения уже эмигрировала в Турцию. В опубликованной позднее в «Русской старине» записке Тотлебена, в предварительном комментарии Шильдер процитировал свою монографию с упомянутым эпизодом, где уже верно датировал событие 1860-м годом, но при этом в публикации ничего не было сказано о неточности, попавшей ранее в книгу [Тотлебен 1893: 531].

Между тем, прямых сведений, что именно эта записка была подготовлена Тотлебеном для императора, не имеется. Значительный объем опубликованной Шильдером записки, широкое цитирование в ней рапорта предводителя таврического дворянства, уже и без того направленного в МВД, наконец, упоминание об отзывах самого императора, как одной из причин начавшейся эмиграции, заставляет сомневаться, что этот документ в таком виде был предназначен для прочтения Александром II. Скорее это был развернутый отзыв для определенного ведомства – МВД или же Императорской Канцелярии.

В то же время представляемый здесь «Обзор», схож по смыслу с запиской из «Русской старины», но более краткий и эмоциональный, и совершенно точно был прочитан императором, что в контексте с приведенными выше обстоятельствами его размещения в архивном деле, в котором шла речь о переселении крымских татар, и письменными ком-

ментариями князя Долгорукова, дает основания утверждать, что именно этот документ являлся той самой запиской Тотлебена, которая в конечном итоге попала на «Высочайшее рассмотрение».

Документ хранится в Государственном архиве Российской Федерации [Ф. 109. Оп. 35. Д. 94. Л. 26–30]. При публикации по возможности сохранены особенности оригинальной орфографии, синтаксиса и пунктуации, а также специфика написания терминов и понятий.

(Л. 26) Пол[учено(?)] от Его Величества 26 июня.

Статс-секретарю Валуеву.

По В. П. [Высочайшему повелению?] от

Кн. [неразборчиво] Долгорукова

для прочтения

27 июня

Общий обзор переселения крымских татар

Говорят переселяются Татары! – Такой отзыв мог бы подразумевать десятки, сотни, пожалуй, и тысячи татар: но здесь иное. Выходит народ, правда Татарский, но выходит целым племенем и в полном своем составе, т.е. с своими семействами, с своим движимым имуществом, с своими денежными капиталами, с своим духовенством, с своим купечеством, с своими ремеслами, искусствами, изделиями и, кто знает, не с целым ли своим дворянством.

Печальными последствиями этого движения будут неминуемо:

1. Совершенное опустение Крымского полуострова, ибо общее его население составляет 312 236 душ обоего пола, в числе которых 241 082 татар. Следственно останется около 1/5, и в числе этой пятой остающейся части заключаются мещане караимы и евреи, которых приблизительно можно считать до 20 тысяч, если не более. Затем, собственно рабочих, земледельцев считается до 40 тысяч, – относительно пространства земли цифра ничтожная.

(Л. 26 об.) и 2. Совершенный упадок сельского хозяйства и неминуемое разорение помещиков, рабочие силы которых, за исключением немногим, состояли в татарах, повинность коих определена законом.

Это весьма многое, но не в многих словах сказанное, касается расстройства благосостояния частного; но взглянем теперь на ущерб государственный и убыток общественный.

Чем заменятся те значительные (около 2-х миллионов) денежные и натуральные повинности, на счет которых содержалась губерния и значительная доля которых упадет на татар и ногайцев. Тут разумеется: содержание дорог вообще, и южного берега в особенности, содержание почтовых станций, доставка топлива, подвод для войска и проч.

Может ли существовать губерния без деревень, питающих ее города в том числе губернский; и кому горожане будут сбывать предметы своей торговли и промышленности со внутренними губерниями России по выходе народа, и не пострадает ли чрез это и самое благосостояние городов, уже полуопустевших, тем более что уже и (Л. 27) теперь многие купцы убавили количество продуктов, которыми промышляли, а некоторые отменили и самую поездку на предстоящие ярмарки?

Миллионы серебром (около 4 ½, сколь известно) приносили казне дохода соляные озера. Татары за ничтожную плату были усерднейшими и единственными добывателями соли, а притом и потребителями этого продукта в огромном количестве для себя и для своего скотоводства, теперь исчезающего. Скот вывозится в Турцию, или же перегоняется в соседние губернии Империи. Чем и кем все это заменится?

Кто снабдит города, как топливом и строевым лесом из лесов, растущих в горах, часто неприступных и достигаемых только горскими татарами по их ловкости, привычке и опытности, – равно всею деревянную посуду для хозяйства необходимою, а также колесами, осьми и прочими деревянными изделиями?

Кто станет делать простые татарские сукна, в особенности верблюжие, в которые одевается простой народ? Кто станет выделывать крымские превосходные сафьяны, бурки, войлоки? Прекрасные (Л. 27 об.) сырые и черные смушки должны исчезнуть вместе со стадами уже почти несуществующими. Где прекрасные металлические изделия Бахчисарая – ножи и тому подобные, где седла, арчаки и так далее.

Что сделается с двумя превосходными отраслями крымского скотоводства, верблюдами и буйволами, ухаживать за которыми умеют только татары? Где черепичные заводы и все горшочные изделия, для хозяйства необходимые, которыми Крым снабжался от татар? Наконец, где хлеб и сено, когда нет земледельца?

Народ татарский одевался постоянно в турецкие мануфактурные изделия, которые составляли огромную статью привозных товаров и соответственно ей доставляли правительству значительную сумму пошлин; в замене же этой статьи вывозились произведения русские со взысканием в

казну отпускных пошлин. Так как с опустошением края не для кого будет привозить и не от кого будет приобретать что-либо на вывоз, то оба эти источника государственного дохода должны будут иссякнуть.

(Л. 28) Цепь Крымских гор от Балаклавы до Феодосии простирается почти на 200 верст. Приморский скат этих гор покрыт виноградниками, а северный, с примыкающими к нему долинами Салгира, Альмы, Качи и Бельбека – виноградными и фруктовыми садами. Первые из них приносят 1 500 000 ведер вина, а последние, т.е. фруктовые сады (с яблокам и грушами), составляют богатую отрасль промышленности между Крымом и обеими нашими столицами, а также и многими внутренними губернскими городами. Спрашивается, какими средствами ухаживать и сохранить такое огромное насаждение, как не целыми населенными садовниками, которых имели в горских татарах, готовящихся также к выходу.

В случае необходимости двинуть в Крым войска, встретиться теперь затруднение провести в него и один даже батальон, по неимению по дороге (возьмем в пример путь от Перекопа до Симферополя) ни людей, ни деревень, ни подвод, ни хлеба, ни фуража, ни, наконец, воды. – Последняя добываемая из колодцев глубиною в 50 и более сажений, должна иссякнуть от засорения колодцев (Л. 28 об.) поддерживавшихся только трудами выселившихся татар.

Татар упрекают в двусмысленном их поведении во время Крымской войны. Но это могли быть случаи частные, вызванные, быть может, обстоятельствами, не от обвиняемых зависимыми. При том же, где тот народ, в среде которого не бывает людей неблагонамеренных, пользующихся случаями следовать своим дурным наклонностям?

Конечно не из татар состоят те огромные массы гнуснейших преступников, которыми наполнены остроги Империи. Но масса крымских татар во время войны вела себя примерно. С усердием истинных верноподданных исполняла она все упавшие в это время на ее долю повинности и безропотно перенесла все постигшие ее потери. Что касается татарского дворянства, то положение принятое им во время войны, частью с его единовержцами, заслуживает удивления. Ни один не поддавался обольщениям, которых не щадил неприятель. Есть примеры высшего рыцарского благородства и верности престолу, заслужившие удивления самого неприятеля. Впрочем, для крымских татар это не новое. Усердие их запечатлено их кровью и увечьями во время (Л. 29) Отечественной войны, в которую крымско-татарские полки в рядах Российской победоносной армии защищали Отечество и с российскими войсками спасли Европу.

Вышесказанные затруднения и неудобства, которым подвергается Крым чрез выход татар, составляют только само-малейшую часть тех, которые ему готовятся в будущем, и которые выходить наружу по мере представляющихся к тому случаев.

Государь Император, неисчерпаемый в своих милостях, изволил разрешить выдачу паспортов татарам, желающим отправиться в Турцию, – и только. Но последствий вышло два: выход татар и совершенное опустошение губернии. Последнего Государь не разрешил, а допустить оное без особого доклада Его Величеству и положительного на то Высочайшего разрешения, не следовало.

Татары, приведенные Батыем, живут здесь с начала XIII столетия, т. е. более 600 лет. С заперекопскими ногайцами было их всего более 300 тысяч обоюбого пола. Заменить такое население в столь короткое время, как думают, новыми обитателями, и притом христианами, есть мечта. – Прежде всего, (Л. 29 об.) спрашиваем, где казенные земли? Их кажется нет или очень мало, а помещичьи зависят от взаимных условий; следовательно, последнее есть вещь неопределенная. Спрашиваем еще, где люди, какие люди, когда они придут, куда придут; ибо приютов нет; а как при том вера есть единственное основание хорошей нравственности и благоустройства, то где храмы Божии, где церкви, которыми край должен покрыться, как прежде мечетями. Где сельские школы и прочие учреждения, предписываемые законом для благоустройства христианских селений в нашем отечестве? Выполнение такой программы требует не менее полувека и многих миллионов рублей, а откуда взять сии последние? Рассчитывать на капиталы самих пришельцев невозможно. Они сами будут нуждаться в пособиях, как тому имеем мы примеры в некоторых из немецких колонистов нашей губернии, коих льготы простираются до 100 лет.

Независимо от всего сказанного, представляющего материальную сторону дела, оно заключает в себе еще и одну немаловажную политическую несообразность или противоречие.

Удаление татар из Крыма, долженствующего (Л. 30) по всей справедливости считаться их отечеством, отторжение их от вековой своей оседлости и могил своих предков, есть для них, без сомнения, происшествие роковое, разрушившее навсегда их благосостояние.

Каким образом могло случиться, что подвергая такой участи целое племя находящихся в нашем подданстве единоверцев Турецкого Султана, мы у того же Султана, и в одно и то же время, домогаемся облег-

чения судьбы наших единоверцев в его подданстве состоящих, как это известно из ноты нашего министра иностранных дел и отзывов на нее французского и английского Кабинетов. Что скажет на это иностранная дипломатика? Не обратит ли она это нам в укоризну?

Сверх того требуя от Турции устранения резни христиан и кроткого с ними обращения, не сами ли мы усиливаем элемент этих жестокостей, подкрепляя его пятидесятитысячной массой людей, способных носить оружие, в числе которых более 30 000 человек цветущей молодости, готовой сесть на коня, и коих Турция теперь приобретает в переселившихся татарах.

ЛИТЕРАТУРА

- Водарский Я. Е., Елисеева О. И., Кабузан В. М.* Население Крыма в конце XVIII – конце XX веков (Численность, размещение, этнический состав). М., 2003.
- Маркевич А. И.* Переселение крымских татар в Турцию в связи с движением населения в Крыму // Известия АН СССР. Л., 1928.
- Тотлебен Э. И.* О выселении татар из Крыма в 1860 году // Русская старина. 1893. № 78 (июнь).
- Шильдер Н.* Граф Эдуард Иванович Тотлебен. Его жизнь и деятельность. Биографический очерк. Т. 2. СПб., 1886.

СОКРАЩЕНИЯ

- АДСВ – Античная древность и средние века
БИ – Боспорские исследования
БИАС – Бахчисарайский историко-археологический сборник
ВЕ – Вестник Европы
ВИ – Вопросы истории
ГАРК – Государственный архив Республики Крым
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ДДДИИ – Департамент духовных дел иностранных исповеданий
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ЗО – Золотоордынское обозрение
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
ИНК – Историческое наследие Крыма
ИТОИАЭ – Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИТУАК – Известия Таврической учёной архивной комиссии
КИО – Крымское историческое обозрение
КНП – Культура народов Причерноморья
КФУ – Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАР – Материалы по археологии России
МТиП – Министерство торговли и промышленности
НЛО – Новое литературное обозрение
ННИ – Новая и Новейшая история
ОдВО – Одесский военный округ
ОЗ – Отечественные записки
ОКоВ – Особая комиссия о вакуфах
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры
ПСЗРИ 1 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (СПб., 1830)
ПСЗРИ 2 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (СПб., 1830–1884)
ПСЗРИ 3 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (СПб., 1885–1916)

ПСР	– Партия социалистов-революционеров
РА	– Русский архив
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГИА	– Российский государственный исторический архив
РНБ	– Российская национальная библиотека
РС	– Русская старина
РСДРП	– Российская социал-демократическая рабочая партия
СИРИО	– Сборник Императорского русского исторического общества
СО	– Сын Отечества
СРН	– Союз русского народа
ТМДП	– Таврическое магометанское духовное правление
ТОКДП	– Таврическое и Одесское караимское духовное правление
ФЕ	– Французский ежегодник

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гринь Ирина Александровна, обучающаяся по программе бакалавриата «Филология», Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь).

Email: olg123123@mail.ru

Катюшин Александр Евгеньевич, научный сотрудник, Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь).

РИНЦ SPIN-код: 6190-2809.

Email: katiushinaleksander@gmail.com

Конкин Денис Валериевич, кандидат исторических наук, заведующий отделом новой истории Крыма, Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь).

РИНЦ SPIN-код: 6100-5080.

Email: denis_konkin@mail.ru

Прохоров Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь).

РИНЦ SPIN-код: 3196-5470.

Email: prohorov1da@yandex.ru

Третьякова Ангелина Олеговна, обучающаяся по программе бакалавриата «Филология», Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь).

Email: nikisance@mail.ru

Храпунов Никита Игоревич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь).

РИНЦ SPIN-код: 4438-4149.

Email: khrapunovn@mail.ru

Научное издание

Российская империя и Крым
под ред. Д. В. Конкина, Н. И. Храпунова

В оформлении обложки использована литография Карло Боссоли
«Общий вид Карасубазара» (1856 г.)

Не подлежит продаже

Подписано в печать 29.06.2020 г.
Формат 70x100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 33,8. Тираж 130 экз. Заказ № НИ/26

Издательский дом ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
295051, г. Симферополь, бул. Ленина 5/7

ISBN 978-5-9908084-8-5